

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

4

2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские
горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziologi.ru>

*Гарнитура MysIC.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.*

Подписано в печать 01.09.2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения), Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Аносов С.С.* Проблемные зоны гражданской активности в современной России 4
Кравченко А.И. Выбор профессии: концептуальные фреймы и эмпирические тренды... 22

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Малышев М.А.* Гендерная проблема в России и пути совершенствования трудового законодательства 52
Москвитина Н.В., Загвоздина М.Ю. Совершенствование государственной жилищной политики в Иркутской области 60
Тянь Сяюй. Социокультурные конфликты в процессе слияния и поглощения компаний (на примере китайских и российских транснациональных корпораций) 74
Филиппова И.А. Исследование уровня социальной напряжённости в трудовой сфере..... 83

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ардашев Р.Г.* Астрология в жизни россиян: особенности сознания..... 95
Зубова О.Г., Филиппова А.Г. Идеальные и реальные каникулы российских школьников: география детских путешествий по материалам сочинений 106
Ким А.С., Емельянов П.С. Конфликтогенность социальной идентичности в условиях постсоветского транзита 119
Петросян В.А. К вопросу об опыте Франции по социальному сопровождению людей с нарушениями интеллекта 126
Полышквич О.А. Социальное и личное пространство поколений 132
Синельников А.Б. Влияние демографической саморегуляции на воспроизводство и миграцию населения 149
Хугаева А.А., Гаглов А.Т. Политико-идеологическая идентификация современной молодежи: социологический анализ 165

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Ван Мо, Цун Линь.* Структура семьи и традиции семейных отношений в Китайской Народной республике в историко-социальном контексте 174
Васягина Т.Н., Шкарубо С.Н. Высшее образование как фактор реального формирования нового качества экономики и общества в эпоху «мыслящих машин» 181
Малых С.В. Формирование репутации регионального вуза (на примере ИГУ) 191

- Комбаев А.В.* Социальная структура и anomia в местах лишения свободы: способы социального приспособления осужденных в пенитенциарных учреждениях 197
Кузнецова Н.М. Организационная неопределенность как фактор восприятия организационной культуры вуза 205
Мартыненко Е.В., Серая Е.В. Современное искусство и его отображение в социальной сети ВК 215
Петросян В.А., Холостова Е.И. Социальная интеграция и социальная инклюзия при организации сопровождаемого проживания лиц инвалидностью 222
Тянь Сяюй. Возраст и стаж работы сотрудников как факторы возникновения организационных конфликтов 228
Чжан Лэй. Особенности управления социальной стабильностью китайского общества в условиях развития пандемии коронавируса 2019-нCoV 234

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Абдулаева З.Э.* Прогресс человека как проблема биоэтики. О роли философии..... 240
Баранова Л.М. Повседневность как место потребления..... 245
Богатырева Л.Г. Амбивалентность как особенность жизненного пути современной женщины 251
Вихман В.В. Феномен образования в интеллектуальных сетях 256
Клюев А.А., Суханова Е.В., Бакунов Г.М. Философия спасения Н.Ф. Фёдорова как источник идей по решению проблем эпохи антропоцена..... 263
Колотухин Д.В. Специфические черты социальной детерминации в современном обществе 272
Кононов С.В. Концептуальное осмысление феномена безопасности в западной философии 280
Мочалов Е.В., Емелькина И.В., Фурманова В.П. Архетип женственности и целомудрия..... 290
Музыка О.А. Конструктивистская интерпретация как теоретическая установка концепции инклюзии 297
Попов В.В. Феномен интерсубъективности в «принимающем» обществе 302

Проблемные зоны гражданской активности в современной России

Аносов Сергей Сергеевич

кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии Иркутского национально-исследовательского технического университета, ssanosov@mail.ru

В статье проводится теоретический анализ формирования проблемных зон гражданской активности в современной России, выделяются основные точки исследования гражданского общества, ключевые проблемы и их динамика за последние несколько лет. В качестве подтверждения рассуждений автора, приводятся результаты исследований ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр, ИС РАН о развитии институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская активность, современная Россия, институты гражданской активности

Гражданское общество исследуется с различных аналитических позиций, включая структурно-функциональную, институциональную, социокультурную и пр. Впрочем, чаще всего современные исследования, так или иначе, объединяют в себе различные парадигмы. Например, социокультурный подход, позволяющий рассматривать феномен гражданского общества в контексте, учитывающем базовые историко-культурные и этнокультурные основания данного явления, фактически описывает его с использованием категориального аппарата институциональной теории, и, разумеется, с референцией к функционалу, которым обладает гражданский сектор. Уже достаточно признанным в мировой науке является тезис о том, что социальные институты несут на себе черты исторической преемственности, являются чем-то «самособой-разумеющимся» для данного общества или выступают в известной степени чужеродным элементом, который приживается на местной почве с известными трудностями. Самые известные концептуализации этого видения были оформлены в теории «эффекта колеи» (*path dependence theory*) [19; 33] и теории «культурной зависимости» (*culture matters*) [5]. Гражданские институты точно таким же образом обусловлены предшествующим историко-культурным опытом сообщества, особенностями взаимного восприятия, и практикой взаимодействия общества и власти.

Гражданское общество рассматривается в качестве институционального и социокультурного феномена целым рядом исследователей [см., напр.: 3,4,6,8,12,16,18], однако, нас интересуют его аспекты, связанные, прежде всего, с объектом нашего исследования – социальной консолидацией.

Учитывая трехчастную структуру исследуемых нами факторов консолидации и деятельностный характер конъюнкции, нашей начальной посылкой, напомним, является та, что со стороны государства социальная солидарность реализуется в форме социальной политики, структурирующей определенные события-состояниями и действиями, их наполняющими; со стороны бизнеса – в форме социальной ответственности; со стороны общества – в виде гражданской активности. Причем, в случае граждан, их деятельность в направлении социальной конъюнкции является исключительно добровольной, никто не может принудить человека к гражданской активности – потому что нельзя принудить к равнодушию – и она носит здесь исключительно спонтанный, в смысле – совершенно свободный характер.

Саму по себе роль гражданского общества в современном социуме трудно переоценить. Гражданские институты опосредуют взаимоотношения индивида и власти, общества и государства, с одной стороны, формируя известный «буфер безопасности», а с другой – интерфейс взаимодействия, тот коммуникационный канал, который создает возможности обратной связи и позволяет как гражданам, так и государству быть услышанными друг другом, при наличии, естественно, проявленной воли и готовности к такой коммуникации. Как известно, всякий институт является естественным по своей природе, поскольку возникает для того, чтобы удовлетворить определенную потребность, однажды в обществе сформировавшись. В полной мере относится это и к институту гражданского общества, само появление которого связано с длительной исторической эволюцией, в ходе которой сложились соответствующие условия, способствовавшие его оформлению.

Естественно, что всякая идеальная модель должна выдерживать проверку реальностью. Относится это и к граж-

данскому обществу, которое в российских условиях приобретает достаточно своеобразные черты. Формирование институций гражданского общества в отечественном социуме часто встречает препятствия, связанные как с небольшой ценностью собственно гражданского активизма, так и с предпочтением социальной стабильности, которая граничит с социальной пассивностью [4]. При этих условиях гражданский активизм проявляется наиболее зримо, прежде всего, в ситуациях каких-то кризисов, связанных с прямыми угрозами жизни и здоровью, а также материальному обеспечению.

Формирование в России гражданского общества (в западном смысле) и сегодня остается еще не реализованной целью. И думается, что главной проблемой в этом вопросе является отсутствие ясных ориентиров, полное отсутствие и у власти, и у общества понимания того, каким это гражданское общество должно быть [3]. Одновременно, на наш взгляд, необходимо избегать чрезмерного противопоставления государства и гражданского общества.

Два субъекта общественных отношений должны находиться в постоянном динамическом балансе, который не допускает чрезмерного усиления одного за счет другого. Более того, гражданское общество в определенном смысле способно контролировать государство и его органы, через определенные механизмы управлять конкретными, ранее заданными процессами. Такими механизмами в определенном смысле могут быть политические партии, профессиональные союзы, некоммерческие неправительственные организации, национально-культурные и религиозные объединения, ассоциации и структуры общественного самоуправления и т. д. Государство обеспечивает необходимые условия развития гражданского общества и его институтов, детерминируя успешную деятельность его структур, обеспечивая соблюдение прав и свобод граждан [22].

Предельная цель социальной гармонии – это воспроизводство общества, ключевым условием которого выступает именно социальная консолидация. И последняя занимает серьезное место в исследованиях феномена гражданского общества. В частности, С.А. Басов в свое время предложил в качестве оптимальной такую «формулу» гражданского общества, которая включала бы «в качестве “ядра” отношения сотрудничества, над которыми надстраивается гражданское партнерство. Эта социальная конструкция заключается в “оболочку” ценностей и права» [6, с. 74]. Г.Б. Кошарная и Л.Т. Толубаева прямо поместили проблематику консолидации в контекст прикладного исследования гражданского общества и на основании анализа полученных данных сделали попытку выявить отношение россиян к таким «ценностям гражданского общества, как российское гражданство, соблюдение российских законов, консолидация общества, а также их мнение по поводу уровня консолидации современного российского общества» [15, с. 154].

Заметим, что по поводу структуры данного исследования сразу же возникают вопросы. Является ли гражданство и соблюдение законов «ценностями гражданского общества»? Не есть ли это государственные институции? Через *соблюдение законов* можно замерить правопослушность граждан. Через *отношение к гражданству* – лояльность к государственной власти (что очень близко к той же правопослушности). Значимы ли эти факторы для социальной консолидации? Это не вызывает никаких сомнений. Однако имеют ли они отношение к гражданскому обществу? На наш взгляд, очень опосредованное.

Как бы то ни было, исследователи утверждают, что влияние гражданского общества на уровень консолидации «различных социальных слоев и групп необходимо рассматривать через механизмы, расширяющие пространство свободы для гражданских инициатив. Среди них такие как: новые экономиче-

ские отношения, плюрализм форм собственности; появление различных общественных объединений; создание предпосылок для творческой самореализации личности; формирование системы местного самоуправления; развитие независимых средств массовой коммуникации; формирование юридической базы для гарантий свободы политических взглядов и др. Более того, для эффективного влияния механизмов гражданского общества на консолидацию его населения необходима относительная независимость от органов государственной власти различных общественных организаций, выполняющих посредническую роль между обществом и государством, но и сами общественные организации не должны подменять собой государственные органы. Последнее замечание выглядит, на наш взгляд, особо туманным, поскольку остается совершенно непонятным, каким образом общественные организации могут подменить собой госорганы [23].

Исследователи не поясняют этого, но подробно излагают свое видение конкретных механизмов воздействия гражданского общества на социальную консолидацию, среди которых важнейшими, по их мнению, являются: проявление демократических процессов в распределении власти, контроль за ее исполнением, участие рядовых граждан в политической жизни страны, наличие политической свободы человека, осуществление его права влиять на государственное управление. Авторы справедливо оговариваются, что такого рода цели можно осуществить только при условии, что данное общество уже является демократически устроенным, и его граждане принимают активное участие в его жизни, обеспечивая легитимность власти не пассивным ее принятием, а осознанным и выраженным отношением ко всем процессам общественной жизни. Впрочем, исследователи предостерегают и от опасности охлократии. Вместе с тем демократизация

общества невозможна без формирования сильной государственной власти, способной противостоять произволу толпы. Иными словами, в демократическом обществе должны быть представлены как сильная государственная власть, так и активное влияние граждан на нее через устойчивую систему демократических институтов, реализующих выборность высших органов власти, их ответственность и отчетность перед избирателями, сменяемость состава выборных государственных органов по истечении срока их полномочий [5].

Таким образом, в качестве наиболее существенного фактора определяется гражданская активность, возможность для граждан влиять на власть – то, что в зарубежной литературе называется «гражданская вовлеченность» (*civic engagement*) и «демократия участия» (*participatory democracy*). В сфере же экономических отношений эта возможность влияния присутствует в виде феномена *кодетерминации*.

Относительно цитируемого исследования, скажем, что, на наш взгляд, в принципе, разумные и обоснованные методологические предпосылки (о важности гражданского активизма, правовой защиты граждан, взаимной ответственности власти и общества и пр.), к сожалению, не привели в данном случае к таким же эмпирическим результатам. Задававшиеся в ходе исследования вопросы отличаются либо крайней размытостью формулировок («На Ваш взгляд, чем характеризуется современное российское общество?»), либо крайней прямолинейностью («Как Вы относитесь к закону?»). Не дает прямой возможности судить о степени консолидации общества и вопрос исследователей «Что лично для Вас означает быть гражданином России?». Из невнятных вопросов не могут следовать внятные выводы, что в итоге и подтвердилось: «Можно предположить, что в этих ответах проявилось то, что не все формы взаимодействия между гражданами и государством действуют в полной мере, оставляя ощущение разобщенности в

российском обществе, и выступают определенным противодействием консолидации общества» [15]. В общем, данное исследование является, на наш взгляд, пример того, как теоретические положения и эмпирические результаты живут в рамках одного исследовательского проекта (поддержанного, кстати, грантом РГНФ) отдельной жизнью.

О.Б. Молодов исследует социальную консолидацию уже в прямой связи с общественной активностью, придавая ей, в отличие от Г.Б. Кошарной, приоритетное значение. Ученый подчеркивает, что для России проблема консолидации общества особенно актуальна, поскольку наша страна является пример «многонационального и поликонфессионального государства, где социальные трансформации привели к возникновению множества социальных неравенств. В условиях новой реальности наряду с факторами, способствующими объединению интересов различных социальных слоев и групп, существуют и предпосылки для дальнейшего разобщения населения, в том числе на региональном уровне. Среди них важное место занимает низкая общественная (гражданская) активность и идентичность жителей региона» [18, с. 82].

Сразу заметим, что многонациональность и поликонфессиональность весьма слабо связаны с социальным неравенством, в то время как связь последнего с общественной активностью – более очевидна. Зато многонациональность и разнообразие конфессий хорошо связано с вопросами идентичности, но тогда, в чем проблема? Если идентичность «низка», многонациональность и поликонфессиональность не должны представлять проблему для социальной консолидации, каковой, очевидно, является именно «множество социальных неравенств», зачем-то спутанные с национальной, религиозной и идентификационной проблематикой.

О.Б. Молодов придает идентичности очень большое значение. На его взгляд, «...многонациональный и поликонфессиональный состав населения России,

увеличивающийся поток мигрантов, смена поколений и значительный разрыв между богатыми и бедными делают процесс формирования идентичности чрезвычайно сложным. Даже в «русском» и относительно стабильном регионе, каким является Вологодская область, формирование общегражданской идентичности не завершилось, сплочение населения ощущается только на уровне местного сообщества, а традиционная религия не обладает значительным консолидационным потенциалом. Сложные социально-экономические условия современной России не позволяют сформировать массовый средний класс, который должен стать основой стабильности и гражданского общества. Важным условием формирования гражданской активности должна стать поддержка социально ответственных граждан, которые бы чувствовали свою сопричастность ко всему, что происходит вокруг них, начиная с собственного двора и заканчивая страной в целом [18].

Существуют наиболее оптимальные типологии социального поведения, которые ведут именно к повышению уровня консолидации, а потому должны быть спроектированы и всячески поддерживаемы. Социально желаемые типы поведения нужно проектировать и внедрять, прежде всего – в молодежной среде, только тогда они станут повседневностью российского общества. Возможно, что в процессе постепенного вовлечения населения в активную социально-политическую деятельность у каждого гражданина появится стремление обладать высоким уровнем правосознания, консолидировать свои усилия для общественного участия. На данном этапе необходима целенаправленная работа по воспитанию гражданской активности и инициативности самих граждан, вовлечению их в реализацию социальных проектов с целью защиты интересов личности и общества.

Таким образом, автор в качестве едва ли не основной причины слабой социальной консолидации российского

общества называет отсутствие общегражданской идентичности, что обусловлено, по его мнению, такими факторами как: 1) многонациональность/поликонфессиональность, 2) мигранты, 3) смена поколений и 4) имущественное неравенство. Заметим, что первые три фактора включают процессы и явления, на которые или невозможно воздействовать вообще (многонациональность/поликонфессиональность, смена поколений), или воздействовать очень сложно (миграция). Фактор же экономического неравенства относится к более регулируемым социальным состояниям. Впрочем, выход из сложившегося положения вещей О.Б. Молодов усматривает в действиях, мало связанных с любым из указанных факторов, а именно – в «формировании гражданской активности» и «поддержке социально ответственных граждан». В общем, получается довольно странная логическая схема: консолидация российского общества является неудовлетворительной по причине неразвитой общегражданской идентичности, что обусловлено многонациональностью/поликонфессиональностью, притоком мигрантов, сменой поколений и значительным разрывом в доходах населения, но может быть преодолено за счет поощрения гражданской активности и социальной ответственности. Как гражданская активность может повлиять на смену поколений, поликонфессиональность, разрыв между богатыми и бедными или даже общую надэтническую идентичность, автор не уточняет.

Характерно, что ни Г.Б. Кошарная, проводившая исследование в Пензенской и Ульяновской областях, ни О.Б. Молодов, опирающийся на данные исследования, проведенного в Вологодской области, делают акцент на региональном измерении проблем социальной консолидации, но совершенно не упоминают опыт другого, достаточно близкого к указанным областям региона – Белгородчины, где программа социальной консолидации регионального сообщества осуществляется уже на

протяжении нескольких лет, с 2011 года¹.

Результаты проведенного О.Б. Молодовым исследования, показывают, что препятствиями во взаимодействии власти и общества являются все те же несформировавшаяся идентичность жителей области и невысокая гражданская активность. Однако в этом случае список оказался расширен за счет низкого уровня «институционального доверия к институтам» и неблагоприятной роли средств массовой информации. «Пассивность граждан приводит к ситуации, когда институты и механизмы общественного контроля создаются по инициативе органов государственной власти федерального и регионального уровней. Не способствует воспитанию инициативных граждан и деятельность СМИ, отдающих приоритет официальной информации и развлекательному контенту.

Заметим, что средства массовой информации, коль скоро они не являются идеологическими рупорами тех или иных политических структур, вряд ли должны нести воспитательную нагрузку, для этого существуют другие социальные институты. Вместе с тем, замечание о низком доверии макросоциальным структурам совершенно справедливо.

Не все исследователи полагают, что роль федеральной и региональной власти в развитии гражданского общества обусловлена, во-первых, «пассивностью» граждан, а, во-вторых, ограничивается производством своего рода «суррогатов» гражданских институций. Так, по мнению Ю.А. Александровой, «...именно политической властью, реализующей политику сохранения достигнутого баланса и расстановки сил, активно развивается в пространстве дискурса идея консолидации общественных и политических сил, усиления роли и значения демократических процедур. Данные вопросы не только не-

однократно озвучиваются в ходе различного рода встреч и совещаний, но и неизменно включаются в содержание посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ в качестве приоритетных» [1, с. 13].

Впрочем, стремясь, по всей видимости, остаться в пределах научной объективности, автор замечает: «...российской политической практике взаимодействия власти и общества в равной степени присущи как консолидационные, так и дезинтеграционные процессы. Многофакторность, полисубъектность, синкретичность современных отношений делают невозможным признание одних и непризнание других явлений. Определение характера взаимоотношений общественных и политических сил как абсолютно конгруэнтных, равно как и абсолютно несообразных друг другу представляется вряд ли правомерным. В практике сегодня существуют примеры, свидетельствующие и об учете общественного мнения в процессе выработки политических решений, и о его фактическом подчинении интересам государства» [1, с. 15].

По нашему мнению, автор заняла чрезвычайно гибкую позицию: есть и консолидация, и дезинтеграция, есть и совпадение политической повестки государства и общества, есть и рассогласование, есть и авторитаризм, есть и признание субъектности и значительной роли гражданского общества. На наш взгляд, что-то все-таки должно доминировать. Однако Ю.А. Александрова тонко обходит вопрос доминанты, резюмируя, что правы и критики, и апологеты сложившихся общественно-политических реалий – «в том, что описывают преимущественно одну из сторон сложного процесса формирования общественно-политических отношений, отличающегося сочетанием разнонаправленных и порой противоположных друг другу процессов» [1, с. 16].

¹ По инициативе губернатора Е.С. Савченко в 2011 г. была принята областная Стратегия «Формирование регионального солидарного

общества на 2011–2025 гг.». Утв. Постановлением Правительства Белгор. обл. от 24.11.2011 г. № 435-пп.

О.А. Кармадонов и Г.Д. Ковригина, рассматривая ресурсы социокультурной консолидации российского общества, уделяют значительное внимание роли гражданских инициатив в этом процессе. Исследователи приходят к выводу, что «...в сегодняшнем российском обществе востребована гражданская мобилизация, предполагающая активные партнерские отношения с государством, сопряженная с социальной ответственностью, подкрепленная непреходящей идеей социальной справедливости, ориентированная на консолидацию сообществ и социальное воспроизводство общества в целом» [13, с. 104]. Авторы, обращая внимание на ряд сомнительных и деструктивных явлений в сфере низовых инициатив (таких, как националистически или «внешнеполитически» ориентированные общественные организации и пр.), тем не менее, доказывают многочисленность примеров созидательной гражданской активности в современном российском обществе. К таковым они причисляют «...все общественные инициативы, ориентированные на защиту гражданских прав личности и сообществ и на формирование здоровых общественных отношений, соответствующих общепринятым нормам нравственности, морали и уважения других. К такого рода активизму относятся гражданские инициативы по пропаганде здорового образа жизни, сохранению культурного наследия и здоровой этнической самобытности, отстаиванию традиционных семейных ценностей, защите подрастающих поколений от деструктивных информационных воздействий, защите конструктивных норм общественных отношений» [13, с. 117]. Таким образом, исследователи, очевидно, отдают первенство именно конъюнктивным процессам, благодаря которым, возможно, отечественное общество все еще существует как целостное.

А.С. Петрова также вносит определенный вклад в исследование взаимоотношений российского общества и государства с точки зрения его результатов. Прежде всего, ученый настаивает

на необходимости «формирования такого типа политической культуры российского общества, который бы соответствовал политическому режиму современной России», и акцентирует внимание «на проблеме формирования гражданской культуры особого российского типа, которая бы соответствовала демократическому политическому режиму и сохранению сильной государственной власти», поскольку «государство реализует исторически сложившуюся функцию основного инициатора преобразований в России, данный политический институт также выступает главным субъектом формирования гражданской культуры особого российского типа» [21, с. 216].

Фактически, мы имеем здесь пример обоснования исключительной роли российского государства в формировании институтов гражданского общества с опорой на некие «исторически сложившиеся функции», указывает Р. В. Иванов [9,10]. По сути, это легитимация сформировавшегося в России политического режима с еще одной стороны – гражданского общества. Разумеется, последнее не должно находиться с государством в исключительно антагонистических отношениях, но и выводить последнее преимущественно из государственной инициативы также, на наш взгляд, по меньшей мере некорректно. В силу этого, выглядит вполне логичным, что автор использует для аргументации своей позиции доводы, относящиеся, скорее, к мифопоэтическому, нежели научному мышлению.

«Традиция сильной власти, – говорит А.С. Петрова, – издавна присуща российскому государству. Отмеченные многими исследователями традиционные характеристики российской политической культуры, такие как коллективизм, патернализм, этатизм, сформировавшиеся в результате развития российской государственности, прочно укоренились в общественном сознании населения и по сей день являются преобладающими социально-политическими установками россиян» [21, с. 217].

Это явная мифологизация. Коллективизм русского/российского народа современной России здесь, мягко говоря, сильно преувеличен. Впрочем, А.С. Петрова описывает гражданскую культуру нашего общества, будь она реальной, или проективной, в исключительно превосходных категориях, которые уже в силу своей пафосности, значительно теряют в своей научной убедительности: «Важнейшими характеристиками гражданской культуры особого российского типа являются взаимная ответственность власти и населения, наличие личной ответственности каждого гражданина за свой выбор и свое поведение, социальное доверие в обществе, осознание гражданами своей гражданской идентичности, патриотизм, высокий уровень правовой просвещенности граждан, осведомленность граждан о возможных способах своего политического участия, защиты своих интересов; стремление граждан к самоорганизации, эффективное взаимодействие и сотрудничество власти и общества, отлаженные механизмы обратной связи. Для ответа на вопрос о субъектах формирования гражданской культуры особого российского типа необходимо отметить тот факт, что создание гражданского общества "сверху" является исключительной особенностью России и связано с историческим развитием страны» [21, с. 218–219].

Заметим еще раз, что остается непонятным – реальные ли это характеристики, или автор описывает желательное, с ее точки зрения, состояние гражданской культуры российского общества? Если первое – то данное описание, на наш взгляд, имеет мало общего с реальностью. Если второе – то стремление наделить политические элиты ответственностью похвально, но с трудом реализуемо, как раз в силу «исторических традиций», среди которых такая ответственность, на наш взгляд, наблюдалась крайне редко. Не может не вызывать вопросов и столь откровенное стремление легитимизировать источник гражданского общества в России

«сверху». Это имеет место, но является ли это состояние не только желательным, а, прямо говоря, нормальным?

По общему мнению исследователей, гражданский активизм, безусловно, является одним из факторов, способствующих консолидации общества, и его дефицит вовсе не является исключительно российской проблемой. Граждане участвуют в общественных делах реже, менее квалифицированно, с меньшим энтузиазмом, в меньшем количестве мест и менее стабильно, чем требуется для здорового и динамичного демократического строя. Американцы могут и должны гордиться историческими достижениями своей конституционной демократии. Но наша демократия могла бы быть в лучшем состоянии. Хотя гражданская жизнь в некоторых параметрах остается прочной, и определенная часть граждан все еще проявляет активность, ... текущее состояние дел не может нас не беспокоить.

В работе с характерным названием «Демократический Феникс», опираясь на сравнительный межстрановой анализ, П. Норрис утверждает, что на смену обычным формам гражданской активности приходят новые типы гражданского участия, и нигде в мире гражданская активность не снизилась столь драматично, как в США. Норрис считает, что изменить ситуацию можно только за счет увеличения и совершенствования двух главных факторов, лежащих в основе социального капитала – социального доверия и «ассоциативного активизма» [34].

По мнению А.И. Андрущенко, сложные проблемы общества требуют активного участия широких слоев населения в их решении, однако, последнее само является проблемой, «...сущность которой состоит в наличии противоречия между потребностью социума в активных поведенческих стратегиях представителей различных социальных групп, слоев по преодолению негативных социальных последствий социально-экономических трансформаций, объедине-

ния усилий всего общества для обеспечения устойчивого его развития в соответствии с вызовами времени и отсутствием отработанных механизмов, обеспечивающих консолидацию социальных сил» [2, с. 49–50]. Исследователь определяет ряд негативных последствий, пережитых нашей страной трансформаций, которые затрудняют достижение социально-значимых целей. К таким препятствующим позитивному общественному развитию факторам ученый относит аспекты как социально-экономического, так и ценностного порядков: углубление социальной неоднородности общества, наличие неравенств, характерных для индустриального общества, появление новых неравенств, присущих трансформирующемуся социуму; изменения в системе социальных ценностей в связи с индивидуализацией, рационализацией социальных практик, развитием предпринимательской инициативы; утверждение альтернативных ценностей (постматериалистических, субкультурных); разрушение старой системы ценностей, неустойчивость и несформированность новой ценностной системы. Эти негативные тенденции ведут к усиливающейся социальной поляризации общества, противоборству определенных статусных групп и социальной пассивности других. Данные негативные явления в конечном итоге препятствуют консолидации общества.

Преимущественно негативно, с точки зрения значимости для консолидации общества, оценивают осуществленное в нашей стране «реформирование» и другие авторы. Более того, некоторые справедливо доказывают, что никакая подлинная консолидация нашего общества невозможна, пока не будут внятно и публично даны оценки этому «реформированию». Так, Б.Г. Столповский утверждает, что «попытаться достичь такого согласия возможно, трезво взвесив реалии современности, плюсы и минусы “радикальных реформ” от Ельцина до Путина и Медведева, т. е. перевода страны с преимущественно

промышленного и во многом социально ориентированного пути на неолиберальный заведомо асоциальный преимущественно сырьевой путь развития при гегемонизме олигархата, приведшего страну, в конечном счете, к частногосударственному авторитаризму» [24, с. 178].

На счет роли отечественной элиты Столповский имеет однозначное мнение: «Правящая элита ведет себя так, как будто ей нет никакого дела до каких-то “новых форм развития”. Представляется, что во всем новом ее страшит сама возможность подлинной основы модернизационных процессов – модернизации системы распределения результатов труда на началах справедливости» [24, с. 179]. Вторят этому видению и выводы авторов монографического исследования «Власть и консенсус: дискурсивно-символический анализ конъюнктивной роли российской элиты», которые, в частности, утверждают, что найти выход из сложившейся в нашем обществе ситуации можно, «...прежде всего – за счет расширения сегмента общества, вступающего в социальные договоренности с правящей элитой, и кристаллизации достаточно сложного и ригидного нормативно-ценностного каркаса общества. Данные возможности, однако, проблематизируются по причине действий правящей в российском обществе элиты, выступающей в качестве социального монополиста в формировании консенсуса, не желающей допускать действительный общественный контроль и инициировать действительный общественный диалог, ведущий к реальной социальной солидарности» [12, с. 189].

По мнению И.А. Халий и О.В. Аксеновой, П. А. Трескина [25; 26; 27; 28; 29] исследующих активность структур гражданского общества в части решения различных проблемных ситуаций общества, «Объединение организаций, так или иначе действующих в социальной сфере (и как направление, и как способ действий), дает возможность констатировать факт вовлеченности более трех

четвертей НКО в разрешение насущных социальных проблем. Это вполне соответствует реальной ситуации в современной России, где значительная часть россиян находится в категории бедных и беднейших слоев населения, что и определяет главенство социальной проблематики» [31, с. 225]. Напомним, что о факторе имущественного неравенства в связи с темой гражданского активизма говорили также О.Б. Молодов и А.И. Андрущенко. Таким образом, мы имеем здесь очевидное проявление факторного обусловливания или интерференции – активное присутствие аспектов социально-экономического неравенства в сфере деятельностной реализации социальной консолидации. НКО и шире – гражданское общество сосредотачивают свои усилия в направлении решения социальных проблем, связанных, прежде всего, с невозможностями полноценного существования определенных групп населения – дети-сироты, инвалиды, пожилые люди – по причине крайне неудовлетворительного материального благосостояния. В этом смысле, НКО, разумеется, работают на социальное воспроизводство, а значит – на консолидацию российского общества.

Одновременно, по мнению других авторов, формированию и развитию такой общественной активности препятствует ряд факторов, в частности – уровень «гражданской компетенции» россиян. Недостаточная зрелость гражданской культуры, доминирование государства во взаимодействии с гражданским обществом, неразвитость институтов гражданской социализации личности и социальных групп, низкий уровень гражданского самосознания – эти и другие обстоятельства обуславливают специфику гражданской компетентности во всех слоях российского общества.

Коль скоро речь заходит о «самосознании», значит, поднимается тема рефлексивного измерения гражданского общества, в частности, и социальной консолидации, в целом. Рефлексия со-

лидарности, напомним, формулировалась в качестве одной из наиболее желательных характеристик конъюнктивных процессов еще классиками (Конт, Дюркгейм) и является одной из активно исследуемых сторон социальной солидарности в современной науке. Заметим также, что тема рефлексивности как гражданских институций, так и социальной консолидации тесно пересекается с темой «субъектности» социальных процессов, развиваемой сегодня в рамках социальной науки, включая психологию. Выводы делаются не самые утешительные. В частности, В.И. Лепский говорит о «бессубъектности» российского общества на всех уровнях: «В первую очередь надо лечить главную болезнь России – бессубъектность развития. Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников модернизационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, социальные институты). Главные ее симптомы: блокировка рефлексии; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых хорошо обдуманых “прорывных” идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Указанные симптомы “грубо и зримо” проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти» [17 с. 152].

В свою очередь, О.В. Гаман-Голутвина делает выводы о том, что «...глубокий индифферентизм современной элиты к идее развития поистине катастрофичен, ибо именно эти группы в лице симбиоза высшей бюрократии и ведущих политико-финансовых кланов не только призваны быть субъектом стратегического целеполагания, но и де-факто являются единственно значимыми субъектами формирования ценностного поля общества. Между тем ... эти субъекты стратегически бессубъектны: для них характерна утрата стра-

тегической исторической и политической субъектности, а также глубокий индифферентизм к проблемам стратегии. Именно ослабление функции целеполагания в наибольшей мере подвергает эрозии элитарный статус руководящих групп» [8, с. 97–98].

Субъектность, разумеется, неотделима от возможности выбора, и выбор гражданственности является одним из наиболее серьезных. Как утверждает И.Н. Трофимова, «...гражданская компетентность выступает не только стабильной, но и динамичной характеристикой общества, а ее актуальность для России обусловлена необходимостью социального выбора определенной модели гражданской ответственности, адекватной как национальным традициям, так и потребностям современного развития» [30, с. 95].

Характерно, что гражданская компетентность, судя по аргументации исследователя, должна не только опираться на рефлексивные процессы, но и быть способна задать такой контекст общественных отношений, который эту рефлексивность делает одним из методологических инструментов гармонизации социальных связей, то есть, «...подразумевает способность снимать противоречия не радикальными насильственными методами, а путем конкуренции знаний, навыков, ценностей, комплексного видения проблемы, понятного и доступного для обсуждения большинству граждан» [30, с. 95].

Вместе с тем, отметим, что И.Н. Трофимова дает дискретную классификацию гражданской компетентности, в зависимости от перспективы, с которой к ней подходят. Так, по ее мнению, политическая элита рассматривает гражданскую компетентность, прежде всего, «как проявление доверия и законопослушания, основанного на низкой информированности и, скорее, иррациональном, чем осознанном поведении»

[30, с. 96]. «Иррациональное законопослушание» очевидным образом переключается с «лояльностью контр-Проросвещения», ограничивающей свободу и сочетающейся с архаичной преданностью.

В свою очередь, исследователи гражданского общества считают гражданскую компетентность своей прерогативой – в силу более конкретного знания и понимания социальных проблем. Между тем, гражданская компетенция – это во многом результат взаимодействия власти и общества, некоторое общее видение текущей ситуации, программа участия граждан в общественно-политической жизни страны [3;4;9;10;25;27;29]. Трудно не согласиться с исследователями в выводах о том, что, во-первых, отечественная власть воспринимает гражданскую компетентность как элемент гражданской культуры, направленной, преимущественно, на ее собственную легитимацию и поддержание лояльности к себе, пусть и «архаичной», со стороны общества, и, во-вторых, в том, что активисты гражданского сектора имеют склонность к гипостазированию, то есть, приданию самостоятельной ценности их деятельности и, соответственно, собственной квалификации в данной сфере. Проще говоря, власть рассматривает гражданскую компетентность в качестве одного из инструментов продолжения своего властного статуса, а гражданские активисты – в качестве одного из способов подтверждения своего статуса профессионального. В таком раскладе общественно общество, разумеется, несколько теряется, и мы фактически имеем здесь еще одну версию известного российского «бипартизма», в котором присутствуют государство и гражданский сектор (в другом варианте – бизнес¹), а само общество из этих отношений если и не исключено совсем, то,

¹ «Общество оказалось третьим лишним на пиру олигархов и бюрократии», – по выражению О.В. Гаман-Голутвиной [8].

по крайней мере, играет роль классического «статиста».

Необходимо сказать, что российское государство подкрепляет декларацию вполне материальными аргументами – через целевое финансирование гражданского сектора. Имеет смысл подчеркнуть, что до 2006 г. никакой поддержки российским НКО государство не оказывало вообще. 20 июля 2005 г. на заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека В.В. Путин заявил: «Мы понимаем, что [некоммерческие] организации нуждаются в поддержке. Давайте подумаем над формами решения этой проблемы». Начиная с 2006 г., в Федеральном бюджете РФ появляется строка «Субсидии на поддержку некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества». В 2006 г. государственная финансовая поддержка НКО в России составила 500 млн руб. За прошедшие 11 лет она выросла без малого в девять раз – до 4 млрд 316 млн руб. в 2017 г.¹

Гражданское общество, как известно, включает многие институции, но одна из его структур занимает особое положение. Это профессиональные союзы. Именно эти объединения выполняют роль гражданского сектора в наиболее классическом виде – действительно опосредуя собой отношения управляемых и управляющих, наемных работников и их руководителей, выступая, по сути, матричной основой гражданского общества вообще, которому чаще всего приписывается именно эта – буферная, медиаторная, посредническая, опосредующая и другие функции. Законченно выразил эту функциональность Ф. Шмиттер, который под гражданским

данским обществом понимал «...совокупность или систему самоорганизующихся медиаторных групп, относительно независимых от государственных и внегосударственных единиц производства, способных осуществлять коллективные акции по защите и достижению собственных интересов и не стремящихся при этом подменять ни государственные структуры, ни частных производителей или принимать на себя функции по управлению обществом в целом, но согласных действовать в рамках уже сложившихся «гражданских» или правовых норм» [32, с. 16]. Одновременно Шмиттер признает, что «...сами по себе медиаторные организации – необходимое, но недостаточное свидетельство существования ГО, ибо подобными организационными структурами могут манипулировать государственные или частные акторы или же они могут оказаться не более чем фасадом, прикрывающим деятельность социальных групп, стремящихся узурпировать власть легитимных государственных органов или «негражданскими» средствами осуществлять господство над другими социальными группами» [32, с. 17].

Таким образом очевидно, что гражданская активность россиян несет на себе черты историко-культурной преемственности, то есть, того исторического опыта, в котором наши соотечественники проявляли довольно зримое отчуждение от власти. Разумеется, данное обстоятельство было обусловлено формами государственного правления и особенностями социально-экономического и социально-политического устройства страны, в которой практически полное бесправие подавляющего большинства населения – крестьянского² – длилось вплоть до конца XIX

¹ Отчеты об исполнении федерального бюджета за 2006–2017 гг. [Электронный ресурс] // Федеральное казначейство (Казначейство России). – URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet/183/> (дата обращения: 07.06.2020).

² Крестьяне на 1913 г. составляли в Российской Империи 84,16 % населения. Грамотность всего населения России в 1897 г. составляла 21,1 %, среди крестьян она составляла 17 %. [Население России за 100 лет (1813–1913) : статистико-документальный справочник [Элек-

века. Вотчинная юстиция, мягко говоря – не тот инструмент, который нужен для формирования и развития партнерских отношений в рамках социальной стратификации.

Очевидное разочарование в результатах социальной трансформации не могло не обесценить и гражданскую активность, которая с высот перестроечного энтузиазма не просто опустилась до рутинного уровня, нормального для спокойного поступательного развития общества, а оказалась редуцирована до своих минимальных показателей, что подтверждается и данными различных социологических мониторингов. Активность граждан является достаточно постоянным объектом внимания ведущих российских аналитических центров (хотя, фокус ее исследования, как правило, несколько отличается).

Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за последние три года – с 2014 по 2017 гг. – доля россиян, имеющих опыт участия в деятельности общественных организаций, выросла с 16 до 25 % опрошенных, готовность участвовать в работе общественных организаций сегодня выражают 44 % (против 32 % в 2014 г.), особенно же вырос интерес россиян к членству в экологических (с 3 % в 2014 г. до 12 % в 2017 г.), национально-культурных (с 2 до 8 %) организациях и профсоюзах (с 4 до 9 %). Однако, судя по тем же данным, в каждый из приведенных типов общественных организаций, куда, помимо перечисленных, ВЦИОМ включил также правозащитные, религиозные организации и политические партии, абсолютное большинство опрошенных – в среднем 72 % – вступать либо не хотят, либо даже не задумывались об этом [7]. Это, впрочем, не помешало центру дать своему материалу торжествующее название «Работа общественных организаций в России: вовлеченность населения растет!».

Оптимистично воспринимает динамику гражданской активности и Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), по данным исследований которого уровень гражданской активности в России за последние 10 лет – с 2007 по 2017 гг. – увеличился на 10 %, а число добровольцев составило 5 %. По словам авторов доклада, «Это люди, которые ориентированы на улучшение собственной жизни или на помощь более слабым – инвалидам, детям, пожилым. Но если возникает ситуация, когда улучшению их жизни препятствуют какие-то вещи, они начинают с ними бороться. На политический протест способны лишь 15 % (из 5 % волонтеров), остальные – лояльны» [16].

Результаты исследований отражают, с одной стороны, усилия государства по развитию социальных НКО. С другой стороны – есть общественно значимые проблемные темы, которые приводят к самоорганизации самих граждан, например, тема обманутых дольщиков.

Различия активности обнаруживают себя, помимо прочего, в интенсивности и разнообразии общественно значимых мероприятий, в которых имеет возможность участвовать население. Чем населенный пункт масштабнее, тем большее число разного рода ассоциаций, организаций и общественных кампаний он предоставляет, расширяя, соответственно и возможности участия в таковых. «В этом отношении Москва может отличаться от провинции в 2–3 раза. В столице (и в меньшей степени в городах-миллионерах) по сравнению со страной в целом наблюдается другое качество общественной жизни. Здесь больше поводов для общения с другими людьми. При попытке оценить масштаб общественного участия строго в негосударственных добровольческих инициативах и организациях, в Москве этот показатель, по данным «Левада-Центра»,

тронный ресурс] // Институт Российской истории РАН. – СПб., 1995. – URL:

<http://istmat.info/node/30> (дата обращения: 07.06.2020).]

составит около 5 %, по стране же в целом лишь 2 % [16].

Вероятно, можно говорить, что в крупных мегаполисах постепенно появляется все больше оснований для позитивной солидарности, которая не основана на протесте, недовольстве, невозможности терпеть невыносимые условия существования. Коллективная деятельность, целью которой являются сами отношения между людьми, радость от общения, является поводом для образования новых общественных связей, которые могут быть использованы в случае беды или чрезвычайной ситуации. Сама ситуация «беды» или противоборства устойчивые связи между людьми, видимо, не создает. Решение проблемы часто означает распад наскоро сложившегося сообщества.

Таким образом, негативная консолидация возможна, но недолговечна, те связи, что возникают в горизонтальном потоке социальной конъюнкции не демонстрируют устойчивую динамику, если не подкреплены какими-то позитивными переживаниями и эмоциями. Очевидно, что мы вновь встречаем здесь описанный нами феномен факторной обусловленности, или интерференции – в данном случае сфера гражданской активности явным образом испытывает «возмущения» со стороны факторов социально-психологического порядка, будь это позитивное эмоциональное подкрепление социальной конъюнкции, будь это специфика гражданского активизма, демонстрирующего невысокий уровень в том числе по причинам, связанным с чувствами отчуждения и небольшой собственной значимости.

Наглядным образом проявляется последнее в исследованиях того же «Левада-Центра». Из опрошенных центром в апреле 2016 г. россиян на вопрос «Как бы вы определили свое собственное положение в нашем государстве?», 31 % респондентов выбрали вариант «Человек, который живет, полагаясь во всем только на себя, не задумываясь о гражданских правах и не рассчитывая

на государство»; 25 % выбрали вариант «Человек, жизнь которого во всем зависит от власти, от государства»; 21 % – «Не могу чувствовать себя полноценным гражданином, поскольку мои права слишком часто нарушаются». Только 18 % считают, что соответствуют определению «Полноправный гражданин России, имеющий возможность влиять на власти через выборы, печать». 6 % затруднились ответить [16].

На наш взгляд, такие события-состояния как доминирующее нежелание наших соотечественников вступать в ряды каких-либо общественных организаций, проявлять какую-либо общественную активность и особенности восприятия своей значимости перед лицом своего же государства если и не сводят на нет все увеличения гражданского участия, о которых рапортует ряд ведущих аналитических центров, то, по крайней мере, не позволяют их воспринимать в качестве действительно серьезных и релевантных трендов общественного развития. Более того, это избегание гражданской активности и членства в организациях «третьего сектора» носит долговременный и устойчивый характер в нашей стране.

Для большинства людей, ведущих каждодневную борьбу за экономическое благосостояние или даже выживание, гражданская активность выглядела если не роскошью, то, по крайней мере, непозволительной тратой времени и личностных ресурсов. Очевидно, что за прошедшие два с лишним десятка лет ситуация в этой сфере практически не изменилась. Как следует из данных прикладных исследований, в которых принимал участие автор, в гражданскую активность вовлечены люди, руководимые лучшими побуждениями, высоко мотивированные надличностными целями, ориентированные на своего рода социальное служение [22\$ 23], но позволить себе эту реализацию своего гражданского неравнодушия могут далеко не все.

Таким образом, гражданский сектор как сфера деятельностной реализации

социальной солидарности в нашей стране отличается противоречивыми характеристиками. С одной стороны, гражданское общество постулировано в качестве субъекта социальных договоренностей с самим государством, и последнее не только занимается учреждением и распространением гражданских институций «сверху», но и достаточно активно поддерживает общественные организации, «реализующие социально значимые проекты», и участвующие «в развитии институтов гражданского общества» через целевое финансирование. С другой стороны, степень доверия к гражданским институциям, включая профсоюзы, со стороны общества остается крайне низкой, как и собственно гражданская активность, включая членство в некоммерческих организациях «третьего сектора» и участие в общественно значимых мероприятиях. Тем самым, можно говорить о своего рода бипартизме с третьим сектором, при котором государство входит в альянс с гражданским обществом в лице его конкретных структур, в том числе – созданных самим государством, декларирует общие цели, и в определенной степени обеспечивает их реализацию. Вопрос «Выступает ли бенефициаром этих соглашений собственно общество?» является дискуссионным.

Также в данной сфере реализации социальной солидарности явным образом обнаруживает себя взаимное факторное обусловливание, при котором гражданская активность испытывает воздействие со стороны факторов социально-экономического и социально-психологического порядков. Первый редуцирует социальную консолидацию за счет резкого имущественного расслоения, во-первых, не позволяющего гражданам солидаризироваться с другими, отличающимися от них экономическим статусом социальными группами и сегментами, и, во-вторых, обуславливающего поиск дополнительных источников доходов, что требует временных и личностных ресурсов человека, отнимая

их, соответственно, у вероятной гражданской активности. Социально-психологические аспекты, в свою очередь, во-первых, обуславливают комплекс психологического состояния индивида и общества, при котором особенности восприятия себя и своего места в социуме создают ощущение малой ценности любой общественно-значимой деятельности, и, во-вторых, формируют и поддерживают чувства отчуждения и недоверия по отношению как к такой деятельности, так и к самим организациям гражданского сектора. Сформировавшаяся в результате воздействия социально-экономических и социально-психологических факторов незначительная гражданская активность россиян является одним из наиболее убедительных индикаторов низкой степени равнодушия наших сограждан друг к другу, другими словами – указывает на неудовлетворительный уровень социальной консолидации российского общества.

Литература

1. Александрова Ю.А. Общественно-политические отношения в современной России: к вопросу об оценке степени консолидации и дезинтеграции // Вестник Поволжского института управления. 2017 Т. 17. № 2. С. 11–16.
2. Андрущенко А.И. Социальная логистика: инновационный механизм управления процессом консолидации общества // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 48–54.
3. Аносов С.С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.
4. Аносов С.С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия ИГУ. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
5. Ахиезер А.С. Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 24–34.
6. Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск

смысла // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 74–82.

7. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Пресс-выпуск № 3523. «Работа общественных организаций в России: вовлеченность населения растет!» [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116556> (дата обращения: 07.06.2020).

8. Гаман-Голутвина О.В. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние / О.В. Гаман-Голутвина // Власть и элиты в российской трансформации : сб. науч. ст. / под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2005. – С. 94–109.

9. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. №3.

10. Иванов Р.В. Пространства для социальной реализации современников // Социология. 2019. №2. С.34-38

11. Карелина М.В. Региональные профсоюзы в социальном диалоге // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 62–70.

12. Кармадонов О.А. и др. Власть и консенсус: дискурсивно-символический анализ конъюнктивной роли российской элиты. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 203 с.

13. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Ресурсы социокультурной консолидации российского общества. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 184 с.

14. Козырева Л.Д. Проблемы формирования и развития институтов гражданского общества в современной России // Социология. 2019. №6. С. 4-12.

15. Кошарная Г.Б., Толубаева Л.Т. Гражданское общество как фактор реализации консолидационных процессов российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 154–162.

16. Ладилова Е., Рожкова Н. Гражданское общество в России подросло на 10 %. ЭИСИ оценил итоги развития добровольческого движения в стране [Электронный ресурс] // Известия. 2017.

URL: <https://iz.ru/619941/tekst-rozhkovi> (дата обращения: 07.06.2020).

17. Лепский В.Е. Стратегические рефлексивные игры – социогуманитарные технологии сборки субъектов развития // Рефлексивные процессы и управление : сб. мат-лов VIII Междунар. симпозиума 18–19 октября 2011 г., Москва / под ред. В.Е. Лепского. М. : «Когито-Центр», 2011. С. 152–159.

18. Молодов О.Б. Проблемы развития гражданского общества на региональном уровне // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 6 (86). С. 132–146.

19. Нуреев Р.М. Россия после кризиса – эффект колеи // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 2. С. 7–26.

20. Общественное мнение – 2016. Ежегодник [Электронный ресурс]. М. : Левада-Центр, 2017. 272 с. – URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2016/> (дата обращения: 07.06.2020).

21. Петрова А.С. Роль государства в формировании гражданской культуры современного российского общества // Управленческое консультирование. 2015. № 6. С. 216–221.

22. Полюшкевич О.А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2018. №4. С. 143-150.

23. Полюшкевич О.А. Повседневность публичного пространства Иркутска: социальная активность горожан // Социология. 2020. №2. С. 299-306.

24. Столповский Б.Г. Профсоюзы России и возможность достижения стратегического согласия // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / отв. ред. О.М. Михайленок. М. : Ин-т социологии РАН, 2011. С. 166–179.

25. Трескин П.А. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций Байкальского региона // Вестник ТОГУ. 2017. №4. С. 345-354.

26. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №64. С. 263-277.

27. Трескин П.А. Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве Байкальского региона // Социология. 2018. № 2. С. 131-137.

28. Трескин П.А. Уровень доверия населения Байкальского региона к деятельности общественных организаций // Социология. 2019. № 1. С. 163-167.

29. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352-358.

30. Трофимова И.Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68–75.

31. Халий И.А., Аксенова О.В. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов / Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М. : Новый хронограф, 2010. С. 222–249.

32. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии // ПОЛИС. 1996. № 5. С. 16–27.

33. David P. Why are Institutions the «Carriers of History»? Path Dependence and the Evolution of Conventions, Organizations and Institutions // Structural Change and Economic Dynamics 1994. Vol. 5. № 2. P. 205–220.

34. Norris P. Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism / P. Norris. New York : Cambridge University Press, 2002. 308 p.

Problematic areas of civic activity in modern Russia
Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University
The article provides a theoretical analysis of the formation of problem areas of civic activity in modern Russia, highlights the main points of research on civil society, key problems and their dynamics over the past few years. As a confirmation of the author's reasoning, the

results of research by VTsIOM, FOM, Levada Center, IS RAS on the development of civil society institutions in the Russian Federation are presented.

Keywords: civil society, civic engagement, modern Russia, civic engagement institutions

References

1. Alexandrova Yu.A. Social and political relations in modern Russia: on the issue of assessing the degree of consolidation and disintegration // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2017 T. 17. No. 2. P. 11–16.
2. Andryushchenko A.I. Social logistics: an innovative mechanism for managing the process of consolidation of society // Sociological Almanac. 2012. No. 3. P. 48–54.
3. Anosov S.S. Features of civil initiatives in the cities of the Irkutsk region // Urban studies. 2017. No. 4. P. 63–69.
4. Anosov S.S. Regional conditions of social activity of civil initiatives // Izvestia IGU. Series Political Science. Religious studies. 2018. Vol. 23, pp. 47–54.
5. Akhiezer A.S. Monologization and dialogization of management (the experience of Russian history) // Social sciences and modernity. 2004. No. 2. P. 24–34.
6. Basov S.A. Civil society and civil relations: the search for meaning // Sociological studies. 2012. No. 2. P. 74–82.
7. All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). Press release No. 3523. "The work of public organizations in Russia: population engagement is growing!" [Electronic resource]. - URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116556> (date accessed: 07.06.2020).
8. Gaman-Golutvina O.V. The problem of the subject of modernization in Russia: historical and conceptual aspects and the current state / O.V. Gaman-Golutvina // Power and elites in the Russian transformation: collection of articles. scientific. Art. / ed. A.V. Dookie. - SPb., 2005. - S. 94-109.
9. Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk // Sociology. 2020. No. 3.
10. Ivanov R.V. Spaces for the social realization of contemporaries // Sociology. 2019. No. 2. Pp. 34-38
11. Karelina M.V. Regional trade unions in social dialogue // Sociological research. 2005. No. 3. P. 62–70.

12. Karmadonov O.A. etc. Power and consensus: a discursive-symbolic analysis of the conjunctive role of the Russian elite. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2015.203 p.
13. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. Resources for the socio-cultural consolidation of Russian society. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2017.184 p.
14. Kozyreva L. D. Problems of Formation and Development of Civil Society Institutions in Modern Russia // *Sociology*. 2019. No. 6. S. 4-12.
15. Kosharnaya G.B., Tolubaeva L.T. Civil society as a factor in the implementation of the consolidation processes of the Russian society // *News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2015. No. 2 (34). S. 154-162.
16. Ladilova E., Rozhkova N. Civil society in Russia has grown by 10%. EISS assessed the results of the development of the volunteer movement in the country [Electronic resource] // *Izvestia*. 2017. URL: <https://iz.ru/619941/tekst-rozhkovoi> (date of access: 07.06.2020).
17. Lepskiy V.E. Strategic reflexive games - socio-humanitarian technologies for assembling subjects of development // *Reflexive processes and management: collection of articles. materials of the VIII Intern. Symposium October 18-19, 2011, Moscow / ed. V.E. Lepsky. M.: "Kogito-Center", 2011. S. 152-159.*
18. Molodov O.B. Problems of Civil Society Development at the Regional Level // *Problems of Territory Development*. 2016. Issue. 6 (86). S. 132-146.
19. Nureyev R.M. Russia after the crisis - the rut effect // *Journal of Institutional Studies (Journal of Institutional Research)*. 2010. T. 2. No. 2. P. 7–26.
20. Public opinion - 2016. Yearbook [Electronic resource]. M.: Levada-Center, 2017.272 p. - URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhe-stvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2016/> (date of access: 07.06.2020).
21. Petrova A.S. The role of the state in the formation of civil culture of modern Russian society // *Management consulting*. 2015. No. 6. P. 216–221.
22. Polyushkevich O.A. Creativity and openness of the public space of Irkutsk // *Sociology*. 2018. No. 4. S. 143-150.
23. Polyushkevich O.A. Everyday life of the public space of Irkutsk: social activity of the townspeople // *Sociology*. 2020. No. 2. S. 299-306.
24. Stolpovsky B.G. Trade unions of Russia and the possibility of achieving strategic agreement // *Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects) / otv. ed. O. M. Mikhailenok. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2011. P. 166–179.*
25. Treskin P.A. Intersectoral interaction of non-profit organizations of the Baikal region // *Vestnik PNU*. 2017. No. 4. S. 345-354.
26. Treskin P.A. Public organizations as social capital of the region // *Public administration. Electronic bulletin*. 2017. No. 64. S. 263-277.
27. Treskin P.A. The role of non-profit organizations in the socio-political space of the Baikal region // *Sociology*. 2018.No. 2.P. 131-137.
28. Treskin P.A. The level of trust of the population of the Baikal region to the activities of public organizations // *Sociology*. 2019.No. 1.P. 163-167.
29. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // *Sociology*. 2020. No. 1. S. 352-358.
30. Trofimova I.N. The structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society // *Sociological studies*. 2017. No. 5. P. 68–75.
31. Haliy I.A., Aksenova O.V. Activity of civil society structures: focus on the interaction of social actors / *Social factors of consolidation of Russian society: sociological dimension. M.: New Chronograph, 2010. S. 222–249.*
32. Schmitter F. Reflections on civil society and the consolidation of democracy // *POLIS*. 1996. No. 5. P. 16–27.
33. David P. Why are Institutions the "Carriers of History"? Path Dependence and the Evolution of Conventions, Organizations and Institutions // *Structural Change and Economic Dynamics* 1994. Vol. 5. No. 2. P. 205–220.
34. Norris P. *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism / P. Norris*. New York: Cambridge University Press, 2002.308 p.

Выбор профессии: концептуальные фреймы и эмпирические тренды

Кравченко Альберт Иванович

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

В отечественной социологии различают два явления — выбор профессии и профессиональный подбор. Выбор профессии — стихийный индивидуальный процесс поиска рабочего места, характеристики которого соответствовали бы характеристикам личности (склонностям, темпераменту, социальному статусу, месту жительства и т.д.). Профессиональный подбор — целенаправленный отбор одного кандидата среди нескольких претендентов на свободную вакансию, который осуществляется специалистом — сотрудником организации, на основе списка требований, характеризующих данное рабочее место. Социологи нередко пользовались определением, которое предложили психологи. Согласно точке зрения последних, профессиональный подбор — это «процесс выбора из группы кандидатов на определенную должность тех лиц, от которых можно ожидать с наибольшей вероятностью успешного выполнения данной работы»¹.

Ключевые слова: выбор профессии, труд, работа, мотивация, профессиональный отбор, социология, психология.

Определимся с понятиями

На разных этапах развития человечества виды труда закреплялись за членами общества по-разному и лишь в рыночном обществе, т.е. при капитализме, способ закрепления труда за производителями приобретает характер выбора профессии².

Известно, что родителей не выбирают, хотя над выбором профессии люди задумываются уже на протяжении многих тысячелетий. Самое удивительное заключается в том, что в этой области чужие советы практически ничем не помогают. Каждый должен пройти путь профессионального выбора на собственном опыте, пробуя и ошибаясь, мучаясь, сомневаясь и очаровываясь. Выбор профессии для мужчины порой представляется более важным шагом, чем выбор жены. Хотя и женщины подходят сегодня к такому выбору гораздо более ответственно, чем прежде. Правильный выбор профессии — считай, половина успеха в жизни. Легче бывает развестись с женой и найти себе новую, о чем свидетельствует неутешительная статистика разводов, чем сменить профессию. Оно и понятно: для перемены рода деятельности надо заново учиться или переучиваться, заканчивать вуз, поступить в который — при нынешних условиях — почти нереально. А для смены спутника жизни достаточно сходить в загс, подписать нужные документы и поделить имущество.

¹ Экспериментальная психология. М., 1963. Т. 2. с.879.

² Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975. с.2.

Социологу всегда интересно знать, как человек выбрал профессию: шел по стопам родителей, выбрал институт, где был наименьший конкурс или, наоборот, поступал в престижный вуз. Если не удалось пройти конкурс с первого раза, то поступал ли в тот же институт еще раз. Или решил гибко подойти к решению проблемы, не ломать копыта о неприступную стену и выбрать ту же специальность, но в другом учебном заведении. А может, вообще, после неудачи решил не рисковать и перекинулся на другую профессию.

Если производительность труда правильно избравшего профессию и выполняющего работу с желанием принять за 100%, то у человека, охотно работающего, но неправильно избравшего профессию, она будет равняться 50%, а у работающего без желания, да к тому же еще и неправильно избравшего профессию, — 30%¹.

Углубление общественного разделения труда увеличивает количество специальностей (число которых сегодня доходит до 40-50 тыс.) и усложняет проблему выбора профессии. Перед человеком, попавшим на рынок труда, открывается широкий выбор сфер профессиональной занятости. Не все они открыты в равной мере, большинство требуют наличия определенных способностей и навыков, которыми индивид не обладает, либо трудового опыта, который он еще не имеет. Ряд профессий недоступен в силу их клановой закрытости, т.е. монополии на определенный вид деятельности со стороны разветвленной системы родства или профессиональной корпорации. Немаловажную роль играют социокультурные и исторические условия. Каждое общество характеризуют присущие только ему уровни специализации труда и каналы трудовой мобильности, формирующие пространство возможных альтернатив.

Выбор профессии — не только личное, но и общественное дело. В любом случае это сознательное действие, целерациональный выбор, на который, тем не менее, влияют и такие факторы, которые не поддаются рациональному учету, но определяются действием конъюнктуры или случайного стечения обстоятельств. В частности, Т. Уотсон считает, что решение стать танцовщицей стриптиза «спонтанно, нерационально, случайно и основано на ситуативном давлении и обстоятельствах»². Важность столь ответственного шага определяется тем, что выбор профессии задает будущую диаграмму жизненного пути: статус, заработок, социальное окружение и круг знакомых, досуг, место жительства, образ жизни.

Выбора профессии — это всегда мотивированное действие. Из множества альтернатив человек останавливается на одной, видимо, самой привлекательной. В терминах теории ожиданий В. Врума³, для любого человека в каждый период времени различные профессии обладают различной степенью привлекательности, или валентности. Согласно одной из гипотез, валентность профессии есть монотонно возрастающая функция от алгебраической суммы произведений валентностей ожидаемых результатов (целей жизни, например, высокого социального положения) и полезности этой профессии для достижения таких целей. Иными словами, чем выше цели в жизни ставит индивид, тем выше требования к будущей профессии. Если он стремится стать знаменитым писателем, то специальность столяра и ПТУ ему никак не подойдут.

Конечно, одного желания занять высокую позицию недостаточно. Важно и то, верит ли в свои силы человек, насколько сильна мотивация добиваться поставленной цели. Вторая гипотеза

¹ Труд как первая жизненная потребность. Минск, 1987. с.43

² Watson T. J. Sociology, Work and Industry. New York, 1995. P. 217.

³ Vroom V. H. Motivation in Management. N.Y., 1965.

теза теории В. Врума гласит: сила, побуждающая индивида выбрать ту или иную профессию, есть монотонно возрастающая функция от произведения валентности (значимости) этой профессии и его ожидания относительно вероятности ее достичь. Многие стремятся быть юристами, но понимают, что шансов у них не так много — то ли не хватает знаний или способностей, то ли недостаточно высокое социальное положение или доход семья. Валентность профессии юриста для таких людей высока, но ожидания, уверенность в ее достижении низки, поэтому они предпочитают выбрать другую, более доступную профессию.

Многие стремятся быть юристами, но понимают, что шансов у них не так много — то ли не хватает знаний или способностей, то ли недостаточно высокое социальное положение или доход семья. Валентность профессии юриста для таких людей высока, но ожидания, уверенность в ее достижении низки, поэтому они предпочитают выбрать другую, более доступную профессию. Гораздо в меньшей степени люди стремятся заниматься ремонтом машин, хотя условий у них может быть предостаточно, в том числе унаследованная от отца мастерская. Специальность автослесаря можно приобрести, не прикладывая особых усилий, но она непривлекательна, т.е. имеет низкую валентность. Таким образом, конечный выбор профессии — это мультипликативное соотношение двух или нескольких переменных, когда одна стремится к нулю, а другие занимают промежуточные позиции на шкале от 1 до 0.

Выбор профессии является попыткой реализации ощущения собственного «Я». Стремление к профессиональным успехам и связанные с ним ожидания также зависят от самооценки. Подростки, которые поставили перед собой определенные профессиональные цели, имеют более высокую самооценку, чем те, у кого таких целей нет.

Молодость — это время, наиболее благоприятное для выбора профессии и

супруга. Прежде чем найти себя и закрепиться в профессии, молодежь должна многое испробовать. Именно поэтому она часто меняет работу и сексуальных партнеров. Выбор ограничивается, если материальное положение молодого человека (либо родителей) затруднительное. Ему приходится бороться за первое попавшееся место, но не супруга. В этом случае средний возраст вступления в брак увеличивается. Когда экономическая ситуация в стране благоприятна, безработица невысока, а численность вступающей в трудоспособный возраст молодежи мала, рабочие успевают перепробовать профессии за более короткое время и раньше закрепиться на рабочем месте. Если безработица велика, закрепление происходит позже. Молодые рабочие Америки сегодня дольше остаются молодыми. Им труднее найти работу, у них выше среднего возраст первого брака и средний возраст родителей первого ребенка.

Выбор профессии многие специалисты рекомендуют представлять в виде равнобедренного треугольника, стороны которого — такие понятия, как «я могу», «я хочу» и «надо».

«Хочу» — это интересы и склонности личности, которые могут проявляться уже в самом раннем возрасте (внимание, родители!), например, склонность к работе с людьми, техникой, природой и т. д.

«Могу» — это способности человека к освоению и выполнению определенной профессиональной деятельности. Причем, выполнению быстрому и качественному.

«Надо» — это, так сказать, социальный заказ, то есть потребность общества в людях определенных специальностей, спрос.

Как вы уже догадались, человек будет удовлетворен только в том случае, если ему удастся соединить все эти стороны в стройную геометрическую конструкцию. Причем, желательно, чтобы стороны были действительно равны друг другу.

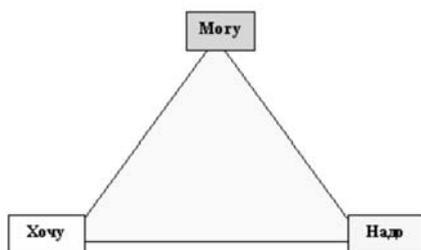

Рис. 1. Треугольник профессионального выбора

Профессиональный выбор, согласно мнению Е.И. Головахи¹, в отличие от профессионального самоопределения – «это решение, затрагивающее лишь ближайшую жизненную перспективу школьника», который может быть осуществлен как с учетом, так и без учета отдельных последствий принятого решения» и в «в последнем случае выбор профессии как достаточно конкретный жизненный план не будет опосредован отдельными жизненными целями. Дж. Сьюпер, считает, в течение жизни (карьеры) человек вынужден совершать множество выборов (сама карьера рассматривается как «чередующиеся выборы»). По мнению Е.А. Климova², выбор профессии — это отдельный выбор трудового, жизненного пути, состоящий из некоей цепочки взаимосвязанных шагов.

Профессиональный выбор и отбор

В отечественной социологии различались два явления — выбор профессии и профессиональный подбор. *Выбор профессии* — стихийный индивидуальный процесс поиска рабочего места, характеристики которого соответствовали бы характеристикам личности

¹ Головаха Е.М. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.

(склонностям, темпераменту, социальному статусу, месту жительства и т.д.). *Профессиональный подбор* — целенаправленный отбор одного кандидата среди нескольких претендентов на свободную вакансию, который осуществляется специалистом — сотрудником организации, на основе списка требований, характеризующих данное рабочее место. Социологи нередко пользовались определением, которое предложили психологи. Согласно точке зрения последних, профессиональный подбор — это «процесс выбора из группы кандидатов на определенную должность тех лиц, от которых можно ожидать с наибольшей вероятностью успешного выполнения данной работы»³.

Проблема профессионального отбора специалистов, сформировавшаяся на стыке физиологии, психологии, психофизиологии, социологии, педагогики, медицины, математической статистики, относится к ряду крупных научно-практических отраслей, связанных с всесторонним учетом физических, физиологических, психологических и психофизиологических особенностей и возможностей (ограничений) подростка, желающего «вписаться» в систему общественного производства.

Условно различают следующие виды профессионального отбора: медицинский, социально-психологический, образовательный и психофизиологический. Среди них психофизиологический отбор занимает особое место. Это связано с тем, что психофизиологические исследования позволяют достаточно быстро и объективно измерять большое число психофизиологических свойств, выявлять глубокую и тонкую структуру индивидуальных особенностей личности, детерминированных физиологическими системами организма, прежде всего центральной нервной системой.

² Климов Е.А. Как выбирать профессию. М., 1990; Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие. М., 1996.

³ Экспериментальная психология. М., 1963. Т. 2. с.879

Психофизиологические характеристики человека могут количественно выражать профессионально важные качества и для многих профессий обладают достаточно высокой прогностичностью¹.

Профессиональный отбор — это процесс, с помощью которого предприятие или организация выбирает из числа кандидатов одного или нескольких, наилучшим образом подходящих под критерии отбора на вакантное место, принимая во внимание текущие условия окружающей обстановки. Профессиональный выбор, в отличие от профессионального самоопределения (по Е.И. Головахе), — «это решение, затрагивающее лишь ближайшую жизненную перспективу школьника». Американский социолог и психолог Дж. Сьюпер считает, что в течение жизни (карьеры) человек вынужден совершать множество выборов (сама карьера рассматривается как «чередующиеся выборы»).

Первая в истории система профессионального отбора кадров появилась в Древнем Египте. В стране систематически проводились переписи, учитывающие население в целях определения налогов, комплектования армии по возрастным категориям: отроки, юноши, мужчины, старики. Эти возрастные категории в определенной мере были связаны со своеобразным **сословным делением** населения, непосредственно занятого в царском хозяйстве Египта, на жрецов, войско, чиновников, мастеров и «простых людей». Своеобразие этого деления заключалось в том, что численный и персональный состав трех первых сословных групп определялся государством в каждом конкретном случае с учетом его потребностей в чиновниках, мастерах и пр. Происходило это в ходе ежегодных смотров, когда формировались штаты той или иной государственной хозяйственной единицы, царского некрополя, ремесленных мастерских.

«Наряд» на постоянную квалифицированную работу, например архитектора, ювелира, художника, относил «простого человека» к категории мастеров, что давало ему право на должностное владение землей и неотчуждаемую частную собственность. До тех пор, пока мастер не переводился в разряд «простых людей», он не был бесправным человеком. Работая в том или ином хозяйственном подразделении по указанию Царской администрации, он не мог покинуть его. Все то, что производилось им в урочное время, считалось собственностью фараона, даже его собственная гробница. То, что производилось им во внеурочное время, было его собственностью.

Чиновники, мастера противопоставлялись «простым людям», положение которых мало чем отличалось от положения рабов, их только нельзя было купить или продать как рабов. Эта система распределения рабочей силы мало затрагивала основную массу надельных земледельцев, за счет которых и содержалась эта огромная армия чиновников, военных и мастеров. Периодический учет и распределение на работу основного резерва рабочей силы в Древнем Египте были прямым следствием неразвитости рынка, товарно-денежных отношений, полного поглощения государством египетского общества.

Основу царского хозяйства составляли «слуги царя». Этим термином могли именоваться люди самых разных профессий: земледельцы, пастухи, садовники, огородники, рыбаки, птицеводы, разнообразные ремесленники, слуги, музыканты, браздобреи, учителя и т.д. «Слугами царя» могли быть как мужчины, так и женщины. Женщины, правда, не использовались на полевых работах, однако активно занимались домашними ремеслами. «Слуги царя»

¹ Бодров В.А. Проблемы профессионального психологического отбора// Психологический журнал, 1985. Т.6. № 2. с.85-94.

не выбирали себе профессию, а получали ее в юности по решению специальных чиновников, исходивших из нужд государства, физической силы «призывников» и их способностей. Процедура получения профессии происходила на ежегодных смотрах, проводившихся по распоряжению высших должностных лиц государства. Здесь достигших совершеннолетия юношей определяли к различной деятельности: наиболее физически сильных и выносливых брали в древнеегипетскую армию, сыновей ремесленников, уже обладавших определенными навыками, определяли в ремесленники, огромные массы новобранцев становились земледельцами. Назначенная таким образом профессия за редкими исключениями являлась уделом человека всю его жизнь¹.

В 1960-80-е годы советские социологи проводили немало исследований, посвященных *выбору профессии*. В круг изучения попали такие вопросы, как привлекательность конкретных профессий, профессиональные ценностные ориентации, мотивы выбора профессии. Под *мотивами выбора профессии* В.В. Водзинская понимала осознанные побуждения в конкретном виде труда реализовать внутренне значимые ценности, в том числе выполнение общественного долга, творчества, материального обеспечения². Ученым удалось выявить «мотивационное ядро», которое включало четыре фактора: творчество, рост, социальный престиж, заработок. Они служили основным источником перемены места работы, именно их искали люди, переходя с одной работы на другую.

Любопытный эксперимент по профессиональному клирингу провела студентка 5 курса социологического факультета МГУ Л.Ю. Тараненко. Она использовала цветовой метод тестирования Люшера. Испытуемые разделились

на две группы: 18 работающих социологов в возрасте от 23 до 62 лет (обследовались в течение 1987-1991 гг.) и 18 студентов 4 курса социологического факультета в возрасте 20-21 года (обследовались в 1992 года). Для каждой группы построены профессиограммы — обобщенные психологические портреты. В чем-то они были сходны, а в чем-то различались. Общие черты: любознательность, интерактивность, чувственность, целеустремленность, самостоятельность. Различия работающих и обучающихся социологов: первые были пессимистичны, замкнуты, озабочены, вторые — оптимистичны, коммуникабельны, беззаботны.

Но интересно вовсе не это. Когда дополнительно группа экспертов выделила 40 способностей — признаков, необходимых профессиональному социологу (самоконтроль, интуиция, любознательность, творческий и аналитический склад, коммуникативность, гибкость, открытость и т.д.) и эти данные сравнили с первыми двумя, то оказалось, что серьезных различий нет. Иначе говоря, по основным параметрам и студенты-социологи, и ученые-социологи соответствуют идеальным стандартам профессии. Конечно, второстепенных различий было множество. Но в главном — сходство. Что же это значит? Это значит, что естественный отбор студентов в университет так же эффективен, как и научный. На социологический факультет подобрались будто по заказу. Но в таком случае нужен ли научный профотбор, если он дает те же результаты, что и стихийный самотек.

Профотбор оценивается по конечной результативности, однако рациональными должны быть сами процедуры организации процесса отбора, которые призваны увеличить долю эффективных работников, отбираемого из

¹ Глебкин В.В. Мир в зеркале культуры. Ч.1. История древнего мира. М., 2000.

² Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию (Социальные проблемы социалистического промышленного производства). М., 1973., с.43.

целого ряда заявителей, при наименьших на это затратах, которые могут быть очень велики. Например, по оценкам специалистов США, в 1987 г. отбор служащего высшего эшелона стоил предприятию (организации) в среднем 32 тысячи долларов, служащего среднего уровня — 8 тыс., контролера — 6 тыс., инженера — 8 тыс., бухгалтера — 10 тыс., секретаря — 2 тыс. долларов.

Теории выбора профессии

Многие теории пытались раскрыть процесс поиска и выбора профессии. К примеру, теория случайности подчеркивает значение неожиданных обстоятельств, а теория потухающей дуги — стабилизацию поведения индивида по мере сужения диапазона выбора. Мы рассмотрим ведущие концепции.

Теория внутренних факторов. В своей теории компромисса с реальностью профессор Колумбийского университета **Эли Гинзберг** (1911-2002) обращал особое внимание на тот факт, что выбор профессии — это поэтапно становящийся процесс¹. Выбор профессии происходит не мгновенно, а в течение длительного периода жизни человека. Он включает в себя серию «промежуточных решений», совокупность которых и приводит к окончательному выбору. Каждое из них имеет важное, так как в дальнейшем ограничивает свободу выбора, направляя внимание в одном направлении и отсекая все другие. Так, решение уйти после 9 класса в ПТУ и не заканчивать среднюю школу, затрудняет впоследствии получение высшего образования. На исправление допущенных ошибки требуется много времени, а иногда и денег. По мере взросления перед нами открываются новые возможности, мы приобретаем знания и мудрость, понимая, что совершили непростительный поступок. Но время упущено безвозвратно.

Психологическое вызревание профессионального выбора, согласно концепции Гинзберга, проходит три стадии.

Стадия фантазии продолжается у ребенка до 11-летнего возраста. В этот период дети воображают, кем они хотят быть, независимо от реальных потребностей, способностей, подготовки, возможности получить работу по данной специальности. Они хотят быть водителями потому, что играют в машинки, космонавтами, поскольку грезят о далеких звездах.

Гипотетическая стадия длится с 11 до 17-летнего возраста и подразделяется на четыре периода. В период интереса, с 11 до 12 лет, дети делают свой выбор, главным образом руководствуясь своими склонностями и интересами. Это переходный период от выбора на основе фантазий к гипотетическому выбору. Второй период — период способностей — имеет место в возрасте от 13 до 14 лет. В это время подростки, узнав больше о требованиях, предъявляемых данной профессией, соотносят их со своими способностями. В течение третьего периода (периода оценки), а он наблюдается с 15 до 16 лет, молодые люди пытаются «примерить» те или иные профессии к собственным интересам и ценностям. Последний, четвертый период, приходящийся на 17 лет, считается переходным: все обстоятельно (насколько возможно в данном возрасте) взвесив, выслушав мнения сверстников, родителей и знакомых, подросток подходит к сознательному выбору профессии.

Реалистическая стадия — от 17 лет и старше — означает принятие окончательного решения. Она также делится на ряд периодов: 1) период поиска (17-18 лет) означает, что подросток не сидит сложа руки, а прилагает активные усилия для приобретения более глубоких знаний о профессии; 2) период

¹ Ginzberg Eli and others. Occupational Choice: An approach to a General Theory. N.Y.: Columbia University Press, 1951; Ginzberg E. Toward a theory of occupational choice // Occupations, (1952).

April; Ginzberg E. Toward a theory of occupational choice: A restatement // Vocational Guidance Quarterly, (1972). 20, 169-176.

кристаллизации (между 19 и 21 годами), во время которого значительно сужается диапазон выбора и определяется основное направление будущей деятельности; 3) период специализации, когда общая ориентация, например, в профессии экономиста, сужается до конкретной специализации, скажем экономиста-международника.

Э. Гинзберг проводил свои социологические опросы среди обеспеченной молодежи из среднего класса. У нее более широкие, чем у рабочих, возможности трудоустройства и более затянутый период профессионального самоопределения. После школы они поступают в университет, долго подбирают престижную фирму, женятся поздно. А потому ни семейные, ни материальные заботы не оказывают сильного давления на их предпочтения. У подростков из менее обеспеченных семей период кристаллизации наступает раньше, хотя сам процесс выбора в целом соответствует теоретической модели. Другие исследования показывают, что переход к реализму характерен как для юношей, так и для девушек, но планы девушек отличаются большей гибкостью и разнообразием. Большинство исследований в целом подтверждают теорию Гинзберга, хотя имеются различия в определении хронологии стадий¹.

Оказалось, что некоторые подростки еще совсем в юном возрасте демонстрируют высокий уровень зрелости в вопросе выбора профессии, к другим эта зрелость приходит с течением времени. А есть и такие, у кого профессиональное становление растягивается чуть ли не на всю оставшуюся жизнь, и они кочуют с одного места работы на другое в поисках самореализации. Учитывая новые данные, Э. Гинзберг, создавший свою теорию в 1950-е годы, за

оставшиеся полвека внес в нее известные коррективы. В частности, он признал, что выбор карьеры не заканчивается с выбором первой профессии и что некоторые люди меняют род деятельности на протяжении всей трудовой жизни. Он подчеркивает также, что представители некоторых социальных групп (малоимущих, расовых и национальных меньшинств) менее свободны в выборе, чем выходцы из более состоятельных классов. Кроме того, существует многообразие моделей выбора и темпов кристаллизации, которые реально отличаются от стандартных².

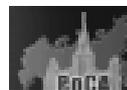
Автор одной из самых популярных теорий профессиональной карьеры **Дональд Сьюпер**³ трактует выбор профессии как событие, но сам процесс профессионального самоопределения (построения карьеры) – как *постоянно чередующиеся выборы*. Д. Сьюпер исходил из того, что каждый человек может быть пригоден в ряде профессий, а каждая профессия подходит многим людям; профессиональное развитие проходит ряд последовательных стадий и фаз; профессиональное развитие состоит в формировании и реализации Я-концепции; взаимодействие Я-концепции и реальности происходит в процессе выполнения профессиональных ролей, которые можно проигрывать в фантазиях, профконсультационной работе, а не только в реальной жизни; удовлетворенность работой зависит от того, в какой мере индивид находит адекватные возможности для реализации своих способностей и интересов в различных профессиональных ситуациях.

Его концепция близко примыкает к теории Э. Гинзберга, поскольку рассматривает выбор профессии как длящийся всю человеческую жизнь процесс

¹ На русском языке см. изложение теории Эли Гинзберга в книге: Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. с.518-520.

² Ginzberg E., Ostow M., Dutka Anna B. The Economics of Medical Education. New York: Josiah Macy Jr. Foundation, 1993

³ Super D. E. Vocational development. N. Y., 1957; Super D. E., Bahn M. Y. Occupational psychology. L.: Tavistock, 1971.

смены социальных статусов и профессиональных ролей. Шесть главных жизненных роли играет каждый человек, говорит Д. Сьюпер: ребенка, учащегося, гражданина, работника, домохозяина, отдыхающего. На разных стадиях жизненного цикла эти роли могут быть очень важными и совсем неважными, отходя на второй и третий план. Иногда приходится играть сразу несколько ролей, но с разной интенсивностью, выполняя соответствующие ролевые задачи. Во взрослом возрасте и в течение всего трудового периода главными ролями становятся профессиональные. Желают того люди или нет, но они обязаны пройти через эти стадии. Такова биологическая природа человека и социально-исторические условия, в которых он вынужден находиться.

Опираясь на работы Э. Гинцберга, Д. Сьюпер разработал многоступенчатую модель профессионального развития и выделил следующие стадии:

1) В стадии роста (Growth) — от рождения до 14 лет — происходит формирование Я-концепции и картины мира, пробуждаются интересы, потребности, происходит проба своих сил: в фазе фантазии (4-10 лет) доминируют детские потребности, профессиональные роли проигрываются в воображении и мечтаниях; в фазе интересов (11-12 лет) формируются профессионально значимые предпочтения; в фазе способностей (13-14 лет) опробуются индивидуальные способности, появляются представления о профессиональных требованиях и профессиональном образовании.

2) В стадии испытания себя (Exploratory) — от 15 до 24 лет — индивид собирает необходимую для совершения профессионального выбора информацию, примериваясь сразу к нескольким видам деятельности, тренируя способности и развивая свои знания: в предварительной фазе (15-17 лет) формирует гипотетический набросок своей будущей профессии, к которой молодой человек примеривает

свои знания и способности; в фазе перехода происходит попытка реализации Я-концепции; в фазе апробации ведется поиск поля деятельности в профессиональной жизни.

3) Стадия самоутверждения (Establishment) — от 25 до 44 лет — служит для того, чтобы утвердиться в глазах значимых других и в своем собственном мнении в правильности выбранной профессии, доказав свою правоту реальными производственными успехами, получением наград и званий, победами в творческом соревновании с другими или в конкурентной борьбе с соперниками.

4) В стадии поддержания (Maintenance) — от 45 до 64 лет — наращивания «профессиональных мышц» уже не происходит, человеку свойственно останавливаться на достигнутом и поддерживать служебный статус, пожиная плоды с ранее посаженных деревьев.

5) В стадии заката (Decline) — от 65 лет и дальше — индивид готовится к завершению профессиональной карьеры, освоению совершенно новых социальных ролей, связанных с отдыхом и досугом, борьбой с возможным одиночеством, воспитанием внуков и т.д.

Одновременно с понятием стадийности Д. Сьюпер вводит понятие профессиональной зрелости, относящееся к личности, поведение которой соответствует задачам профессионального развития, характерным для данного возраста. Согласно Д. Сьюперу, оформление взрослой карьеры начинается с 15 лет и проходит несколько этапов, каждому из которых соответствуют специфические задачи:

➡ Стадия кристаллизации наступает в возрасте от 14 до 18 лет: построение планов на будущее, общее представление о жизненной траектории, узнавание себя и своих возможностей.

➡ Стадия спецификации застигает нас в 18-21 год: переход от общекарьерных планов к предпочтению вполне конкретных видов занятий и профессий.

♦ Стадия имплементации наблюдается в возрасте 21-24 года: завершение образования, в частности обучения в вузе, и переход к поиску работы, трудоустройство.

♦ Стадия стабилизации характерна для 24-35 лет: завершение профессиональных метаний и поиска своего «Я», привыкание к выбранной профессии, утверждение в трудовом коллективе.

♦ Стадия консолидации имеет одну возрастную точку — 35 лет и далее: стремление продвинуться по службе, занять более высокие статусные позиции, получать высокие гонорары.

♦ Стадия подготовки к выходу на пенсию наступает в 55 лет: снижение трудовой активности и падение производительности труда, подготовка к пенсии.

Выбор профессии отражает Я-концепцию человека, меняется на протяжении она, изменяются и наши профессиональные предпочтения. Профессиональная карьера и достигаемые благодаря ей производственные успехи суть прямое выражение социальной зрелости личности. Вот почему профессиональный выбор начинается не в раннем детстве, а лишь в 14-18 лет. Важнейшей детерминантой профессионального пути являются представления человека о своей личности. Индивид неосознанно ищет профессию, где бы он наиболее полно мог выразить себя. Конструируя свой профессиональный рост, выбирая профессию, человек вместе с тем конструирует и изменяет свою личность. Становление «Я» и профессиональное становление, таким образом, являются взаимосвязанными процессами.

Д. Сьюпер считает, что на разных этапах своего развития человек выбирает профессию различным образом. Например, человек, впервые выбирающий профессию, имеет значительно более широкое поле выбора, чем уже получивший профессиональное образование. Люди семейные и холостяки также

обладают разным по объему полем выбора. Различно оно и у представителей разных социальных классов. Особое внимание Д. Сьюпер уделяет понятию профессиональной зрелости, уровень которой, по его мнению, определяется тем, насколько человек, выбирающий профессию, учитывает конкретные особенности своей жизненной ситуации.

В концепции Д. Сьюпера выделены четыре типа профессиональной карьеры: 1) стабильная (постоянное продвижение в выбранной профессии); 2) обычная (периоды продвижения чередуются с периодами относительно застоя); 3) нестабильная (для неё характерны две или несколько профессиональных проб); 4) хаотичная (для неё характерны множественные пробы без стабильных периодов). Выбор профессии, согласно теории Д. Сьюпера, происходит на основе развития и изменения Я-концепции в течение жизненного цикла индивида, по мере физического и духовного созревания, по мере наблюдения за трудоустройством других людей, в процессе идентификации с работающими взрослыми и под влиянием внешних обстоятельств.

Важное понятие в теории Д. Сьюпера – *карьерная адаптивность*. Это способность решать карьерные задачи, возникающие на той или иной стадии жизни. Выделяются семь структурных элементов адаптивности: отношение к труду как ценности (ценность труда как такового), способность управлять собственной жизнью (совладание со стрессами), рефлексивные умения, предполагающие научение из собственного опыта, наличие планов и перспектив в области карьеры, информированность о мире труда и профессий, особенности принятия решений, способность исследовать варианты своего развития. На стадии поиска работы актуальны такие элементы адаптивности, как способность строить планы, умение собирать информацию, а также принятие решения по поводу желаемого места работы и способа его получения, умение исследовать различные возможности и шансы.

Существует проверенная на практике теория внутренних факторов, согласно которой чем больше люди заинтересованы в выполняемой работе, тем выше у них производительность и качество труда. Иными словами, вероятность успеха — при прочих равных условиях — выше у тех из новичков, чьи интересы в наибольшей степени подобны интересам тех, кто уже добился признания в своей профессии. На этом основано тестирование интереса к профессии: для предсказания успеха оценивается сходство групп интересов с интересами людей, добившихся успеха в какой-либо области. На основании результатов теста подростку советуют обратить особое внимание на те сферы деятельности, к которым был выявлен наибольший интерес. Фактор заинтересованности связан и со сферой деятельности, и с ее уровнем. Интересы, основанные на личных способностях, как показывают эмпирические данные, сильнее и более реалистичны, чем интересы, обусловленные факторами престижа или принятой в данном обществе системы ценностей. Однако уровень корреляции между интересом и профпригодностью относительно невысок¹.

Под влиянием теории потребностей А. Маслоу ученые выдвинули положение о том, что потребности, недостаточно удовлетворяемые на более ранних стадиях развития индивида, приводят к появлению в дальнейшем доминирующих мотивов, проявляющихся в способе жизни и профессиональном поведении. Существенным оказывается не сама первичная потребность, а отношение к ней, тогда как образцы этого отношения задаются в первую очередь ти-

пами взаимодействия родителей с ребенком: 1) защищающим — родители балуют ребенка, демонстрируют свою любовь; 2) требовательным — предъявляют высокие требования и не задумываются о том, что переживает ребенок; 3) враждебным — сверхтребовательны при эмоциональном неприятии; 4) бросающим — проявляют минимум заботы и эмоционального притяжения; 5) небрежным — эмоционально принимают ребенка, но не слишком о нем заботятся; 6) любящим — думают о ребенке и решают вместе с ним его проблемы². Эти типы отношений, в основе которых имеются такие параметры взаимодействия родителей с детьми, как эмоциональное притяжение/непритяжение, наличие/отсутствие контроля и стимулирование/не стимулирование активности ребенка, определяют и тип ориентации его интересов, в том числе профессиональных: индивидуальная/предметная, защитная/незащитная, на других/на себя. Каждой ориентации интересов соответствует группа профессий. Э. Рой выделяет восемь таких групп. Так, например, небрежный тип взаимоотношений родителей и детей обуславливает ориентацию индивида на технологию — от уровня изобретателей (первый квалификационный уровень) до уровня разнорабочего (шестой уровень)³. На основе этой теории был создан опросник Parent-Children Relations⁴.

В теории решений П. Циллера⁵ молодой человек сравнивает профессиональные альтернативы в свете ожидаемого успеха, который определяется произведением ценности профессионального события (например, получения рабочего места) на вероятность его наступления, при этом он учитывает

¹ Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000. с.536-540.

² Кондаков И.М., Сухарев А.В. Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития // Вопросы психологии, 1989. №5. с.161-162.

³ Roe A. The psychology of occupations. N. Y.: Willey, 1956.

⁴ Roe A., Siegelman M. The origin of interests. Washington: APGA, 1969.

⁵ См.: Siefert K. H. Theorien der Berufswahl um der beruflichen Entwicklung // Seifert K.H. Eckhardt H.H., Jaide W. Handbuch der Berufspsychologie. Göttingen, 1977. S. 173—279.

возможное поражение и свою готовность к риску.

Теория внешних факторов. Ряд специалистов придерживается теории внешних факторов, согласно которой на профессиональный выбор индивида наибольшее влияние оказывают следующие причины:

■ Биологическая специфика занятия, например, профессиональный спорт требует хорошо развитых физических качеств, которые есть далеко не у всех детей.

■ Исторические обстоятельства, экономическая депрессия, война, массовый голод или даже запуск искусственного спутника Земли или полет на Луну.

■ События личной жизни, к которым можно отнести неожиданную смерть кормильца в семье, болезнь, тяжелые травмы, неожиданное предложение выгодного контракта, утрату стипендиальной поддержки и др.

Подобные факторы в очень малой степени зависят от самого человека. Чаще всего их нельзя заранее прогнозировать и очень трудно избежать их влияния. Согласно утверждениям некоторых исследователей, важную роль в *принятии решений* относительно выбора профессии играет случай. Такие решения редко бывают рациональными, но нельзя сказать, что они зависят только от случая. Скорее принятие решения о выборе профессии происходит под влиянием некой комбинации стихийных факторов и запланированных действий. Люди в наибольшей степени подвержены влиянию случая в переходные периоды жизни, особенно в начале своей карьеры.

Одним из наиболее известных современных авторов в данной области является С. Осипов¹, согласно теории которого, процесс карьерных выборов у большинства людей можно уподобить потоку воды, сбегающему с горы тем путем, который наиболее доступен. Иными словами, люди принимают решения по принципу «наименьшего сопротивления». Это обеспечивается уникальным сочетанием личностных качеств, имеющихся навыков, социальных характеристик, внешних возможностей и доступа к ним. «Поток воды» достигался в его экспериментах со студентами благодаря тому, что ученый в быстром темпе предъявлял испытуемым бессмысленные слова и картинки в камере обскура. Сам же автор подчеркивал, что полученные таким способом профессиональные выборы а) могут существенно расходиться с реальными, б) носят ситуационный, весьма неустойчивый характер.

Появившаяся в конце 1950-х годов² теория «самоуправляемого поиска» (Self-Directed Search — SDS)³ профессора психологии и компьютерных наук из Мичиганского университета **Джона Голланда**, превращенная в измерительный тест, с тех пор трижды переделывалась (уточнялась, дополнялась и редактировалась) автором, пока не стала самым популярным инструментом выбора профессии, подвластным человеку в любом возрасте. Тест Голланда оттачивался и улучшался автором на протяжении почти 50 лет, пока в 1995 г. Американская психологическая ассоциация не присудила ему Премию за выдающийся вклад в научное познание, поскольку его теория карьеры, как говорилось в официальном документе, «дала нам интеллектуальное

¹ Osipow S. H. Success and preference: A replication and extension // Journal of Applied Psychology, 1972. Vol.56, 179-180; Osipow, S. H., Scheid, A. B. The effect of manipulated success ratios on task performance // Journal of Vocational Behavior, 1972. Vol.1, 93-98; Osipow S. H. Theories of career development (3rd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1983; Osipow S. H. Applying person-environment theory to vocational behavior // Journal of Vocational Behavior, 1987. Vol. 31, 333-336;

Osipow S. H. Theories of career development. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1993.

² Holland J. L. A personality inventory employing occupational titles // Journal of Applied Psychology, 1958. Vol.42, 336-342; Holland J. L. A theory of vocational choice // Journal of Counseling Psychology, 1959. Vol.6, 35-45.

³ Holland J. L. The Self-Directed Search. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1994.

средство объединить в единое целое знание о профессиональных ориентациях, профессиональных интересах, самой личности и трудовой биографии». Надежность инструмента подтверждена в 500 эмпирических исследованиях, переведена на 25 языков мира и использована на практике уже 22 млн. человек. На заполнение теста уходит 15 мин, а стоит он 9,95 долл.

Суть теории профессиональной карьеры Дж. Голланда заключается в следующем. Проведя множество интервью в американской армии, Дж. Голланд к своему удивлению обнаружил, что все разнообразие людей можно уложить всего в шесть личностных типов¹. Он долго подыскивал им подходящие названия, пока не остановился на следующем варианте: реалистический, исследовательский, конвенциональный, артистический, предпринимательский и социальный. Они очень разные, и каждому типу людей надо подобрать подходящую его темпераменту работу. Сделать такое не просто, к примеру, человек с артистической натурой вряд ли когда-либо станет хорошим предпринимателем или исследователем. Каждая профессия требует адекватного себе типа личности. Надо лишь правильно описать то и другое, а затем провести сортировку претендентов, подобрав пары «тип личности—тип профессии».

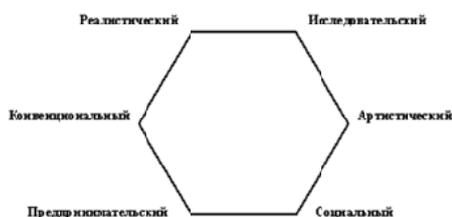

Рис.2. «Шестиугольник Голланда».

Реалистический тип личности — **Realistic (R)** — отдает предпочтение психомоторной деятельности, связанной с использованием вещей, предметов, механизмов, инструментов.

Исследовательский тип — **Investigative (I)** — с увлечением отдается научному наблюдению познавательной, аналитической и методической деятельности.

Артистические натуры — **Artistic (A)** — экспрессивны, имеют богатое воображение, тонкую интуицию.

Социальный тип личности — **Social (S)** — предпочитает работу на людях и с людьми, консультируя, обучая, воспитывая, общаясь с ними.

Предпринимательский тип людей — **Enterprising (E)** — любят кого-то или что-то организовывать, кого-то куда-то направлять, возглавлять, управлять.

Конвенциональный тип — **Conventional (C)** — склонен к работе с цифрами и символами, фактами, деловыми бумагами (инструкциями, положениями).

По первым буквам английских названий шести типов личности получилась аббревиатура, давшая название всему тесту, а именно RIASEC types.

Каждому типу соответствует набор определенных качеств личности — как врожденных, так и приобретенных. Согласно Голланду, в каждом случае у кандидата на вакансию можно обнаружить сложную смесь черт всех шести типов, но каждый тип проявляется неодинаково, поэтому в любом человеке можно обнаружить доминирование того или иного личностного типа. Если у кого-то не один, а два доминирующих центра личности, то он, сообразуясь с обстоятельствами, может менять свое поведение, выставляя на первый план то один, то другой тип. Если один тип прирожден человеку от природы, то другой тип может появиться у него позже, будучи при-

¹ Holland John L. Making Vocational Choices; A Theory of Careers. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice, Hall, 1973.

обретенным под давлением обстоятельств. Так, ученому, наделенному природой исследовательским талантом, проявившему себя в конкретном деле, вскоре доверяют возглавить крупный институт, с чем он успешно справляется, став приобретенным предпринимателем.

Когда психологический портрет кандидата на должность в общем и целом проявился, консультант рекомендует ему наиболее подходящую профессию. Так, например, «реалистам» он посоветует быть механиком, летчиком, инженером, спортсменом, военным, рабочим либо фермером, но никак не бухгалтером или дипломатом. «Исследователям» советуют выбрать профессию антрополога, ботаника, экономиста, астронома, программиста, математика, аналитика рынка, физика, а социального типу – учителя, врача, няни, медсестры, социального работника, менеджера по персоналу. Конвенциональному типу больше подходит канцелярская работа, а самые яркие профессии — бухгалтер, клерк, управдом. Такие люди любят подчиняться, они конформисты, уважают статусы и звания, избегают неопределенных и рискованных ситуаций. Артистический тип людей предпочитает трудиться архитекторами, дизайнерами, композиторами, редакторами.

Полное соответствие типа личности и типа профессии называется **конгруэнтностью**, полное несоответствие — *неконгруэнтностью*, все прочие варианты отражают разную степень совпадения, т.е. меру конгруэнтности. Если человек попал в самую точку и выбрал профессию по душе, то очень скоро у него сформируется высокая степень профессиональной идентификации. Люди, не нашедшие свою профессию, не имеют профессиональной идентичности вовсе и склонны постоянно находиться в поиске, то и дело меняя места работы. Первые, вероятнее всего, будут испытывать высокий уровень удовлетворенности трудом, вторые — низкий.

Определенному типу личности, нашедшему свой тип профессии, будет соответствовать и специфический профиль карьеры. Если это дипломат или бизнесмен, то его карьера взметнет вверх подобно ракете, но от бухгалтера или клерка ждать стремительного роста не следует: и сам личностный тип, и соответствующий ему профессиональный тип не любят рисковать, предпочитая тихую и незаметную исполнительность.

При полной конгруэнтности наступает полная гармония: каков человек, такова и его работа, выбранная по душе; амбиции и ожидания соответствуют карьерным возможностям. Хуже приходится людям с полной или частичной неконгруэнтностью — они не на своем месте: темпераментный предприниматель, попавший на место провинциального клерка, никогда не будет чувствовать себя комфортно. Эта должность не по нему, он жаждет чего-то большего. И, напротив, конвенциональный тип личности, годящейся разве что для бухгалтера, попадает на должность президента страны. Проигрыш ему обеспечен, хотя психологических неудобств, стрессов и переживаний он будет испытывать на этой должности гораздо меньше, чем предприниматель на должности клерка, поскольку статусы и чины ему очень любы.

«Шестиугольник Голланда» помогает легко и просто подыскать типу личности полностью или частично конгруэнтный тип профессии, пользуясь геометрическим расположением. На рис. 2 видно, что для социального типа соседями по многоугольнику являются артистический и предпринимательский типы. Если индивид не нашел себя в своей ячейке, то он может «попробоваться» на двух соседних. Но уже реалистический и исследовательский типы профессий ему явно не подходят, поскольку расположены на противоположных концах шестигранника. Установление конгруэнтности можно искать не по геометрической фигуре, а по аббревиатуре, которая задает порядок располо-

жения точек шестигранника. Надо выбрать свою букву, например А, и определить ее соседей слева и справа, а именно I и S. Это конгруэнтные профессиональные статусы. Точки на противоположных концах шестигранника противоположны и по своим профессиональным качествам. Скажем, точки R (реалистический) и S (социальный) практически несовместимы между собой. Действительно, стоит посмотреть в описание их черт и мы убедимся, что первый склонен работать с вещами, но не с людьми, а второй способен и любит взаимодействовать с людьми, но не с вещами и предметами¹.

Когда кандидата протестировали по всем шести личностным типам, для каждого из них консультант указывает сумму набранных баллов. К примеру, у мужчины 35 лет получился такой набор: R=21, I=22, A=21, S=39, E=46, C=31. это означает, что максимальную сумму баллов он набрал по предпринимательскому типу (E=46), а наибольшие – по социальному (S=39) и конвенциональному (C=31). Следовательно, его личностно-профессиональный код по Голланду составит ESC. Порядок букв четко отражает порядок цифр по убыванию. Ваш код – это перечень ваших главных и смежных профессиональных интересов. Более того, он указывает даже на близкие вам способы проведения свободного времени и отдыха. Сходными считаются такие типы, количественная разница между которыми не превышает 8 баллов. В частности, цифры 46, 39 и 31 укладываются в этот порядок, а цифра 22 – нет. Стало быть, исследовательской работой вам лучше

не заниматься. В таком случае 8 баллов – это мера конгруэнтности кодов².

Установив свой буквенный код, кандидат на должность берет специальную брошюру SDS Interpretive Report, в которой есть перечень 1309 профессий и 700 видов досуговой деятельности. Они заранее разбиты по соответствующим кодам, например ESC, ECS и т.д. Такой полезный инструмент разработан на основе теории Голланда и американского справочника Dictionary of Occupational Titles (DOT), содержащего описание 12 тыс. занятий. В SDS Interpretive Report указывается даже то, сколько лет потребуется учиться для того, чтобы приобрести желаемую профессию³. Таким образом, без преувеличения этот инструмент можно назвать «Путеводителем по жизни», но только профессиональной жизни, так как в нем для каждого человека указано, кем можно работать и как лучше отдыхать, чтобы получить от своей деятельности максимум удовольствий.

Эмпирические исследования

Выбор профессии и профессиональные ориентации молодежи стали особенно интересовать отечественную социологию в 1960-е годы. В 1962 г. в Академгородке под Новосибирском под руководством В.Н. Шубкина были начаты крупные исследования социологических проблем образования⁴. Объект изучения — сменяющие друг друга когорты школьников. Метод — опрос по стандартизированной анкете. Изучались профессиональные склонности выпускников средних и неполных средних школ, выбор профессии, трудоустройство, жизненные пути молодежи, проблемы профессио-

¹ Holland J. L., Powell A. B., Fritzsche B. A. Self-Directed Search: Professional user's guide. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1994.

² Holland J. L., Gottfredson G. D. Predictive value and psychological meaning of vocational aspirations // Journal of Vocational Behavior, (1975). 6, 349-363.

³ Gottfredson G. D., Holland J. L. Dictionary of Holland Occupational Codes. (3rd ed.) Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1996.

⁴ Шубкин В. Н., Артемов В. И., Москаленко Н. Р., Бузукова Н. В., Калмык В. А. Количественные методы в социологических исследованиях проблем трудоустройства и выбора профессии // Количественные методы в социологических исследованиях / Под ред. А. Г. Аганбегяна и В. Н. Шубкина. Новосибирск: НГУ, 1964.

нальной ориентации. В первой серии исследований (1962–1973 гг.) роль социологов заключалась в том, чтобы весной с помощью «Анкет выпускника» зафиксировать личные планы, ожидания, отношение к различным профессиям тысяч юношей и девушек, а осенью собрать данные о том, какие профессии они избрали, в какой мере осуществили свои планы сразу после окончания средней школы. Поскольку речь шла о первых самостоятельных шагах молодежи в возрасте 17 лет, исследование называлось «Проект 17–17». Позже эти идеи были развиты во второй серии, в «Проекте 17–25», когда изучались жизненные пути молодых людей, о которых хранилась стартовая информация, уже в возрасте от 17 до 25 лет¹.

На этой базе советские социологи оттачивали свое мастерство в количественных методах². Вслед за Новосибирскими социологами изучать профессиональные и образовательные ориентации начали социологи Прибалтики во главе с М.Х. Титмой (М.И. Тальюнайте, К.А. Пярна), ленинградские вместе с В.В. Водзинской и В.А. Ядовым, социологи из Свердловска (М.Н. Руткевич, Л.Я. Рубина, Ф.Р. Филиппов), украинские социологи под руководством В.Ф. Черноволенко (В.Л. Оссовский, В.И. Паниотто), а также подобные исследования были проведены в Белорусской (В.Н. Тихонов, Я.В. Леверовская), Армянской (Джилавян), Таджикской (Ш. Шоисматулов), Узбекской (З.Х. Саидов), Туркменской (Г.Н. Джумаева) ССР и в некоторых социалистических странах Вар-

шавского договора. Исследования проводятся и по сей день и не только в странах бывшего социалистического лагеря.

В Эстонии под руководством М.Х. Титмы изучались ценностные ориентации при выборе профессии³. В Ленинграде большую работу по социальным проблемам высшей школы и молодежи вели Л. Н. Лесохина, В.В. Водзинская, В.Т. Лисовский⁴. Интересные исследования по проблемам молодежи и студенчества осуществлялись на Украине⁵. В Москве начались социально-педагогические обследования под руководством Р.Г. Гуровой⁶. На Урале проводил исследования жизненных путей учащихся Ф.Р. Филиппова. Предпринятое в 1972 г. обследование школьников и учащихся профтехучилищ одного и того же поколения по мере их продвижения к выпускному классу в Нижнем Тагиле выявило, что оценка успеваемости и отсева происходят, намеренно или нет, по социально-классовому признаку: после восьмого класса больше выгоняют детей рабочих, нежели детей специалистов и служащих с высшим образованием⁷. В 1973 г. аналогичные результаты дало обследование учащихся шести регионов страны, проведенное под руководством М. Н. Руткевича и Ф. Р. Филиппова.

В 1982 г. вышла книга одного из основных теоретиков "социальной однородности", в которой признавалось, что "в перспективе, например до 2000 г., не придется говорить о ликвидации профессий и

¹ Шубкин В. Н. Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.

² Количественные методы в социологических исследованиях / Отв. ред. А.Г. Аганбегян. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1964

³ Жизненные пути молодого поколения / Отв. ред. М. Х. Титма. Таллин: Ээсти раамат, 1985; Социально-профессиональная ориентация молодежи / Отв. ред. М. Х. Титма. Тарту: Ээсти раамат, 1973.

⁴ Водзинская В. В. Ориентация на профессии // Социальные проблемы труда и производства. М.: Мысль, 1970; Лисовский В. Т. Советское студенчество: Социологические очерки. М.: Высш.

школа, 1990; Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. Л.: ЛГУ, 1974.

⁵ Черноволенко В. Ф., Оссовский В. А., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наукова думка, 1979.

⁶ Гурова Р. Г. К вопросу о конкретных социально-педагогических исследованиях // Советская педагогика. 1966, № 2.

⁷ Филиппов Ф. Р. Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы. М.: Мысль, 1976.

специальностей. В ней, в частности, говорилось о том, что «в настоящее время в СССР общество несет большие потери как раз вследствие недостаточной профессиональной ориентации трудящихся. Имевшие место в начале 60-х годов расхождения некоторые теоретиков насчет "скорого отмирания" профессий нанесли реальный ущерб развитию нашего общества, так как оказали определенное влияние на общественное мнение, на принятие управленческих решений. И сегодня мы еще не преодолели до конца недостаточное развитие системы профтехобразования и "перекосы" в профессиональной ориентации юношества... Уменьшение социальных различий, преодоление социальной дифференциации вовсе не означают исчезновения дифференциации профессий, дифференциации личностей... Тот факт, что люди неравны по природным задаткам, по условиям воспитания, по направленности способностей и интересов, достаточно очевиден»¹.

В конце 1970—начале 1980-х годов продолжались исследования профессиональных ориентаций и образа жизни отдельных групп молодежи, в частности, работы, посвященные анализу профессиональных ожиданий выпускников средних школ (Д.Л. Константиновский, В.Н. Шубкин²), образу жизни и духовному облику студентов высших учебных заведений (В.Т. Лисовский³). В середине 1980-х годов проходит международное исследование «Молодежь и новые технологии: ориентации европейской молодежи в отношении работы и окружающей среды», в рамках которого изучалось отношение молодых людей к новым техническим средствам, с которыми они сталкиваются в учебе, на работе и дома⁴. Публикуются

монографии обобщающего исторического характера. В своей книге «От поколения к поколению: социальная подвижность»⁵ Ф.Р. Филиппов обобщил опыт проведенных под его руководством лонгитюдных обследований одних и тех же групп молодежи на протяжении относительно длительного периода их жизненного цикла в различных регионах страны (Урал, средняя полоса России, Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область, Псковская область и др.). Обнаружилась ярко выраженная поэтапность самоопределения молодежи, отмечалось, что каждый пройденный этап детерминирует прохождение следующего. А.А. Овсянниковым⁶ изучались информированность студентов о будущей профессии и месте работы, эмоциональные оценки по поводу получаемой профессии, мотивации, связанные с будущим трудоустройством, учебно-познавательная активность студентов.

В 1992 г. группа сотрудников Института социологии РАН провела опрос московских школьников 6-11-х классов⁷. Более полное представление о ценностях нынешних подростков мы получаем, анализируя выбор будущей профессии. На первом месте (71%) находятся специальности, требующие высшего образования: 16% выразили желание посвятить себя искусству (литературе, музыке), 15% хотят стать инженерами (преимущественно электронщиками или программистами), 11% — педагогами, 10% — врачами, 10% думают о научной деятельности, 9% — о работе переводчика. Среди профессий, не требующих высшего образования, популярностью пользуются профессии

¹ Руткевич М.Н. Становление социальной однородности. М., 1982, с. 12, 212, 217.

² Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.

³ Образ жизни современного студента: социологическое исследование / Отв. ред. В. Т. Лисовский. Л.: ЛГУ, 1981.

⁴ Astafiev J., Firsova O., Shubkin V. Youth and New Technologies in the USSR // European Youth and New Technologies: A Comparative Analysis of

12 European Countries / Ed. by R. Furst-Dilic. Vienna, 1991.

⁵ Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.

⁶ Высшая школа в зеркале общественного мнения / Отв. ред. А. А. Овсянников. М.: Высшая школа, 1989.

⁷ Герасимова М. Школьник - 91 // Перспективы гуманитарного образования в средней школе. М., 1992.с.91-102.

шофера (10%) и работников сферы обслуживания (продавца, официанта, парикмахера) — 9%.

Полученные данные подтверждают известный факт: притязания учащихся в сфере будущей профессии завышены по сравнению с нуждами общества (и, возможно, по сравнению с собственными способностями). К примеру, потребности предприятий в рабочих кадрах и число выпускников школ, желающих выбрать рабочую профессию, в 1980-е годы соотносились как 6:1¹. Кроме того, ученые обнаружили такую особенность: «Если производительность труда правильно избравшего профессию и выполняющего работу с желанием принять за 100%, то у человека, охотно работающего, но неправильно выбравшего профессию, она будет равняться 50%, а у работающего без желания, да к тому же еще и неправильно выбравшего профессию, - 30%»². Как показывает анализ реальных жизненных ситуаций, большинство выпускников не имеют ясной жизненной перспективы, более 30% находятся в состоянии ярко выраженного стресса, одной из причин которого является чувство социальной незащищенности. Более половины выпускников высших и средних специальных учебных заведений в последние годы оказываются невостребованными предприятиями и организациями, вынуждены работать не по специальности. Данные исследований показывают:

30% осуществляют свой профессиональный выбор под влиянием случайных факторов, примеров друзей,

17% по совету родителей,

10% под воздействием рекламы.

40% имеют краткое представление об особенностях профессии,

1,5% учитывают свое состояние здоровья и способности.

50% специалистов работают не по специальностям,

60% выпускников средних учебных

заведений не находят место работы после выпуска³.

В середине 1990-х годов под руководством Ф.Э. Шереги и В.Г. Харчевой проведено крупномасштабное изучение профессиональных ориентаций российских школьников⁴ уже в новых социально-экономических условиях, знаменующих собой переход общества от социализма и планового распределения выпускников к рыночной экономике и свободному трудоустройству. Проблема выбора профессии становится актуальной лишь по мере приближения окончания школы. Хотя уже в 9-х классах значительный процент молодежи обсуждает ее с кем-либо из своего социального окружения. Среди них приоритетную роль играет для 76,1% опрошенных мать; 58,1% обсуждают проблему выбора профессии также с друзьями; 48,8% — с отцом; 29,5% — с кем-либо из родственников и, наконец, последнее, шестое, место по ответам опрошенных занимают учителя — всего 16,3%. Таким образом, наихудшие советы при выборе профессии как раз те, кто этим вопросом обязан вплотную заниматься, а именно педагоги. Можно сказать, что современная школа не выполняет своих функций по профессиональной ориентации молодежи, а следовательно, их подготовки к труду и жизни.

Данные свидетельствуют о том, что первые места занимают (в порядке убывания) в предпочтениях юношей профессии юриста, экономиста, программиста, инженера, коммерсанта, переводчика, а также творческие профессии. Последнее место в их предпочтениях занимают профессии педагога и психолога — ими желают стать всего 0,4% юношей.

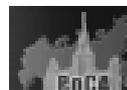
У девушек выбор профессий представлен следующими рангами (в по-

¹ Московская правда, 1986.22 мая

² Труд как первая жизненная потребность. Минск, 1987. с.43

³ Колонтаевская Е.А. ПрофорIENTATION (http://socpedagogika.narod.ru).

⁴ Исследование проведено в старших (9-, 10-, 11-х) классах средних школ европейской части России и Урала в конце октября 1996 г. и охватило 1750 учеников.

рядке убывания): экономист, юрист, медик, переводчик, педагог и творческие профессии, инженер и психолог, коммерсант. Последнее место занимает профессия программиста (указали всего 0,3% опрошенных девушек).

При выборе профессии школьники, как и учащиеся ОПТУ, на первое место "ставят" (чаще всего) не те профессии, которые они считают "престижными", а те, которые возможно получить по соображениям "доступности" и "полезности", т.е. более высокой зарплаты. Например, среди "престижных" профессия программиста не получила и долей процента, тогда как после окончания школы 5,8% юношей и 0,3% девушек не прочь освоить именно эту профессию. Не попали в престижные профессии "педагоги", которыми хотят стать 4,5% девушек и 0,4% юношей. Аналогичная ситуация и с профессиями медработника, занявшими на шкале "престижа" последнее место, тогда как 4,5% юношей и столько же девушек пойдут в медицинские вузы.

Согласно полученным данным, наиболее привлекательной для российской молодежи в 1990-е годы являлась профессия юриста (16% опрошенных девушек и 8,9% юношей). Второе место занимает профессия экономиста (8,9% девушек и 6,0% юношей). Третье место отдано профессии финансиста, банкира (4,8% юношей и 1,7% девушек). Самой непрестижной профессией, по мнению школьников, является "программист" и "медработник", набравшие 0,6% ответов юношей и лишь 1,6% у девушек. Творческие профессии (научных работников, художников, писателей и др.), так же как программистов и медиков, не рассматриваются школьниками как престижные¹. К середине 1990-х годов обозначилась новая тенденция в профессиональных ориентациях молодежи: возрос авторитет профессий юриста,

медика и экономиста, но снизился рейтинг профессий бизнесмена и коммерсанта, а также финансиста и банкира.

В исследовании И.М. Козиной², в ходе которого было опрошено 260 работников 20 промышленных предприятий в четырех городах России, выяснилось, что наибольшую мобильность проявляли молодые работники, еще не успевшие "обрасти" льготами и привилегиями (при общем уровне текучести на предприятиях в 7-8%, уровень текучести среди молодежи составлял в среднем 30%). Они без колебаний покидали старое место, порой даже не решив, что делать дальше. Старшие родственники, как правило, родители, работающие на заводе, устраивают их на завод, "чтобы не болтались без дела". Это тот случай, когда родители заботятся, в основном, о том, чтобы хоть чем-нибудь занять своих отпрысков и сохранить в то же время контроль над ними (собственно говоря, такой способ устройства характерен не только для кризисных времен). Эта категория работников задерживается на заводе недолго, внося свой вклад в статистическую картину "ураганной текучести".

Некоторые исследования показывают, что 39% молодежи делает свой первый выбор профессии под давлением обстоятельств и только 14% говорят, что к профессии у них лежит душа. Больше одной трети выбирают профессию "случайно"³.

Анкетный опрос, проведенный среди 106 школьников 10-11 классов, выявил гендерные стереотипы при выборе профессии: 47% девушек и 57% юношей считают неприемлемым для себя заниматься нетрадиционной для своего

¹ Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997. с.13-18.

² Козина И.М. Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий // Социол. исслед., 1997, № 4. с.55-64.

³ Отчет "Социальный портрет молодежи Прикамья - 1999". Областной комитет по делам молодежи администрации Пермской области. Исследователи: Нода А.С., Мезрин А.В. Опрошено 1,5 тыс. молодых людей (от 15 до 30)

пола работой¹. К типично мужским 72% опрошенных девушек и 57% юношей отнесли: шахтер, машинист, водитель, грузчик, механик, водопроводчик, военный, строитель, маляр, слесарь, теплохранитель, математик, инженер, пожарный, дворник, врач, программист, экономист, политик, юрист, электрик, предприниматель, сотрудник ФСБ. Они связаны либо с физически тяжелой, грязной работой, либо с занятиями, которые требуют серьезных интеллектуальных усилий и предполагают конкуренцию, соперничество. Типично женскими: секретарь, врач, бухгалтер, воспитатель, швея, медсестра, учитель, парикмахер, вязальщица, дизайнер, продавец, психолог, повар, няня, косметолог, стюардесса и прачка. Эта группа профессий связана с традиционными занятиями женщины в рамках семьи: воспитание, обучение детей, уход, обслуживание и забота о членах семьи.

Многие девушки не желают приобрести профессии, где преобладают мужчины, а если все же решаются приобрести такую профессию, то часто сталкиваются с проблемами. Обычно это выражается в снисходительном отношении коллег-мужчин, в поручении женщине заданий менее сложных и ответственных, чем она в состоянии выполнить, в прямой или косвенной дискриминации в служебном продвижении. Кроме того, хорошее выполнение задачи, высокий результат в чем-либо, достигнутый мужчиной, чаще всего объясняют его способностями, а такой же результат, достигнутый усилиями женщины — случайной удачей или другими внешними причинами. В то время как 77,4% девушек утверждали, что им недостаточно заниматься только домашним хозяйством, 68% юношей заявили, что место женщины как раз дома, на кухне.

Каналы информации

Удовлетворенность своим выбором зависит от множества факторов, которые могут быть и не связаны между собой, а потому и плохо контролируемы. Маленький городок или поселок на окраине вселенной — это всегда очень узкий рынок труда. Да и брачный рынок тоже. Подобрать здесь хорошую работу, как и завидную невесту, крайне трудно. Другим сдерживающим фактором служит наличие подходящих учебных заведений. Ты мечтаешь стать модельером, а в округе кроме кулинарного техникума ничего нет.

К перекосам при выборе профессии приводит недостаточная или искаженная информация о ней. Свою базу данных на будущее подросток, для которого актуален такой выбор, комплектует из самых разных источников: книг, журналов, газет, телепередач, рассказов близких и родных, советов случайных или малознакомых людей, увиденных жизненных ситуаций, объявлений на столбе или на воротах заводской проходной, наконец, из Интернета. Ни один из них нельзя признать достоверным, объективным или надежным источником данных. У каждого свои «прибамбасы». Один — достаточной полный, но информации в нем так много и она настолько несистематизирована, что кроме «каши» в голове после общения с таким источником ничего не остается. Как уже догадались, речь идет о самом современном канале информации — Интернете. Другой источник сообщает такие «интимные» подробности, каких не услышишь ни из какой телепередачи, но он явно субъективен и пристрастен. Подруга может отсоветовать идти в эстрадные певцы, поскольку в этой профессии, по ее словам, «всех пропускают через постель». Хотя реальность и далека от эмоциональных суждений по-

¹ Днепрова С.Ю., Фрейдзон С.В., Влияние половых представлений школьников на профессиональный выбор // Психологическая газета, 1997. № 3(18).

дружки, основанных то ли на ее неудачном личном опыте, то ли на слухах и сплетнях, полученных от знакомых.

Можно сказать, что ни один канал информации о профессиях не выдерживает испытания на достоверность и объективность. Но самое удивительное кроется в том, что такого канала в принципе существовать не может. Любая информация о любой профессии основана исключительно на личных впечатлениях тех людей, кто занят ею и видит ее изнутри. А видят люди совершенно разные картины мира. Общими и достоверными могут быть самые общие сведения, проверяемые статистикой, и главное среди них — размер материального вознаграждения. К объективным сведениям можно отнести данные о характере и содержании труда, режиме работы и некоторые другие. Они определены законодательно или сложившейся культурной практикой общества, мало меняются в зависимости от места работы. Скажем, авиадиспетчер или менеджер по продажам, в каком бы городе он ни трудился или в каком учреждении ни состоял на службе, повсюду встретит одни и те же условия занятости. А вот условия труда, например комфортность рабочего места, всевозможные льготы, надбавки и доплаты могут быть совершенно разными на разных местах работы.

В результате недополученных сведений молодой человек, задумывающийся о своем, быть может, самом главном выборе в жизни, на самом деле выбирает не профессию, а место работы. Подобная путаница сводит с ума специалистов, так чего уж говорить о неопытных юнцах?! Кто разберется, что идет от места службы, а что от профессии. В вузе или техникуме учат профессии, между прочим, а не месту работы.

Реальный выбор профессии предполагает наличие информации как о мире профессий в целом, о возможностях и требованиях каждой из них, так и о себе самом, своих способностях и интересах.

Но объективной информации молодежи как раз и не хватает. Недостаток жизненного опыта и некоторая гипертрофия собственного «Я» вызывают завышенный уровень притязаний к профессиям, одни из которых чрезмерно романтизируются, другие — отвергаются с порога: в «хорошей» профессии все хорошо, в «плохой» — все плохо. Старикам проще — они прекрасно знают, что почему, и ориентируются в большинстве существующих профессий. Но им уже ничего выбирать не надо. Получается социальная или жизненная несправедливость: когда нужно выбирать самое главное в жизни, информация в дефиците, а когда уже ничего не надо выбирать, человек все обо всем знает. Исход известен — от 30 до 40% людей разочаровываются в избранной специальности на 3-4 курсах, до 50% меняют профессию после окончания вуза или трудятся не по специальности. Аналогичная статистика наблюдается и у той части молодежи, которая не поступила в вуз, а устроилась работать. И она меняет профессии и места работы как в калейдоскопе.

Опросы школьников показывают: подростки мало знают «мир профессий», плохо информированы об условиях и характере выбранной деятельности, не знают о возможном неблагоприятном влиянии факторов производства на состояние здоровья. В частности, при выборе профессии ни сами подростки, ни их родители не принимают во внимание имеющиеся нарушения здоровья и возможность его ухудшения в процессе трудовой деятельности.

Профессиональные предпочтения юношества сегодня, как и 40 лет назад, не соответствуют потребностям общества¹. Многие подростки хотят иметь интересную и высокооплачиваемую работу, но какая профессия обеспечит это — не знают. Им явно не хватает информации о том, как тот или иной вид занятости может быть связан с их долговременными ориентациями и жизненными

¹ Селиванова З.К. Смысложизненные ориентации подростков // Социол. исслед., 2001, № 2. с.87-92.

целями¹. Подростки принимают за "правду жизни" все то, что транслируется по ТВ и видео, часто не подозревая о том, что это вовсе не жизнь.

Агенты и факторы влияния

Агентами влияния называются индивиды, группы или институты, оказывающие на принятие окончательного решения либо очень заметное, либо преобладающее воздействие. Агентами влияния при выборе профессии выступают родители, родственники, друзья и знакомые, школа, рынок труда, а факторами, оказывающими такое влияние, — пол, возраст, социальный класс, уровень образования, место жительства, доступность информации о профессиях.

Среди агентов влияния выделяются **родители**, которые испокон веков оказывали и оказывают ныне решающее влияние в кризисные периоды жизни или в момент решительных поступков. Выбор профессии, несомненно, относится к таковым. С одной стороны, он является решительным моментом, поскольку требует максимальной концентрации силы воли, необходимой для принятия решения, и умения взять на себя повышенную ответственность. С другой стороны, это кризисный период, поскольку протекает в условиях стресса, нервных срывов, аффективных действий, нерешительности, глубоких раздумий и сомнений.

Социальный статус родительской семьи, уровень ее материального благополучия, образование и методы воспитания родителей выступают тем фундаментом, опираясь на который происходит планирование жизненной и профессиональной карьеры детей. Однако влияние исходной базы, в силу различия между семьями, может происходить как в позитив-

ную, так и в негативную сторону. Родители могут научить ребенка, как стать достойным человеком либо как не стоит жить на свете.

Известно множество способов, с помощью которых родители оказывают влияние на выбор профессии. Один из них — прямое **наследование профессии**: сын или дочь принимает дело родителей, продолжение семейного бизнеса представляется более легким и мудрым решением, чем начало своего собственного. Родители оказывают влияние, обучая своей профессии. Отец-плотник учит сына, когда берет его с собой на работу или просит друга взять сына в ученики. В семьях с низким социально-экономическим статусом подростки часто вообще не имеют выбора². В таких семьях родители просто передают свое мастерство детям.

Эмпирические исследования, проведенные в США, показали, что на профессиональный выбор известных математиков, по их словам, в решающей мере повлияло то обстоятельство, что один из родителей был математиком. В другом исследовании было доказано, что наличие в родне хотя бы одного учителя, оказывает решающее влияние, по заявлениям абитуриентов, на их поступление в педагогический вуз³.

Родители влияют на интересы и занятия детей с самого раннего возраста, целенаправленно предлагая им игровой материал, поощряя или осуждая их интересы, увлечения и занятия. Несомненно, воздействует и общая атмосфера, профессиональные семейные традиции. Отец-музыкант оказывает влияние на ребенка, склоняя его к занятиям музыкой и прививая любовь ней, совсем иначе, чем это делает не музыкант. Профессиональный футболист, как правило, хочет, чтобы его сын с раннего детства занимался футболом. При-

¹ Выбор молодежью жизненного пути: опыт межрегионального социологического исследования / Под ред. Е.М. Бабосова, М.Х. Титмы. Минск. 1988. С. 37; Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984. С. 211.

² DeRidder L. The impact of parents and parenting on career development. Knoxville, TN: Comprehensive Career Development Project, 1990.

³ Lankard Bettina A. Family Role in Career Development // ERIC Digest, 1995. No. 164.

мерно 44% сыновей врачей также становятся медиками, а 28% сыновей адвокатов выбирают юридическую карьеру — процент, значительно более высокий, чем при случайном выборе¹.

Родители создают ролевые модели, которым следуют дети. Хотя родители могут и не стремиться повлиять на выбор детей, но они делают это своим примером, особенно если дети привязаны к своим родителям. Эмпирические исследования обнаружили закономерность: отцы, являющие собой пример позитивной профессиональной и общей ролевой модели, оказывают наиболее сильное и положительное влияние на выбор их детьми будущей профессии. Несмотря на то что влияние отца на выбор профессии в семьях с низким социально-экономическим статусом не оценивается как положительное (обычно у них или нет достаточно близких отношений с детьми, или они не принимают активного участия в их воспитании, или их занятие не престижно), тем не менее, оно бывает довольно значительным².

Как показывает исследование³, проблема выбора профессии становится актуальной у школьников лишь по мере приближения окончания школы. Хотя уже в 9-х классах значительный процент молодежи обсуждает ее с кем-либо из своего социального окружения. Среди них приоритетную роль играет для 76,1% опрошенных мать; 58,1% обсуждают проблему выбора профессии также с друзьями; 48,8% — с отцом; 29,5% — с кем-либо из родственников и, наконец, последнее, шестое, место по ответам опрошенных занимают учителя — всего 16,3%. Следовательно, при решении проблем профессионального самоопределения самыми неавторитетными фигурами являются педагоги

школы. Социологические данные свидетельствуют, что около 45% юношей и около 50% девушек, вероятно, будут ориентироваться при выборе профессии на мнение матерей, так как их взгляды совпадают с взглядами молодежи на жизнь. Значительно ниже авторитет отцов, его отметили лишь 37,5% юношей и 23,8% девушек⁴.

Более 10% отцов и матерей утрачивают свой авторитет у детей при переходе от 9-го класса к 11-му. Совпадение интересов семьи и школьников к 11-му классу имеет место приблизительно у 1/3 учащихся старших классов. Приоритетную роль в жизненном самоопределении, в том числе профессиональном, играют друзья. Так, почти 60% девушек считают, что их мнение совпадает с мнением друзей, среди юношей такое "единомыслие" с друзьями существует лишь у 34,8% опрошенных⁵. Практически расходятся во мнениях о решении жизненных проблем учителя и школьники.

Родители иногда направляют, определяют или ограничивают выбор своих детей, настаивая на продолжении или прекращении обучения, на определенном вузе или спецшколе, на приобретении такой профессии, которую они считают наиболее выгодной или самой лучшей. Взрослые в подобной ситуации не считаются с интересами или желаниями своих детей, заранее считая их незрелыми и не заслуживающими внимания. Часто получается, что они обрекают своих чад всю жизнь заниматься делом, к которому они совершенно не приспособлены. Зачастую подростки, привыкшие к авторитарному правлению, не решаются возражать родителям либо соглашаются с их желаниями, чтобы сделать им приятное или просто

¹ Conger J.J. Adolescence and Youth. New York: Harper, 1973.

² Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000. с.535-537.

³ Исследование проведено в старших (9-, 10-, 11-х) классах средних школ европейской части России и Урала в конце октября 1996 г. и охватило 1750 учеников.

⁴ Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997. с.13-15.

⁵ Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997. с.14-15.

оттого, что сами не знают, чего хотят. Поскольку авторитарные методы воспитания чаще практикуются в семьях низшего класса, именно здесь родителя навязывают детям то, какую профессию тем следует выбрать. Поступая вопреки своим желаниям, дети рабочих испытывают двойную психологическую перегрузку: с одной стороны, они подавлены тем, что им не позволяют реализовать заветную мечту, с другой — испытывают чувство вины перед родителями, когда поступают по-своему и не оправдывают надежд родителей. В авторитарных семьях подростки настолько подавлены, что неспособны отличить своих желаний от желания и воли своих родителей¹.

Иногда отец стремится к тому, чтобы его сын приобрел специальность, которой он сам всегда интересовался, но так и не смог ее получить. В этом случае ребенок выполняет функцию агента реализации родительской мечты. Навязывание своей воли может происходить еще и потому, что отец или мать нашли удовлетворение в своей профессии и полагают, что детям она тоже понравится. Отец может оказывать давление посредством денег, или же отправляя сына учиться в суворовское училище, которое некогда окончил сам и с которым у него связаны лучшие воспоминания.

Представители низших классов считают, что иметь высшее образование не обязательно, поскольку они-то прожили без него. Другие родители, не ожидая от своих детей больших успехов или выдающихся талантов, не прилагают усилий к тому, чтобы они поступили в престижную школу или вуз. Так или иначе, но родители ломают судьбу детей, не предоставив им шанса добиться чего-то большего, чем ожидают родители или чего

они сами добились. Ограничение возможностей профессионального выбора может служить прямым отражением ограниченности материального уровня родительской семьи или ограниченности родительского кругозора.

В своем исследовании Дж. Мортимер² установил, что при ограниченности материальных ресурсов в малообеспеченных семьях деньги на образование и получение приличной профессии родители направляют прежде всего сыновей, а затем уже дочерей. Гендерное неравенство в низшем классе более заметное, чем в двух других классах. Его усиливает не только практика преимущественных инвестиций в обучение сыновей, но и существующая в среде рабочего класса система стереотипов относительно разделения труда в семье, согласно которым место женщины — у плиты.

На выбор детей оказывает влияние также то, как родители оценивают тот или иной вид деятельности. Однако по результатам одного из исследований, в рамках которого проводилось сравнение оценок различных профессий 322 студентами колледжей и их родителями, ценностные ориентеры детей существенно отличались от родительских³. Очевидно, что влияние родителей в современном обществе постепенно ослабевает, а роль других факторов, таких как средства массовой информации или образование, заметно возрастает.

Влияние родителей тем заметнее, чем больших успехов в жизни они сами добились и чем выше их социальный статус. Исследования показывают, что подросток тем скорее прислушается к мнению матери относительно целей об-

¹ Middleton E. B., Loughhead T. A. Parental Influence on Career Development: An Integrative Framework for Adolescent Career Counseling // *Journal of career development* 19, no. 3 (Spring 1993): 161-173; Penick N., Jepsen D. Family Functioning and Adolescent Career Development // *Career development quarterly* (March 1992). 40, no. 4: 208-222.

² Mortimer J. et al. Influences on adolescents vocational development. Berkeley, CA: National Center for Research in Vocational Education, 1992.

³ Vodanovich S. J., Kramer T. J. An examination of the work values of parents and their children // *Career Development Quarterly* (1989). 37, 365-374.

разования, чем выше уровень ее собственного образования. Оно весомее в тех ситуациях, когда осуществляется в демократических, а не в авторитарных формах, когда учитывает в большей степени интересы ребенка, чем интересы самих родителей. Наконец, согласованные действия родителей, когда между отцом и матерью нет конфликта или противостояния интересов, оказывают более заметное воздействие в сфере профессионального выбора детей, чем рассогласованные и противоречивые

Эмпирическим путем было доказано, что функциональные возможности семьи с большей вероятностью предсказывали направление развития будущей карьеры детей, чем пол, социально-экономический статус и успехи в учебе¹. Под функциональными возможностями понималась способность семьи достигать поставленных целей. Она измерялась такими переменными, как сплоченность, экспрессия, степень конфликтности, организация, место в обществе, демократичность семейных правил, сила взаимных обязательств, и другими факторами, связанными с функционированием семейной системы. Семьи с демократическим стилем взаимоотношений оказывают более сильное влияние на профессиональный выбор детей.

Роль родителей заметно повышает с повышением социального статуса семьи. В высшем классе явное и латентное (через наследование крупного состояния, среду общения) влияние родителей очень заметное. Оно несколько ослабляется в среднем классе, где меньше имущественных рычагов воздействия на поведение детей и шире распространена практика демократического общения поколений. Наконец, в

низшем и рабочем классах роль родителей минимальна. В лучшем случае она эквивалентна влиянию на выбор профессии сверстников и случайных факторов. Подростки из рабочего класса стремятся достичь более высокого статуса, если их в этом поддерживают родители и друзья, а при отсутствии такой поддержки их притязания весьма скромные.

При выборе профессии российские школьники, как и учащиеся СПТУ, на первое место "ставят" (чаще всего) не те профессии, которые они считают "престижными", а те, которые возможно получить по соображениям "доступности" и "полезности", т.е. более высокой зарплаты. Например, среди "престижных" профессий профессия программиста не получила и долей процента, тогда как после окончания школы 5,8% юношей и 0,3% девушек не прочь освоить именно эту профессию. Не попали в престижные профессии "педагоги", которыми хотят стать 4,5% девушек и 0,4% юношей. Аналогичная ситуация и с профессиями медработника, занявшими на шкале "престижа" последнее место, тогда как 4,5% юношей и столько же девушек пойдут в медицинские вузы. Таким образом, молодежь весьма реалистично оценивает свои возможности в выборе профессии. Часто эти возможности выходят на первое место по сравнению с профессиональными интересами и способностями молодых людей².

Согласно данным исследования, проведенного под руководством Дж. Бахмана, юноши, которые изначально были уверены, что их родители хотят, чтобы после школы они пошли работать, как правило, именно так и поступали³. Военную службу предпочли те, кто также не стремился в колледж. Они происходили из больших семей с низ-

¹ Penick N., Jepsen D. Family Functioning and Adolescent Career Development // Career development quarterly (March 1992). 40, no. 4: 208-222.

² Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997. с.18.

³ Schulenberg J., O'Malley P., Bachman J., Johnston L. Paths into Adulthood, Well-being, and Substance Use // Research Network on the Transitions to Adulthood. October 2004, Issue 13.

ким социальным статусом; их успеваемость также оставляла желать лучшего (по сравнению с подростками, наметившими для себя поступление в колледж). Предпочитавшие «тянуть лямку» в армии, как правило, не имели навыков сельскохозяйственного труда, не отличались успехами в учебе и были убеждены, что родители будут счастливы, если они пойдут служить в армию. Поступление в колледж выбирали юноши из небольших семей с высоким статусом. Они имели в среднем хорошую успеваемость, изъявляли вполне определенное желание продолжить образование и не слишком утруждали себя дополнительными заработками во время учебы. Эти юноши отличались более высокими интеллектуальными способностями, и их друзья также предпочитали поступать в колледж, а не идти работать сразу после школы.

Социо-экономический статус семьи влияет на осведомленность молодых людей о различных профессиях. У родителей, принадлежащих к среднему классу, больше шансов дать своим детям широкую информацию о существующих специальностях, сформировать у них целенаправленный интерес и получить представление о возможностях трудоустройства за пределами родного района. Напротив, подростки из неблагополучных семей обладают более узким профессиональным кругозором, они меньше читают и меньше слышаны о разных профессиях. Ограниченная профессиональная осведомленность снижает шансы благополучного трудоустройства на рынке труда. Отечественные социологи отмечают, что малоимущие группы уже на этапе выбора профессии занижают свои потребности, исходя из ограниченных возможностей их реализации.

Местные традиции профессионального выбора, скажем, предпочтение аграрных, пастушеских или ремесленных занятий, оказывают влияние не меньшее либо сопоставимое с воздействием классовой позиции индивида. Немаловажным фактором является также

район проживания молодого человека — живет он в городе или в сельской местности. Подростки в городах имеют более широкие возможности, чем сельские жители.

К ограничениям в выборе профессии могут вести культурные, религиозные, экономические, политические и психофизические факторы. За период школьного обучения число российских детей, имеющих хронические заболевания, увеличивается на 20%, а частота хронических патологий возрастает в 1,5 раза. Ограничения в выборе профессии у школьников обусловлены в 65% случаев наличием хронических заболеваний и в 35% случаев имеющимися выраженными функциональными нарушениями. К окончанию школы от 20 до 50% учащихся имеют ограничения в выборе профессии по состоянию здоровья. У каждой четвертой девочки-подростка есть различные формы нарушения репродуктивного здоровья. Каждый пятый выпускник школы имеет ограничение в выборе профессии по зрению. Косоглазие обычно ведет к ограничениям в выборе профессии: человек, страдающий косоглазием, вряд ли сможет работать врачом, в том числе хирургом. 12-28% учащихся, получающих начальное профессиональное образование, имеют прямые медицинские противопоказания к выбранным и изучаемым профессиям. Ограничения в выборе профессии у школьников обусловлены в 65% случаев наличием хронических заболеваний и в 35% случаев имеющимися выраженными функциональными нарушениями; 12-28% учащихся, получающих начальное профессиональное образование, имеют прямые медицинские противопоказания к выбранным и изучаемым профессиям. Профессионально-производственные факторы в дальнейшем могут значительно ухудшить состояние здоровья молодых рабочих, привести к прогрессированию имеющейся патологии, развитию осложнений и ранней инвалидизации.

Большое влияние оказывает общественное мнение. Профессии, которые

считаются наиболее престижными и имеющие самый высокий статус, выбираются чаще и пользуются большей популярностью, чем менее престижные и имеющие низкий статус. Чем выше статус семьи, тем лучше успеваемость в школе и тем более престижными профессиями подростки намереваются овладеть. Как свидетельствуют опросы, высокие интеллектуальные способности они рассматривают как условие, обеспечивающее доступ к престижным специальностям. Профессиональные устремления зависят как от социального статуса, так и от интеллектуальных способностей молодого человека¹.

Литература

1. Astafiev J., Firsova O., Shubkin V. Youth and New Technologies in the USSR // *European Youth and New Technologies: A Comparative Analysis of 12 European Countries* / Ed. by R. Furst-Dilic. Vienna, 1991.
2. Conger J.J. Adolescence and Youth. New York: Harper, 1973.
3. DeRidder L. The impact of parents and parenting on career development. Knoxville, TN: Comprehensive Career Development Project, 1990.
4. Ginzberg E., Ostow M., Dutka Anna B. The Economics of Medical Education. New York: Josiah Macy Jr. Foundation, 1993
5. Ginzberg Eli and others. Occupational Choice: An approach to a General Theory. N.Y.: Columbia University Press, 1951; Ginzberg E. Toward a theory of occupational choice // *Occupations*, (1952). April; Ginzberg E. Toward a theory of occupational choice: A restatement // *Vocational Guidance Quarterly*, (1972). 20, 169-176.
6. Gottfredson G. D., Holland J. L. Dictionary of Holland Occupational Codes. (3rd ed.) Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1996.
7. Holland J. L. A personality inventory employing occupational titles // *Journal of Applied Psychology*, 1958. Vol.42, 336-342; Holland J. L. A theory of vocational choice // *Journal of Counseling Psychology*, 1959. Vol.6, 35-45.
8. Lankard Bettina A. Family Role in Career Development // *ERIC Digest*, 1995. No. 164.
9. Mortimer J. et al. Influences on adolescents vocational development. Berkeley, CA: National Center for Research in Vocational Education, 1992.
10. Osipow S. H. Success and preference: A replication and extension // *Journal of Applied Psychology*, 1972. Vol.56, 179-180; Osipow, S. H., Scheid, A. B. The effect of manipulated success ratios on task performance // *Journal of Vocational Behavior*, 1972. Vol.1, 93-98; Osipow S. H. Theories of career development (3rd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1983; Osipow S. H. Applying person-environment theory to vocational behavior // *Journal of Vocational Behavior*, 1987. Vol. 31, 333-336; Osipow S. H. Theories of career development. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1993.
11. Penick N., Jepsen D. Family Functioning and Adolescent Career Development // *Career development quarterly* (March 1992). 40, no. 4: 208-222.
12. Schulenberg J., O'Malley P., Bachman J., Johnston L. Paths into Adulthood, Well-being, and Substance Use // *Research Network on the Transitions to Adulthood*. October 2004, Issue 13.
13. Siefert K. H. Theorien der Berufswahle urn der beruflichen Entwicklung // Seifert K.H. Eckhardt H.H., Jaide W. *Handbuch der Berufspsychologie*. Göttingen, 1977. S. 173—279.
14. Super D. E. Vocational development. N. Y., 1957; Super D. E., Bahn M. Y. *Occupational psychology*. L.: Tavistock, 1971.
15. Vodanovich S. J., Kramer T. J. An examination of the work values of parents

¹ Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000. с.535-537.

- and their children // *Career Development Quarterly* (1989). 37, 365-374.
16. Vroom V. H. *Motivation in Management*. N.Y., 1965.
17. Watson T. J. *Sociology, Work and Industry*. New York, 1995. P. 217.
18. Бодров В.А. Проблемы профессионального психологического отбора // *Психологический журнал*, 1985. Т.6. № 2. с.85-94.
19. Водзинская В. В. Ориентация на профессии // *Социальные проблемы труда и производства*. М.: Мысль, 1970; Лисовский В. Т. *Советское студенчество: Социологические очерки*. М.: Высш. школа, 1990; Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. *Личность студента*. Л.: ЛГУ, 1974.
20. Выбор молодежью жизненного пути: опыт межрегионального социологического исследования / Под ред. Е.М. Бабосова, М.Х. Титмы. Минск. 1988. С. 37; Кон И.С. *В поисках себя: личность и ее самосознание*. М., 1984. С. 211.
21. Высшая школа в зеркале общественного мнения / Отв. ред. А. А. Овсянников. М.: Высшая школа, 1989.
22. Герасимова М. Школьник - 91 // *Перспективы гуманитарного образования в средней школе*. М., 1992. с.91-102.
23. Глебкин В.В. *Мир в зеркале культуры*. Ч.1. *История древнего мира*. М., 2000.
24. Головаха Е.М. *Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи*. Киев, 1988.
25. Гурова Р. Г. К вопросу о конкретных социально-педагогических исследованиях // *Советская педагогика*. 1966, № 2.
26. Днепровская С.Ю., Фрейдзон С.В., *Влияние половых представлений школьников на профессиональный выбор* // *Психологическая газета*, 1997. № 3(18).
27. *Жизненные пути молодого поколения* / Отв. ред. М. Х. Титма. Таллин: Ээсти раамат, 1985; *Социально-профессиональная ориентация молодежи* / Отв. ред. М. Х. Титма. Тарту: Ээсти раамат, 1973.
28. Климов Е.А. *Как выбирать профессию*. М., 1990; Климов Е.А. *Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие*. М., 1996.
29. Козина И.М. *Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий* // *Социол. исслед.*, 1997, № 4. с.55-64.
30. *Количественные методы в социологических исследованиях* / Отв. ред. А.Г.Аганбегян. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1964
31. Колонтаевская Е.А. Профорентация (<http://socpedagogika.narod.ru>).
32. Кондаков И.М., Сухарев А.В. *Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития* // *Вопросы психологии*, 1989. №5. с.161-162.
33. Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. *Молодежь и образование*. М.: Наука, 1977.
34. *Образ жизни современного студента: социологическое исследование* / Отв. ред. В. Т. Лисовский. Л.: ЛГУ, 1981.
35. Подмарков В.Г. *Введение в промышленную социологию (Социальные проблемы социалистического промышленного производства)*. М., 1973., с.43.
36. Райс Ф. *Психология подросткового и юношеского возраста*. СПб., 2000.
37. Руткевич М.Н. *Становление социальной однородности*. М., 1982, с. 12, 212, 217.
38. Селиванова З.К. *Смыслоразнозначные ориентации подростков* // *Социол. исслед.*, 2001, № 2. с.87-92.
39. Титма М.Х. *Выбор профессии как социальная проблема*. М., 1975.
40. *Труд как первая жизненная потребность*. Минск, 1987.
41. Филиппов Ф. Р. *Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы*. М.: Мысль, 1976.
42. Черноволенко В. Ф., Оссовский В. А., Паниотто В. И. *Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи*. Киев: Наукова думка, 1979.
43. Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. *Социология образования: прикладной аспект*. М., 1997.

44. Шубкин В. Н. Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.

45. Шубкин В. Н., Артемов В. И., Москаленко Н. Р., Бузукова Н. В., Калмык В. А. Количественные методы в социологических исследованиях проблем трудоустройства и выбора профессии // Количественные методы в социологических исследованиях / Под ред. А. Г. Аганбегяна и В. Н. Шубкина. Новосибирск: НГУ, 1964.

46. Экспериментальная психология. М., 1963. Т. 2. с.879

Profession Choice: Conceptual Frames and Empirical Trends

Kravchenko A.I.

MSU

In domestic sociology, two phenomena are distinguished: □ choice of profession and professional selection. Choosing a profession □ spontaneous individual process of finding a job, the characteristics of which would correspond to the characteristics of the person (inclinations, temperament, social status, place of residence, etc.). Professional selection □ targeted selection of one candidate among several applicants for a free vacancy, which is carried out by a specialist □ an employee of the organization, based on a list of requirements characterizing a given workplace. Sociologists often used the definition that psychologists proposed. According to the latter, the professional selection □ is "the process of selecting from a group of candidates for a certain position those people who can most likely be expected to succeed in this work".

Key words: choice of profession, labor, work, motivation, professional selection, sociology, psychology.

References

1. Astafiev J., Firsova O., Shubkin V. Youth and New Technologies in the USSR // European Youth and New Technologies: A Comparative Analysis of 12 European Countries / Ed. by R. Furst-Dilic. Vienna, 1991.
2. Conger J.J. Adolescence and Youth. New York: Harper, 1973.
3. DeRidder L. The impact of parents and parenting on career development. Knoxville, TN: Comprehensive Career Development Project, 1990.
4. Ginzberg E., Ostow M., Dutka Anna B. The Economics of Medical Education. New York: Josiah Macy Jr. Foundation, 1993

5. Ginzberg Eli and others. Occupational Choice: An approach to a General Theory. N.Y. : Columbia University Press, 1951; Ginzberg E. Toward a theory of occupational choice // Occupations, (1952). April; Ginzberg E. Toward a theory of occupational choice: A restatement // Vocational Guidance Quarterly, (1972). 20, 169-176.
6. Gottfredson G. D., Holland J. L Dictionary of Holland Occupational Codes. (3rd ed.) Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1996.
7. Holland J. L. A personality inventory employing occupational titles // Journal of Applied Psychology, 1958. Vol. 42, 336-342; Holland J. L. A theory of vocational choice // Journal of Counseling Psychology, 1959. Vol. 6, 35-45.
8. Lankard Bettina A. Family Role in Career Development // ERIC Digest, 1995. No. 164.
9. Mortimer J. et al. Influences on adolescents vocational development. Berkeley, CA: National Center for Research in Vocational Education, 1992.
10. Osipow S. H. Success and preference: A replication and extension // Journal of Applied Psychology, 1972. Vol. 56, 179-180; Osipow, S. H., Scheid, A. B. The effect of manipulated success ratios on task performance // Journal of Vocational Behavior, 1972. Vol. 1, 93-98; Osipow S. H. Theories of career development (3rd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1983; Osipow S. H. Applying person-environment theory to vocational behavior // Journal of Vocational Behavior, 1987. Vol. 31, 333-336; Osipow S. H. Theories of career development. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1993.
11. Penick N., Jepsen D. Family Functioning and Adolescent Career Development // Career development quarterly (March 1992). 40, no. 4: 208-222.
12. Schulenberg J., O'Malley P., Bachman J., Johnston L. Paths into Adulthood, Well-being, and Substance Use // Research Network on the Transitions to Adulthood. October 2004, Issue 13.
13. Siefert K. N. Theorien der Berufswahle urn der beruflichen Entwicklung // Seifert K.H. Eckhardt H. H., Jaide W. Handbuch der Berufs psychologie. Göttingen, 1977. S. 173-279.
14. Super D. E. Vocational development. N. Y. 1957; Super D. E., Bahn M. Y. Occupational psychology. L. : Tavistock, 1971.
15. Vodanovich S. J., Kramer T. J. An examination of the work values of parents and their children // Career Development

- Quarterly (1989). 37, 365-374.
16. Vroom V. H. Motivation in Management. N.Y., 1965.
 17. Watson T. J. Sociology, Work and Industry. New York, 1995. P. 217.
 18. Bodrov V.A. Problems of professional psychological selection // Psychological journal, 1985. V.6. No. 2. p.85-94.
 19. Vodzinskaya VV Orientation to the profession // Social problems of labor and production. Moscow: Thought, 1970; Lisovsky V.T. Soviet students: Sociological essays. M.: Higher school, 1990; Lisovskiy V.T., Dmitriev A.V. Student personality. L.: LSU, 1974.
 20. Choice of life path by youth: experience of interregional sociological research / Ed. EAT. Babosova, M.Kh. Titms. Minsk. 1988.S. 37: Kon I.S. In Search of Oneself: Personality and Its Self-Consciousness. M., 1984.S. 211.
 21. Higher school in the mirror of public opinion / Otv. ed. A. A. Ovsyannikov. M.: Higher school, 1989.
 22. Gerasimova M. Shkolnik - 91 // Perspectives of humanitarian education in secondary school. M., 1992, pp. 91-102.
 23. V. V. Glebkin The world in the mirror of culture. Part 1. Ancient world history. M., 2000.
 24. Golovakha E.M. Life perspective and professional self-determination of youth. Kiev, 1988.
 25. Gurova RG To the question of specific socio-pedagogical studies // Soviet pedagogy. 1966, no. 2.
 26. Dneprovskaya S.Yu., Freidzon S.V., Influence of sexual representations of schoolchildren on professional choice // Psychological newspaper, 1997. No. 3 (18).
 27. Life paths of the younger generation / Otv. ed. M. Kh. Titma. Tallinn: Eesti raamat, 1985; Social and professional orientation of youth / Otv. ed. M. Kh. Titma. Tartu: Eesti raamat, 1973.
 28. Klimov E.A. How to choose a profession. M., 1990; E.A. Klimov Psychology of professional self-determination: a textbook. M., 1996.
 29. Kozina I.M. Behavior in the labor market: analysis of labor biographies // Sotsiol. Issled., 1997, No. 4. p.55-64.
 30. Quantitative methods in sociological research / Otv. ed. A.G. Aganbegyan. Novosibirsk: Novosib. state un-t, 1964
 31. Kolontaevskaya E.A. Vocational guidance (<http://socpedagogika.narod.ru>).
 32. Kondakov I.M., Sukharev A.V. Methodological foundations of foreign theories of professional development // Questions of psychology, 1989. №5. p. 161-162.
 33. Konstantinovskiy DL, Shubkin VN Youth and education. M.: Science, 1977.
 34. The lifestyle of a modern student: a sociological study / Otv. ed. V. T. Lisovsky. L.: LSU, 1981.
 35. Podmarkov V.G. Introduction to Industrial Sociology (Social Problems of Socialist Industrial Production). M., 1973., p. 43.
 36. Rice F. Psychology of adolescence and youth. SPb., 2000.
 37. Rutkevich M.N. Formation of social homogeneity. M., 1982, p. 12, 212, 217.
 38. Selivanova Z.K. Life-meaning orientations of adolescents // Sociol. Issled., 2001, No. 2.s.87-92.
 39. Titma M.Kh. Choosing a profession as a social problem. M., 1975.
 40. Labor as the first vital need. Minsk, 1987.
 41. Filippov F. R. General secondary education in the USSR. Sociological problems. M.: Thought, 1976.
 42. Chernovolenko V. F., Ossovsky V. A., Paniotto V. I. The prestige of professions and problems of social and professional orientation of youth. Kiev: Naukova Dumka, 1979.
 43. Sheregi F.E., Kharcheva V.G., Serikov V.V. Sociology of Education: Applied Aspect. M., 1997.
 44. Shubkin V. N. The beginning of the path. Moscow: Young Guard, 1979.
 45. Shubkin V.N., Artemov V.I., Moskalenko N.R., Buzukova N.V., Kalmyk V.A. Quantitative methods in sociological research of problems of employment and choice of profession // Quantitative methods in sociological studies / Ed. A.G. Aganbegyan and V.N. Shubkin. Novosibirsk: NSU, 1964.
 46. Experimental psychology. M., 1963. Vol. 2.p.879

Гендерная проблема в России и пути совершенствования трудового законодательства

Малышев Максим Алексеевич,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Malishev@spa.msu.ru

В статье отмечается, что в современной России женщины не чувствуют полного удовлетворения своим семейным, трудовым и социальным положением. Решение гендерных проблем нередко усложняется прямым противодействием самих же женщин. Так, отстранение женщин от вредных и тяжелых работ иногда вызывает их возражение, так как при этом они лишаются относительно лучше оплачиваемой работы. Но такое поведение женщин встречается не часто. Многие из них хорошо сознают свое отличие от мужчин и готовы предоставить им первую роль в общественной жизни в обмен на получаемое от мужчин покровительство. В статье показывается, что полезно различать неодинаковое стремление к равенству в женских кругах, поскольку многие женщины стремятся иметь его в семейной жизни, другие - в трудовых отношениях, и только некоторые - в бизнесе, общественной и политической сфере.

Ключевые слова: гендер, законодательная база, равенство, социальное страхование, социальная слабость, социальная защищенность, покровительство.

Покровительственное отношение к женщине может вольно или невольно культивироваться государством. Так, если законодательство устанавливает для женщин менее высокий пенсионный возраст, чем для мужчин [1], то тем самым в общество вносится представление о женщине, как о более слабом существе, которое нуждается в особой заботе со стороны общества - то есть (практически) мужского населения (пониженный пенсионный возраст для женщин установлен не только в России и ряде стран СНГ, но и в некоторых западно-европейских государствах, например в Италии [2]). Законодательство многих стран мира, включая Россию, стремится способствовать внедрению в жизнь провозглашенных принципов равенства женщин с мужчинами. Для этого разрабатываются специальные нормы трудового, семейного и других отраслей права. Вместе с тем, законодатели любой страны не могут не считаться с тем, что женщина, как существо, которое социально слабее мужчины, нуждается в особой поддержке закона. Эта политика нередко устанавливается наравне с нормами, утверждающими равенство женщины. В результате, на некоторые механизмы, вроде социального страхования, имеющие экономическую основу, накладываются социальные задачи, которые являются для них чуждыми. Чтобы выправить это положение, нужно (как раз) четко различать задачу обеспечения гендерного равенства и задачу предоставления женщинам некоторых дополнительных преимуществ, вызванных их относительной социальной слабостью.

Покровительственное отношение к женщине (явно или скрытно) суще-

ствует в некоторых общественных кругах и разделяется некоторыми женщинами [3]. Последние иногда сами рассматривают себя как неполноценных субъектов экономических отношений [4], и поэтому мирятся с ущемлением своих семейных, гражданских, трудовых и политических прав. При этом они передают свои взгляды на положение женщин в обществе следующим поколениям.

Только к концу века женский вопрос постепенно перерос в вопрос о работающих женщинах, причем им нередко «завладевали» политические партии, стремящиеся получить голоса женщин на выборах. В частности, большую активность в этом направлении проявляла германская социал-демократия. Одна из ее деятелей Клара Цеткин, предложившая известный праздник 8 Марта, имела в виду вовсе не общеженский праздник (каким он стал в современной России), а именно день женщин-работниц. Как пишет Павлова-Сильванская М.П., в России День работниц впервые отмечался в 1913 году. Заслуживает внимания, что Февральская революция в Петрограде в 1917 г., которая началась с продовольственных бунтов женщин, пришлась на День работниц [5. С. 176].

При этом декларации о равноправии женщин фактически перерастали в требование известных преимуществ для женщин-работниц (поскольку они же становились матерями). Например, выдвигались требования о сохранении за ними заработка в период беременности и родов, а также за время, когда работающая женщина отлучается со своего рабочего места для кормления грудного ребенка и ухода за ним.

Эта же тенденция сохранилась и в первые десятилетия XX века, поскольку трудности, с которыми сталкивались женщины-работницы при выполнении своего материнского долга, были очевидны. Но с принятием во многих странах трудовых законов, защищавших интересы женщин, эта сторона незаслу-

женно ушла на второй план. Это касается и России, в которой законодательство о женщинах-работницах как бы застыло. Здесь заслуживают внимания некоторые нормы зарубежного права, прямо направленные на защиту интересов женщины-работницы в ее критические дни. В частности, такие нормы с 1992 года действуют в Китае. А во Вьетнаме на предприятиях с большим числом женщин полагается иметь ответственного администратора, специально занятого особенностями женского труда.

В современной России гендерные центры (например Московский центр гендерных исследований (МЦГИ) [6]), а равно отдельные ученые и их группы перенесли центр тяжести своих исследований с трудовых процессов на другие сферы женского равноправия. Так, большое число исследований выясняет роль женщин в политической жизни и общественных организациях, в управленческом бизнесе и частном предпринимательстве. Довольно активно обсуждается вопрос о преимущественно женской бедности в странах СНГ. Исследования последнего рода имеют некоторое отношение к женскому труду, поскольку многие женщины работают на малопrestижных и низкооплачиваемых участках; в числе зарегистрированных безработных женщин больше чем мужчин, поскольку им зачастую труднее найти работу [7]. Тем не менее, к проблеме трудовой занятости женщин эти исследования имеют лишь косвенное отношение.

Можно полагать, что это связано с общим ослаблением внимания социальной науки к вопросам так называемого реального производства. Возрастающие благодаря четвертой промышленной революции («Индустрия 4.0») экономические возможности позволяют многим странам, включая Россию, содержать значительное количество не занятого в производстве населения [8]. Рост свободного времени у всех слоев населения (так называемая лейжуризация), прекращение для многих людей

необходимости тяжело трудиться ради выживания, распространение среди части общества иждивенческих настроений - все это способствует отвлечению внимания многих исследователей от процессов производства к вопросам социальной защиты населения, досуга молодежи и др. В том же направлении действуют многие СМИ, как бы призывая человека проявить себя не в труде, а в какой-то побочной деятельности, которая преподносится как главное занятие современного человека и единственно достойная внимания: в спорте, развлечениях, искусстве (или псевдо-искусстве). Без большой ошибки можно утверждать, что для значительной части людей старинная пословица «Делу время, потехе час» оказалась перевернутой.

Эти явления, поскольку в них специально втягиваются женщины, можно рассматривать как «второе издание феминизма», которое (как известно) делало акцент на социальную раскрепощенность женщины. Подобные взгляды в женской и мужской среде обычны во многих странах Запада, но они довольно быстро распространились и в России.

Многие женские организации, как отечественные, так и зарубежные, стремятся обратить внимание государств на более важные женские проблемы, чем личная жизнь или развлечения, но они пока не имеют успеха. Так, на юбилейной XXV Международной женской конференции «Восток и Запад встречаются в Санкт-Петербурге» ряд женских организаций в Санкт-Петербурге в 2019 году обсуждали проблему ресурсного состояния современной женщины. Но обзор состояния «женского вопроса» в странах Европы и Центральной Азии показал неудовлетворительность государственного внимания к этой проблеме [9, 10]. Так, в ряде стран нет каких-либо государственных органов, занятых женскими проблемами (а если есть, то их компетенция остается неясной, а полномочия - минимальными), нет стати-

стики, отражающей положение женщины в обществе, нет процедур, позволяющих женщинам пользоваться предоставленными им правами. Многие СМИ либо вообще проходят мимо гендерных проблем, либо занимаются ими от случая к случаю (в основном - в поисках сенсаций), причем по большей части - неквалифицированно.

В странах, где действуют государственные органы, занятые проблемой женского равноправия, их деятельность во многом парализуется непрерывными организационными переменами, слиянием и разъединением с другими органами. В Польше в последние годы на решение гендерных вопросов сильное влияние оказывают католические организации (в том числе женские) [11. С. 95]. В результате, законодательство идет на сокращение круга случаев разрешенных аборт, уменьшает помощь государства в планировании семьи и в приобретении контрацептивных средств. Практически гендерный вопрос в Польше ограничен содействием семье, причем в основном в форме внимания к многодетным семьям.

В России на основании Пекинской платформы 1996 года был составлен национальный план действий, в который вошли следующие проблемы: бедность; образование и профессиональная подготовка (для женщин); охрана здоровья и охрана от насилия; экономика; права человека; освещение женских проблем в СМИ.

Вопреки Пекинским рекомендациям, в национальной программе Российской Федерации отсутствуют следующие вопросы: женщины и вооруженные конфликты; женщина во власти и в процедурах принятия (государственных) решений; продвижение по службе; женщина и охрана окружающей среды; воспитание девочек.

Однако даже те пункты, которые включены в национальную программу, не пользуются достаточным вниманием государственных органов. В частности, нет намека на гендерную экспертизу за-

конопроектов, рассматриваемых в Государственной Думе. В зачаточном состоянии находится движение по защите женщин от домашнего насилия (например, в Румынии первый центр для помощи женщинам в подобных случаях был организован в 1997 году).

В научных исследованиях почти отсутствует изучение таких проблем, как женская миграция, женщина в Вооруженных силах, матери-одиночки, женская преступность и социальная реабилитация женщин-преступниц, проституция и др.

После двух революций в России, в 1917 году, в области трудовых и семейных отношений, победила женская эмансипация. Этому способствовала мировая война, во время которой многие женщины были втянуты в промышленное производство. Приобщению женщин к общественному производству способствовало также то обстоятельство, что некоторые революционные (впоследствии государственные) деятели специально занимались вопросами женского равноправия. Например, И.Ф. Арманд начинала свою общественную деятельность с помощи «падшим созданиям», под которыми понимали бывших проституток. Революционное законодательство облегчило процедуру развода, что сделало женщин менее зависимыми от своих мужей.

Экономическая эмансипация женщин получила новое развитие в годы ускоренной индустриализации страны, когда большие массы сельской молодежи, в том числе девушки, привлекались на стройки и в промышленное производство. Развитие сети детских садов и яслей во многом имело перед собой задачу вовлечь в производство женщин с малолетними детьми. С той же целью - отвлечь женщину от домашнего очага - развивалась сеть хлебозаводов. Считалось, что продажа населению дешевого хлеба (при относительно более высокой цене на муку) позволит женщинам не печь домашний хлеб и освободит их время для работы в общественном производстве.

Специфический вопрос с «утилизацией» женского труда возникал в сельской местности, где на женщинах, помимо семейных обязанностей, лежали еще заботы по домашнему хозяйству. На этой почве возникла целая литература с «обменом опытом» относительно того, каким образом следовало бы привлекать женщин в общественное производство и какие меры помогли хотя бы частично разгрузить ее от домашних забот [12]. Среди таких мер предлагалась доставка топлива, других товаров и предметов, необходимых в сельском быту. По мнению ряда авторов подобных исследований, для многих сельских женщин освобождение их от части домашних забот дало бы им возможность участвовать в колхозном труде - пусть и не полный рабочий день.

Хотя подобные исследования были направлены на выполнение «государственного задания» по мобилизации трудового потенциала сельских женщин, их не следует отвергать и ныне, поскольку в них содержится положительный опыт помощи женщинам, совмещающим ведение домашнего хозяйства с общественным производством.

На территории бывшего СССР законодательство старалось всячески защитить интересы работниц-женщин, которые стали или которым предстояло стать матерью. Так, была установлена уголовная ответственность за отказ от приема на работу женщины по мотивам ее беременности. Не допускалось увольнение по сокращению штата (и по некоторым другим основаниям) женщин с малолетними детьми (ребенком), ограничивалась работа таких женщин в ночное время, сверхурочные работы, направление в командировки. Работницы - кормящие матери не теряли в зарплатке, даже если часть рабочего времени посвящали ребенку, и т. п. Такие же правила действовали и для женщин-служащих.

Однако подобные правила имели два существенных недостатка.

1. Дополнительные расходы и потери предприятия, где трудились женщины, пользовавшиеся законными льготами, ложились на эти предприятия, а не на государственный бюджет, хотя защита интересов работницы-матери (или будущей матери) является заботой всего общества, а не того предприятия или той отрасли, где она трудится. Этот недостаток в значительной степени сохраняется и в настоящее время.

2. Не было женских организаций, нацеленных на проверку соблюдения законов о труде женщин; профсоюзы же эту свою обязанность выполняли далеко не везде и не в должной мере (что наблюдается во многом и в настоящее время).

В результате, далеко не во всех случаях соблюдались (и соблюдаются) гарантии, которые провозглашены в интересах женщин. Более того, зная о необходимости предоставления льгот женщинам, ряд работодателей принимает их на работу в последнюю очередь, отдавая по возможности предпочтение мужчинам. В этих случаях законодательство о льготах для женщин оказывает им плохую услугу, так как мешает устроиться на хорошо оплачиваемую работу.

Поэтому общий вывод, который вытекает из этого опыта, таков:

- трудовые льготы работающим женщинам должны оказываться за счет государственного бюджета;
- если законодатель по какой-то причине не может или не хочет пойти на это, и перекладывает соответствующие обязанности на работодателей, то такая мера может иметь успех только в том случае, если сильны женские (или другие) общественные организации, способные следить за соблюдением предоставленных женщинам льгот (в США популярно шутивное правило, что для гарантированного устройства на работу надо быть одинокой женщиной с ребенком (или несколькими детьми) и принадлежать к цветному меньшинству - потому что именно такому контингенту

больше всего покровительствует закон и потому что имеются женские организации, специально следящие за соблюдением предпринимателями льгот для этой категории женщин.

Многие объявления с приглашением на работу содержат дискриминацию по половому и возрастному признаку - чаще всего к невыгоде женщин. В Венгрии, Германии подобные объявления считаются незаконными, однако в России с ними мирятся. Никаких санкций за подачу таких объявлений закон не содержит.

Хозяевам, подающие подобные объявления, обычно объясняют свои предпочтения сложившимися традициями, например трудностью для женщины быть водителем автобуса. Такие соображения заслуживают внимания, но не оправдания, ибо есть женщины, не уступающие по своим профессиональным качествам мужчинам даже в традиционно «мужских» профессиях.

Не известны судебные иски по поводу неосновательного отказа женщинам в приеме на работу. Это можно объяснить тем, что общественные организации стоят в стороне от конфликтов, связанных с отказом в приеме на работу. Сами же обиженные трудящиеся обычно не в состоянии поддерживать претензии к работодателям в суде, ибо подобные иски требуют обязательного профессионального (юридического) сопровождения. К таким общественным организациям относятся прежде всего профсоюзы, однако у них нет традиции защищать интересы лиц, которым отказано в приеме на работу.

Но если бы даже необоснованный отказ в приеме на работу был оспорен в суде, то нет гарантии, что дело будет решено в соответствии с конституционным правилом о равноправии женщин. Это связано с тем, что закон далек от того, чтобы подробно регламентировать права и обязанности сторон по таким делам (впрочем, как и по ряду других), а именно - он не определяет, кто и что должен доказывать в ходе судебного процесса.

Как представляется, работодатель вправе отказать в найме на работу женщины и предпочесть ей мужчину, но тогда он должен быть готов доказать, что в его действиях нет каприза или рутины и что предпочтение, которое он отдал мужчине, оправдано с производственной точки зрения. Но одного принятия закона по этому предмету недостаточно. Важнейшим условием является изменение позиции профильных общественных организаций (профсоюзов прежде всего), которые наблюдали бы за обоснованностью отказа в приеме на работу. Возможны и другие варианты.

В США подобное наблюдение возложено на особую комиссию по обеспечению равных возможностей, чьи юристы не просто сопровождают жалобу претендента на работу, но и уполномочены производить расследование обстоятельств дела, в частности требовать объяснения от работодателей, на которых поступают жалобы. Если жалоба обоснована, но работодатель упорствует в своем капризе или предрассудке, то комиссия передает дело в суд. При этом основная часть бремени доказывания правильности своих действий ложится на работодателя. Подобная комиссия действует и в Великобритании. В Швеции сходный государственный орган возглавляет должностное лицо, носящее титул омбудсмана [13. С. 121-122]. В России, как известно, таких структур не создано, поэтому при найме на работу произвол работодателя считается как бы в порядке вещей.

Приведенные примеры говорят о том, что современные гендерные проблемы лежат не только в плоскости семейных или социальных отношений. По-прежнему актуальными остаются проблемы женщины - работницы, служащей, носящей погону или ищущей работы, как бездетной, так и воспитывающей детей. На эти проблемы должны обратить внимание не только законодатели, но и профильные общественные организации, в особенности в условиях поразившей мир пандемии.

Литература

1. Интернет портал «Пенсионный фонд Российской Федерации». URL: <http://www.pfrf.ru/zakon/> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2019/01/28/19G00008/sg> (дата обращения: 20.04.2020).
3. Галина Спасенова. Зачем тебе пахать? Как мужчины воспринимают карьерные успехи женщин // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/376483-zachem-tebe-pahat-kak-muzhchiny-vostrinimayut-karernye-uspehi-zhenshchin> (дата обращения: 05.04.2020).
4. Time to talk: What has to change for women at work. PricewaterhouseCoopers. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/about/diversity/iwd/international-womens-day-pwc-time-to-talk-report.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).
5. Большая советская энциклопедия. Изд. 3, Том 9.
6. Московский центр гендерных исследований (МЦГИ). URL: <http://www.owl.ru/win/women/aiwo/mcgi.htm> (дата обращения: 20.04.2020).
7. World Employment and Social Outlook: Trends for Women 2018 - Global snapshot. International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends-for-women2018/WCMS_619577/lang--ru/index.htm (дата обращения: 20.04.2020).
8. Louise Haagh. The Case for Universal Basic Income. Cambridge: Polity, forthcoming. 2019. 140 p.
9. Проблемы гендерного равенства в Европе и Центральной Азии. Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/brief/gender> (дата обращения: 05.04.2020).
10. Гендерное равенство. Международная организация труда. URL: <https://www.ilo.org/moscow/areas-of->

work/gender-equality/lang--ru/index.htm
(дата обращения: 05.04.2020).

11. Вершинина Д.Б., Тимофеева О.В. Женский вопрос в католической стране: траектории гендерной политики в Ирландии и Польше конца XX – начала XXI века (на примере вопроса об абортах) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3 (46). С. 95-108. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-3-95-108>.

12. Уметова Ф.Х. Использование женских трудовых ресурсов колхозов (на примере Кабардино-Балкарской АССР). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1975.

13. Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. М., 1999.

Gender problem in Russia and ways to improve labor legislation

Malyshev M.A.

Lomonosov Moscow State University

The acceleration and growth of the global pandemic processes in modern conditions is an objective reality, and therefore for the Russian labor sector the issue is not so much accepting or not accepting this reality, but how to adapt to this process as much as possible: take advantage, reduce the impact of disadvantages.

An analysis of the changes taking place in the world shows that humanity is entering a new stage in its scientific and technological development, which requires a rethinking of many ingrained gender stereotypes and attitudes in social and labor relations. And for this, a comprehensive analysis of emerging gender problems and a clear idea of what kind of society we would like to see in the light of those processes in the system of social and labor relations that have been developing rapidly lately, and which labor policies need to be developed, are necessary in order to protect the interests of Russian citizens.

The article notes that in modern Russia, women do not feel full satisfaction with their marital, labor and social status. The solution of gender problems is often complicated by the direct opposition of the women themselves. Thus, the removal of women from harmful and hard work sometimes causes their objection, since at the same time they lose

their relatively better paid work. But this behavior of women is not common. Many of them are well aware of their difference from men and are ready to give them their first role in public life in exchange for the protection received from men. The article shows that it is useful to distinguish between the unequal desire for equality in women's circles, since many women seek to have it in family life, others in labor relations, and only a few in business, social and political spheres.

Key words: gender, legislative framework, equality, social insurance, social weakness, social security, patronage.

law. M., 1999.

References

1. Internet portal "Pension Fund of the Russian Federation". URL: <http://www.pfrf.ru/zakon/> (date of access: 20.04.2020).
2. Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2019/01/28/19G00008/sg> (date accessed: 20.04.2020).
3. Galina Spasenova. Why do you plow? How men perceive women's career success // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/376483-zachem-tebe-pahat-kak-muzhchiny-vosprinyayut-karernye-uspehi-zhenshchin> (date accessed: 04/05/2020).
4. Time to talk: What has to change for women at work. PricewaterhouseCoopers. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/about/diversity/iwd/international-womens-day-pwc-time-to-talk-report.pdf> (date accessed: 04/05/2020).
5. Great Soviet Encyclopedia. Ed. 3, Volume 9.
6. Moscow Center for Gender Studies (MCGS). URL: <http://www.owl.ru/win/women/aiwo/mcgi.htm> (date of access: 20.04.2020).
7. World Employment and Social Outlook: Trends for Women 2018 - Global snapshot. International Labor Organization. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends-for-women2018/WCMS_619577/lang--ru/index.htm (date accessed: 20.04.2020).
8. Louise Haagh. The Case for Universal Basic Income. Cambridge: Polity, forthcoming. 2019. 140 p.
9. Problems of gender equality in Europe and Central Asia. The World Bank. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/brief/gender> (date accessed: 04/05/2020).
10. Gender equality. The International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/moscow/areas-of->

- work/gender-equality/lang-ru/index.htm
(date accessed: 04/05/2020).
11. Vershinina D.B., Timofeeva O.V. Women's issue in a Catholic country: trajectories of gender policy in Ireland and Poland in the late XX - early XXI century (on the example of the issue of abortion) // Bulletin of Perm University. History. 2019. No. 3 (46). S. 95-108. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-3-95-108>.
 12. Umetova F.Kh. The use of female labor resources of collective farms (on the example of the Kabardino-Balkarian ASSR). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of economic sciences. M., 1975.
 13. Kiselev I. Ya. Comparative and International Labor Law. M., 1999.

Совершенствование государственной жилищной политики в Иркутской области

Москвитина Наталья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, natalikm@mail.ru

Загвоздина Мария Юрьевна

бакалавр, Института социальных наук Иркутского государственного университета, zagvozhdina@mail.ru

Государственная жилищная политика, реализуемая в Иркутской области связана с рядом проблем. Решение их является одним из факторов повышения социально-экономического положения населения. Данный вопрос является актуальным в современных условиях. На основе анализа реализуемой государственной жилищной политики в регионе предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: регион, государственная жилищная политика, ветхое аварийное жилье, обеспеченность жильем, государственные программы, стоимость жилья, цены на недвижимость.

Актуальность темы исследования. В настоящее время, проблема низкой доступности жилья является в России одной из главных проблем. Несмотря на то, что одной из приоритетных задач правительства Российской Федерации, является создание условий, позволяющих повысить доступность жилья для граждан, на сегодняшний день, в Иркутской области всё еще стоит проблема отсутствия возможности улучшения жилищных условий у большинства граждан в рамках действующих механизмов в сфере жилищной политики. Возможно именно поэтому государственную программу Иркутской области «Доступное жилье» на 2014-2020 годы отнесли к группе «с наиболее низкой степенью достижения целевых показателей».

Правительство и президент РФ уделяют особое внимание вопросу обеспечения жильем детей-сирот. Однако, в последние несколько лет в Иркутской области количество приобретаемого жилья для детей-сирот удовлетворяет потребность в нем всего на 8-9 %.

На 2017 год Иркутская область занимала 1 место среди субъектов Российской Федерации по объему аварийного жилищного фонда.

Кроме этого, рынок жилья не обеспечен кредитно-финансовыми механизмами, которые поддержали бы платежеспособный спрос населения и доступность приобретения жилых помещений. Если прежде самым распространенным вариантом улучшить свои жилищные условия было выдача жилья государством, то сейчас этот вопрос решается главным образом через покупку и строительство жилья за счет собственных сбережений граждан. Однако, государство, в некоторой степени, осуществляет поддержку только определенным

категориям граждан, большая же часть граждан вынуждена решать жилищные проблемы самостоятельно. Но из-за нехватки достаточных сбережений и возможности их накопления жилищная проблема остаётся нерешённой.

Анализ последних исследований и публикаций. Характеристики формирования жилищного рынка отражены в работах Корнеевой И.Л.[8], Семенова, А.К. [11], Сидориной О.Н. [12]. Комплексная оценка развития рынка жилья в РФ была произведена Черновым Р.О. [13]. На региональном уровне вопросы жилищной политики изучаются в научных работах Прокофьева К.Ю. [10].

Объект исследования – государственная жилищная политика в Иркутской области.

Цель исследования - определить тенденции развития жилищной политики в Иркутской области, выявить проблемы ее реализации и сформировать механизм совершенствования реализации государственной жилищной политики в Иркутской области

Сущность, задачи и цели государственной жилищной политики

Государственная жилищная политика базируется на необходимости предоставления условий для реализации гражданами права на жильё, его безопасности и неприкосновенности, на необходимости беспрепятственного осуществления жилищных прав, а также на равенстве всех членов жилищных отношений в вопросах владения, пользования и распоряжения жилыми помещениями [1]:

Жилищная политика – это часть социально-экономической политики страны, которая включает комплекс взаимосвязанных принципов, целей, программ и механизмов государственной, муниципальной и общественной деятельности, содействующих улучшению жилищных условий граждан [9].

Жилищная политика является одним из самых значимых направлений социальной и экономической политики государства

В целом можно выделить следующие цели государственной жилищной политики:

- гарантия социальной ответственности в сфере жилищных прав населения;
- создание необходимых условий для привлечения инвесторов и других финансовых источников (население, банки, общественные организации);
- стимулирование развития частной собственности, гарантия защиты прав всех участников жилищной политики;
- формирование здоровой конкуренции в области строительства, содержания жилищного фонда, а также производстве строительных материалов[33].

Анализ состояния рынка жилья в Иркутской области.

На сегодняшний день вопросы, касающиеся жилищной политики остаются одними из самых актуальных в социальной сфере Иркутской области. Постановлением Правительства Иркутской области от 31 октября 2018 года была утверждена Государственная программа Иркутской области «Доступное жилье» на 2019-2024 годы. При этом постановление об одноименной программе на 2013-2020 годы признано утратившим силу.

Целью программы «Доступное жилье» на 2019-2024 годы является повышение доступности жилья, а также обеспечение безопасных и комфортных условий проживания для граждан.

Основными задачами данной программы являются:

1. Сформировать необходимые условия для решения проблем граждан в жилищной сфере с помощью ипотечного жилищного кредитования.
2. Развить рынок доступного жилья и улучшить жилищные условия для некоторых категорий граждан.
3. Сократить непригодный для проживания жилищный фонд Иркутской области.
4. Сформировать механизм государственной поддержки молодых семей.

5. Обеспечить предупреждение и пресечение нарушений градостроительного законодательства.

7. Предоставить социальную поддержку гражданам, жилые помещения которых утрачены или повреждены в результате наводнения на территории области.

Программа включает в себя 11 подпрограмм, которые направлены на решение вышеперечисленных задач.

Целевые показатели программы соответствуют принципам доступности информации для достижения цели и решения поставленных задач:

1. Годовой объем ввода жилья в Иркутской области;

2. Средний уровень процентной ставки по ипотечному кредитованию;

3. Количество граждан, которые улучшили свои жилищные условия в результате реализации государственной программы;

4. Коэффициент доступности жилья (количество лет, необходимых семье из трех человек, для приобретения квартиры общей площадью 54 кв. м. с учетом среднего годового совокупного денежного дохода семьи);

5. Количество квадратных метров расселенного непригодного для проживания жилья [7].

Общая площадь жилищного фонда Иркутской области на 1 января 2019 года растет и в целом увеличилась за 6 лет на 10% и составила 60,4 млн. кв.м., из них 48,7 тыс. кв.м. приходится на городскую местность, 11,7 тыс. кв.м. - на сельскую (Табл. 1).

За последние 20 лет доля частной собственности увеличилась в два раза и на 1 января 2019 года составляет 90% жилищного фонда области. 10% является государственным, муниципальным, ведомственным и иным жильем

На 1 января 2018 года показатель обеспеченности граждан жильем достиг 25,2 кв.м. на каждого жителя Иркутской области, а это почти на 3 кв.м. больше, чем в 2014 году. Нужно отметить, что в целом, показатель соответствует установленной норме в Иркутской области, которая составляет 18 кв.м. [5].

Таблица 1
Жилищный фонд Иркутской области млн. кв. м.

	2014	2015	2016	2017	2018
Общая площадь жилищного фонда	54,9	55,7	58,2	59,1	60,4
в том числе по формам собственности:					
частный	48,4	49,5	52,5	53,6	54,6
из него в собственности:					
граждан	47,4	48,5	51,8	52,9	54,0
юридических лиц	1	1	0,7	0,7	0,6
государственный	0,8	0,9	0,8	1,1	1,2
муниципальный	5,2	4,9	4,4	4,1	3,9
другой	0,5	0,5	0,5	0,4	-
Обеспеченность жильем, кв. м общей площади на одного жителя	22,7	23,1	24,2	24,6	25,2

*Источник: составлено по [16]

С каждым годом в Иркутской области происходит рост объемов жилищного строительства. В 2018 году в Иркутске было введено 331,7 тыс. квадратных метров жилья, а всего в Иркутской области – 982,3 тыс. квадратных метров. По сравнению с 2017 годом объемы ввода увеличились, так как тогда в Иркутске было сдано 281,6 тыс. квадратных метров.

На 2018 год в Иркутской области свою деятельность осуществляет 28 строительных компаний [17]. Лидерами по объему ввода в 2018 году являются компании: «Новый город» (55,5 тыс. кв. м), ГК «ВостСибСтрой» (46,2 тыс. кв. м), и «Квартал» (39,5 тыс. кв. м).

Если сравнить показатели ввода жилья с 2010 по 2018 годы, можно увидеть, что максимальное количество жилья в

Иркутске было сдано в 2013 году – 509,7 тыс. квадратных метров.

При этом большинство (59 %) ввода приходится на индивидуальное жилищное строительство (ИЖС). Объем квадратных метров, введенных в области строительными организациями, в 2018 году сократился на 39 %[15].

На начало 2018 года в Иркутской области на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий состояло 54 793 семьи. В 2017 году свои жилищные условия удалось улучшить 3193 семьям (5,9% стоящих на учете), это на 103 семьи меньше, чем в 2016 году.

Большее количество семей, которые стоят на учёте, являются жителями Баяндаевского, Усть-Удинского, Нукутского, Балаганского, Слюдянского районов (12-24%). В Ольхонском районе каждой четвертой семье (27%) необходимо улучшение жилищных условий.

Из общей численности населения, состоящих на учете, 1,4% проживают в общежитиях, в ветхом и аварийном жилье проживают 9,2% населения и в коммунальных квартирах – 0,9%. Из общего числа очередников 29,8% стоят в очереди на улучшение жилищных условий уже более 10 лет [14].

Большая часть населения не может позволить себе улучшить свои жилищные условия самостоятельно из-за отсутствия сбережений и возможности их накопления.

Анализ цен на недвижимость в Иркутской области показал, что стоимость квадратного метра за последние пять лет выросла на первичном рынке жилья на 17%, на вторичном на 6% (Табл.2).

В 2019 году отмечается значительный рост цен на жилье в Иркутске. С начала 2019 года средняя стоимость квадратного метра на вторичном рынке жилья выросла на 3%. В Кировском районе квадратный метр на ноябрь 2019 года стоит 75,89 тысяч рублей, в Ленинском – на 49,85 тысяч рублей, в Октябрьском – 72,22 тысяч рублей, Свердловском – 60,75 тысяч рублей, в Куйбышевском районе – 55,57 тысяч рублей за квадратный метр (Табл.3).

Таблица 2

Анализ цен на недвижимость в Иркутской области (руб. за 1 кв.м.)

Рынок жилья	2014	2015	2016	2017	2018	2019
первичный	49670,83	48922,0	49565,30	50713,28	54457,33	58441,66
вторичный	43592,58	42630,45	39848,02	41170,88	44433,71	46476,89

*Источник: составлено по [20]

Таблица 3

Средняя стоимость строящегося и вторичного жилья в Иркутске на 01.01.2020 г.

Район	Средняя стоимость строящегося жилья (тыс. руб.)	Средняя стоимость вторичного жилья (тыс. руб.)
Кировский	83,92	77,07
Октябрьский	73,46	73,27
Свердловский	57,75	62,19
Куйбышевский	57,37	58,07
Ленинский	47,73	51,33

*Источник: составлено по [19],[20]

Но ещё больший рост цен наблюдается на новостройки. С начала 2019 года средняя стоимость квадратного метра в новостройках Иркутска выросла на 11%. Средняя стоимость квадратного метра нового жилья на январь 2020 года составляет 61,51 тыс. рублей.

На сегодняшний день, недостаток жилых помещений в регионе осложняется большим уровнем износа жилищного фонда, а также разности между условиями проживания в нем и нормативными требованиями.

Проблема большого аварийного жилищного фонда является источником большого количества негативных социальных направленностей. Жизнь в таких помещениях означает низкий уровень комфорта, соответственно влечёт за собой неравный доступ к возможностям городского хозяйства, снижает возможности использования таких ресурсов.

На 1 января 2013 г. на ветхое и аварийное жильё приходится 4528,6 тыс.

кв.м. (8,5% жилищного фонда), включая аварийное жильё площадью 901,7 тыс. кв.м.(19,9%). В ветхом и аварийном жилье проживает 207,1 тыс. человек, в том числе 45,5 тыс. человек проживают в аварийном. А на 1 января 2019 г. общая площадь ветхого и аварийного жилья – 4589,3 тыс. кв.м (8,8% площади всего жилищного фонда), в том числе аварийное жильё составляет – 909,9 тыс. кв.м.(19,8%) [15].

Изучая коэффициент доступности жилья в Иркутской области равен 3,5.

Т.е. среднестатистической семье требуется 3,5 года для приобретения квартиры площадью 54 кв. м. при этом, не учитывая необходимые расходы на жизнь. Если рассчитать коэффициент доступности жилья, учитывая разницу среднедушевого дохода и минимального прожиточного минимума, то коэффициент увеличится. Исходя из этого, КДЖ становится значительно выше и составляет уже 8,7 лет. Из всего вышесказанного и складывается проблема низкой доступности жилья населению Иркутской области.

Анализ результатов государственной жилищной политики и проблемы её реализации в Иркутской области.

Анализируя действующую программу «Доступное жильё», в 2014 году оценили как высоко эффективную. Однако за 2015-2016 оценка эффективности значительно понизилась. В итоге, государственную программу «Доступное жильё» отнесли к группе «с наиболее низкой степенью достижения целевых показателей» с оценкой в 2015 году 35,8%, в 2016 году – 80,4 %. Здесь нужно отметить процентное исполнение программы: в 2014 году – 71 % исполнен, в 2015 году – 96,7 %, в 2016 году – 90 %, за три квартала 2017 года – 63,2 %.

Подпрограмма «Переселение граждан, проживающих на территории Иркутской области, из аварийного жилищного фонда, признанного непригодным для проживания», является одним из вариантов решения проблемы в жилищ-

ной сфере. Объем аварийного жилищного фонда, признанного к ликвидации в области составил 550,46 тыс. кв. м, в данных жилых помещениях жили 32,6 тыс. людей [19].

На устранение аварийного жилищного фонда, по состоянию на 2012 год, в 2013-2017 годах нужно было выделить 19,7 млрд. рублей, в том числе из фонда жилищно-коммунального хозяйства – 6,6 млрд. рублей, из федерального бюджета – 0,4 млрд. рублей, из областного – 10,5 млрд. рублей, а также из бюджетов муниципальных образований – 2,2 млрд. рублей. В большинстве все средства были направлены муниципальным образованиям, кроме города Братска, которому полмиллиона рублей не были перечислены из-за отсутствия заключенных муниципальных контрактов на строительство жилых помещений.

В итоге, план по переселению граждан, из аварийного жилищного фонда и жилых помещений, которые расположены в районе БАМ и признанные непригодными для проживания, не выполнен. Переселение не было выполнено в срок в городах: Братск и Бодайбо, в поселке Магистральный и некоторых других муниципалитетах. На 2017 год Иркутская область занимала 1 место среди субъектов Российской Федерации по объему аварийного жилищного фонда. До 01.09.2017 объем аварийного жилищного фонда, подлежащий ликвидации составлял около 550 тыс. кв. м, в котором проживало более 33 тысяч граждан. В результате из 151,8 тыс. кв. м. целевого показателя 2017 года расселено 71 тыс. кв. м. (47 %), переселено 4,4 тыс. человек (86%). Остался не расселенными 80,8 тыс. кв.м. аварийного жилищного фонда в 7-ми муниципалитетах области (города: Бодайбо, Братск, Усть-Кут, Усть-Илимск, п. Магистральный, с. Еланцы Ольхонского района и п. Новомальтинск Усольского района), 4,7 тыс. человек остались проживать в ветхом, аварийном жилье.

Контрольно-счётная палата области выделяла недостатки выполнения мероприятий по ликвидации аварийного

жилищного фонда: поздние сроки заключения соглашений на выделение субсидий с муниципальными образованиями, а именно, во втором полугодии; затяжённость закупочных процедур; применение при расчете размера субсидий для муниципальных образований стоимости строительства 1 кв. м. жилья (34,5 тыс. рублей), которая не позволяет обеспечить строительство из-за низких доходных потенциалов муниципалитета; слабый строительный контроль со стороны муниципальных заказчиков [20].

Для того чтобы завершить мероприятия по переселению людей из аварийных помещений правительство области приняло постановление № 774-пп «О предоставлении единовременной денежной выплаты на приобретение жилого помещения отдельным категориям граждан, проживающих на территории Иркутской области в аварийном жилищном фонде». В соответствии с постановлением гражданам, проживающим в аварийном жилом фонде необходимо произвести единовременную денежную выплату, учитывая общую площадь жилья, за каждый квадратный метр 35 000 руб. Предоставление данной финансовой помощи предоставляется из средств областного бюджета [4].

Таким образом, для выполнения условий по Указу Президента № 600, из бюджета области в 2018 году были выделены дополнительные 561 млн. руб. для выплаты финансовой помощи 800 гражданам Иркутской области.

Министерство строительства и дорожного хозяйства Иркутской области рассмотрело заявления 219 семей и одобрено заявления на сумму 342,1 млн. руб.

Однако, 218,9 млн. руб. (39%), которые были выделены на реализацию программы переселения, так и остались неосвоенными, а запланированная цель осталась не достигнутой.

Таким образом, в сфере аварийного и ветхого жилья можно выделить следующие проблемы:

- проблема отсутствия действенного нормативно-правового контроля;
- проблема отсутствия необходимых механизмов управления в жилищной сфере;
- проблема экономики и бюджетирования.

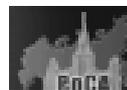
Подпрограмма «Развитие ипотечного жилищного кредитования в Иркутской области», выполнена за счет средств из областного бюджета за два года (2014 и 2017 годы), что говорит о фиктивном ее действии в 2015-2016 годах. Однако в КСП области показатели реализации данной подпрограммы не вносились, по причине того, что в соответствии с постановлением Правительства Иркутской области от 16.07.2013 № 261-пп «О разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ Иркутской области» экспертиза механизма проведения подпрограмм не предусмотрена [3].

Правительство и президент РФ уделяют особое внимание вопросу обеспечения жильем детей-сирот. Однако, в последние несколько лет количество приобретаемого жилья для детей-сирот удовлетворяет потребность в нем всего на 8-9 %. Это не может позволить решить данную социально значимую проблему из-за постоянного увеличения числа нуждающихся в жилье. Главной причиной несвоевременного обеспечения детей-сирот жильем остаётся большая разность между количеством нуждающихся и целевым финансированием.

Кроме этого, проблемами реализации прав детей-сирот на получения жилья являются административные барьеры. Министерство имущественных отношений Иркутской области осуществляло учёт детей-сирот, которые нуждались в жилье. В настоящее время, эта функция была передана министерству социального развития, опеки и попечительства Иркутской области [6].

В Иркутской области лидерами по количеству детей-сирот, которые нуждаются в жилье, являются:

- 1) г. Иркутск – 1 353 человек;

- 2) Тайшетский район – 674 человек;
- 3) Ангарский городской округ – 515 человек;
- 4) Нижнеудинский район – 495 человек.

С 2017 года по 2019 год, произошло увеличение числа детей-сирот в 1,6 раза.

Причина такого резкого скачка численности сирот, кроется в изменениях, внесенных в Федеральный закон от 21.12.1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Теперь государственные органы обязаны ставить детей-сирот на учет и при отсутствии необходимых от них заявлений [18].

Кроме недостаточного числа приобретаемых жилых помещений для детей-сирот, в Иркутской области остается проблема обеспечения хорошего качества жилья. Министерство заключило с одним и тем же застройщиком за 2014-2016 года 17 государственных контрактов на сумму 302 798 080 руб. с целью строительства 288 квартир.

В то же время, не в полном объеме освоены те средства, которые уже выделены на обеспечение детей-сирот жилым помещением. К примеру, неиспользованными в 2017 году остались 55 млн. рублей областного бюджета и 60 тыс. рублей – федерального. Кроме этого, 77 решений суда, которые обязывают министерство имущественных отношений области предоставить жилые помещения по договорам специального найма для лиц из числа детей-сирот. Формированием специального жилищного фонда для детей-сирот занимается министерство имущественных отношений области. Ежегодно жилье для данной категории граждан приобретается и строится в 17 городах и районах, при этом во всех 43 муниципальных районах и городских округах нуждающиеся стоят на учёте на получение жилых помещений. За 2016-2017 года не было приобретено ни одной квартиры в го-

роде Иркутск для детей-сирот, учитывая, что на учёте в получении жилья в 2016 стояли 830 чел., в 2017 – 1023 чел., 2018 – 1330 чел. Это повлекло череду жалоб в органы прокуратуры от граждан, нуждающихся в жилье.

Кроме этого, имеются и проблемы по предоставлению уже построенного жилья. К примеру, из-за несвоевременного заселения 60 жилых помещений в городе Усть-Кут, произошло размораживание отопления, вследствие чего заселение было осуществлено с задержкой сроком в 2 месяца. Строительство жилья часто осуществлялось с нарушениями санитарно-эпидемиологического, градостроительного и другого законодательства, что препятствует надлежащему использованию жилых помещений в дальнейшем. Основной причиной вышесказанного является отсутствие со стороны органов государственной власти области необходимого контроля за строящимися жилыми помещениями для детей-сирот.

Иркутская область занимает третье место в Сибирском округе по объемам жилищного строительства. Однако, наряду с позитивной направленностью, жилищная проблема области не потеряла своей актуальности. Основная часть жилищных проблем имеет экономический характер, для их решения необходимы макроэкономические предпосылки, но вторая часть проблем может быть решена с помощью мер правового характера. Они включают в себя разработанные стратегии развития, а также четкую проработанность государственной программы для обеспечения устойчивого развития жилищной сферы.

По результатам настоящего исследования можно выделить следующие проблемы в сфере жилищной политики Иркутской области:

1. Значительная разница между стоимостью на жильё и платежеспособным спросом населения;
2. Несоответствие нормативно-правовой базы в сфере жилищной политики;

3. Большая площадь ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда;

4. Большое количество нуждающихся в улучшении своих жилищных условий и низкие темпы предоставления жилья, такой категории граждан, как дети-сироты.

Для решения данных проблем очень важно создать эффективные механизмы реализации жилищной политики, которые позволили бы осуществлять целый ряд мероприятий в области. Жилищная сфера взаимосвязана со многими социальными сферами, поэтому нужно привлечь специалистов из таких сфер, как: экономика, финансы, землепользования, социальной защиты и т.д.. Отсюда следует, что эффективность решения жилищных проблем граждан Иркутской области зависит от взаимодействия министерств и органов местного самоуправления по реализации жилищной политики области.

Таким образом, кроме органов, занимающихся жилищными вопросами, в целях регулирования деятельности исполнительных органов необходимо создание областного координационного совета по жилищной политике. В обязанности Совета будет входить разработка документов в целях обеспечения нормативно-правовой базой жилищной политики Иркутской области.

Каждое муниципальное образование имеет свои территориальные, социальные, экономические особенности, поэтому необходима разработка жилищной политики для каждого отдельного муниципалитета. У некоторых из них имеются проблемы развития сельского жилищного строительства, у других – городского. Одним муниципалитетам необходимо освоить резервные территории, у других подобных территорий и вовсе нет, поэтому таким муниципалитетам необходимо обновление существующих застроек. Таким образом, каждому муниципалитету необходима собственная программа действий, которая будет направлена на решение жилищных проблем, учитывая социально-

экономические особенности того или иного поселения.

Очень важную роль в развитии жилищной сферы играет строительная индустрия. Необходимо проведение развивающейся технической политики в сфере производства строительных материалов, капитального строительства и реконструкции жилых помещений. Правовые условия деятельности всех участников рынка строительства жилья, которые формируются при участии государства, должны повышать эффективность их взаимодействия. При этом государством должен осуществляться контроль за соблюдением строительных норм, правил и требований безопасности [9].

Необходимо сделать более понятным для частных застройщиков документацию на разрешение строительства упростить процедуры по согласованию новых проектов на строительство.

Приоритетными задачами в сфере жилищного строительства должны быть:

1. Постепенное снижение стоимости жилья благодаря внедрению более эффективных архитектурно-строительных систем, которые способны снизить удельный вес зданий, и использование качественных отечественных строительных материалов;
2. Создание возможностей для застройщиков строительства индивидуального жилья коттеджного типа, организации спальных районов;
3. Развитие парка строительной техники;
4. Обеспечение конкуренции на рынке строительства, изготовления и реализации строительных материалов, а также конкурсной проектной деятельности;
5. Привлечение инвесторов;
6. Совершенствование условий ипотечного кредитования населения посредством предоставления субсидий на оплату процентов по кредиту, возможность частичной компенсации кредита, а также погашение первоначального взноса за счет регионального бюджета;

7. Регулирование и контроль сферы строительного производства за

счёт создания необходимой нормативно-правовой базы на всех уровнях управления.

Рисунок 1. Механизм совершенствования реализации государственной жилищной политики в Иркутской области

Для улучшения жилищных условий граждан необходимо не только увеличение объемов вводимого жилья, но и повышение его качества. Государственную политику в сфере жилищного строительства необходимо направить на стимулирование внедрения строительных технологий высокого качества.

Для улучшения жилищных условий граждан необходимо не только увеличение объемов вводимого жилья, но и повышение его качества. Государственную политику в сфере жилищного строительства необходимо направить на стимулирование внедрения строительных технологий высокого качества.

Важным аспектом развития механизмов решения жилищных проблем является совершенствование и расширение масштабов ипотечного кредитования. Для этого нужно создание необходимых условий ипотечного кредито-

вания населения посредством предоставления субсидий на оплату процентов кредита, возможность частичной компенсации кредита, а также погашение первоначального взноса за счет регионального бюджета.

Также значимым направлением государственной жилищной политики в области является исполнение обязательств в отношении граждан, проживающих в ветхом и аварийном жилье.

Учитывая всё вышесказанное, можно сказать, что объем задач, которые необходимо решить в рамках реализации жилищной политики в Иркутской области, очень большой. Но их реализация позволит выйти на новый качественный уровень в сфере решения жилищных проблем. Будут созданы более комфортные условия для проживания, новые экономические условия для роста производства и объема предлага-

емых услуг в области, благодаря увеличению объемов строительства жилья. Для совершенствования механизмов реализации жилищной политики области нужна хорошо сформулированная жилищная политика и механизмы ее реализации.

Таким образом, жилищный вопрос является одним из наиболее значимых вопросов социальной сферы. Улучшение жилищных условий – это показатель повышения благосостояния граждан, развития региона, предпосылкой политической и экономической стабильности государства.

Как и в целом по стране, на сегодняшний день, жилищная проблема для жителей Иркутской области относится к наиболее актуальным проблемам. Государственная программа «Доступное жилье» на 2014-2020 гг. в Иркутской области была отнесена к группе «с наиболее низкой степенью достижения целевых показателей». С каждым годом в Иркутской области происходит рост объемов жилищного строительства. В 2018 году по сравнению с 2017 годом объемы ввода увеличились с 281,6 тыс. квадратных метров до 331,7. Но не смотря на это, большая часть населения не может позволить себе улучшить свои жилищные условия самостоятельно из-за отсутствия сбережений и возможности их накопления.

Анализ цен на недвижимость в Иркутской области показал, что стоимость квадратного метра за последние пять лет выросла на первичном рынке жилья на 17%, на вторичном на 6%.

С каждым годом в области увеличивается количество семей - очередников, нуждающихся в улучшении жилищных условий. При этом, из общего числа очередников 29,8% стоят в очереди на улучшение жилищных условий уже более 10 лет.

На сегодняшний день, недостаток жилых помещений в регионе осложняется большим уровнем износа жилищного фонда, а также разности между условиями проживания в нем и нормативными требованиями.

Проблема большого аварийного жилищного фонда является источником большого количества негативных социальных направленностей. Жизнь в таких помещениях означает низкий уровень комфорта, соответственно влечёт за собой неравный доступ к возможностям городского хозяйства, снижает возможности использования таких ресурсов.

На 2017 год Иркутская область занимает 1 место среди субъектов Российской Федерации по объему аварийного жилищного фонда. На 1 января 2013 г. на ветхое и аварийное жильё приходится 4528,6 тыс. кв.м. (8,5% жилищного фонда), включая аварийное жильё площадью 901,7 тыс. кв.м.(19,9%). В ветхом и аварийном жильё проживает 207,1 тыс. человек, в том числе 45,5 тыс. человек проживают в аварийном. А на 1 января 2012 г. общая площадь ветхого и аварийного жилья – 4589,3 тыс. кв.м (8,8% площади всего жилищного фонда), в том числе аварийное жильё составляет - 909,9 тыс. кв.м.(19,8%).

Правительство и президент РФ уделяют особое внимание вопросу обеспечения жильем детей-сирот. Однако, в последние несколько лет количество приобретаемого жилья для детей-сирот удовлетворяет потребность в нем всего на 8-9 %. Это не может позволить решить данную социально значимую проблему из-за постоянного увеличения числа нуждающихся в жилье. Главной причиной несвоевременного обеспечения детей-сирот жильем остаётся большая разность между количеством нуждающихся и целевым финансированием.

Кроме этого, проблемами реализации прав детей-сирот на получения жилья являются административные барьеры. Министерство имущественных отношений Иркутской области осуществляло учёт детей-сирот, которые нуждались в жилье. В настоящее время, эта функция была передана министерству социального развития, опеки и попечительства Иркутской области.

Приоритетными задачами в сфере жилищного строительства должны быть:

- постепенное снижение стоимости жилья благодаря внедрению более эффективных архитектурно-строительных систем, которые способны снизить удельный вес зданий, и использование качественных отечественных строительных материалов;
- создание возможностей для застройщиков строительства индивидуального жилья коттеджного типа, организации спальных районов;
- развитие парка строительной техники;
- обеспечение конкуренции на рынке строительства, изготовления и реализации стройматериалов, а также конкурсной проектной деятельности;
- привлечение инвесторов;
- совершенствование условий ипотечного кредитования населения посредством предоставления субсидий на оплату процентов по кредиту, возможность частичной компенсации кредита, а также погашение первоначального взноса за счет регионального бюджета
- регулирование и контроль сферы строительного производства за счёт создания необходимой нормативно-правовой базы на всех уровнях управления.

Для каждого человека жилье - это не только продукт труда и потребительский товар, жилье выполняет ряд очень важных функций. Оно обеспечивает нормальную жизнедеятельность человека, выполняет потребности человека и является основой комфортной жизни, построения и развития семьи. Если у населения имеются достойные и необходимые условия проживания, каждый гражданин может эффективно трудиться и добиваться успехов во всех сферах жизни. Поэтому жилищная политика в настоящее время является очень важным аспектом жизнедеятельности.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок,

внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 31.01.2016) [Электронный ресурс]//Сайт: СПС КонсультантПлюс.– URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 20.03.20)

3. Постановление Правительства РФ от 11.01.2000 N 28 (ред. от 08.05.2002) «О мерах по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации» [Электронный ресурс]// Сайт: СПС КонсультантПлюс.– URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25763/ (дата обращения: 20.03.20)

4. Закон Иркутской области от 08.10.2019 № 93-ОЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки граждан, пострадавших в результате паводка, вызванного сильными дождями, прошедшими в июне 2019 года на территории Иркутской области» [Электронный ресурс]//Сайт: Официальный сайт администрации городского округа муниципального образования – город «Тулун».- URL: <http://www.tulunadm.ru/qa/478.html> (дата обращения: 20.03.20)

5. Постановление Правительства Иркутской области от 29.10.2018 № 774-пп «О предоставлении единовременной денежной выплаты на приобретение жилого помещения отдельным категориям граждан, проживающих на территории Иркутской области в аварийном жилищном фонде» [Электронный ресурс]//Сайт: Официальный сайт министерства строительства и жилищно-коммунальных услуг Иркутской области Иркутска.– URL: <https://irkobl.ru/sites/irkstroy/dorkarty/avar gil/> (дата обращения: 20.03.20)

6. Постановление правительства Иркутской области от 30.10.2019 года № 892-пп «Об установлении величины прожиточного минимума по Иркутской области за III квартал 2019 года» [Электронный ресурс]//Сайт: Информационно-правовой портал «Гарант». – <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw4112020-01-10.html> (дата обращения: 20.03.20)
7. Постановление правительства Иркутской области от 02.09.2013 года N 330-пп «Об утверждении Порядка формирования специализированного жилищного фонда Иркутской области для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (с изменениями на 24 апреля 2019 года) [Электронный ресурс]//Сайт: СПС КонсультантПлюс. – <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw4112020-01-10.html> (дата обращения: 20.03.20)
8. Корнеева, И. Л. Жилищное право Российской Федерации : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. 393 с.
9. Москвитина Н.В., Загвоздина, М.Ю. Реализация государственной жилищной политики в Иркутской области: проблемы и пути решения // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы, Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020 Издательство: ИГУ, 2020, С. 241-245
10. Прокофьев, К.Ю. Механизм реализации государственной жилищной политики на региональном уровне // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 3. С. 31-36.
11. Семенов, А.К. Жилищное строительство в России: проблемы и перспективы // Российское предпринимательство. 2015. № 1. С. 33-39.
12. Сидорина, О.Н. Государственная жилищная политика: понятие и цели реализации // Государственная служба. 2014. № 2. С. 36-41.
13. Силин, В.П., Чернов, Р.О., Росляков, Р.А. О российской жилищной политике // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 4. С. 140–143.
14. Аварийное жильё [Электронный ресурс] //Сайт: Официальный портал Иркутской области.– URL https://irkobl.ru/sites/irkstroy/dorkarty/avar_gil/ (дата обращения: 20.03.20)
15. Ветхий жилищный фонд Иркутской области [Электронный ресурс]//Сайт: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – URL: http://irkutskstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/6bc18f0040303997b258f70fa8517bb1/veth+and+avar+gilfond2017.html (дата обращения: 20.03.20)
16. Жилищный фонд Иркутской области (на конец года) [Электронный ресурс]//Сайт: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – URL: http://irkutskstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/5daee804e4b50cab135bd2a1eb3f7f6/jil_fond2018.html (дата обращения: 20.03.20)
17. Иркутская область занимает третье место в Сибири по жилищному строительству [Электронный ресурс]//Сайт: Областная общественно политическая газета.– URL: <http://www.ogirk.ru/2019/10/03/irkutskaja-oblast-zanimaet-trete-mesto-v-sibiri-po-zhilishhnomu-stroitelstvu/> (дата обращения: 20.03.20)
18. Обеспечение жильём детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся под опекой (попечительством) [Электронный ресурс] //Сайт: Официальный сайт города Иркутска.– URL <https://irkobl.ru/sites/society/housing/deti/> (дата обращения: 20.03.20)
19. Рейтинг застройщиков г.Иркутска по объемам введенного в эксплуатацию жилья [Электронный ресурс] //Сайт: Официальный сайт министерства строительства и жилищно-коммунальных

услуг Иркутской области.– URL: <https://irkobl.ru/sites/irkstroy/normobaza/> (дата обращения: 20.03.20)

20. Цены на жильё в Иркутской области [Электронный ресурс] //Сайт: Официальный портал Байкальского региона.– URL: <https://realty.irk.ru/analytics.php?id=24424&action=show> (дата обращения: 20.03.20)

Improving public housing policy in the Irkutsk region

Moskvitina N.V., Zagvozdina M.Y.

Irkutsk State University

The state housing policy implemented in the Irkutsk region is associated with a number of problems. Their solution is one of the factors for increasing the socio-economic situation of the population. This issue is relevant in modern conditions. Based on the analysis of the implemented state housing policy in the region, ways to solve them are proposed.

Keywords: region, state housing policy, dilapidated emergency housing, housing provision, state programs, housing costs, real estate prices.

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N 6-FKZ, of 30.12.2008 N 7-FKZ, of 05.02.2014 N 2-FKZ, dated 21.07.2014 N 11-FKZ) [Electronic resource] // SPS Consultant-Plus
2. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 N 188-FZ (as amended on January 31, 2016) [Electronic resource] // Website: ATP ConsultantPlus - URL: - http://www.consultant.ru/document/cons_d_oc_LAW_51057/ (date of access: 20.03.20)
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 11.01.2000 N 28 (as amended on 08.05.2002) "On measures to develop the system of housing mortgage lending in the Russian Federation" [Electronic resource] // Website: SPS ConsultantPlus. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_d_oc_LAW_25763/ (request date: 03/20/20)
4. Law of the Irkutsk Region dated 08.10.2019 No. 93-OZ "On additional measures of social support for citizens affected by the flood caused by heavy rains that took place

in June 2019 in the Irkutsk region" [Electronic resource] // Website: The official website of the administration of the urban district of the municipality is the city of Tulun. - URL: <http://www.tulunadm.ru/qa/478.html> (date of access: 20.03.20)

5. Decree of the Government of the Irkutsk region of October 29, 2018 No. 774-pp "On the provision of a one-time cash payment for the purchase of housing to certain categories of citizens living in the Irkutsk region in emergency housing" [Electronic resource] // Website: Official website of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Irkutsk Region of Irkutsk. - URL: <https://irkobl.ru/sites/irkstroy/dorkarty/avargi/> (date of access: 20.03.20)
6. Resolution of the Government of the Irkutsk Region of October 30, 2019 No. 892-pp "On the establishment of the subsistence minimum in the Irkutsk Region for the III quarter of 2019" [Electronic resource] // Website: Information and legal portal "Garant". - URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw4112020-01-10.html> (date of access: 03/20/20)
7. Decree of the Government of the Irkutsk region of 02.09.2013 N 330-pp "On approval of the Procedure for the formation of a specialized housing stock of the Irkutsk region for orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children, left without parental care "(as amended on April 24, 2019) [Electronic resource] // Website: SPS ConsultantPlus. - <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw4112020-01-10.html> (date of access: 03/20/20)
8. Korneeva, I. L. Housing law of the Russian Federation: textbook and workshop for undergraduate and graduate programs. 3rd ed., Rev. and add. M.: Yurayt Publishing House, 2018.393 p.
9. Moskvitina N.V., Zagvozdina, M.Yu. Implementation of the state housing policy in the Irkutsk region: problems and solutions // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects, Materials of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2020 Publisher: IGU, 2020, pp. 241-245
10. Prokofiev, K.Yu. The mechanism for the implementation of state housing policy at the regional level // Regional economy: theory and practice. 2016. No. 3. S. 31-36.

11. Semenov, A.K. Housing construction in Russia: problems and prospects // Russian Journal of Entrepreneurship. 2015. No. 1. S. 33-39.
12. Sidorina, ON. State housing policy: concept and goals of implementation // State service. 2014. No. 2. S. 36-41.
13. Silin, V.P., Chernov, R.O., Roslyakov, R.A. On the Russian housing policy // Education. The science. Scientific personnel. 2011. No. 4. P. 140-143.
14. Emergency housing [Electronic resource] // Website: Official portal of the Irkutsk region. - URL: <https://irkobl.ru/sites/irkstroy/dorkarty/avargi/> (date of access: 03/20/20)
15. Dilapidated housing stock of the Irkutsk region [Electronic resource] // Site: Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Irkutsk region. - URL: http://irkutskstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/6bc18f0040303997b258f70fa8517bb1/veth+and+avar+gilfond2017.html (date accessed: 20.03.20)
16. Housing stock of the Irkutsk region (at the end of the year) [Electronic resource] // Site: Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk region. - URL: http://irkutskstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/5daeea804e4b50cab135bd2a1eb3f7f6/jil_fond2018.html (date accessed: 20.03.20)
17. Irkutsk region ranks third in Siberia in housing construction [Electronic resource] // Website: Regional socio-political newspaper. - URL: <http://www.ogirk.ru/2019/10/03/irkutskaja-oblast-zanimaet-trete-mesto-v-sibiri-pozhilishhnomu-stroitelstvu/> (date accessed: 20.03.20)
18. Providing housing for orphans, children left without parental care, as well as children under guardianship (guardianship) [Electronic resource] // Website: Official website of the city of Irkutsk. - URL: <https://irkobl.ru/sites/society/housing/deti/> (date accessed: 20.03.20)
19. Rating of developers in Irkutsk in terms of the volume of housing put into operation [Electronic resource] // Website: Official website of the Ministry of Construction, Housing and Communal Services of the Irkutsk Region. - URL: <https://irkobl.ru/sites/irkstroy/normobaza/> (date accessed: 20.03.20)
20. Housing prices in the Irkutsk region [Electronic resource] // Website: Official portal of the Baikal region. - URL: <https://realty.irk.ru/analytics.php?id=24424&action=show> (date of access: 20.03.20)

Социокультурные конфликты в процессе слияния и поглощения компаний (на примере китайских и российских транснациональных корпораций)

Тянь Сяоюй

аспирантка кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. xiaoyutian@yandex.ru

Социокультурные конфликты стали неизбежным явлением, с которым сталкиваются транснациональные корпорации. В статье описывается природа социокультурных конфликтов в процессе слияния и поглощения компаний, анализируются причины их возникновения. На примере Китайско-российской энергетической инвестиционной корпорации с помощью проведения социологического исследования проведен анализ состояния социокультурной среды в корпорации, выявлены причины возникновения конфликтных ситуаций и изучена практика решения социокультурных конфликтов. По результатам исследования разработаны рекомендации по предотвращению социокультурных конфликтов в китайско-российских корпорациях.

Ключевые слова. Социокультурный конфликт, слияние и поглощение, социокультурная среда, транснациональная корпорация, российско-китайские компании

В современной экономике одной из основных тенденций выступает слияние и поглощение компаний, приводящее к созданию крупных транснациональных корпораций. Рассматривая это явление с точки зрения социологии, можно отметить, что эти процессы могут быть сравнимы с объединением крупных социальных систем, которые ранее существовали отдельно. Результатом слияния и поглощения выступает создание новой системы, характеризующейся большей масштабностью. В ходе совместной деятельности сотрудников различных культур с разными системами ценностей неизбежным является возникновение разногласий при решении рабочих вопросов. В статье проведен анализ сущности и причин социокультурных конфликтов, происходящих в процессе слияния и поглощения компаний, а также разработаны рекомендации по профилактике предотвращения социокультурных конфликтов в российско-китайских транснациональных корпорациях.

1. Слияние и поглощение компаний как результат открытости современных социальных систем

В современной экономике одной из основных тенденций выступает слияние и поглощение компаний, приводящее к созданию крупных транснациональных корпораций. Рассматривая это явление с точки зрения социологии, можно отметить, что эти процессы могут быть сравнимы с объединением крупных социальных систем, которые ранее суще-

ствовали раздельно. Результатом слияния и поглощения выступает создание новой системы, характеризующейся большей масштабностью.

В процессах поглощения или слияния, происходящих в мире, в социологическом аспекте можно выделить два уровня. Первый уровень – национальный или макроуровень, а второй – корпоративный или микроуровень. Прошрое столетие стало ключевым в международном сообществе, поскольку оно обозначилось периодом завершения захватнических войн, что позволяет сделать вывод об окончании процессов поглощения и слияния на макроуровне. В настоящее время страны регулируют конфликты, возникающие между ними, посредством заключения разнообразных соглашений и организации союзных группировок и объединений. Однако, для реализации захватнического инстинкта, люди нашли новые способы слияний и поглощений, которые на современном этапе находят отражение в межорганизационных взаимодействиях. С.А. Барков и О.В. Дорохина отмечают, что лучшим примером межорганизационных взаимодействий выступают «множественные недружественные поглощения компаний последних десятилетий»². В этом проявляется тенденция к открытости социальных систем различного уровня.

Открытость социальных систем впервые была отмечена в теории К. Поппера, который выделил эту особенность современного общества в отличие от предшествующих видов социумов. К. Поппером было впервые отмечено, что на современном этапе границы между различными социальными подсистемами постепенно стираются, поэтому проникновение «чуждых» элементов становится беспрепятственным.

Первоначально открытость социальной системы нашла отражение в отношении базовой ячейки общества – семьи. В Средние века и в истории общества Нового времени, вхождение в семью обуславливалось принадлежностью к конкретной закрытой системе (род, каста, сословие), но в XX в. образовать семью могли молодые люди разных социальных статусов, происхождение перестало играть роль ограничивающего фактора при вступлении в брак. От микросистемы к макросистеме, подобная тенденция открытости получила свое распространение и в отношении стран. Границы между государствами становятся более прозрачными, о чем свидетельствуют активизация миграции, международной торговли и культурных обменов. Все эти изменения были обозначены К. Поппером, как «открытое общество»³. Отмечалось, что открытость социальных систем макроуровня определенно способствовала облегчению процессов их объединения «с целью обретения синергетического эффекта от сложения усилий народов нескольких стран»⁴.

В 60-е гг. XX века в науке была сформирована идея организации как открытой системы. Это привело к изменениям в менеджменте, что в последующем привело к большей открытости и сделало организации «более прозрачными для внешнего мира»⁵. И в настоящее время, эта тенденция открытости организации способствовала развитию процессов слияния и поглощения, происходящих на корпоративном уровне.

Расширение международной деятельности компаний привело к усложнению внутренней среды корпораций и стало важной предпосылкой плюрализации форм конфликтов. Как отмечает

² Барков С.А., Дорохина О.В. Объединение компаний как социальный процесс: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. №2. С. 31.

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 2005.

⁴ Там же.

⁵ Барков С.А., Дорохина О.В. Объединение компаний как социальный процесс: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. №2. С. 31-32.

А.А. Тагибова, конфликтов в корпорации является «отношение между субъектом и объектом управленческого воздействия, при котором объект отказывается подчиняться управленческому воздействию субъекта, что предполагает переход от субъект-объектного к субъект-субъектному взаимодействию»⁶. В транснациональных корпорациях конфликты имеют социокультурную форму, а их основной особенностью выступает латентность характера развития. Для управленцев в корпорации «активисты» социокультурных конфликтов находятся в слепой культурной зоне, что приводит к усложнению диагностики данных конфликтов на ранних стадиях возникновения.

В российской и китайской практике слияния и поглощения компаний социокультурные конфликты также являются неизбежными. Однако, разобравшись в их ключевых особенностях и рассмотрев, как группы людей реагируют на интеграционные процессы на корпоративном уровне, становится возможным определение стратегии по преодолению данных конфликтов в транснациональной корпорации.

2. Социокультурный конфликт в транснациональной корпорации как результат различий в русской и китайской культурах

Социокультурный конфликт – это противоречие и конфронтация между культурами разной природы. Когда культура одной социальной группы вступает в контакт с культурой другой социальной группы, неизбежно возникает конфликт между традиционной и чуждой гетерогенной культурой.

Социокультурные конфликты возникают из-за существования культурных различий, таким образом они обусловлены влиянием культуры на представителей общества. Социальная среда, в том числе внутренняя среда отдельной

транснациональной корпорации, может быть не полностью адаптивной к другим средам. Этот дискомфорт приводит к противоречиям и конфликтам. Китай и Россия представляют собой большие многоэтнические страны, поэтому в совместных предприятиях культурные различия значительны и разнообразны, что приводит к формированию социокультурных конфликтов.

Китайская культура, после тысячелетий развития и эволюции, постепенно сформировала свои особенности. Во взаимоотношениях человека и природы они заключаются в сосредоточении на гармонии и порядке, вере в союз неба и человека, отсутствии стремления завоевать и покорить природу и преклонение перед ней. В отношениях между людьми и обществом китайцы придают большое значение социальной стабильности, отдавая приоритет политическим ценностям, подчеркивая дух коллективизма, самоотверженную преданность государству и коллективу, подтверждая чувство благодарности или преданности стране и обществу, подтверждая отношения лояльности между начальством и подчиненными и соблюдая дисциплину. Традиционная китайская культура похожа на китайское боевое искусство тайцзицюань, которое совершенно, прекрасно, инклюзивно и замкнуто.

Благодаря своему уникальному географическому положению и историческому происхождению, культура России обладает восточным шармом с западной спецификой. Все это находит отражение как в политической системе и реформах страны, взаимоотношениях человека и природы, семейных отношениях и этнических проблемах, так и в деловой этике представителей русской культуры. Поскольку Россия находится на пересечении двух культур Востока и Запада, для нее характерна двойственность: в русской культуре смешано большое количество черт восточной и

⁶ Тагибова А.А. Корпоративная культура как ресурс профилактики конфликтов в транснациональных корпорациях: дисс. на соиск. степени

канд. соц. наук по специальности 22.00.08 / А.А. Тагибова. – М.: 2019. – С. 6.

западной культур, образующих особую двойственную культурную структуру, которая является одновременно единой и противоречивой.

В российской корпоративной культуре несмотря на то, что признается авторитет власти, каждый сотрудник является независимым, поэтому в работе допустимы дискуссии. Сотрудники стремятся к личным достижениям, придают большое значение личному управлению и делают акцент на работе. В китайской корпоративной культуре упор делается на командную работу, стремление к гармонии и избегание споров. Распространена практика коллективного принятия решений, в которой акцент делается на корпоративной сплоченности и отношениях.

Китайцы и русские также по-разному относятся к концепции времени: русские часто заранее планируют дела на будущее, в то время как китайцы стараются не планировать, учитывая изменчивость будущего. Русские подчеркивают эффективность времени, в то время как китайцы подчеркивают важность взаимоотношений в их работе. Китайцы могут быть готовы к переговорам, в то время как у русских есть фиксированный график переговоров.

Из-за значительных различий между культурами двух стран многие социокультурные конфликты в китайско-российских корпорациях являются неизбежными. Среди основных причин их появления можно выделить следующие.

Во-первых, различия в мировоззрении и ценностях способны стать причиной социокультурных конфликтов в российско-китайских корпорациях.

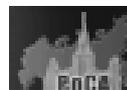
Мировоззрение – это фундаментальное представление людей о мире, которое включает в себя множество философских концепций. Если сравнивать русскую и китайскую культуру исходя из основной философской концепции «отношений между человеком и природой», то прежде всего необходимо отметить, что русская культура полагает, что человек должен доминировать над

природой, природа является объектом человеческого завоевания, а человек является центром всех вещей. Китайская культура считает, что человек и природа сосуществуют, люди должны приспосабливаться к природе.

Ценности – это стандарты, по которым люди судят о правильности и не-правильности происходящего. Эти ценности определяют поведение человека и в то же время помогают судить о поведенческой ценности друг друга. Люди разных культур руководствуются разными ценностями. Для представителей русской культуры характерно наличие независимой самооценки, защита и преследование «индивидуализма», внимание к индивидуальной независимости. У китайского народа есть самостоятельное представление о себе, которое не имеет относительно стабильного ядра. Оно уделяет внимание «интеграции», преследует коллективистскую точку зрения, делает акцент на чувстве коллективной чести и подчеркивает ключевую позицию группы. Русская культура считает, что принимать и благодарить других за их комплименты является достойным, в то время как китайцы находятся под влиянием конфуцианства и выступают за скромность. Это различие в мировоззрении и ценностях между двумя культурами неизбежно ведет к различным способам обращения с сотрудниками другой культурной традиции. Однако отсутствие данного понимания в социуме корпорации ведет к возникновению социокультурных конфликтов, что негативно влияет на деятельность всей организации.

Во-вторых, социокультурные конфликты в корпорациях могут возникать по причине различий в моделях управления бизнесом.

Конфуцианская культура оказывает важное влияние на культуру управления китайцев. В китайской компании, как правило, сильна иерархия. Подчиненные имеют сильную психологическую зависимость от начальства, высший менеджмент обладает большей властью,

выражаемой в определенных привилегиях. Преимущество китайской культуры управления заключается в том, что она делает упор на гармонию, стабильность и групповую осведомленность, что оказывает значительное влияние на предотвращение конфликтов внутри организации и лучшую оптимизацию распределения ресурсов. Однако очевидны и недостатки, выражаемые в отсутствии единых правил и низкой стандартизации в процессе работы предприятий. Эгалитаризм вызвал у людей слабое чувство конкуренции и препятствует развитию энтузиазма работников.

В русской культуре имеет место пропаганда капитализма «свобода, равенство и братство», что делает стиль управления русских более выраженным в управлении и авторизации. Люди, которые более осведомлены по отдельным вопросам, имеют большую силу мнения в их решении. Индивидуализм в принятии решений и сосредоточение внимания на индивидуальных субъективных суждениях увеличивают вероятность возникновения конфликтных ситуаций. Таким образом, культурная специфика моделей управления компанией может стать причиной возникновения социокультурных конфликтов в российско-китайской корпорации.

В-третьих, причиной социокультурных конфликтов в корпорации могут стать различия в этнических культурных моделях.

Разнообразие этнических моделей определяет разнообразие моделей корпоративного управления. В процессе своего развития этническая культура постепенно сформировала своеобразные культурные традиции, ценности и организационные концепции, которые являются необходимыми условиями для формирования и развития моделей управления бизнесом. Русская культура не является ни чисто западной, ни чисто восточной. Однако ввиду специфики исторического развития, она имеет больше черт западной культуры. Русская культура не может принять ряд

ценностей китайской культуры. Из-за различий в ценностях, способах мышления, поведении сотрудников российско-китайских корпораций, русские и китайские работники часто имеют разные мнения относительно выбора рынка, методов управления, технологических инноваций и по другим вопросам, что приводит к возникновению социокультурных конфликтов при совместной деятельности.

И, наконец, важной причиной социокультурных конфликтов в российско-китайских корпорациях выступает культурная дистанция.

Культурные особенности страны определяют, как люди взаимодействуют с другими сотрудниками, компаниями или организациями. Различия в религии, расе, социальных нормах и языке способствуют созданию культурной дистанции между представителями двух стран. Такие культурные факторы, как язык, легко распознаются и понимаются другими, но существуют и факторы, которые менее очевидны, среди которых социальные нормы.

Социальные нормы – это глубоко укоренившаяся система, состоящая из различных очевидных принципов, на основе которых люди осуществляют выбор и взаимодействуют друг с другом. Эта система часто невидима даже для тех, кто следует этим нормам. В результате возникают различия в понимании среди людей разного культурного происхождения, что приводит к социокультурным конфликтам в российско-китайских корпорациях.

3. Социокультурные конфликты в транснациональной корпорации на примере Китайско-Российской энергетической инвестиционной корпорации

Китайско-Российская энергетическая инвестиционная корпорация (КРЭИК) была основана в Пекине в октябре 2009 г. В результате ряда поглощений, включая приобретение контрольного пакета акций российской нефтегазовой компании «Сонтал», ком-

пания стала одним из ведущих китайско-российских транснациональных предприятий в энергетической сфере.

КРЭИК – корпорация, в которой реализуется специфическая российско-китайская модель управления. У компании есть русские и китайские менеджеры, которые стремятся создать благоприятные социальные условия во внутренней среде корпорации. Несмотря на их усилия, различия в культуре и социальных нормах приводят к возникновению социокультурных конфликтов.

В результате проведения телефонного интервью (18.12.2019 г.) с русскими и китайскими менеджерами компании КРЭИК было выявлено, что существует ряд разногласий социокультурного характера, препятствующих отлаженной работе корпорации. По итогам был проведен анализ социокультурной среды компании и выявлены следующие специфические особенности мышления русского и китайского менеджмента (таблица 1).

*Таблица 1
Сравнительный анализ результатов интервью китайских и русских сотрудников корпорации*

	Китайские сотрудники	Русские сотрудники
Духовная культура	Отсутствие первоплановости личности и уникальных характеристик	Первостепенны личностные характеристики
Корпоративное поведение	Отсутствие осведомленности о силе бренда	Сосредоточены на продвижении товара, но не на имидже бренда
Обмен информацией	Поддержание иерархии в коллективе, уважение к старшим по возрасту	Недостаток доверия

После комплексного анализа результатов интервью можно сделать вывод, что КРЭИК имеет развитую корпоративную культуру. Однако было выявлено, что существует такая проблема,

как отсутствие эффективных решений социокультурных конфликтов. Компания уполномочена придает большое значение формированию культуры Китая и России и осознает их ценность для предприятия. Дальнейший анализ различий в корпоративной культуре КРЭИК позволил выявить, что среди основных причин социокультурных конфликтов в корпорации разность в культурном происхождении и различия в мировоззрении сотрудников.

Основная проблема социокультурной среды предприятия заключается в недостаточной межкультурной и межкузыковой подготовке ключевых менеджеров компании. Нехватка русских управленцев, обучающихся в Китае и китайских в России приводит к отсутствию взаимопонимания особенностей противоположной культуры. Кроме этого, конфликты также возникают из-за того, что работники прежде существовавших до слияния двух компаний высоко ценят свою корпоративную культуру, полагая что модель управления и мышления именно их компании является наиболее совершенной. Российские работники вынуждены требовать от китайских работников принятия бизнес-модели управления, тем самым с социологической точки зрения они действуют агрессивно по отношению к той части крупного корпоративного социума, которые принадлежат к китайской культуре. Кроме этого, сотрудники по-разному понимают цели своей деятельности в компании, русские сотрудники, как правило, стремятся реализовать себя и внести свой вклад, в то время как китайские сотрудники нацелены на достижение развития корпорации сплоченно и общими усилиями.

В случае возникновения социокультурного конфликта, в корпорации КРЭИК применяется практика его разрешения путем взаимных переговоров.

Таким образом, пример китайско-российской транснациональной корпорации показал, что социокультурные конфликты являются неизбежными в ее деятельности. Причиной их выступает

различие в культуре, мышлении и корпоративном поведении работников. В настоящее время компания использует двусторонние переговоры для разрешения наиболее острых конфликтных ситуаций в коллективе. Однако этого позволяет лишь смягчить последствия социокультурного конфликта и этой меры недостаточно для того, чтобы преодолеть его возникновение.

4. Рекомендации по преодолению социокультурных конфликтов в российско-китайских транснациональных корпорациях

В современных транснациональных корпорациях происходит усложнение внутренней среды компании, которое вместе с плюрализацией форм социокультурных конфликтов определяет необходимость создания новых видов профилактики конфликтных ситуаций в корпорации. Исследуемый пример социокультурных конфликтов в КРЭИК позволил сделать вывод, что избежать конфликтные ситуации на предприятии, вызванные социокультурными причинами, абсолютно невозможно. На практике применяются методы смягчения их последствий. Однако, стоит отметить, что важное место в деятельности менеджмента предприятия должны занимать меры профилактики социокультурных конфликтов.

А.А. Тагибова отмечает, что стратегии, направленные на профилактику возникновения социокультурных конфликтных ситуаций в корпорациях, могут различаться в отличие от исходной теоретической парадигмы. Для первой стратегии основой выступает «использование формально-репрессивной системы методов воздействия на поведение в разрешении конфликтов, к которым относятся различные санкции: штрафы, увольнения»¹. В основе второй стратегии лежит социально-подкрепляющая система, сущность которой

сводится к привлечению ресурсов корпоративной культуры с целью формирования внутрикорпоративной солидарности.

В целом необходимо отметить, что рекомендации по преодолению социокультурных конфликтов могут быть сведены к следующему.

Во-первых, менеджменту необходимо уважать культурные различия, поскольку их непонимание является главной причиной возникновения конфликтных ситуаций на социокультурной почве.

Для русского и китайского менеджмента, помимо преодоления языковых барьеров, также должны преодолеваться различия культурного понимания. Обе стороны должны уважительно относиться к противоположной культуре. В краткосрочной перспективе русские могут адаптироваться к корпоративной культуре Китая. К работникам с разным культурным происхождением следует обращаться по-разному, чтобы уменьшить вероятность возникновения конфликтов между двумя сторонами из-за культурных различий.

Во-вторых, модель управления должна быть основана на интеграции двух корпоративных культур.

Чтобы объединить китайских и российских сотрудников, требуется большая управленческая мудрость руководства. В первую очередь оно должно избавиться от первоначальной укрепленной модели управления. Концепции управления должны быть скорректированы и внедрены инновационные методы управления. Благодаря этому станет возможным установление общих ценностей внутри компании, что позволит достигнуть консенсуса в корпоративной культуре.

В-третьих, для улучшения взаимопонимания в коллективе необходимо проведение межкультурного обучения.

¹ Тагибова А.А. Корпоративная культура как ресурс профилактики конфликтов в транснациональных корпорациях: дисс. на соиск. степени

канд. соц. наук по специальности 22.00.08 / А.А. Тагибова. – М.: 2019. – С. 7.

Межкультурная осведомленность является эффективным способом разрешения социокультурных конфликтов в корпорации. Поэтому проведение серии межкультурных тренингов, включающих понимание культуры партнера и корпоративной культуры, обучение языкам, тренинги по межкультурной чувствительности и адаптивности, по межкультурным конфликтам и навыкам обращения позволят обоим сторонам достичь эффективной коммуникации. Это будет способствовать снижению вероятности возникновения социокультурных конфликтов в корпорации.

Китайская культура сильно отличается от русской: две страны имеют разные исторические корни, национальные верования, образ мышления и ценности. Поэтому в процессе управления предприятием необходимо преодолеть различия между двумя культурами и создать модель управления, которая адаптируется к двум культурам. Улучшение социокультурной атмосферы в корпорации приведет к созданию благоприятных условий для совместной деятельности русских и китайских работников, что позволит корпорации стать более конкурентоспособной.

Заключение

Слияние и поглощение является неотъемлемой тенденцией современных компаний в виду их открытости и прозрачности границ. Однако в ходе этих процессов транснациональные корпорации сталкиваются с социокультурными конфликтами, вызванными различием в культуре, ценностях, мышлении сотрудников их разных стран. Русская и китайская корпоративные культуры различны, поэтому возникновение конфликтов в российско-китайских транснациональных корпорациях является неизбежным. Среди причин социокультурных конфликтов в этих организациях выделяются различия в мировоззрении и ценностях, различия в моделях управления бизнесом, различия в этнических культурных моделях,

культурная дистанция. На примере Китайско-Российской энергетической инвестиционной корпорации был проведен анализ корпоративной культуры и выявлено, что среди основных причин социокультурных конфликтов в корпорации присутствуют разность в культурном происхождении и различия в мировоззрении сотрудников. Сотрудники по-разному относятся к задачам, которые стоят перед ними и имеют различные подходы к их решению, что приводит к разногласиям в коллективе. Для предотвращения возникновения социокультурных конфликтов были предложены следующие рекомендации:

- менеджменту необходимо уважать культурные различия, поскольку их непонимание является главной причиной возникновения конфликтных ситуаций на социокультурной почве;

- модель управления должна быть основана на интеграции двух корпоративных культур;

- для улучшения взаимопонимания в коллективе необходимо проведение межкультурного обучения, основанного на проведении тренингов, направленных на улучшение понимания культуры партнера, снижении межкультурной чувствительности и повышении адаптивности.

Литература

1. Барков С.А., Дорохина О.В. Объединение компаний как социальный процесс: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. №2. С. 27-48.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М., 2005. – 448 с.
3. Тагибова А.А. Корпоративная культура как ресурс профилактики конфликтов в транснациональных корпорациях: дисс. на соиск. степени канд. соц. наук по специальности 22.00.08 / А.А. Тагибова. – М.: 2019. – 181 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура М.: ГУ ВШЭ, 2000.

5. Аверин А.Н., Сперанский В.С. Технология управления конфликтом в организации. М., 2009. С. 3-4, 6

6.Алдаров, К. Р. Методическое обеспечение стратегического мониторинга потенциала регионального отраслевого комплекса / К. Р. Алдаров // Экономика строительства. – 2010 – № 3 – с. 21–23

7.Емельяненко Л. М., Петюх В. М. Конфликтология: Учеб. пособие. / под ред. В. М. Петюха, Л. В. Торговой. – К.: КНЭУ. - 2013 - 315с.

8. Полухина О. М. Управление конфликтами в сфере кадрового менеджмента // Управление персоналом. -2009 №1. - с. 26-31.

9.Щербакова О. С. Эффективное управление конфликтами в организации // Экономические науки. - 2011 - №1. - с.15-16.

Sociocultural conflicts in the process of mergers and acquisitions of companies (on the example of Chinese and Russian transnational corporations)

Tian Xiaoyu

Moscow State University M.V. Lomonosov

Sociocultural conflicts have become an inevitable phenomenon faced by transnational corporations. The article describes the nature of sociocultural conflicts in the process of mergers and acquisitions of companies, analyzes the causes of their occurrence. By using the sociological study of the Sino-Russian Energy Investment Corporation, article study of the state of the socio-cultural environment in the corporation, the causes of conflict situations were identified, and the practice of resolving sociocultural conflicts. Based on the results of the study, recommendations were developed to prevent sociocultural conflicts in Sino-Russian corporations.

Key words. Sociocultural conflict, mergers and acquisitions, sociocultural environment, multinational corporation, Sino-Russian companies

References

- 1.Barkov S.A., Dorokhina O.V. Business combination as a social process: modern realities // Moscow University Herald. Series 18. Sociology and Political Science. 2017. No2. S. 27-48.
- 2.Popper K. Open Society and its Enemies / K. Popper. - M., 2005 . - 448 p.
- 3.Tagibova A.A. Corporate culture as a resource for conflict prevention in transnational corporations: Diss. for a job. degrees of cand. social Sciences in the specialty 22.00.08 / A.A. Tagibova. - M.: 2019 . - 181 p.
- 4.Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture M.: HSE, 2000.
- 5.Averin A.N., Speransky V.S. Conflict management technology in the organization. M., 2009.S. 3-4, 6
6. Aldarov, K. R. Methodological support of strategic monitoring of the potential of a regional industrial complex / K. R. Aldarov // Construction Economics. - 2010 - No. 3 - p. 21-23
- 7.Emelianenko L. M., Petyukh V. M. Conflictology: Textbook. allowance. / ed. V.M. Petyukha, L.V. Torgovoi. - K. : KNEU. - 2013 - 315s.
8. Polukhina O. M. Conflict management in the field of personnel management // Personnel Management. -2009 No. 1. - with. 26-31.
9. Scherbakova O.S. Effective conflict management in organizations // Economic sciences. - 2011 - No. 1. - p. 15-16.

Исследование уровня социальной напряжённости в трудовой сфере

Филиппова Ирина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Сервисного инжиниринга и правового обеспечения в ЖК и СК, Тюменский индустриальный университет, filippovaia@tyuiu.ru

Статья посвящена методике исследования социальной напряжённости на предприятиях топливно-энергетического комплекса, основанная на типологическом анализе. В работе проведён ретроспективный обзор социологического исследования социально-трудовых процессов на промышленных предприятиях в мире и в России. Отмечены особенности типологического метода, предполагающего реализацию ряда последовательных этапов. Показано, что при условии возникновения негативных процессов в трудовой деятельности, важными критериями объединения в типы должны стать степень и направленность потенциальной активности работников. Приведена концептуальная схема исследования, позволяющая диагностировать конфликтный потенциал. Приведены результаты исследования работников нефтегазовой отрасли. Осуществлена содержательная интерпретация выделенных типов поведенческих реакций работников предприятий при условии возникновения негативных процессов в их трудовой деятельности. Приведена возможная стратегия управления промышленным предприятием, подразумевающая снижение уровня социальной напряжённости в трудовой сфере.

Ключевые слова: социологическое исследование, типология, управление предприятием, топливно-энергетический комплекс, социальная напряжённость.

Введение и актуальность. Проблематика трудовых конфликтов имеет как научное, так и практическое значение. Особую актуальность она приобретает, когда речь идёт о крупных предприятиях системообразующих отраслей отечественной экономики. Стабильность таких предприятий является ключевым фактором благополучия российского социума. Предприятия топливно-энергетического комплекса составляют основу экономики северных регионов Тюменской области и России в целом. В разные годы доля нефтегазовых доходов в бюджете, по данным Минфина, варьировалась от 36 до 51%, а по итогам 2018 года составила 46% [3].

В условиях социально-экономической и политической нестабильности, обусловленных санкционным давлением западных стран, снижением цен на энергоносители на международных рынках и других негативных факторов, возрастают риски возникновения социальной напряжённости на предприятиях нефтегазовой отрасли. При самых неблагоприятных сценариях возможны коллективные действия протестного характера, последствия которых могут быть очень серьёзными.

Это актуализирует проблему выбора эффективных методов социального управления предприятиями, основной вектор которых, в текущих условиях, должен носить предупреждающую направленность. Превентивный характер менеджмента персонала подразумевает наличие хорошо проработанной диагностической составляющей системы управления, в основе которых должны лежать социологические исследования.

Социологическое изучение трудовых процессов появилось в США во второй половине XIX в. [2, с. 13]. Возникло движение «научный менеджмент», наиболее ярким представителем которого считается Фредерик Уинслоу Тейлор, всемирно известный исследованиями по научной организации труда. Методы Тейлора доказали свою эффективность, а на предприятиях, последовательно их внедрявших не было зафиксировано ни одного случая социальных конфликтов [8]. Примерно в одно время с Тейлором, в Европе, выстраивание оптимальных трудовых процессов и организационных структур осуществляли Анри Файоль и Макс Вебер. Первый представил «систематическую теорию менеджмента» [5], а благодаря М. Веберу возникла теория бюрократии и теория рационализации общества внесшие большой вклад в развитие управленческих наук [11].

Указанные управленческие концепции формировались, в основном, в аспекте организации производственных процессов. К началу 1930-х годов к исследованию проблем управления на предприятиях подключились социологи. В результате стали проводиться многочисленные эксперименты, изучаться ценностные ориентации и социальные установки, апробироваться новые формы управления. Огромную роль в этом плане сыграли «хотторнские эксперименты» Э. Мэйо и их интерпретации в работах М. Фоллет, Ф. Ротлисбергера, Ф. Херцберга, Ч. Бернарда, Л. Уорнера. В результате человеческие отношения стали признаваться доминирующим фактором производительности труда [7].

Отечественный опыт социологического сопровождения деятельности заводов и промышленных предприятий берёт начало в 1960-х годах. Повсеместное распространение социологических служб имело своей целью не только повышение эффективности социального управления предприятием, но и решение проблем профориентации

сотрудников, трудовую адаптацию новичков, формирование кадрового резерва и многое другое. Советские исследования, включающие как количественные, так и качественные методы отличались регулярностью, тематическим разнообразием, глубиной [1]. «Заводская социология» сыграла большую роль в формировании социологии в России в целом, а многие отечественные учёные старшего поколения начинали свою карьеру именно на крупных промышленных предприятиях [4].

С переходом к рыночным отношениям и тотальной приватизацией, начались процессы оптимизации организационной структуры предприятий. Это привело к кризису промышленной социологии в России, который проявляется не только в сокращении системных исследований, но и снижении количества работ методологической направленности по данной тематике. Данная работа призвана частично восполнить существующий пробел и осветить опыт исследования работников нефтегазовых предприятий Ямало-Ненецкого автономного округа.

Исследование было реализовано с использованием анкетного опроса, а его целью стала диагностика социально-экономического самочувствия работников нефтегазовой сферы. Исследование, охватило работников ряда крупнейших предприятий нефтегазового сектора ЯНАО. Использовался целевой тип выборки, не являющийся вероятностной и не предполагающий вычисление ошибки выборки. Всего было опрошено 1470 человек, что, согласно существующей практике, является достаточным для формулирования валидных выводов [9]. Формулировка вопросов анкеты содержала необходимые для последующего анализа типы шкал.

Одна из задач исследования заключалась в типологизации моделей поведения работников исследуемых предприятий, работников нефтегазовой сферы, при условии возникновения негативных процессов в трудовой деятельности. Со-

гласно Г.Г. Татаровой, широко использующей типологический метод для исследования различных процессов и явлений, ключевым аспектом, определяющим ход дальнейшего анализа, является выделение правильных оснований типологии и типобразующего признака. Под основаниями типологии понимается совокупность априорных предположений о близости, схожести эмпирических объектов как носителей социальных типов. Типобразующий признак же представляет собой некоторый теоретический концепт, интерпретация которого позволяет исследователю определить характер однотипности объектов. [6].

В рамках нашего исследования была выдвинута гипотеза о существовании среди работников нефтегазовых

предприятий устойчивых групп, обладающих типовыми поведенческими реакциями в предполагаемых условиях возникновения негативных процессов в трудовой деятельности. С целью подтверждения или опровержения данной гипотезы мы попытались выделить группы, которые отличались бы между собой конфликтотенным потенциалом.

В ходе разработки логической схемы нашего анализа мы опирались на три группы типобразующих признаков, с соответствующим набором эмпирических индикаторов. Первая группа представляет собой признак, индикаторы которого характеризуют изучаемое нами явление (рис. 1).

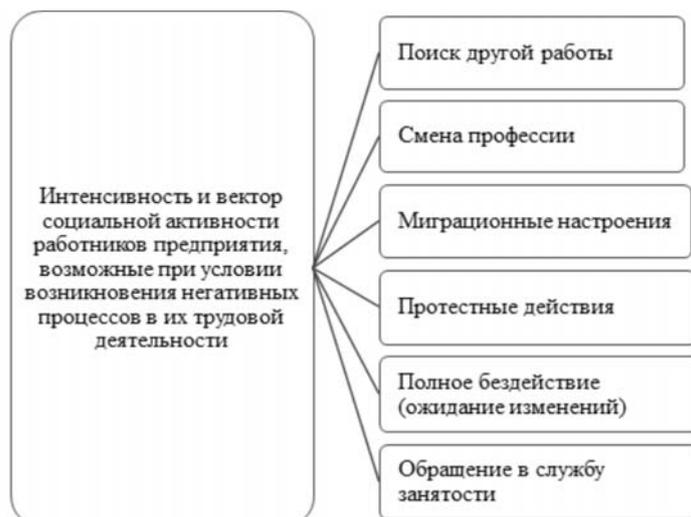

Рис. 1. Специфика типобразующего признака 1 (Характеристики изучаемого явления)

Вторая группа характеризует условия существования исследуемого явления, то есть глубину кризисной ситуации на предприятии (рис. 2).

Третья группа - факторы, посредством которых можно объяснить существование типов изучаемого феномена в тех или иных условиях (рис. 3).

Каждый из индикаторов был представлен в анкете в виде отдельного вопроса или варианта ответа на вопрос.

Учитывая, что классификация респондентов одновременно по всем признакам невозможна, в силу их большого количества и различий в уровнях измерения, все признаки были разделены нами на целевые и предикторы. Первые позволили создать классификационные признаки, а вторые легли в основу описания и интерпретации элементов классификации [12].

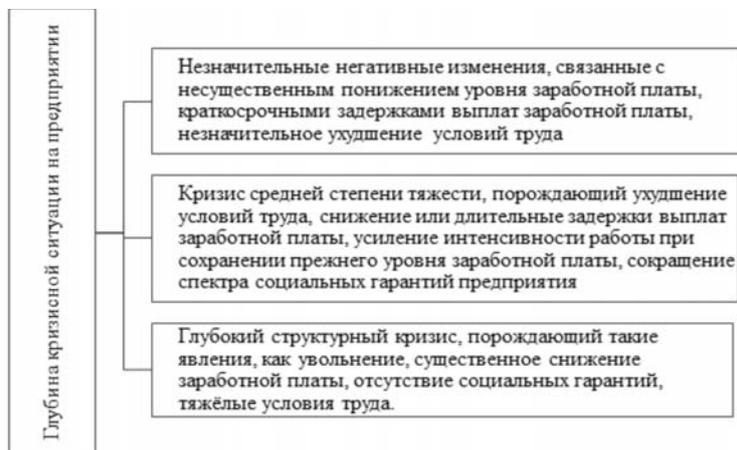

Рис. 2. Специфика типобразующего признака 2. Характеристики условий существования явления (социальный фон)

Возраст	Населённый пункт	Социальный статус	Удовлетворённость трудовой деятельностью
<ul style="list-style-type: none"> • Молодость • Переход к зрелости • Зрелость • Пенсионный возраст 	<ul style="list-style-type: none"> • Крупный город • Малый населённый пункт 	<ul style="list-style-type: none"> • Образовательный статус • Профессиональный статус • Семейный статус 	<ul style="list-style-type: none"> • Занимаемой должностью • Социальными гарантиями • Условиями труда • Возможностью карьерного роста • Возможностью самореализации

Рис. 3. Специфика типобразующего признака 3. Факторы, посредством которых можно объяснить существование типов изучаемого феномена в тех или иных условиях

Базовыми классификационными признаками стали интенсивность и вектор социальной активности работников предприятия, а также глубина проявления кризиса в трудовой сфере, при условии возникновения негативных сценариев на предприятии. Они легли в основу ядра типологии – стратегий поведения работников исследованных предприятий, в случае ухудшения условий их трудовой деятельности. Идентичная степень и направленность социальной активности позволил отнести соответ-

ствующих работников в один класс. Последующий анализ подразумевал выявление факторов, формирующих различные типы реакций и заключался в сопоставлении модальных типов с предикторами, состоящими по большей части из социально-демографических характеристик респондентов.

Итак, опишем реализованную процедуру типологизации. Как уже было сказано выше, типобразующие признаки были заложены в исследовательский инструментарий в виде отдельных вопросов анкеты. Таким образом, путём

построения таблиц сопряженности мы выделили типы поведенческих реакций работников.

Прежде всего, была построена априорная типология, т.е. реализована процедура разбиения объектов на классы, которая послужила переходом к содержательной типологии. Классификация осуществлялась поэтапно. Сначала была получена Классификация 1 по направленности поведенческих реакций работников в случае кризисной ситуации на предприятии разной степени глубины. Так как размер и характер выплаты заработной платы является важнейшим фактором удовлетворенности трудом, и именно он стал важнейшим показателем глубины кризиса, для решения поставленной задачи респондентам был задан вопрос «Как бы вы поступили в каждом из таких случаев:

- в случае сокращения, увольнения?
- в случае СУЩЕСТВЕННОГО снижения уровня оплаты труда, длительной задержки заработной платы?
- в случае НЕЗНАЧИТЕЛЬНОГО снижения уровня оплаты труда, задержки заработной платы?»

В результате анализа поведенческие реакции респондентов были поделены на шесть классов (им присвоены условные имена):

Класс 1 – «БОРЬБА ЗА ПРАВА» - социально ориентированная реакция, предполагающая обращение к социальным институтам (профсоюзы, общественные организации, СМИ) или осуществление протестных действий.

Класс 2 – «КОРПОРАТИВНАЯ БОРЬБА» - реакция, направленная на индивидуальное преодоление сложившейся ситуации в пределах компании, без привлечения третьей стороны (решение проблемы в диалоге с руководством фирмы).

Класс 3 – «УХОД» - реакция, ориентированная на осуществление масштабных жизненных перемен (смена профессии, эмиграция за пределы ЯНАО).

Класс 4 – «АКТИВНАЯ НАДЕЖДА» – реакция, связанная с активным стремлением разрешить ситуацию, при этом

не предполагающая готовности к серьезным изменениям или борьбе (индивидуальный поиск работы по специальности).

Класс 5 - «ПАССИВНАЯ НАДЕЖДА» - реакция, связанная со стремлением разрешить ситуацию путём обращения к посреднику, не предполагающая готовности к серьезным изменениям или борьбе (поиск работы с помощью посредников, обращение в инспекцию по охране труда с целью урегулирования конфликта).

Класс 6 - «ТАЙМ-АУТ» - пассивная выжидательная реакция, бездействие, надежда на изменение ситуации в лучшую сторону.

Каждый из указанных классов поведенческих стратегий может быть реализован в случае возникновения негативных тенденций в трудовой деятельности работников. Для измерения глубины кризисной ситуации была введена Классификация 2, предполагающая градацию степени проявления негативных тенденций в нефтегазовом секторе по экономическому критерию:

Класс 1 – «глубокий кризис» - массовые сокращения на предприятии, увольнение работника.

Класс 2 – «кризис средней степени» - существенное снижение уровня оплаты труда, длительная задержка заработной платы на предприятии.

Класс 3 – «незначительное ухудшение условий труда» - несущественное снижение размера оплаты труда, кратковременные задержки заработной платы.

На следующем этапе была получена Классификация 3, которая и послужила основой для перехода к содержательной типологии работников нефтегазовых предприятий ЯНАО (Табл. 2). В ячейках таблицы приведены условные обозначения классов (от 11 до 36) и указан объём классов в процентах.

Содержательная интерпретация 18-ти представленных в таблице вторых классов, их наполненность поставила задачу их укрупнения для выделения

типов поведенческих реакций работников нефтегазовой сферы ЯНАО в случае реализации негативных сценариев в их трудовой деятельности. Критерием объединения является степень и направленность потенциальной активности работников. После объединения, было выделено девять групп респондентов и, соответственно, девять типов поведенческих реакций. Ниже (Табл. 2.) приведена доля респондентов в %, являющихся носителями определенного типа поведенческой реакции.

Таблица 1
Таблица сопряженности двух классификаций (номер и объем класса)

Классификация 1		Классификация 2		
		«глубокий кризис»	«кризис средней степени»	«незначительное ухудшение условий труда»
		1	2	3
«борьба за права»	1	11 17,1%	21 21,1%	31 16,5%
«корпоративная борьба»	2	12 45,3%	22 41,8%	32 41,1%
«уход»	3	13 41,6%	23 38,2%	33 23,8%
«активная надежда»	4	14 86,6%	24 73%	34 41%
«пассивная надежда»	5	15 28,1%	25 26%	35 20%
«тайм-аут»	6	16 20,9%	26 27,3%	36 17,7%

Таблица 2
Типы поведенческих реакций работников в случае кризисных ситуации в трудовой деятельности (в % от общего количества респондентов)

номер типа	тип реакции	глубокий кризис	кризис средней глубины	незначительное ухудшение условий труда
R1	«преодоление»	58,0%	51,9%	49,9%
R2	«ожидание»	24,7%	27,7%	26,8%
R3	«конфронтация»	17,3%	20,4%	23,3%

Первый тип реакции (R1) – «преодоление» образуют классы 12, 22, 32

«корпоративная борьба», 13, 23, 33 «уход», 14, 24, 34 «активная надежда». Уже на первом этапе классификации было очевидно доминирование поведенческих стратегий данного типа. По результатам исследования, именно стратегию индивидуального преодоления обстоятельств избирает наибольшее число респондентов. Около половины респондентов в случае ухудшения ситуации в трудовой сфере готовы активно искать новую работу по специальности, а также пытаться индивидуально решить возникающие проблемы с руководством компании. Обращает на себя внимание тот факт, что представители данного типа готовы реализовывать указанную поведенческую стратегию при любой глубине кризисной ситуации на предприятии – от глубокого структурного кризиса до незначительного ухудшения ситуации. Конкретные проявления этого типа реакции, естественно, будут варьироваться (от простого поиска «запасных аэродромов» до серьезного намерения сменить место работы, от мирного диалога с начальством до готовности к открытому конфликту).

Среди всех форм реакций, отнесенных к этому типу, в ситуации глубокого кризиса доминирует «активная надежда» - найти работу с опорой на собственные усилия (86,6% опрошенных работников). Следовательно, общий уровень активности исследуемой совокупности в рамках реализации интересующих нас потенциальных поведенческих стратегий можно оценить как высокий.

Кроме того, тревожным симптомом является и существенный рост эскаapistских поведенческих реакций в случае тяжелой формы кризисной ситуации (увольнение, сокращение) – свыше 40% респондентов готовы сменить профессию на наиболее востребованную или уехать за пределы региона. В ситуации снижения уровня заработной платы, но сохранения места работы, число респондентов, демонстрирующих реакцию «ухода», уменьшается незначительно.

Преобладание реакции типа R1 особенно очевидно в ситуации глубокого кризиса, когда подавляющее большинство респондентов ориентированы именно на индивидуальное решение проблем. Это свидетельствует о возможностях увеличения активности и мобилизации работников в случае тяжёлой ситуации на предприятии, что характеризует человеческий потенциал компаний нефтегазового сектора ЯНАО как достаточно высокий. Вместе с тем, среди опрошенных работников достаточно распространены эскапистские настроения, что может ещё больше усугубить кризис.

Интересным представляется выявление зависимости между степенью социальной активности работника и социально-демографическими признаками (пол, возраст, квалификация, уровень образования). Распределения респондентов, чьи поведенческие реакции относятся к типу R1 - «преодоление», по полу не выявило существенных отличий: мужчины и женщины склонны проявлять одинаковую степень активности в самостоятельном поиске работы (для удобства анализа возьмём ситуацию глубокого кризиса). В зависимости от характера занимаемой должности дифференциация выражена в большей степени: так, практически все руководители линейных подразделений (95,8%) уверены, что в случае увольнения будут искать работу самостоятельно, абсолютное большинство (около 86,4%) руководителей структурных подразделений, работников администрации предприятия (93,1%) и инженерно-технических работников (89,7%) также рассчитывают на собственные силы. Среди рабочих неквалифицированного труда этот показатель ниже – 73,5%.

Чётко выражена зависимость социальной активности работника и уровня его образования: от почти 100%-ной активности у работников с послевузовским образованием до 74,1% с неполным средним. Относительно возрастных характеристик следует отметить, что активность в поиске работы снижается только у респондентов старше 51 года.

Относительно такого проявления реакции «преодоление», как индивидуальное взаимодействие с руководством компании, прослеживаются две возрастные группы, в большей степени ориентированные на него: «самостоятельно добиваться решения вопроса у вышестоящего руководства» будет большинство работников моложе 25 лет (52,7%) и работников в возрасте 36-40 лет (51,1%). После 41 года данная форма реализации активной стратегии «преодоление» идёт на спад. Гендерная дифференциация выражена несущественно: мужчины на 7% чаще, чем женщины выбирали данный вариант ответа. Должность респондента также влияет на поведенческие реакции: выяснилось, что большинство (56-70%) руководителей структурных и линейных подразделений предпочитают путь решения проблемы, предполагающий взаимодействие с вышестоящим начальством. Обращаться за решением вопросов к руководству будут 60% работников с самым высоким (учёная степень) и самым низким (среднее и неполное среднее) уровнем образования.

Готовность к смене профессии продемонстрировали в равной степени и мужчины и женщины (около трети респондентов). Наиболее склонными к перемене профессии, в случае увольнения, оказались работники в возрастном диапазоне 36-40 лет (47,5%), наименее – старшая группа (15,8%). Что неудивительно, наиболее мобильными в профессиональном плане оказались рабочие - как неквалифицированного, так и квалифицированного труда (53,4 и 45,7% соответственно).

Миграционные настроения у представителей рассматриваемой типологической группы проявляются приблизительно в равной степени у обоих полов, наиболее расположена к миграции молодёжь до 25 лет (около половины респондентов), наименее – работники старше 51 года (около 30%). Наибольшую выраженность данная поведенческая реакция имеет у руководителей структурных (60%) и линейных (47,9%)

подразделений, а также у инженерно-технических работников (50,6%). К миграции в большей степени готовы респонденты с высшим и послевузовским образованием, а также работники, имеющие неполное среднее образование.

Соответственно, мы можем составить социально-демографический портрет работника, чья поведенческая реакция соответствует наиболее распространённому типу - R1 «преодоление»: это мужчина или женщина, в возрасте до 50 лет, с высоким (высшее и послевузовское) или, напротив, низким (неполное или полное среднее) уровнем образования.

Второй тип реакции (R2) – «ожидание» - представлен группами 15, 25, 35 «пассивная надежда», 16, 26, 36 «таймаут». Он предполагает пассивную поведенческую стратегию, связанную с ожиданием разрешения негативной ситуации либо перераспределение ответственности за её урегулирование (обращение к посреднику). Интересным представляется тот факт, что избрание респондентами пассивной стратегии практически не связано с глубиной кризисной ситуации на предприятии. Данный тип реакции устойчиво демонстрирует около четверти опрошенных работников.

Пассивную реакцию в равной степени проявляют и мужчины, и женщины. Наименее склонны к бездействию в случае серьёзных проблем в трудовой сфере респонденты в возрасте от 31 до 40 лет (порядка 13% «пассивных» в ситуации глубокого кризиса), наиболее – в возрасте старше 46 лет (около трети - при аналогичных обстоятельствах).

Третий тип реакции (R3) – «конфронтация» - соотносится с классами 11, 21, 31 «борьба за права» и включает институциональные и неинституциональные формы протестной реакции. В случае реализации негативных сценариев в трудовой деятельности пятая часть работников готова к открытой борьбе с работодателем путём привлечения «третьей стороны» - общественной организации, профсоюза, СМИ, либо путём участия в протестных ак-

циях. Данный факт также является подтверждением достаточно высокого уровня активности работников, причём потенциальная протестная активность несёт в себе значительную угрозу окончательной дестабилизации ситуации в условиях кризиса. Отметим тенденцию, что по мере усугубления кризиса число людей, готовых демонстрировать подобные поведенческие реакции, хотя и незначительно, но снижается. Это противоречие может быть обусловлено тем, что респонденты проявляют неуверенность в эффективности протестных форм борьбы, в рациональности соотношения затраченных усилий и получаемого вознаграждения.

Для уточнения форм проявления возможных протестных настроений респондентам был задан вопрос с предложением, оценить степень легитимности различных действий в случае кризисной ситуации высокой или средней степени тяжести: «Какие действия Вы считаете приемлемыми в случае существенного ухудшения ситуации в трудовой сфере на Вашем предприятии или увольнения?» (Табл. 3.).

Таблица 3
Мнения работников о допустимости протестных действий в условиях кризиса высокой или средней степени тяжести (в % от количества респондентов)

	Приемлемы	Возможны в отдельных случаях	Лучше таких действий избегать	Абсолютно неприемлемы
Обращение к социальным институтам (СМИ, общественные организации, суды)	28,7	41,2	15,9	14,2
Легальные формы протеста	31,6	32,4	20,3	15,7
Несанкционированные, но мирные формы протеста	11,9	24,1	32,7	31,3
Крайние протестные формы, вплоть до насильственных действий	4,1	8,9	18,7	68,3

В целом по выборочной совокупности, порядка 30% опрошенных работников поддерживают социально санкционированные формы протеста – обращение за институциональной поддержкой и мирные протестные акции. Четверть респондентов считает возможными проведение мирных протестных акций, даже если они не согласованы с органами государственной власти. Насильственные действия в какой бы то ни было форме, неприемлемыми считает подавляющее большинство работников (68,3%), вместе с тем, около десятой части респондентов допускает их в сложившейся ситуации.

Представляется целесообразным рассмотреть возможные формы протестных реакций представителей социального типа R3 «конфронтация». Для выявления наиболее отчётливых тенденций мы проанализировали реакции респондентов данной типологической группы в случае глубокого кризиса, сопровождающегося массовыми увольнениями.

74,6% носителей данного типа поведенческой реакции считают законные формы протеста приемлемыми или возможными при определённых условиях, лишь 16,6% постарались бы таких действий избежать. Подавляющее большинство представителей этого типа (свыше 60%) готовы принимать участие в несанкционированной митинговой активности, если она будет носить мирный характер.

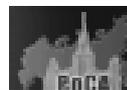
Крайние, в том числе насильственные, протестные формы поддерживает почти 40% работников, поведенческая стратегия которых была отнесена к данному типу. То есть, около 8% всех опрошенных работников в случае увольнения и глубокого системного кризиса в нефтегазовой сфере ЯНАО заявили о готовности перехода к насильственным действиям в борьбе за свои права.

Перейдём к анализу той подгруппы респондентов, которые в рамках стратегии R3 «конфронтация» склонны использовать институционально одобряемые средства борьбы.

Рассматриваемая совокупность респондентов в большей степени доверяет судебной системе. Около 30% считают эффективными такие каналы воздействия на работодателя, как профсоюзные организации, трудовая инспекция. Средства массовой информации готовы подключить чуть меньше 30% носителей данного типа поведенческой реакции. Очевиден и низкий уровень доверия органам государственной власти как федерального, так и регионального уровня. Менее всего респонденты полагаются на помощь общественных организаций в решении трудовых проблем.

Перейдём к описанию социально-демографических характеристик данной группы. Так, наибольшую склонность к протестным действиям демонстрирует молодёжь до 25 лет (около трети всех представителей данного типа), что вполне объяснимо особенностями её социального статуса и психологическими характеристиками. Также наблюдается несущественное преобладание мужчин над женщинами в этом типе реакции. К реакциям протеста в большей степени склонны респонденты, занимающие низшие должности в компании. Следует акцентировать внимание, что ровно половина респондентов без образования указали на то, что они готовы перейти к протестным действиям, обращаться в различные социальные институты в случае массовых увольнений. Т.е. данная группа в наибольшей степени склонна искать защиту в лице гражданского общества и государства, чем респонденты, имеющие профессиональное образование и рассчитывающие на собственные силы.

Приведённый типологический анализ показал, что трудовой коллектив даже одного предприятия довольно разнообразен и содержит множество признаков, что не позволяет характеризовать его как монолитную социальную группу. Выделенные типы поведенческих реакций предполагают разные стратегии решения социальных проблем в трудовой сфере – от крайних

форм протестной активности до полного бездействия. Следовательно, при разработке стратегии развития предприятия необходимо учитывать возможные типологические реакции работников на ухудшение ситуации в их трудовой деятельности.

Важное значение для формирования стратегии управления отраслью в случае реализации негативных экономических сценариев имеет мониторинг информационных потоков в цепочке «руководство ТЭК – работники предприятий нефтегазовой сферы». Информация, интересующая администрацию предприятия, может охватывать широкий спектр сведений:

- о происшествиях в коллективе, воровстве, злоупотреблениях и т.п.;
- о серьезных личных проблемах сотрудников;
- о неэтичных поступках, конфликтах и интригах;
- о некоторых фактах личной жизни, оцениваемых как риск для компании;
- об уровне информированности сотрудников в отношении конфиденциальной или иной скрываемой от них информации;
- о наличии неформальных лидеров с опасными идеями;
- о недовольстве персоналом или отдельным работником теми или иными действиями руководства, проявлениях нелояльности;
- об истинном отношении работника к предприятию, руководству, коллективу, конкурентам и т.п.

В свою очередь, работника, прежде всего, интересуют сведения о планируемой кадровой и социальной политике компании (уровень заработной платы, социальных гарантий, возможность сокращения штата) и информация, непосредственно затрагивающая сферу его профессиональных обязанностей.

Система информационного взаимодействия между руководством и работниками предприятия в общем виде может включать в себя следующие основные элементы:

- прямое общение между администрацией и работниками (личный прием; письма, в т.ч. электронные);
- взаимодействие между коллегами (в т.ч. в рамках неформальных мероприятий);
- корпоративные источники информации (официальный сайт, печатные издания, встречи, форумы и т.д.);
- окружные и муниципальные СМИ.

Существует интересный опыт осуществления взаимодействия в системе «руководитель – работник» компании ОАО «Газпромнефть». Одной из площадок для взаимодействия топ-менеджеров и сотрудников в указанной компании стал корпоративный форум, который проходит два раза в год. Он дает возможность работникам корпоративного центра и дочерних обществ узнать о текущем положении дел в компании, о ее планах и перспективах непосредственно от топ-менеджмента, задать интересующие вопросы. Аналогичные форумы, только в меньшем масштабе, проводятся и в дочерних компаниях. Также руководитель предприятия должен ежемесячно посещать несколько производственных объектов и встречаться с рядовыми сотрудниками.

Использует компания и метод «управление через присутствие». В частности, команды руководителей флагманского направления дирекции региональных продаж (отвечает за реализацию топлива в розницу и мелким оптом) один день отработали на АЗС - кто на посту заправщика, кто за прилавком магазина. Посмотрев на работу своими глазами, они внесли изменения в некоторые утвержденные инструкции. Эффект от этих действий виден практически сразу» [10].

Таким образом, в целях предотвращения формирования возможных радикальных поведенческих стратегий у работников нефтегазовой отрасли, в случае реализации негативных сценариев в социально-экономической сфере, целесообразным может быть применение политики информационной открытости, широкого

информационного взаимодействия с гражданами, что будет способствовать снижению социальной напряженности и формированию у граждан толерантного отношения к сложившимся условиям в отрасли. В информационном взаимодействии «руководство - работники предприятий ТЭК» ключевым информационным каналом являются непосредственные коммуникации, роль как корпоративных, так и окружных (муниципальных СМИ) вторична.

Литература

1. Вайсбург А. В. Применение социологических исследований в практике управления персоналом предприятий СССР / А. В. Вайсбург // Инновационная наука. 2015. – №10-2. – с. 241-243.
2. Основопологающие идеи в менеджменте. Уроки основоположников менеджмента и управленческой практики. Пер. с англ. – М.: Дело, 1996. — 272 с.
3. Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета по состоянию на 22.04.2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Финансов РФ. – URL: https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/excute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g#
4. Качайнова Н. Б. Заводская социология: истоки и перспективы / Н. Б. Качайнова, Н. В. Попова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. – Том 2. – № 3. – С. 29-38.
5. Кузнецова К. А. Анри Файоль: вклад в развитие менеджмента / К. А. Кузнецова // Плехановский барометр. – 2017. – № 9. – С. 29-31.
6. Полюшкевич О. А. Введение в социологию управления: учебное пособие / О. А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2013. – 164 с.
7. Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях : учебное пособие по дисциплине "Социология" для студентов гуманитарных и социально-экономических специальностей и направлений подготовки / Г. Г. Татарова. – М.: Высшее Образование и Наука, 2007. – 235 с.
8. Тощенко Ж. Т. Социология управления. Учебник. / Ж. Т. Тощенко – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.
9. Украинец П. П. Фредерик Уинслоу Тейлор: управленческий прорыв и социально-нравственный наив / П. П. Украинец // Социология. – 2012. – № 1. – С. 96-103.
10. Чего добивается стремящееся быть ближе «к народу» начальство. [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты Ведомости. – URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/1953341/otkryt_dostup_k_telu
11. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – 3-е изд., испр. – Москва: Омега-Л, 2007. – 567 с.
12. Kim, Sung Ho. Max Weber [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://plato.stanford.edu/index.html>

Research of the level of social tension in the labor sphere

Filippova I.A.

Tyumen Industrial University

The article is devoted to the methodology of the study of social tension at the enterprises of the fuel and energy complex, based on a typological analysis. A retrospective review of a sociological study of social and labor processes at industrial enterprises in the world and in Russia was carried out. The features of the typological method, involving the implementation of a number of successive stages, are noted. It is shown that, provided that negative processes occur in labor activity, the degree and orientation of the potential activity of workers should become important criteria for combining into types. The conceptual design of the study, allowing to diagnose a conflictogenic potential, is given. The results of a study of oil and gas industry workers are presented. A substantive interpretation of the identified types of behavioral reactions of employees

of the enterprises was carried out, provided that negative processes occurred in their work. A possible strategy for managing an industrial enterprise is given, implying a decrease in the level of social tension in the labor sphere.

Keywords: sociological research, enterprise management, fuel and energy complex, typology, social tension.

References

1. Weisburg A. V. Application of sociological research in the practice of personnel management of enterprises of the USSR / A. V. Weissburg // Innovative science. 2015. - No. 10-2. - from. 241-243.
2. Fundamental ideas in management. Lessons from the founders of management and management practice. Per. from English. - M.: Delo, 1996. -- 272 p.
3. Annual information on the execution of the federal budget as of 04/22/2020 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. - URL: https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanv_arya_2006_g.#
4. Kachainova NB Factory sociology: origins and prospects / NB Kachainova, NV Popova // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2016. - Volume 2. - No. 3. - P. 29-38.
5. Kuznetsova K. A. Henri Fayol: contribution to the development of management / K. A. Kuznetsova // Plekhanov barometer. - 2017. - No. 9. - P. 29-31.
6. Polyushkevich O. A. Introduction to sociology of management: textbook / O. A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2013. -- 164 p.
7. Tatarova GG Fundamentals of typological analysis in sociological research: a textbook on the discipline "Sociology" for students of humanitarian and socio-economic specialties and areas of training / GG Tatarova. - M.: Higher Education and Science, 2007. - 235 p.
8. Toshchenko Zh. T. Sociology of management. Textbook. / Zh.T. Toshchenko - Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2011. - 300 p.
9. Ukrainian P. P. Frederick Winslow Taylor: managerial breakthrough and social and moral naive / P. P. Ukrainian // Sociology. - 2012. - No. 1. - S. 96-103.
10. What does the bosses striving to be closer "to the people" achieve? [Electronic resource] // Official site of the newspaper Vedomosti. - URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/1953341/otkryt_dostup_k_telu
11. Poisons VA Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality / V. A. Yadov. - 3rd ed., Rev. - Moscow: Omega-L, 2007. - 567 p.
12. Kim, Sung Ho. Max Weber [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. - URL: <https://plato.stanford.edu/index.html>

Астрология в жизни россиян: особенности сознания

Ардашев Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, преподаватель
Института социальных наук Иркутского государственного университета; заместитель
начальника отдела - начальник отделения
психологического обеспечения отдела морально-психологического обеспечения
Управления по работе с личным составом
МВД по Республике Бурятия,
ardashev.rg@bk.ru

В статье анализируется роль и значимость астрологии в жизни современных людей, учитываются социально-психологические и социально-исторические особенности формирования интереса к астрологии гороскопам. Анализируются иррациональные связи и интерпретации небесных светил на жизнь людей. Приводятся результаты эмпирического исследования отношения к астрологии россиян.

Ключевые слова: астрология, иррациональное мышление, рациональные стратегии, формы адаптации, сознание

Астрология переживает свой звездный час не впервые в истории – и этот раз не станет последним. В разных формах она была популярна в течение тысяч лет. Самый недавний всплеск пришелся на нью-эйдж, это движение 1960-х и 1970-х годов вообрало в себя живой интерес к астрологии.

У многих людей на слуху слово «астрология», практически на каждом сайте есть информеры и сервисы, дающие астрологические предсказания. Написано множество статей в газетах, журналах, книгах, на просторах интернета, выступают с лекциями об этой науке. Так или иначе, значение астрологии в социуме весьма заметно. Существует много разных школ, много разных мнений, но простому человеку очень сложно разобраться, какую роль выполняет в жизни астрология. Сейчас эта древняя система знаний рассматривается как эзотерика, как развлекательная программа, любопытная человеку.

В восприятии многих это псевдонаука, но на самом деле, астрология является серьезным знанием. В ведические времена значение астрологии в жизни человека было велико, она занимала место точной науки и не как по-другому. Настоящая астрология не приемлет, каких-то отклонений, неточностей спекуляций, люди не имеют право выдумать что-то свое, существуют определенные законы, по которым действует эта наука. В астрологии даже выработан этический кодекс астролога, которым обязаны руководствоваться все астрологи.

Слово «астрология», это позднее название, которое произошло от латыни, в ведическом значении звучало оно как «джйотиш шаstra». «Шаstra» –

означало писание, «джйотиш» – светило, и, в общем, переводиться как наука о светилах. Если посмотреть в небо, можно увидеть бесчисленное множество светил, созвездий, планет, звезд. На любого человека, практически всегда, влияет любая точка вселенной. И самое главное, что нужно понять, что человек с самого своего рождения, имеет свой вкус счастья. Он пришел сюда, в этот мир для того, чтобы наслаждаться определенным типом счастья.

Можно заметить, что в каждой стране свой вкус к жизни, своё счастье. У каждого животного так же, есть такая же связная нить «вкуса счастья». Она состоит не из того, что мы едим, чем питаемся, она проектируется из стиля жизни, стиля мышления, мировоззрения.

Живое существо может получить любой тип тела, исходя из этого, можно понять, что тело состоит из сплетения грубых и тонких элементов. Самый тонкий элемент состоит из энергии планет. Планеты очень сильно влияют на наши первые тонкие элементы, на их свойства, состав. Например, Солнце дает элемент Огня, оно заставляет нас двигаться действовать. На санскрите энергия Солнца называется «тетжес», что означает сила действовать, сила действия. Видно, что днем в периоде с 10 часов до обеда, время очень активное, люди больше двигаются, работают и пребывают в более приподнятом состоянии духа. Но иной раз можно заметить, что на некоторых людей активное Солнце влияет пагубно, они не выдерживают давление этой энергией и им становится плохо.

Из этого выходит, что источник энергии Солнца один, а последствия и принятие этой силы различное. Изучая астрологию и уделяя ей время, человек может выяснить причину ухудшения своего состояния, либо из-за чего ему радостно, узнать свой потенциал и жизненные направления, в которые его следует направлять и ещё много другой информации о себе и окружающем мире.

Астрология несет в себе не только развлекательное русло для людей, но и в большей степени познавательную и полезную информацию.

Люди склонны обращаться к астрологии, когда переживают сложные времена. Проведенное в 1982 году психологом Грэмом Тайсоном исследование обнаружило, что люди прибегают к услугам астрологов в ответ на стрессогенные факторы и явления в своей жизни – в особенности стресс, связанный с социальной ролью человека и его или ее отношениями. В условиях сильных переживаний человек готов обратиться к астрологии, чтобы справиться с проблемами, даже если в менее сложных и тяжелых ситуациях он в нее не верит.

Мы все чаще обращаемся к нереальному как к способу осуществить побег и начать поиск других форм свободы, правды и смысла. Мы наблюдаем интерес к магии и духовности, заведомо нереальным, и неосознаваемым аспектам нашей жизни, которые бросают вызов большим данным и ультрапрозрачности сети.

В чем смысл астрологии?

Если говорить кратко, всё сводится к следующему. Известно, что Солнце, Луна и планеты Солнечной системы заметно перемещаются по небу на фоне некоторых созвездий, которые традиционно называют зодиакальными. Некоторые планеты при этом движутся на фоне звезд сложным образом, меняя «прямое» направление движения на «обратное» и описывая таким образом своеобразные петли. От дня ко дню смещения планет невелики, но за недели и месяцы перемещения некоторых из них становятся значительными и вполне заметными.

Идея астрологии заключается в том, что положение планет, Солнца и Луны относительно конкретных созвездий в момент рождения человека влияет на его судьбу. Поэтому, анализируя расположение светил в нужный момент, можно сказать о человеке многое, вклю-

чая его характер, склонности, предрасположенность к тем или иным болезням и т. д. Более того, можно сказать о наиболее вероятных поворотах его судьбы на протяжении всей жизни. Считается, что каждая планета, находясь на фоне того или иного созвездия, влияет на судьбу вполне определенным образом. Суммарное воздействие всех рассматриваемых планет дает некий результат, который может вычислить «опытный» астролог. Что касается алгоритма анализа расположения светил, то он появился очень давно и принципиально не менялся на протяжении последних двух тысяч лет.

Существует более мягкий вариант концепции. Речь идет о том, что положение планет не влияет на судьбу человека, но указывает на нее, подобно тому, как перемещение стрелок часов не вызывает наступления вечера, но напоминает об этом. Такой версии, впрочем, придерживаются далеко не все астрологи. Большинство настаивает на прямом воздействии светил. Однако в обоих случаях имеется в виду, что Вселенная – это единая самосогласованная система и судьбы отдельных людей (а в наше время говорят о судьбах фирм, самолетов, городов, стран) каким-то непостижимым образом связаны с перемещениями небесных светил.

Процедура составления астрологических прогнозов сопряжена с довольно сложными математическими построениями. Прежде всего, надо, разумеется, знать положение на звездном небе всех светил, влияние которых предполагается учесть. Раньше это требовало довольно сложных расчетов, что объединяло астрономию и астрологию. В наше время существуют совершенные и доступные компьютерные программы, которые позволяют в считанные секунды определить положения светил на небе в нужный момент времени. Это, так сказать, астрономическая часть составления прогноза. Дальше начинается собственно астрология.

Давно замечено, что пять видимых простым глазом (без биноклей и телескопов) планет, а также Солнце и Луна перемещаются не как попало, а вдоль некоего круга, пересекающего на небе двенадцать созвездий. Строго говоря, на этом круге их тринадцать, но при первом рассмотрении это не очень существенно. Со времен древних греков созвездия называются зодиакальными. Названия созвездий преимущественно обозначают животных — например, Овен, Скорпион, Рыбы, Телец, Рак. Само слово «зодиак» по-гречески означает «круг животных», «звериный круг».

Астрологи разбили пояс зодиака на двенадцать равных частей и каждую часть протяженностью в 30 градусов назвали знаком зодиака. Их названия такие же, как у зодиакальных созвездий (Весы, Рыбы и т. п.).

Можно добавить, что не стоит слишком преувеличивать само понятие «созвездие». Под созвездием понимается участок неба в пределах определенных границ. Границы можно провести, как кому вздумается, и долгое время в разных странах так оно и было. Так, Птолемей выделял на небе 48 созвездий, а монголы в XIX веке – 237. Строго говоря, можно было разбить небо на сто созвездий, а можно было на два – всё зависело только от желания и удобства.

В 1922 году комиссия квалифицированных экспертов Международного астрономического союза предложила установить единую мировую систему созвездий. Небосвод был поделен на 88 участков (созвездий), а в справочники всего мира были занесены согласованные названия. Для списка созвездий, лежащих в плоскости земной орбиты (их оказалось, по новому раскладу, 13 штук), были сохранены исторически сложившиеся названия двенадцати зодиакальных созвездий плюс название тринадцатого созвездия – Змееносец. То, что все планеты, Солнце и Луна перемещаются только на фоне этих 13 созвездий из 88, связано лишь с тем, что Солнечная система оказалась плоской,

и при наблюдениях с Земли все указанные светила видны на фоне удаленных звезд, находящихся именно в созвездиях, которые случайно оказались в этой плоскости.

Астрологи делят небо на 12 секторов – так называемые дома. Эти дома охватывают всё небо – как его видимое полушарие (над горизонтом), так и невидимое, которое закрыто для наблюдений Землей. Если мы проведем на небе воображаемый круг через точки востока и запада на горизонте, а также через точку у нас над головой – зенит, то на этом круге дома будут представлены как сектора с раствором опять-таки 30 градусов. Астрологи утверждают, что дома управляют разными сторонами жизни человека и даже частями его тела.

Из-за вращения Земли вокруг своей оси, а также из-за перемещения светил и постоянного смещения границ домов относительно знаков зодиака картина непрерывно меняется. Астрология как раз и предлагает рассматривать схему расположения знаков зодиака, домов и светил, если смотреть на небо в конкретный момент времени из конкретной точки на поверхности Земли. Такая схема получила название «гороскоп». Задача астролога – выполнить правильную интерпретацию гороскопа, составленного для конкретного момента и места рождения человека.

Итак, теперь мы в общих чертах представляем себе, что такое астрология. Попытаемся проанализировать ее с позиций одного из важнейших правил научного метода – принципа логичности. Всяду ли концепция астрологии последовательна и логична? Нет ли противоречий?

Вся идея астрологии представляет собой сплошной комок противоречий, о которых сами астрологи стараются не думать. Давайте рассмотрим несколько противоречий, для чего зададим шесть вопросов воображаемому астрологам.

Возможно ли, чтобы каждый день для одной двенадцатой человечества выпадала одинаковая судьба?

Этот вопрос, как и некоторые другие, приведенные ниже, задал член Тихоокеанского астрономического общества США Эндрю Фрэнкной.

Поясним вопрос. В публикуемых астрологических прогнозах (ежедневная астрологическая колонка печатается в более чем 1200 американских газетах) информация зависит только от вашего знака зодиака. Если вы Овен, вы читаете про себя то, что относится к прогнозу для Овнов. К каждому знаку может отнестись себя примерно одна двенадцатая часть населения Земли, или пятьсот миллионов человек. Хотелось бы спросить у астрологов: неужели они считают, что каждый день для полумиллиарда человек должен быть одинаковым прогноз? Понятно, что среди пятисот миллионов Овнов на Земле в один и тот же день кто-то родится, кто-то умрет, кто-то женится, кто-то заболит, кто-то вкусно пообедает в Новой Зеландии, а кто-то будет голодать в Эфиопии. Астропрогноз же для них будет один и тот же. А в то же время едва ли у всех пассажиров «Титаника» был на день катастрофы одинаковый астропрогноз?

Конечно, астрологи защищаются. Они говорят, что газетные гороскопы приблизительны, а для точного прогноза нужны более детальные гороскопы, зависящие от точного (до минут и секунд!) времени рождения каждого человека. Об этом мы поговорим чуть ниже. А пока сделаем вывод: по крайней мере, газетные астрологические прогнозы суть полная ерунда, поскольку они предназначены одновременно для сотен миллионов самых разных людей, живущих, а также рождающихся и умирающих под одним и тем же знаком по всему миру.

Многим астрология именно потому и кажется точной наукой, что она использует для своих прогнозов точное время рождения человека – чуть ли не до секунды. Нередко, когда гороскоп не хочет сбываться, астрологи утверждают, что неточность прогноза обусловлена тем, что неизвестен точный момент рожде-

ния человека, – как будто несколько секунд или часов кардинально изменяют его характер или судьбу.

Много столетий тому назад, когда астрология, собственно, и появилась, считалось, что именно момент рождения и есть момент начала новой жизни. Сегодня мы знаем, что на самом деле новая жизнь начинается значительно раньше – в момент оплодотворения. Что же касается рождения, то это процесс довольно случайный. В зависимости от внешних факторов роды могут начаться раньше или позже, причем разброс по времени может достигать нескольких недель! Мы понимаем, а биологи и врачи это подтверждают, что к моменту рождения младенец уже вполне сформировался в утробе матери. И если он появится на свет на несколько часов (или суток, а тем более минут или секунд) раньше или позже, то вряд ли его личные качества изменятся из-за мифического влияния какой-то планеты.

Каждый из нас не раз имел возможность убедиться, как удивительно проявляются в детях гены родителей. Мы видим, что свойства характера, внешность, темперамент, предрасположенность к тому или иному виду деятельности и многое другое определяются двумя факторами – наследственностью и средой. Кто из нас не замечал, что ребенок «весь в папу» (бабушку, тетку и т. д.). Это кажется нам естественным и хорошо объясняется биологией. Однако в высшей степени странным кажется убеждение астрологов, что характер человека и его судьба будут совершенно иными, если он родится на сутки раньше или позже.

С точки зрения логики имело бы смысл, наверное, рассматривать для составления гороскопов момент зачатия, а не рождения.

Итак, можно сделать вывод, что традиционное составление астрологического прогноза, основанного на моменте рождения, мягко говоря, нелогично.

Каким образом планеты могут влиять на судьбу человека?

Дело в том, что планеты чудовищно удалены от Земли. Самая близкая к нам планета Венера, находясь в непрерывном движении вокруг Солнца, никогда не приближается менее чем на 40 миллионов километров. Марс, который в девять раз меньше Земли по массе, лишь изредка подходит к нам на кратчайшее расстояние в 53 миллиона километров – как, например, в августе 2003 года. Остальные планеты Солнечной системы находятся на еще более значительных расстояниях. Непонятная астрологическая сила должна действовать, во-первых, на огромных расстояниях, во-вторых, избирательно: на двух людей планета действует почему-то по-разному, хотя они живут в одинаковых условиях в соседних квартирах. Интересно, откуда планета Сатурн с расстояния больше миллиарда километров «знает», как надо повлиять на каждого из шести миллиардов человек на Земле, если с такого расстояния саму Землю можно рассмотреть только в телескоп.

Но допустим, что так называемая астрологическая сила все-таки существует. Может быть, это какая-то из уже известных физических сил? Сегодня физикам известны четыре типа сил. Первая из них – сила тяготения, или гравитационная, она описывается законом всемирного тяготения. Каждое физическое тело обладает свойством, которое физики называют гравитационной массой, или просто массой. Чем больше масса, тем больше притяжение. В то же время чем дальше массы друг от друга, тем притяжение слабее.

Любой школьник может рассчитать, с какой силой притягивается человек, например, к планете Юпитер. Из-за громадного расстояния до этой планеты сила притяжения к ней мизерна! По сути, нет таких приборов, которые могли бы эту силу зарегистрировать. Можно сказать, что автомобиль на соседней улице притягивает вас к себе куда сильнее, чем Юпитер. Масса у автомобиля, конечно, гораздо меньше, чем у царя планет, но зато автомобиль ближе. Уже

упоминавшийся Эндрю Фрэнкой привел такой наглядный пример. Акушер, принимающий ребенка, оказывает на него гравитационное воздействие в шесть раз более сильное, чем Марс. В общем, по всем параметрам сила тяготения никак не годится на роль астрологической силы, влияющей на наши судьбы.

Вторая из известных сил – это сила электромагнитного взаимодействия. Описывается она законом Кулона, также хорошо известным каждому школьнику. Электромагнитная сила, как и гравитационная, быстро убывает с расстоянием (если расстояние вырастет в два раза, сила уменьшится в четыре). Эта сила гораздо мощнее гравитационной, однако возникает она только между электрически заряженными телами. А электрически заряженные тела в нашей Вселенной – большая редкость. Хотя отдельные частицы, содержащиеся в звездах и атмосферах планет, могут нести электрический заряд, но по численности положительные и отрицательные заряды уравниваются друг друга. Это значит, что все планеты, включая нашу Землю, Марс, Венеру и так далее, в целом электрически нейтральны. А стало быть, никакие электромагнитные силы, которые могли бы влиять на человека со стороны того же Марса, просто не возникают.

Конечно, «продвинутый» астролог может сказать, что, поскольку мы видим на небе Марс, это значит, что лучи света (электромагнитные волны) от Марса попадают на сетчатку глаза. На это можно возразить: Марс сам не светится – он просто отражает мизерную часть падающих на него лучей Солнца. То есть мы видим тот же самый свет, что и солнечный, только гораздо более слабый. Свет далекой автомобильной фары в тысячи раз сильнее света Марса. Было бы очень странно, если бы этот отраженный солнечный свет мог бы почему-то влиять на судьбы людей. Ведь тогда любой предмет на Земле, который мы видим, тоже должен учитываться в гороскопах: если мы видим предмет, значит, на сетчатку глаза попадают лучи

света, отраженные предметом, – в точности такие же, как от Марса, только более интенсивные.

Остаются еще две силы. Это так называемые силы ядерного взаимодействия, сильного и слабого. Но вся штука в том, что эти силы работают только на фантастически малых расстояниях, сравнимых с размерами ядра атома. Что уж тут говорить о дистанциях между планетами.

Итак, ни одна из известных на сегодня физических сил не может претендовать на статус астрологической силы. Но если известные силы не могут отвечать за астрологическое влияние, может быть, есть некие неизвестные силы? Астрологи, как правило, на это и ссылаются. Они говорят, что физики зря воображают, будто им известно всё на свете, и что астрология как раз и занимается теми воздействиями и влияниями, которые науке пока не по зубам.

Конечно, на это можно возразить, что вначале надо доказать, есть ли вообще эти самые воздействия и влияния. Ведь если их нет, то нет никакого смысла искать соответствующую силу. Предположим пока, что влияние есть. Это значит, что существует некая таинственная астрологическая сила, которую нельзя свести к известным физическим взаимодействиям. Однако анализ показывает, что предположение о существовании такой силы неизбежно ведет к неразрешимым логическим противоречиям. Это можно показать, задав еще несколько трудных для астрологии вопросов.

Почему для составления гороскопов учитывается только влияние планет?

Ответ на этот вопрос понятен каждому астроному. В те времена, когда создавалась астрология, еще не было телескопов. Поэтому планеты, которые двигались на фоне удаленных и казавшихся неподвижными звезд, выглядели странно и загадочно. Их непонятные движения – то прямые, то попятные – наводили на мысль, что они что-то означают, что в этом есть какой-то смысл.

Поэтому делали попытки интерпретировать именно движение планет. Ведь никто и предположить не мог в те годы, что помимо планет, с точки зрения астрономии – маленьких и неэнергоемких небесных тел, во Вселенной существуют многообразные космические объекты, размеры и энерговыделение которых порой в триллионы раз превосходят планетные показатели.

Последние десятилетия привели к открытию множества удивительных объектов в космосе. Вспомним, например, о сверхмассивных черных дырах – монстрах, располагающихся в центрах гигантских звездных скоплений. Только в нашей собственной Галактике, куда, помимо Солнца, входит еще примерно 150 миллиардов (а по некоторым оценкам, триллион) звезд, имеется черная дыра массой более двух с половиной миллионов масс Солнца! Такие чудовища обнаружены в центрах уже многих галактик.

Сегодня известны удивительные нейтронные звезды с громадной плотностью. В чайной ложке вещества нейтронной звезды может поместиться масса в сотни миллионов тонн. При этом магнитные поля на поверхности таких звезд могут достигать величин, в квадриллионы раз превышающих значение магнитного поля Земли. Обнаружены так называемые квазары – компактные активные ядра галактик, излучающие как сотни миллиардов звезд одновременно, выбрасывающие с гигантскими скоростями струи вещества, которые простираются на миллионы световых лет. Известны явления так называемых сверхновых – колоссальные взрывы звезд, во время которых вещество звезды разлетается в пространстве со скоростью в тысячи километров в секунду, а яркость во время взрыва возрастает в миллионы раз.

По сравнению с этими, громадными по массе и энерговыделению, объектами и явлениями планеты выглядят жалкими и малоинтересными кусочками вещества. Тем не менее астрологи строят свои прогнозы только на основе

определения положения планет, совершенно не учитывая возможного влияния квазаров, черных дыр, массивных звезд и т. п. Могут ли быть правильными гороскопы без учета тех объектов, которые по всем параметрам превосходят планеты? Если нет, то все гороскопы, составленные за тысячи лет, можно спокойно выбросить: экзотические объекты Вселенной там не учтены, поскольку астрологи вообще ничего о них не знали.

Если даже предположить, что влияние оказывают почему-то только планеты (а не звезды, квазары и т. п.), что уже выглядит совершенно нелогичным, то гороскопы всё равно следует признать неточными.

Во-первых, внешние планеты Солнечной системы открыты сравнительно недавно: Уран – в 1781 году, Нептун – в 1846-м, Плутон – в 1930-м. Астрологи до этого ничего не знали об этих планетах и не учитывали их в гороскопах, следовательно, их прогнозы в прошлом были заведомо неправильными. Но сейчас мы знаем, что Плутон, например, – это самая большая ледяная глыба из так называемого пояса Койпера, находящегося за орбитой Нептуна. Таких глыб (правда, чуть поменьше) за Нептуном открыто уже сотни. Астрономы признали, что Плутон только с большой натяжкой можно назвать планетой. У него, судя по всему, нет ядра, мантии и коры. Но если мы учитываем Плутон в гороскопах, то нужно учитывать и громадное количество таких же по строению тел, плавающих на периферии Солнечной системы в поясе Койпера.

Если же мы учитываем Марс, Меркурий и Луну, то нужно учесть и десятки тысяч малых планет – астероидов, которые вращаются вокруг Солнца точно так же, как и крупные планеты. Дело в том, что многие астероиды устроены так же, как планеты, и отличаются только меньшими размерами (например, Церера и Паллада). Надо заметить, что некоторые нынешние астрологические школы, пытаясь осовременить свою концеп-

цию, начинают учитывать при составлении гороскопов астероиды. Немедленно возникает вопрос: а почему только некоторые, а не все? Уж если астероиды влияют на судьбу, то без полного учета хороший гороскоп не составишь.

Однако, продолжая рассуждать логически, мы придем к следующему положению. Предположим, что астероиды оказывают-таки на нас астрологическое воздействие. Но что такое астероид? Это глыба из камня и железа. Грубо говоря, то же самое можно сказать и про планеты земной группы – Меркурий, Марс, Венеру, Землю, а также Луну. Если мы считаем, что глыба из камня и железа почему-то должна влиять на судьбу человека, почему мы не учитываем влияние точной такой же глыбы у нас за окном? Я имею в виду обычные горы, холмы, месторождения железной руды и т. п.

Древние астрологи, глядя на движения планет, представления не имели о том, как планеты устроены. Им казалось, что это нечто особенное, небесное, не имеющее ничего общего с нашей земной реальностью. Планеты выделялись им как загадочные сверкающие огни на фоне черного неба, непостижимым образом перемещающиеся среди звезд. Теперь, когда земные аппараты исследовали грунт Венеры и Марса, а с Луны доставлены несколько сотен килограммов породы, мы прекрасно понимаем, что никаких принципиальных отличий у Земли и этих планет просто нет. Поэтому приписывание гигантским камням, летающим вокруг Солнца, каких-то особенных свойств, позволяющих им влиять на нашу жизнь, выглядит нелогичным. Рационально сложно объяснять кому-либо, почему его личные успехи в любви и бизнесе на этой неделе должны зависеть от глыбы из гранита и базальта, припорошенной песком с большим содержанием железа, с ледяными наслоениями на полюсах и вечной мерзлотой под слоем грунта. Глыбы, которая называется Марс и летает вокруг Солнца в 230 миллионах километров от него.

Откуда астрологи узнают, как на нас влияют вновь открытые объекты?

Здесь астрономы просто посмеиваются над астрологами. Когда речь идет о влиянии, скажем, Юпитера, Марса или Венеры, астрологи ссылаются на многовековой опыт наблюдения этих планет. Эти яркие объекты на небе никто никогда не открывал, поскольку они всегда были видны и заметить их могли даже наши далекие предки. Но как быть, например, с тем же Плутоном? Он был открыт Клайдом Томбо в 1930 году – по сути, совсем недавно. Откуда астрологи узнали, как Плутон влияет на людей? Ссылки на опыт предков тут уже не проходят: предки вообще понятия не имели о существовании Плутона.

Если современные астрологи начнут учитывать воздействие астероидов и других ранее неизвестных объектов, то как они узнают, на что и как влияют эти объекты? Ни один астролог вам этого не расскажет, поскольку эти влияния не измеряются и не определяются в опыте, а просто домысливаются.

Зависит ли сила астрологического воздействия от расстояния?

Это чрезвычайно важный вопрос. Дело в том, что целый ряд вопросов к астрологии может быть объяснен зависимостью величины астрологической силы от расстояния. В самом деле, почему астрологи не учитывают влияние квазаров и мало интересуются звездами? Ответ простой: потому что эти объекты невероятно удалены и поэтому их влияние гораздо меньше небольших, но близких к нам планет.

Но как только астрологи дадут такой ответ, они немедленно попадут в логическую ловушку, выбраться из которой невозможно. Если гипотетическая астрологическая сила зависит от расстояния, то почему это никак не учитывается в гороскопах? Марс, например, может оказаться с той же стороны от Солнца, что и Земля, а может разместиться и с противоположной стороны. При этом его расстояние от Земли изменится при-

мерно в пять раз. То же самое характерно для любой другой планеты. При этом может случиться так, что Марс в обоих случаях окажется на фоне одного и того же созвездия (знака). Поэтому астролог даст одинаковую трактовку влиянию Марса, не учитывая изменения расстояния до него.

Почему так происходит, предельно ясно. Когда создавалась астрология, считалось, что Земля находится в центре мира и все планеты движутся вокруг нее по хрустальным сферам. Значит, расстояние от Земли до любой планеты всегда было одинаковым и его можно было вообще не принимать во внимание. Что, собственно, до сих пор и делается в астрологии, которая молчаливо использует все построения многовековой давности, опровергнутые ходом развития науки.

Итак, астрология сталкивается с неразрешимым парадоксом. Если таинственная астрологическая сила зависит от расстояния, то астрологи делают ошибку, не учитывая в прогнозах постоянные и значительные изменения расстояний между Землей и каждой из планет Солнечной системы. Если таинственная астрологическая сила не зависит от расстояния, то астрологи делают ошибку, не учитывая в прогнозах влияние квазаров, пульсаров, черных дыр и других удаленных космических объектов.

Попутно заметим, что в природе пока не обнаружены силы, которые не зависели бы от расстояния. С точки зрения логики такие силы вряд ли существуют, поскольку тогда мы должны были бы ощущать суммарное воздействие громадного количества удаленных космических объектов. Ничего подобного, однако, не наблюдается.

Принцип логичности астрологией явно не соблюдается. Самое любопытное, что астрология и не пытается как-то разрешить те несообразности, о которых шла речь. Читатель может в этом убедиться, заглянув в любую книгу по астрологии. Там об этих вещах даже не

упоминается. А это значит, что нарушается и принцип честности: если ты знаешь о слабых местах теории, ты должен сам о них сказать. Уже с этой точки зрения астрология не тянет на то, чтобы называться наукой.

При этом, астрология стала частью нашей жизни. Ежедневные прогнозы для каждого знака зодиака можно услышать по радио и ТВ, найти информацию в социальных сетях или Интернете. ФОМ проводил исследования отношения россиян к гороскопу и выявил, что 42% считают, что зная знак зодиака какого-либо человека, можно составить представление о некоторых чертах его характера. Почти столько же считают, что знак зодиака ничего не говорит о человеке. Интересуются знаками зодиака знакомых, друзей, родственников 27% опрошенных, однако как-то учитывают при общении с ними эту информацию лишь 9% россиян. Любопытно, что если в 2003 году 24% учитывали в своем поведении астрологические прогнозы, то в 2014 году таких людей стало меньше: 17% [4]. Более того, виртуальное пространство создает новые условия для активизации роли астрологии и астропрогнозов в жизни наших современников, особенно тех, кто более интенсивно взаимодействует с виртуальным пространством [5]. Данный фактор становится условием и одновременно критерием формирования представлений о своих и чужих [3]. На наш взгляд, всплеск интереса к астрологии вызван увеличением иррациональности мышления наших соотечественников, об этом более подробно изложено в других работах автора [1,2].

Мы провели исследование, направленное на изучение отношения жителей России к гороскопам и астропрогнозам. В нем приняли участие 2200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих на территории России, имеющих разный профессиональный и социальный статус.

В результате исследования выяснилось, что гороскопами интересуются –

67% респондентов, среди них 72% женщины и только 28% мужчины.

Среди женщин примерно одинаковое распределение по возрастам тех, кто интересуется гороскопами (18-35 лет – 35%, 36-55 лет – 33%, 56-75 лет – 32%), а среди мужчин – данный показатель преобладает в молодежной группе (18-35 лет – 65%, 36-55 лет – 28%, 56-75 лет – 7%).

При этом, все 100% знают свой знак зодиака и в год какого животного по китайскому календарю родились. Знают знак зодиака и год своих родственников – 78%, друзей – 65%, коллег – 33%, соседей – 20%.

Следующий вопрос касался того, насколько респонденты обращают внимание на советы астрологов, прислушиваются ли к ним или игнорируют (таблица 1). Всегда обращают внимание – практически треть респондентов (28%), причем большая часть из них женщины. Иногда отслеживают – 38%, не обращают внимания – 22% (и среди них больше мужчин) и 12% затруднились с ответом.

Таблица 1
Обращают ли внимание респонденты на советы астрологов (в %)

Ответы	Общие данные	Мужчины	Женщины
Всегда обращаю внимание	28	26	74
Иногда прислушиваюсь	38	42	58
Не обращаю внимания	22	75	25
Затрудняюсь ответить	12	52	48

Интересный момент в том, что важно не только обращать внимание, но и учитывать в своем поведении советы астрологов. А этому следуют только треть опрошенных – 31%, не учитывают – 49%, затруднились с ответом – 20%.

Мы также пытались установить, можно ли составить впечатление о человеке, зная его гороскоп. Для этого, мы попросили респондентов выбрать одно из двух утверждений (см. таблицу 2). По

знаку зодиака можно составить представление о характере считают 58% респондентов, большая часть из них женщины (72%), возраст которых от 18 до 55 лет (младшая и средняя возрастные группы). По знаку зодиака нельзя составить представление о характере считают 43% респондентов, большая часть из них мужчины (64%), возраст которых от 35 и до 75 лет (средняя и старшая возрастные группы).

Таблица 2
Возможно ли составить мнение о человеке, зная его гороскоп (в %)

Ответы	Общие данные	Мужчины	Женщины
По знаку зодиака можно составить представление о характере	58	28	72
По знаку зодиака нельзя составить представление о характере	42	64	36

По мнению респондентов, их собственный характер соответствует знаку зодиака в 82% случаев, среди них 72% женщин и 28% мужчин.

Изучают вопросы совместимости знаков 54% респондентов (из них 75% женщины и только 25% мужчины).

Положительно воспринимают информацию о гороскопах в СМИ и сети Интернет – 36% респондентов, безразлично – 42%, отрицательно – 18%, затруднились с ответом – 4%.

При этом, большая часть респондентов отмечают (94%), что в стране наблюдается рост интереса к гороскопам, что уменьшается – никто не отметил и только 6% затруднились с ответом.

Также, респонденты отметили, что благодаря гороскопам их жизнь улучшилась – 27%, гороскопы ничего не поменяли у 39%, гороскопы что-то ухудшили в жизни у 16%, остальные 18% затруднились оценить эффект гороскопа в своей жизни. Иными словами, благодаря гороскопам, практически треть россиян изменила в лучшую сторону свою жизнь. Это косвенный показатель

иррациональности суждения о том, что и кто влияет на мою жизнь. Это пример перекалывания ответственности с себя самого, своей воли и действий на влияние небесных светил.

Наши респонденты склонны к нарциссизму, одни полагают, что астрология – это неотвязный самоанализ. Другие предполагают, что люди обращаются к звездам, потому что на Земле ощущают себя бессильными. Правда же и то, и другое. Для кого-то это побег от логического мышления «левой половины мозга», а другим по душе порядок и организованность, которые сложная астрологическая система привносит в хаос нашей повседневности. Понять, в чем состоит очарование астрологии, значит, смириться с парадоксами жизни и принять их.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. №2. С. 76-84.
2. Ардашев Р.Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 40-48.
3. Ким А.С., Полюшкевич О. А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // DIXI – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Под ред. А. Ю. Завалишина. Хабаровск: ХГУЭИП, 2019. С. 94-100.
4. Об отношении к астрологии и гороскопам. Верят ли россияне в гороскопы и астрологические прогнозы? / ФОМ [электронный ресурс] URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11435>
5. Полюшкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального

пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 139-143.

Astrology in the life of Russians: features of consciousness

Ardashev R.G.

Irkutsk State University

The article analyzes the role and significance of astrology in the life of modern people, takes into account the socio-psychological and socio-historical characteristics of the formation of interest in astrology horoscopes. The irrational connections and interpretations of the heavenly bodies on the life of people are analyzed. The results of an empirical study of the attitude to astrology of Russians are presented.

Keywords: astrology, irrational thinking, rational strategies, forms of adaptation, consciousness

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. No. 15. No. 2. S. 76-84.
2. Ardashev R.G. Forms of irrationality of public consciousness // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk: ISU Publishing House, 2020.S. 40-48.
3. Kim AS, Polyushkevich O. A. Identity as a way of perceiving strangers and friends // DIXI - 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. Collection of scientific papers. Ed. A. Yu. Zavalishina. Khabarovsk: KSUEIP, 2019.S. 94-100.
4. About the attitude to astrology and horoscopes. Do Russians believe in horoscopes and astrological predictions? / FOM [electronic resource] URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11435>
5. Polyushkevich OA Construction of youth identity: visual presentation in social networks // Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. Irkutsk: ISU, 2019.S. 139-143.

Идеальные и реальные каникулы российских школьников: география детских путешествий по материалам сочинений

Зубова Оксана Геннадьевна,
кандидат политических наук, доцент ка-
федры методологии социологических иссле-
дований социологического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, zubovaoksana@bk.ru

Филипова Александра Геннадьевна,
доктор социологических наук, доцент, стар-
ший научный сотрудник Института детства
Российского государственного педагогиче-
ского университета им. А.И. Герцена,
alexandra.filipova77@gmail.com

В русле социогеографического подхода ав-
торы исследуют особенности летних переме-
щений детей. В качестве метода сбора эмпи-
рических данных используется сочинение.
Следуя краткому опорному плану, детям
предлагалось описать свои реальные или
идеальные каникулы. Всего в исследовании
приняли участие 247 школьников в возрасте
от 9 до 17 лет из городов: Комсомольска-на-
Амуре, Астрахани, Калининграда, Москвы,
Санкт-Петербурга, Черемхово и села Долго-
руково. Собранные данные анализирова-
лись по критериям: география летнего от-
дыха, практики участия детей в выборе форм
и активностей летнего отдыха, мотивация
детского выбора, формы деятельности, гео-
графическое описание места, источники ин-
формации о месте отдыха, отношение к ме-
сту отдыха, представления об идеальных ка-
никулах.

Ключевые слова: география детства, пере-
мещения, мобильность, путешествия, летние
каникулы, сельский и городской образы
жизни, участие ребенка в выборе летнего от-
дыха.

Введение

География детства – исследова-
тельское направление, сформировав-
шееся на стыке гуманитарной геогра-
фии и социальных исследований дет-
ства, которое изучает взаимодействия
детей и пространства [3]. В русле соци-
огеографического подхода зарубежными
и отечественными исследователями
изучаются вопросы детско-подростко-
вых мобильностей в городской и сель-
ской средах, в т.ч. с использованием
разных средств перемещений (велоси-
педы, ролики, скейты, общественный
транспорт и пр.), взаимодействия детей
и природных/социально-культурных
объектов, участия детей в преобразова-
нии среды.

На современном этапе география
детства преодолевает дисциплинарные
и территориальные границы, открывая
новые горизонты исследований. Ученых
интересует уже не только вопрос созда-
ния и трансформации детьми простран-
ства, но и вопросы эмпирической, поли-
тической, эстетической оценки про-
странств самими детьми.

За рубежом география детства начи-
нает активно развиваться в конце про-
шлого века, когда на географических
конференциях выделяется секция по
географии детства, молодежи и семьи,
начинает издаваться междисциплинар-
ный журнал “Children’s geographies”, а
соответствующие публикации появля-
ются на страницах ведущих географи-
ческих и социологических журналов. [1]

Как отмечает Клэр Фриман, стиму-
лами для развития географии детства
стали «изгнание детей из обществен-
ных пространств», «ограничение до-
ступности для детей свободной игры на

*Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ, проект № 18-00-00976*

свежем воздухе вне присмотра взрослых», «затянувшаяся зависимость детей от взрослых». [9]

То есть география детства помимо пространственного взгляда на детей вовлечена в отстаивание субъектности ребенка, его права на выражение собственного мнения, в том числе в сфере городского планирования, окружающей среды и других.

В 2016-2019 гг. под редакцией Трейси Скелтон (кафедра географии Сингапурского национального университета) было издано 12 томов Географии детей и молодежи, охватывающих весь спектр субдисциплин географии применительно к исследованиям детства: 1) основы и генеалогические аспекты географии детей и молодежи [18]; 2) методологические и этические практики и инновации исследования детей [8]; 3) географические теории, понятия и подходы к пространству, месту и среде [14]; 4) субъектность и идентичность [19]; 5) семья, поколенческие связи и отношения между группами сверстников [17]; 6) мобильность и передвижение [16]; 7) политика, гражданство и права [13]; 8) глобальные вызовы, изменения и угрозы [6]; 9) досуг и благополучие [7]; 10) трудоустройство и обучение [5]; 11) конфликты, насилие и мир [11]; 12) риск, защита, обеспечение и публичная политика [10]. Последний том посвящён вовлечению детей в сферы планирования, из которых они обычно исключены.

Питер Крафтл, еще одна значимая фигура в зарубежной географии детства, подчеркивает ориентацию последней на микроуровень детской повседневности [15]. Этот микроуровень оказывается важен для понимания разнообразия детских миров, ежедневных маршрутов детства, рисков и ресурсов окружающей среды.

Особое место в социогеографических исследованиях детства занимает школа. Социологи, географы, педагоги изучают особенности маршрута «дом-школа» (длительность, компаньоны), специфику использования школьных автобусов, связи школьных маршрутов

и расширения зоны независимой мобильности детей. Однако интерес для исследователей представляет и другая сторона детской повседневности, свободная от учебы, в этой менее регламентированной и контролируемой взрослыми среде дети совершенствуют свои навыки пространственной ориентации, социопространственных коммуникаций и имеют больше возможностей для проявления собственной субъектности.

Целью нашего исследования выступает изучение особенностей пространственных перемещений и пространственного поведения детей во время каникул.

Летние каникулы – традиционное время для отдыха и путешествий школьников. Это важный аспект организации их повседневной жизни. Как пишет один из участников нашего исследования: *«Лето – именно то время года, когда люди, забывая о своих проблемах и переживаниях, собирают чемоданы и отправляются в путешествие, кто-то едет в деревню, кто-то на море в тёплые страны»* (16 лет, ж.).

Методология

Для сбора эмпирических данных был выбран метод сочинения, предоставляющий детям возможность поделиться своей историей о реальных или идеальных каникулах. Детям предлагались на выбор три темы: «Как я провел прошлое лето», «Мои идеальные каникулы» и «Мое любимое место в городе». Мы остановимся на первых двух. Также ребятам давался краткий план: где и с кем были, географическое описание посещаемых мест, виды активностей, отношение к месту, критерии выбора места и другие.

Школьники, в основном, описывали свои реальные каникулы, а когда рассказывали об идеальных, то изображали их как реальные или как планы на предстоящее лето, поэтому при анализе мы не делали различий между идеальными и реальными каникулами в

этом значении. Лишь 6% детей описывали идеальные каникулы как свою мечту.

Метод сочинения расширил границы описания детьми своих летних каникул, дал возможность собрать большой массив информации, не только по фактам, но и по личностно-переживаемым событиям.

Всего были собраны 247 сочинений школьников в возрасте 9-17 лет из городов: Комсомольска-на-Амуре (26 сочинений), Астрахани (51 сочинение), Калининграда (88 сочинений), Москвы (23 сочинение), Санкт-Петербурга (25 сочинений), Черемхово (10 сочинений) и села Долгоруково (24 сочинения). Представленные локации отличаются по своим размерам, удаленности от европейской части России и социально-экономическим возможностям организации летнего отдыха детей. Распределение по полу выглядит следующим образом: 60% - девушек, 40% - юношей, распределение по возрасту: от 12 до 15 лет – 61%, от 9 до 11 лет – 21%, 16-17 лет – 18%.

Был проведен качественно-количественный анализ собранных сочинений.

Методом анализа эмпирических данных стало осевое кодирование (по А. Страуссу и Дж. Корбин). Были выделены следующие коды: место отдыха, участие в выборе летнего отдыха, мотивация детского выбора, формы деятельности, географическое описание места, источники информации, отношение к месту отдыха, представления об идеальных каникулах.

Результаты и дискуссия.

Современные дети много путешествуют во время летних каникул. Формы организации летнего отдыха, траектория путешествий становятся еще одним маркером социального неравенства детства.

Чаще всего школьники путешествуют и проводят свое время с родителями, всей семьей, бабушками и дедушками, друзьями. Более подробно данные представлены на рисунке 1. При этом многие считают, что, хотя бы несколько дней, вся семья обязательно должна провести летом вместе и желательно где-то в путешествиях, на природе, в гостях. Этот разрыв повседневности позволяет всем не только отдохнуть, но и укрепить семейные традиции.

Рисунок 1. С кем путешествуют и проводят летние каникулы школьники.

При организации летнего отдыха важной проблемой является участие детей в выборе его форм и активностей. Мы выделили следующие распространенные семейные практики:

1. **Выбирали родители с согласия ребенка** («Места для отдыха выбрала моя мама, но я сама тоже хотела к бабушке, когда я приезжаю к бабушке мне рады все мои друзья» (11 лет, ж.). «Это место для отдыха выбрали родители, но я был не против» (14 лет, м.). «Эту поездку мы планировали давно, и предложили её мои родители, я, конечно же, их поддержал, потому что давно хотел побывать в Германии и в Чехии» (16 лет, м.)).

2. **Выбирали родители без согласия ребенка** («Папа выбирал место, моё мнение не учитывалось» (15 лет, м.). «Это место выбирали родители, нет, моё мнение не учитывалось» (16 лет, м.). «Я не выбирала место отдыха, потому что меня взяли как няньку, чтобы следить за детьми» (14 лет, ж.)).

3. **Совместное семейное решение** («Выбирали всей семьей, и мое мнение учитывали тоже» (15 лет, м.)).

4. **Собственный выбор** («Я предложил, чтобы вся моя семья поехала в Пекин, так как очень мечтал там побывать и познакомиться с китайской культурой, все согласились со мной» (16 лет, м.). «Выиграл путевку в МДЦ Артек» (16 лет, м.))

5. **Выбор родственников** («Мои тётя и дядя решили взять меня в отпуск в Крым» (13 лет, м.). «В эту поездку взяла меня с собой сестра и её муж, заранее, мы вместе составили программу, по которой проходили наши каникулы в Европе» (16 лет, м.)).

Обсуждение планов на лето, финансовых возможностей родителей, совместный выбор с ребенком места отдыха и учёт его /её интересов и предпочтений оказывают ключевое влияние на положительное отношение к летнему отдыху, на уровне семьи формируется культура участия, представленная в концепции «лестницы участия» [12].

Чем определяется выбор места летнего отдыха? Это, во-первых, **материальные возможности семьи**. Приведем пример из сочинения: «изначально мы хотели поехать в Турцию, но так как отдых там дорогой, мы решили вместе поехать в Абхазию» (12 лет, ж.). Выбор обосновывается местом возможного отдыха, его длительностью, условиями и периодичностью отдыха.

Во-вторых, для многих школьников путешествия связаны с **возможностью увидеть что-то новое, необычное**, особенно для тех, кто путешествует с родителями и родственниками постоянно. Из сочинения: «мои обычные каникулы я чаще всего провожу дома или за границей, но очень хочется съездить туда, где ты ещё не был, изведать новое» (14 лет, ж.).

В-третьих, для многих посещение определенных мест связано с **осуществлением мечты**. Причем места, куда стремятся попасть дети, отличаются в зависимости от возраста, ценностей, территории проживания. Так, для тех, кто не живет в Москве и Санкт-Петербурге, важно посетить именно эти города для знакомства с многочисленными культурными достопримечательностями. Для проживающих в мегаполисах и располагающих соответствующими финансовыми ресурсами - это города и страны Европы. Еще одной мечтой является посещение удаленно проживающих родственников (например, бабушки в деревне). Для возрастной группы 9-11 лет мечты связаны с посещением моря и возможностями активного отдыха. Многие детские мечты, судя по текстам сочинений, осуществились: «моя мечта сбылась, ведь я с самого детства хотела побывать в Праге» (16 лет, ж.).

Кроме того, школьников привлекает возможность **активного отдыха**, особенно тех, кто занимается спортом («Я запомню надолго это лето! Отдых был активным и интересным!» (14 лет, м.)). Это и **самореализация**, когда можно по-новому раскрыться и проявить себя, что связано с посещением

летних лагерей. Здесь большое значение играют возможности территории проживания, связанные с благоприятными и богатыми природными условиями, так и существующими многочисленными детскими лагерями отдыха. Среди изученных городов, больше всего такой отдых на близкорасположенных территориях от места проживания, был описан в Калининграде.

В современной системе основного и дополнительного образования у многих школьников появляется возможность учить разные иностранные языки и посещать страны, где говорят на этих языках, в т.ч. посредством программ по обмену, образовательного туризма. В одном сочинении подросток описывает ситуацию, когда он поехал учить татарский язык в соответствующий лагерь: «я был единственным русским подростком, который впервые изучал татарский язык, чтобы уметь общаться со своими ровесниками из другой республики» (15 лет, м.). В другом сочинении посещение страны связано с изучением языка: «я изучаю финский язык и мне интересно было бы услышать живую финскую речь» (15 лет, ж.).

С образовательными задачами тесно соседствует **культурный туризм**, дающий возможность посетить интересные места и лучше узнать культуру и традиции разных народов, почувствовать атмосферу различных городов: «Мне нравится эта страна, её культура, традиции, а также музыка» (14 лет, ж.).

Кроме того, выбор мест отдыха связан с возможностью **общения с родственниками, друзьями**. В современном мобильном мире многие семьи переезжают, но связи с малой родиной у детей остаются, особенно если они уехали уже в более старшем возрасте, поэтому летом для них важно вернуться в то место, где остались их родные, друзья, бывшие одноклассники: «Мне очень нравится бывать у бабушки с дедушкой, ведь там живут мои родственники и я вижу их не так часто, как хотелось бы» (13 лет, м.); «Там

моя родина и я очень сильно скучаю по ней, там мои родственники, друзья, бывшие одноклассники» (14 лет, м.).

Возможность побыть дома, отдохнуть от учебы тоже важный фактор в выборе своего летнего отдыха: «Предпочитаю смотреть фильмы, которые откладывала на потом...мне нравится гулять с друзьями, кататься на велосипеде по набережной моего города, ходить в кино и т.д.» (16 лет, ж.); «гулять с друзьями, слушать музыку, есть мороженное, долго спать» (15 лет, ж.); «во время каникул, мы можем полностью посвятить себя любимым делам» (16 лет, ж.).

Еще один мотив выбора формы летнего отдыха - любовь к природе, смена обстановки: «можно отбросить все проблемы, избавиться от скучной повседневности и отдохнуть душой!» (15 лет, м.).

На рисунке 2 представлена карта перемещений детей – участников исследования. Точками обозначены конечные пункты летних путешествий. Перемещения детей из разных локаций обозначены разными цветами: голубой - Астрахань, фиолетовый - Долгоруково (Липецкая область), желтый - Комсомольск-на-Амуре, синий - Калининград, красный - Москва, зеленый - Санкт-Петербург, оранжевый - Черемхово (Иркутская область).

Визуализированные данные демонстрируют пространственный разброс маршрутов детей – жителей российских мегаполисов (синий и красный цвета), ориентацию на Европу юных калининградцев, Азию – комсомольчан.

В таблице 1 приведены уточненные данные по маршрутам летних путешествий детей. Полученные результаты можно интерпретировать в логике факторов воспроизводства территориального и социально-экономического неравенства – разная городская инфраструктура, географическое размещение городов, разный социально-экономический и культурно-образовательный капитал семей, особенности организации работы общественного транспорта

(удобство маршрутов, понятность навигации), качество школьного образования (уроки иностранного языка, изучение культуры других стран в рамках

школьных уроков, школьные экскурсии) и другие.

Рисунок 2. Географические перемещения школьников

Ранее мы сравнивали географические сочинения детей – жителей г. Москвы и г. Комсомольска-на-Амуре и пришли к выводам, что «дети-жители мегаполиса более мобильны, по-другому воспринимают дальность маршрутов, более осознанно подходят к выбору мест путешествий. Мобильность детей – жителей г. Комсомольска-на-Амуре ограничивается физическим расположением города, нехватка культурно-образовательных объектов компенсируется в большей или меньшей степени природными объектами» [2].

Были выделены следующие источники информации о тех местах, куда дети хотят поехать:

1. **Собственный опыт поездок** («Я получил много опыта и увидел много нового, посетив разные города и страны») (15 лет, м.).

2. **Географическая карта** («Карта может показать нам любую точку мира!») (12 лет, ж.).

3. **Туристическое агентство** («Мне очень понравился рассказ туроператора и иллюстрации этой страны») (15 лет, ж.).

4. **От родителей, родственников, друзей** («Мне об этом месте рассказали друзья») (10 лет, м.). «Узнала и побывала в Индии, благодаря своим родителям, которые любят путешествовать и брать меня с собой, за что я им очень благодарна (15 лет, ж.). «Я об «Артеке» от мамы узнал – она так мечтала побывать сама там» (12 лет, м.). «Об этом городе я узнала, когда познакомилась со своей подругой» (12 лет, ж.).

5. **Уроки истории, географии** («Я узнала на уроке географии о Канаде и из рассказов учителя мне захотелось её посетить») (14 лет, ж.). «Когда приеду, расскажу своему учителю по географии о своем путешествии в Китай» (12 лет, ж.). «Узнала об Афинах на уроках истории» (12 лет, ж.).

6. **Малая Родина** («Я знаю это место, потому что я там родилась») (14 лет, м.).

7. **Ресурсы интернета, книги, дополнительная литература** («Я узнала о Японии, читая различные статьи») (15 лет, ж.). «Об этом городе я узнала еще в детстве, когда изучала древнегреческую мифологию» (13 лет, ж.). «Я

очень много читал об этом городе, смотрел фильмы и слышал рассказы от родителей» (16 лет, м.). «Я узнала об этом городе, когда мне тётя подарила книгу о Санкт-Петербурге» (13 лет, ж.).

8. **Телевизионные передачи** («Об Милане я узнала из телепередачи про путешествие «Орёл и Решка» (15 лет, ж.). «Я узнала об этом месте достаточно давно, еще будучи 5-летним ребенком, любящим смотреть иностранные каналы, на которых в новостях часто упоминалось название Лос-Анджелеса» (16 лет, ж.).

9. **Фильмы, анимация, музыка** («Об Японии я узнал благодаря анимации» (15 лет, м.). «От одной южнокорейской группы» (12 лет, м.).

10. **Отзывы путешественников, заметки блогеров** («Читая отзывы путешественников, мы полюбили Барн еще задолго до того, как туда добрались» (15 лет, ж.). «Я наткнулась на блогеров, которые живут в Испании, и уже на протяжении наверно 4 или 5 лет я за ними наблюдаю и мне очень нравится» (16 лет, ж.).

11. **Специальные выставки, фестивали, мероприятия** («Об этом месте я узнала на Неделе моды в Москве» (16 лет, ж.).

Таблица 1
Места посещений во время летних каникул

Место проживания	Внутренний туризм		Страны дальнего зарубежья		Страны ближнего зарубежья
Москва	Подмосковье	Крым, Липецкая область, Воронеж	Венеция, Италия (Милан), Испания, Швейцария, Канада, Америка, Финляндия	Турция, Таиланд, Кипр, провинция Индии – ГОА, Япония	
Санкт-Петербург	Великий Новгород, Ленинградская область	Тверская область, Ростов-на-Дону	Турция, Таиланд, Южная Корея	США (Калифорния), Франция (Париж), Италия (Рим), Австрия, Германия, Греция	Абхазия
Комсомольск-на-Амуре	Омск, Владивосток, Хабаровск, Приморский край.	Крым, Новороссийск, Краснодарский край, Сочи, Санкт-Петербург (Новгород и Выборг).	Южная Корея, Южный Китай, Таиланд, Япония.	Греция	Грузия
Калининград	Калининградская область	Краснодарский край, Дагестан, Новокузнецк, Крым, Нальчик, Волгоград, Новгород, Псков, Санкт-Петербург, Москва	Египет, Турция, Япония, Китай, Вьетнам, Таиланд, Тунис	США, Черногория, Франция (Париж), Германия, Испания, Италия, Польша, Чехия, Греция	Абхазия, Грузия, Казахстан
Астрахань	Астраханская область	Краснодарский край, Крым, Пятигорск, Кисловодск, Сызрань, Татарстан, Санкт-Петербург, Москва.	Турция	Ирландия, Чехия, Польша, Франция, Италия, Германия	Грузия
Черемхово	Черемхово, Иркутск, Краснодарский край				
Долгоруково	Долгоруково, Елец	Алтай (Заринск), Тульская область, Сочи, Анапа, Евпатория, Москва			

Анализируя источники информации, можно выделить инновационные и традиционные практики. Так, из новых - это использование отзывов путешественников, заметок блогеров. Дети писали, что очень мало о путешествиях пишут именно дети, и что им бы хотелось почитать заметки детей, которые смогли это место посетить: что они увидели, что им понравилось, что они предлагают посетить. Подростки оформляют подписку на блогеров-путешественников. Из традиционных практик - это использование карты, на которой отмечаются страны, где были родители когда-то, теперь они путешествуют вместе с детьми. Эта практика присутствует в отдельных семьях.

Анализируя социально-географическое описание мест в детских сочинениях, мы выделили следующие критерии: местонахождение; границы; координаты; природные условия; маршрут до места отдыха: транспорт, расстояние, встречаемые объекты; перемещения и расстояния на месте отдыха; исторические справки; культурные и языковые особенности; численность населения; названия достопримечательностей, природных и материальных объектов, исторических личностей, блюд национальной кухни.

Описывая географически место, школьники указывали на статус посещаемых городов, границы, климат, отдельно встречались упоминания в сочинениях названий основных природных объектов и достопримечательностей, а также имена выдающихся личностей, связанных с этими местами. Не во всех сочинениях присутствуют географические описания. Более подробно их смогли дать школьники в возрасте 12-17 лет, часто путешествующие с родителями, увлекающиеся изучением посещаемых мест по разным источникам (интернет-ресурсы, телепрограммы, книги и т.д.). В сочинениях учащихся 6-7 классов иногда встречаются географические координаты описываемых мест,

что, возможно, связано с изучением данной темы на уроках географии.

С описанием детьми достопримечательностей связан интересный момент некоего символического присваивания, когда дети фотографируются на фоне знаковых достопримечательностей мест путешествий и потом выкладывают эти фотографии на своих страницах в социальных сетях. Согласно П. Штомки, «нам недостаточно испытывать какие-либо переживания, мы хотим их закрепить материально, забрать домой, спрятать среди других предметов, которые собираем» [4].

Отдельное направление анализа текстов сочинений – это построение и описание детьми маршрутов путешествий. Авторы сочинений пишут, что путешествуют вместе с семьей на машинах, поездах, самолетах. Иногда дети больше сосредоточены на описании своих впечатлений от первого полета на самолете, забывая про место назначения: *«Я первый раз полетала на самолете, для меня это был адреналин и страх перед взлетом, море эмоций... все прошло удачно, запомню это надолго»* (13 лет, ж.).

Дети рассказывают о расстояниях, встречаемых объектах (природных и социально-культурных, инфраструктурных). Сочинения часто насыщены детскими эмоциями, переживаниями, ожиданиями: *«Для себя я решила, что не буду останавливаться: ведь если одна мечта сбылась, нужно двигаться за новой. Эмоции, которые я получила во время этих каникул, останутся в моей памяти навсегда»* (16 лет, ж.); *«Во время отдыха я испытываю лишь позитивные эмоции и чувствую полную свободу»* (15 лет, ж.); *«С прошлого лета у меня осталось много ярких воспоминаний, и я бы хотела пережить их снова»* (14 лет, ж.); *«Сердце наполняется и радостью, и гордостью, и ожиданием неизвестного»* (15 лет, ж.).

Независимо от возраста и пола, для большинства детей важен фактор при-

сутствия семьи, друзей, это удовлетворяет их потребность в безопасности, и сама ситуация поездки, связанная со сменой их повседневного ритма жизни, приносит удовлетворение и эмоциональный подъем.

На основе проанализированных сочинений нами были выделены следующие формы летних активностей:

1. Образовательная деятельность (самообразование, посещение кружков, секций, репетиторов, обучение языкам).
2. Хобби (рисование, музыка, чтение, рукоделие, фотографирование).
3. Занятия спортом (катание на велосипедах, скейтах, плавание, спортивные игры).
4. Помощь по дому, хозяйству.
5. Охота, рыбалка, наблюдение за природой, походы в лес, горы.
6. Прогулки с друзьями.
7. Купание в речке, море.
8. Посещение достопримечательностей.
9. Развлекательные мероприятия (аттракционы, кино, торговые центры и т.д.).
10. Просмотр чемпионата мира по футболу.

Летнее время для современных школьников - это не только отдых, но и самообразование, изучение языков, а также возможность посвятить время своему хобби: *«Каникулы- отличная возможность попробовать занятия чем-нибудь новым, например, музыкой или, может быть, рисованием, такие хобби помогают расслабиться и найти новых друзей»* (14 лет, м.); *«учеба в Германии лучше каникул в России»* (16 лет, ж.).

Для сельских территорий важно выделить такой вид активности, как помощь по хозяйству: *«Я люблю летом заниматься огородом и домашними животными, а зимой согреться горячим чаем и вязать с бабушкой теплые вещи»*. (13 лет, ж.); *«будем помогать бабушке по хозяйству, лучше занятия не найти»* (15, ж.); *«я помогал бабушке, мы с ней много времени про-*

вели в саду, ухаживали за цветами, собирали урожай» (14, м). Через помощь по хозяйству дети, не зависимо от пола, подчеркивают собственную взрослость: *«я всегда помогаю на большом огороде, важно, что мне доверяют»* (13, м.); *«научился топить баню и ездил за водой из колодца»* (11 лет, м.).

Еще один пункт анализа географических сочинений – выделение ключевых событий. Дети отмечали лично-ориентированные, значимые только для них события, например, рождение брата/сестры; приезд каких-то дальних родственников, окончание музыкальной школы, победа своей спортивной команды и т.д. Таких лично-значимых событий было очень много. Но в качестве центрального можно обозначить Чемпионат Мира по футболу 2018. Смотрели его как мальчики, так и девочки. Это повлияло на то, что играли командами во дворе, обсуждали, болели за любимые команды, радовались победам и очень огорчались, когда были проигрыши, особенно у российской команды (*«Прошлым летом я стала свидетелем и даже участником такого грандиозного события как Чемпионат мира по футболу 2018 года»* (15 лет, ж.), *«Смотрел чемпионат мира по футболу на турецком»*, (16 лет, м.).

Чем понравился детям их летний отдых и те места, которые они смогли посетить. Во-первых, это **атмосфера, колорит**. Приведем пример из сочинения: *«Индия меня привлекает своей атмосферой. Это её главное отличие. Ведь в Москве все люди постоянно куда-то торопятся и спешат. А вот в Индии совсем иначе ... Как на улицах, так и в умах людей полное спокойствие. Полная противоположность шумного мегаполиса»* (16 лет, ж.). Во-вторых, **душевный комфорт**: *«У бабушки на даче в лесу растут грибочки. У бабушки на даче плескаться можно в бочке. У бабушки на даче спать можно на печи. У бабушки на даче блины и калачи. У бабушки на даче пьем чай из самовара. У бабушки на даче поем мы под гитару»*.

У бабушки на даче гамак висит меж веток. У бабушки на даче проводим мы все лето» (16 лет, ж.). Кроме того, это природная красота, возможность посетить разные достопримечательности, эмоциональный подъем и много замечательных воспоминаний на весь год.

На рисунке 3 представлено облако слов, где выделенные слова, показывают значимые показатели идеальных каникул в представлении школьников. На основе их рассуждений, мы выделили следующие индикаторы:

- **Окружающие люди** («Мои идеальные каникулы – это каникулы в кругу хороших людей, с которыми приятно провести время» (15 лет, ж.).

- **Путешествия** («Лично для меня, идеальные каникулы это те, где есть очень много свободного времени и неограниченные возможности путешествивать» (14 лет, ж.). «Сам дух путешествий заставляет твоё настроение прыгать, и ты чувствуешь такую радость и такой прилив сил, что кажется, что можешь так объехать весь свет» (15 лет, ж.). «Я считаю, что залог хорошего отдыха – это отличная компания или, а также продолжительность путешествия, чтобы сделать все, о чем мечтаешь» (16 лет, ж.).

- **Времяпровождение с семьей** («Я бы хотела их провести вместе со своими близкими и для меня это идеально! Когда рядом мама и папа, чувствуешь себя защищенно и уверенно, с ними хорошо везде: дома, на улице, на море и больше ничего не нужно» (14 лет, ж.).

- **Возможность посвятить время занятиям, которые нравятся** («Я буду гулять, заниматься спортом, читать» (11 лет, м.). «Идеальные каникулы – возможность тратить свое время на то, что хочется и что обязательно принесет радость» (16 лет, ж.).

- **Отдых от городской жизни** («Прекрасная природа и тихая спокойная жизнь вдали от шумного города,

чтобы можно было полностью посвящать свое время себе и своим мыслям» (15 лет, ж.).

- **Отдых от школы** («Идеальные каникулы должны давать отдых души и мозгу, чтобы затем, с новыми силами возобновить плодотворную учебу» (16 лет, м.).

- **Оранжевое настроение** («Просыпаешься каждый день радостный и такой счастливый» (15 лет, м.).

- **«Теплые» воспоминания** («За время путешествий всегда остаётся множество памятных фотографий, на которых запечатлены самые тёплые воспоминания из поездок. Более того, на таких каникулах без труда можно завести много новых друзей по всему миру, с которыми, впоследствии, ездить друг к другу в гости во время очередных каникул». (16 лет, ж.) «Каникулы всегда должны приносить много новых впечатлений, чтобы их хватило на целый год» (13 лет, м.).

- **Осуществление задуманного** («Неважно, как и где ты проведешь каникулы. Если у тебя появились новые друзья, тебе удалось осуществить свои планы, это и есть идеальные каникулы» (15 лет, м.).

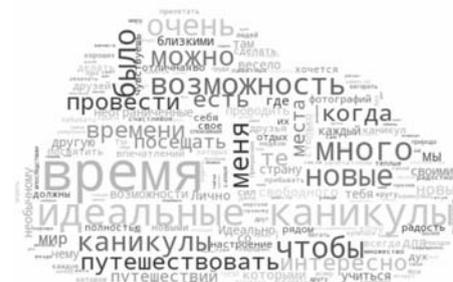

Рисунок 3. Идеальные каникулы в представлении школьников

В представлениях детей, лето - это время возможностей для отдыха, смены обстановки, открытий в мире и самом себе. Несмотря на сложность сегодняшней эпидемиологической ситуации, лето остается любимым временем года для школьников. Остается надеяться, что очень скоро мы вернемся к пониманию

летнего периода как времени, по словам одной из участниц исследования, когда «можно осознать, что мир не ограничен только своей комнатой» (16 лет, ж.).

Выводы:

1. Одним их аспектов изучения детства в рамках социогеографического подхода являются перемещения детей в период летних каникул.

2. Дети как участники сами представляют и описывают свои живые истории посредством сочинений на темы реальных и идеальных каникул.

3. На уровне семьи вырабатываются практики участия детей в принятии решений, касающихся форм и активностей летнего отдыха, учет мнения ребенка оказывает непосредственное влияние на отношение ребенка к месту отдыха.

4. Путешествия как реальные, так и виртуальные, позволяют расширить представления детей о мире, социальных взаимодействиях и отношениях.

5. Летний отдых высвечивает проблему неравенства, связанную не только с материальными возможностями семей, но и с территорией проживания (ее социально-культурными ресурсами, инфраструктурой, географическим положением).

6. Организация летнего отдыха детей зависит как от возраста, так и образа жизни в городе и селе, с разным отношением к обязанностям детей в летний период.

7. Взгляд детей на идеальные каникулы отличается от представления взрослых.

Литература

1. Костина Е.Ю., Бухтиярова И.Н. Точки притяжения географии детства: научно-исследовательские центры и ключевые исследователи // Известия Географического общества Узбекистана. 2019. Т. 55. С. 165-169.

2. Филипова А.Г., Зубова О.Г. Географические сочинения: индикаторы со-

циального неравенства в системе отношений "центр – периферия" // Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. 2019. С. 146-159.

3. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э., Купряшкина Е.А. Новые исследовательские ориентации в социологии детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 86-93.

4. Штомпка П. Визуальная социология: учебник / Пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. — М.: Логос, 2007. С. 66

5. Abebe Tatek, Waters Johanna (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 10. Labouring and Learning. Singapore: Springer, 2017.

6. Ansell Nicola, Klocker Natascha (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 8. Geographies of Global Issues: Change and Threat. Singapore: Springer, 2016.

7. Evans Bethan, Horton John (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 9. Play and Recreation, Health and Wellbeing. Singapore: Springer, 2016.

8. Evans Ruth, Holt Louise (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 2. Methodological Approaches. Singapore: Springer, 2017.

9. Freeman C. Twenty-five years of children's geographies: a planner's perspective. Children's Geographies, 2019.

10. Freeman Claire, Tranter Paul (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 12. Risk, Protection, Provision, and Policy. Singapore: Springer, 2017.

11. Harker Christopher, Hörschelmann Kathrin (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 11. Conflict, Violence, and Peace. Singapore: Springer, 2017.

12. Hart Roger A. Children's Participation: From tokenism to citizenship. International Child Development Centre: Florence, 1999.

13. Kallio Kirsi Pauliina, Mills Sarah (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 7. Politics, Citizenship, and Rights. Singapore: Springer, 2016.

14. Kraftl Peter, Nairn Karen (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 3. Space, Place, and Environment. Singapore: Springer, 2016.

15. Kraftl P. Memory and Autoethnographic Methodologies in Children's Geographies: Recalling Past and Present Childhoods // Geographies of Children and Young People 2. Methodological Approaches. Singapore: Springer, 2017. P. 23-24.

16. Laoire Caitriona Ni, White Allen (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 6. Movement, Mobilities, and Journeys. Singapore: Springer, 2017.

17. Punch Samantha, Vanderbeck Robert M. (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 5. Families, Intergenerationality, and Peer Group Relations. Singapore: Springer, 2018.

18. Skelton Tracey, Aitken Stuart C. (eds.) Geographies of Children and Young People 1. Establishing Geographies of Children and Young People. Singapore: Springer, 2019.

19. Worth Nancy, Dwyer Claire (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 4. Identities and Subjectivities. Singapore: Springer, 2016.

Ideal and real holidays for Russian school children: geography of children's travel based on essays

Zubova O.G., Filipova A.G.

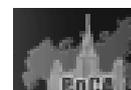
Moscow State University M.V. Lomonosov
According to socio-geographical approach the authors investigate the features of summer movements of children. As a method of collecting empirical data the essay is used. Following a brief support plan, children were asked to describe their real or ideal holidays.

In total, 247 schoolchildren aged 9 to 17 years old from cities: Komsomolsk-on-Amur, Astrakhan, Kaliningrad, Moscow, St. Petersburg, Cheremkhovo and one village Dolgorukovo took part in the study. The collected data were analyzed according to the criteria: the geography of summer holiday, the practices of children participation in the choice of forms and activities of summer rest, motivation of children's choice, forms of activities, geographical description of the place, sources of information about the place of rest, attitude to the place of rest, ideas about ideal holidays.

Keywords: geography of childhood, movement, mobility, travel, summer holidays, rural and urban lifestyles, child's participation in the choice of summer holidays.

References

1. Kostina E.Yu., Bukhtiyarova I.N. Points of attraction of the geography of childhood: research centers and key researchers // News of the Geographic Society of Uzbekistan. 2019. Vol. 55, p. 165-169.
2. Filipova A.G., Zubova O.G. Geographical Writings: Indicators of Social Inequality in the System of "Center - Periphery" Relations // Center and Periphery: Dialogue or Unused Opportunities? collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar. 2019. S. 146-159.
3. Filipova A.G., Rakitina N.E., Kupryashkina E.A. New research orientations in the sociology of childhood // Sociological studies. 2018. No. 3. P. 86-93.
4. Shtompka P. Visual sociology: textbook / Per. from Polish. N.V. Morozova, ed. entry Art. N.E. Pokrovsky. - M.: Logos, 2007. S. 66
5. Abebe Tatek, Waters Johanna (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 10. Laboring and Learning. Singapore: Springer, 2017.
6. Ansell Nicola, Klocker Natascha (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 8. Geographies of Global Issues: Change and Threat. Singapore: Springer, 2016.
7. Evans Bethan, Horton John (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 9. Play and Recreation, Health and Wellbeing. Singapore: Springer, 2016.
8. Evans Ruth, Holt Louise (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). Geographies of Children and Young People 2. Methodological Approaches. Singapore: Springer, 2017.

9. Freeman C. Twenty-five years of children's geographies: a planner's perspective. *Children's Geographies*, 2019.
10. Freeman Claire, Tranter Paul (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). *Geographies of Children and Young People* 12. Risk, Protection, Provision, and Policy. Singapore: Springer, 2017.
11. Harker Christopher, Horschelmann Kathrin (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). *Geographies of Children and Young People* 11. Conflict, Violence, and Peace. Singapore: Springer, 2017.
12. Hart Roger A. *Children's Participation: From tokenism to citizenship*. International Child Development Center: Florence, 1999.
13. Kallio Kirsi Pauliina, Mills Sarah (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). *Geographies of Children and Young People* 7. Politics, Citizenship, and Rights. Singapore: Springer, 2016.
14. Kraftl Peter, Nairn Karen (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). *Geographies of Children and Young People* 3. Space, Place, and Environment. Singapore: Springer, 2016.
15. Kraftl P. Memory and Autoethnographic Methodologies in Children's Geographies: Recalling Past and Present Childhoods // *Geographies of Children and Young People* 2. Methodological Approaches. Singapore: Springer, 2017. P. 23-24.
16. Laoire Caitriona Ni, White Allen (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). *Geographies of Children and Young People* 6. Movement, Mobilities, and Journeys. Singapore: Springer, 2017.
17. Punch Samantha, Vanderbeck Robert M. (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). *Geographies of Children and Young People* 5. Families, Intergenerationality, and Peer Group Relations. Singapore: Springer, 2018.
18. Skelton Tracey, Aitken Stuart C. (eds.) *Geographies of Children and Young People* 1. Establishing Geographies of Children and Young People. Singapore: Springer, 2019.
19. Worth Nancy, Dwyer Claire (eds), Skelton Tracey (editor-in-chief). *Geographies of Children and Young People* 4. Identities and Subjectivities. Singapore: Springer, 2016.

Конфликтогенность социальной идентичности в условиях постсоветского транзита

Ким Александр Сергеевич

доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета, stosorok2005@yandex.ru

Емельянов Петр Сергеевич

депутат Законодательной Думы Хабаровского края, eps.monon@gmail.com

В статье в социологическом ракурсе рассматривается конфликтогенный потенциал изменений, происходящих в социальной идентификации россиян в условиях постсоветского транзита. Выявляются взаимосвязь и однонаправленность партикуляристских оснований социальной идентичности жителей Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, основания социальной идентичности, конфликтогенность, конфликтогенный потенциал, постсоветский транзит, социологический анализ, социальная солидарность.

Важное место в предметном поле социологической науки занимают процессы формирования социальной идентичности в условиях социального транзита. Именно поэтому весьма значимым является исследование того, каким образом в рамках постсоветских трансформаций (постсоветского транзита) современного российского общества воспроизводятся уже известные и возникают новые уровни и элементы социальной идентичности.

Начиная с 40-50-х годов XX века термин «идентичность» как в зарубежной, так и отечественной науке применялся в различных смыслах и контекстах. Так, в классической психологической трактовке идентичность характеризуется как психологический феномен индивидуального и группового сознания. В рамках же социологического анализа социальной идентичности сформировалось представление о том, что она дает личности субъективное понимание своей целостности и самоидентичности, возникающее в процессе соотнесения с различными социальными категориями: статусом, полом, возрастом, нормами, ролями, культурой, религией, территорией и т.д. Если изначально в рамках социологического анализа идентичность рассматривалась как характеристика личности как субъекта действия, то впоследствии ее трактовки стали содержательно значительно многообразнее: например, групповая идентичность, обусловленная самосознанием и социальным поведением группы, массовая идентификация, идентичность социума, этническая, национальная идентичности.

Концептуализации социальной идентичности способствовали исследования таких известных ученых, как Б.

Андерсон, З. Бауман, П. Бергер, П. Бурдье, Э. Гидденс, К. Калхун, М. Кастельс, Э. Лакло, А. Мелуччи, Ш. Муфф, Ч. Тилли, Ч. Тэйлор, А. Турен, С. Холл. В их трудах о социальной идентичности подчеркивается сконструированность и динамичность этого феномена в процессе развития личности человека и целых сообществ. Можно констатировать, что проблематика идентичности вышла за рамки узкоспециального знания и приобрела междисциплинарное значение. Так, на одном из состоявшихся в 1980 году мировых конгрессов было представлено около 200 исследований персональной и социальной идентичности в разных сферах знаний [1].

Полипарадигмальность и междисциплинарность изучения социальной идентичности проявились, в частности, в России. Так, весьма значительный вклад за последние два десятилетия в теоретико-методологическую и научно-методическую разработку данной проблематики внесли исследователи, представляющие различные направления отечественного обществознания. В их числе - В.А. Авксентьев, В.А. Ачкасов, Ю.Г., Волков, М. Н. Губогло, Л.Д. Гудков, В.А. Дмитриев, В.И. Добренчиков, Л.М. Дробижина, В. И. Дятлов, А.Г. Здравомыслов, А.И. Кравченко, О.Ю. Малинова, В.С. Малахов, Э.А. Паин, О.В. Попова, С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский, З.В. Сикевич, Л.В. Сморгун, В. А. Тишков, Ж.Т. Тощенко, Л.А. Фадеева, М.А. Фадеичева и многие другие известные ученые.

При этом следует отметить, что научно – практические основания актуализации исследования проблем социальной идентификации и социальной солидарности современного российского общества находятся в плоскости фундаментальных изменений, обусловленных постсоветским социальным транзитом [10]. Отдавая должное исследованиям социальной идентичности в социально-философских, политологических, социально-антропологических, этнологических и других смежных с со-

циологией дисциплинах, сосредоточимся, тем не менее, на социологическом анализе этого сложного феномена.

С учетом современных российских реалий нам представляется значимым исследование конфликтности идентичности. Под конфликтностью мы понимаем ряд (совокупность) обстоятельств, которые присутствуя в структуре социума, выполняют функции предпосылок конфликтных ситуаций и созревания социальных конфликтов. Выявление и оценка конфликтного потенциала социальной идентичности предполагает определение тех ее уровней и элементов, которые при определенных направленных изменениях могут спровоцировать конфликтные ситуации и конфликты, разрушающие или блокирующие процессы позитивной социальной солидарности.

Социологический анализ конфликтности заключается в синтезе индивидуального и надиндивидуального (на уровне групп, социальных общностей, сообществ, социальных кругов, организаций и институтов) уровней массового сознания с целью исследования одновременно как динамики, так и состояния общественных настроений с точки зрения выявления конфликтного потенциала идентичности [9]. Именно в таком ракурсе можно определить следующие обстоятельства, которыми обусловлена конфликтность формирования социальной идентичности в условиях постсоветского транзита.

Первое. В современной России не наблюдается «сколько-нибудь устойчивого консенсуса по самым базовым вопросам социального бытия». Как полагает Д. Летняков, это касается, например, «самоназвания политического общества (слово «россияне» так и не стало пока общеупотребительным, но часто используемая альтернатива «русские» для обозначения всех граждан страны также не принимается многими нашими соотечественниками, которые справедливо видят в этом слове очевидные этнические коннотации)» и его легитимных границ – «скажем, весьма

популярно исключение Северного Кавказа из «воображаемого сообщества» под названием «российская нация...» [5]. Налицо - отсутствие фундаментального основания коллективной самоидентификации – четкой границы между «Мы» и «Они», ведущее к принципиальному рассогласованию по самым основным вопросам формирования общенациональной идентичности, определяя низкий уровень доверия и социальной солидарности в рамках одного государства [5].

Второе. По справедливому замечанию Л. Гудкова, на фоне явной деградации образованного слоя становится все более отчетливой проблема институциональных рамок культурной консервации, инерции самовоспроизводства и самоидентификации массы. Если нет постоянного присутствия тех, кто реально задает образцы «высокого» (по авторитету, по мысли, по ценностям), а не только их декларирует, то публика, масса неизбежно будет переваривать саму себя, включая и несостоявшуюся «элиту» [2].

Третье. После распада многонациональной советской империи распространением и масштабным проявлением социальной идентификации на постсоветском пространстве стал этнический национализм, ставший одним из решающих факторов установления социальных и культурных границ. Его массовое распространение в современной России стало следствием, как советской национальной политики с ее противоречием между декларируемым интернационализмом и этнонационалистическими институциональными практиками, так и совокупности системных факторов, в числе которых, масштабная этническая миграция из бывших советских республик и нерешенность проблемы формирования общероссийской идентичности и социальной солидарности.

Четвертое. Массовая коллективная идентичность в современной России оказалась чрезвычайно фрагментированной по следующим основаниям. Во-

первых, этнические. Во-вторых, локальные (регион, город, место рождения, детства, учебы и т.п.). В-третьих, социально-повседневные (бытовые, материальные, семейные повседневные запросы и потребности). В-четвертых, великодержавные, которые разрушаются и существуют «в ностальгическом залоге» [3]. Разрыв коллективной идентичности, ее смещение преимущественно на уровень социальной повседневности, способствует маргинализации и примитивизации социальной идентичности, препятствуя формированию позитивной социальной солидарности, выступающей значимым механизмом общественной интеграции.

Это иллюстрирует социологическое исследование общественного мнения по вопросам социальной солидарности, проведенное иркутским социологом О. А. Полюшкевич в 2019-2020 годах в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Выбор именно этого эмпирического материала был обусловлен рядом обстоятельств исследовательского характера, в числе которых та последовательность и интенсивность, которая характерна для О. А. Полюшкевич в изучении на протяжении длительного времени проблем социальной солидарности и идентичности в постсоветской России. Кроме того авторы статьи, как дальневосточные исследователи, особенно остро ощущают потребность в научном осмыслении конфликтогенности идентичности в условиях постсоветского транзита. Ведь Дальний Восток России, являясь стратегическим трансграничным регионом в Азиатско-Тихоокеанском пространстве, особенно нуждается в поддержке общенациональной (гражданской) и культурной идентичности.

Исследование проводилось в различных группах респондентов (менеджеры, рабочие, неработающие пенсионеры, работники образования, студенты, безработные, мигранты). Всего в опросе участвовало 1500 человек. Коэффициент погрешности не превышал 3% [8]. Приведем результаты данного

исследования, характеризующие некоторые параметры повседневности, на которые ориентированы граждане России - жители ее восточных регионов, в процессе формирования самоидентификации.

Как мы видим (таблица 1), большинство опрошенных придерживается представлений о значимости в их жизнедеятельности тех ценностей и ориентиров, которые связаны с личным успехом, самопродвижением, самовыживанием. Гораздо меньшая часть респондентов ориентируется на коллективистские ценности, имеющие значимость с точки зрения традиционной морали и этики.

Таблица 1
Ориентиры россиян

Критерий	Процент		Критерий
Важна карьера	70	30	Важна семья
Готов уехать	80	20	Хочу остаться
Не важно, чем и как я зарабатываю	75	25	Важно, чем и как я зарабатываю
Не важно, с кем я взаимодействую	90	10	Важно, кто мои друзья
Готов рисковать именем, честью, совестью во имя достижения цели	85	15	Не готов рисковать именем, честью, совестью во имя достижения цели

Опрашиваемых не волнуют вопросы: «Кто Я здесь?» и «Кто Я там?». Им гораздо важнее результаты в терминах быстрого социального успеха или гарантии выживания «здесь и сейчас». Поскольку 80 % респондентов имеют установку на миграцию, то из этого следует, что на такое основание социальной идентичности как уровень социальной повседневности принципиальным образом не накладывается другое ее основание - региональное. Соотнесение себя (привязка) с территорией, приверженность ее истории, культуре, жизненному укладу, что собственно и составляет региональную (территориальную), идентичность, начинают размыться. Так, только для четверти (25%)

респондентов имеет значимость принадлежность к территории как приверженность ее традициям, истории, культуре, опыту. В то же время территория как отправная точка собственного изменения и самореализации ассоциируются с переездом, пресечением границ территории у 40% опрошенных. При этом 30% респондентов ощущают полное разрушение значимости принадлежности к территории в терминах утраты связи, виртуальности, свободы вне территории, выхода на новые рубежи (таблица 2).

Таблица 2
Что дает принадлежность к территории?

Критерии	Характеристики	Процент
Опора	Сила, традиции, история, культура, опыт	25
Движение (изменение)	Переезд, пересечение рубежа, граница	45
Разрушение	Утрата связи, виртуальность, свобода вне территории, выход на новые рубежи	30

*в таблице представлены ассоциативные ответы на поставленный вопрос

Между тем, как видно из таблицы 3 другие партикуляристские основания социальной идентичности – этнические (те, кто живет на одной территории, говорит на родном языке, верит в одного Бога), близкого социального круга (семья, друзья, соседи, знакомые), проявляются у 60 % опрошенных. Напротив, только у 5 % опрошенных присутствует установка на готовность помогать всем, кому есть возможность помочь, то есть элемент социальной солидарности вне зависимости от этничности, степени родства, национальности и т.п. При этом 35 % респондентов готовы помочь только самому себе, что является проявлением индивидуалистского основания социальной идентичности.

С вышеизложенными данными согласуются результаты мониторинговых исследований общественного мнения населения одного из крупнейших дальневосточных регионов - Хабаровского края, проведенных с декабря 2016 по май 2018

г. Они показали, что отрицательная оценка состояния этноконфессиональных отношений в их населенных пунктах и в Хабаровском крае, данная респондентами составила меньшие значения, чем в среднем по России. Вместе с тем при ответе на вопросы, связанные с выявлением этнического национализма и религиозной нетерпимости, их признаки обнаружались в ответах более 20% опрошенных [4]. Аналогичное исследование, проведенное в июне 2019 г. (было опрошено 2035 чел.) показало, что наблюдается заметный рост отрицательных оценок этнической миграции (на 5,2% с 2017 по 2019 гг.) [6, 7].

Таблица 3
Кто вызывает у вас сострадание? Кому вы готовы помогать?

Критерий	Процент
Я готов помогать себе. В нашем мире – каждый сам за себя.	35
Я готов помогать своей семье.	20
Я готов помогать друзьям.	13
Я готов помогать соседям и знакомым.	15
Я готов помогать тем, кто живет на одной территории со мной, говорит на моем языке, верит в моих Богов.	12
Я готов помогать всем, кому могу помочь.	5
Итого	100

И это не вызывает удивления. Ведь расширение масштабов включенности этнических мигрантов в различные кластеры инфраструктуры Дальневосточного региона, продолжающаяся анклавизация их расселения обуславливают формирование и распространение в общественном мнении местного населения представлений об этнорелигиозной экспансии, проявляющейся в стойком и нарастающем присутствии этнических мигрантов на российской территории. Наложение социально-стратификационных различий на этноконфессиональные форсирует предпосылки образования так называемых этнических классов и провоцирует формирование негативной этнической идентичности старожильческого населения. Представители

этого населения начинают себя переопределять как «вытесняемые», «обижаемые», утрачивающие свои рабочие места, льготы, преференции, культурное пространство и другие социальные ресурсы. Вследствие возникающего контрпродуктивного восприятия этнических мигрантов возникает опасность мобилизации негативной идентичности и ее трансформации в ярко выраженные этнонационалистические настроения с возможной последующей институционализацией. К вышеизложенному следует добавить также и то, что отток дальневосточного населения в центральные регионы России становится фактором ослабления поддержки гражданской и культурной идентичности российских дальневосточных территорий.

Исходя из рассмотрения приведенных социологических исследований можно заключить, что выявленные партикуляристские основания идентичности жителей Сибири и Дальнего Востока по своему характеру являются взаимосвязанными, а по векторности односторонними. Наложение друг на друга социально-экономических, этнических, родственных, социально-повседневных оснований социальной идентичности при ослаблении региональных оснований и разрушающегося великодержавного генерирует мультипликативный эффект, характеризующийся следующими обстоятельствами.

1. Такой эффект сам по себе является показателем острой недостаточности в социальном пространстве постсоветской России общеразделяемых ценностей, позитивных коллективных представлений в виде социальной солидарности, а также несформированности институциональных механизмов их генерирования.

2. В условиях воспроизводства маргинализованной идентичности появляется потребность в компенсации утрачиваемого общенационального самоуважения, что может проявиться в массовом спросе на обращение к исторической архаике в виде ностальгии по

«героическому, легендарному прошлому», попытках реставрации некоторых идеологем, традиций и социальных практик.

3. К сожалению, наметилась тенденция трансформации негативной социальной идентичности в ксенофобию и этнический национализм. Последний выступает, с одной стороны превращенной формой социального недовольства и дезориентированного массового сознания, а с другой продуктом воспроизводства тех его уровней и элементов, которые в условиях СССР были вытеснены на периферию общественного сознания под давлением официальной идеологии и политического режима.

4. Настораживающим моментом является конфликтогенный потенциал изменений, происходящих в динамике социальной идентичности под влиянием постсоветских трансформаций. Фрагментарность коллективной идентичности, ее продолжающийся распад не имеют ничего общего с многоуровневой и мультикультурной идентичностью, которая тем не менее могла бы стать при определенных условиях составляющей гражданского общенационального сознания.

Несомненно, рассмотрение проведенных в восточных регионах России исследований нуждается в сравнительном сопоставлении с результатами исследований в других российских регионах. Вместе с тем, хотелось бы надеяться, что проведенный в статье анализ будет способствовать выработке концептуальной схемы конфликтологического изучения социальной идентичности как в социологической науке, так и в других смежных дисциплинах о человеке и обществе.

Литература

1. Акопов С.В., Розанова М.С. Идентичности в эпоху глобальных миграций. Научное издание. – СПб.: Издательство ДЕАН, 2010. – 272 с., С. 16.

2. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 годов. – М., :

Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А». 2004. – 816 с., С. 11.

3. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 годов. – М., : Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А». 2004. – 816 с., С. 120.

4. Ким А.С. Диагностика предпосылок этнического национализма и религиозной нетерпимости в массовом сознании учащейся молодежи: методические рекомендации по раннему предупреждению конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений в рамках реализации стратегии государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях. Хабаровск: АНО «Центр», 2018, С. 3.

5. Летняков Д. Э. Возможности и перспективы национальной консолидации в современной России: критика унитаристских подходов // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://polylog.jes.su/s258770110000042-8-1> (дата обращения: 01.08.2018). DOI: 10.18254/S0000042-8-1. С. 3.

6. Отчет 2018 – Отчет о проведенных исследованиях (результаты конфликтологического мониторинга этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае, октябрь 2018 г.) / Автономная некоммерческая организация «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Хабаровск, 2018.

7. Отчет 2019 – Отчет о проведенных исследованиях (результаты конфликтологического мониторинга этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае, июнь 2019 г.) / Автономная некоммерческая организация «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Хабаровск, 2019.

8. Полюшкевич О.А. Отчет по исследованию «Коллективная память и

социальная солидарность населения России», 2019-2020.

9. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // ДИХИ – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 94-100.

10. Полюшкевич О.А. Идентичность и государственные символы: трансформация социальной эмпатии // Социология. 2014. № 1. С. 138-146.

Conflict nature of social identity in the conditions of post-Soviet transit

Kim A.S., Emelyanov P.S.

Khabarovsk State University of Economics and Law

The article examines from a sociological perspective the potential for conflicts in the social identification of Russians under the conditions of post-Soviet transit. The interrelation and unidirectionality of particularistic foundations of social identity of the inhabitants of Siberia and the Far East are revealed.

Key words: identity, social identity, foundations of social identity, conflict potential, conflict potential, post-Soviet transit, sociological analysis, social solidarity.

References

1. Akopov S.V., Rozanova M.S. Identities in the era of global migrations. Scientific publication. - SPb.: DEAN Publishing House, 2010. -- 272 p., P. 16.
2. Gudkov L. Negative identity. Articles 1997 - 2002. - M.,: New literary review, "VTsIOM-A". 2004. -- 816 p., P. 11.
3. Gudkov L. Negative identity. Articles 1997 - 2002. - M.,: New literary review, "VTsIOM-A". 2004. -- 816 p., P. 120.
4. Kim A.S. Diagnostics of the prerequisites of ethnic nationalism and religious intolerance in the mass consciousness of student youth: methodological recommendations for early warning of conflict situations in the field of ethno-confessional relations in the framework of the implementation of the strategy of state ethnic policy at the regional and municipal levels. Khabarovsk: ANO "Center", 2018, p. 3.

5. Letnyakov DE Opportunities and prospects of national consolidation in modern Russia: criticism of the unitarian approaches // Polylog / Polylogos. 2018. T. 2. No. 2 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://polylog.jes.su/s258770110000042-8-1> (date accessed: 01.08.2018). DOI: 10.18254 / S0000042-8-1. P. 3.
6. Report 2018 - Report on conducted research (results of conflictological monitoring of ethno-confessional and ethnopolitical relations in the Khabarovsk Territory, October 2018) / Autonomous non-profit organization "Regional Scientific and Practical Center for Monitoring Ethno-Confessional Relations and Early Warning of Conflict Situations." Khabarovsk, 2018.
7. Report 2019 - Report on conducted research (results of conflictological monitoring of ethno-confessional and ethnopolitical relations in the Khabarovsk Territory, June 2019) / Autonomous non-profit organization "Regional Scientific and Practical Center for Monitoring Ethno-Confessional Relations and Early Warning of Conflict Situations." Khabarovsk, 2019.
8. Polyushkevich O.A. Report on the research "Collective memory and social solidarity of the population of Russia", 2019-2020.
9. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Identity as a way of perceiving strangers and friends // ДИХИ - 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research, collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 94-100.
10. Polyushkevich O.A. Identity and state symbols: transformation of social empathy // Sociology. 2014. No. 1. S. 138-146.

К вопросу об опыте Франции по социальному сопровождению людей с нарушениями интеллекта

Петросян Владимир Аршакович

доктор социологических наук, доцент кафедры социальных технологий, ГАУ города Москвы «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы» (ГАУ ИДПО ДТСЗН), pva09@mail.ru

Автор рассматривает вопрос о том, как правительство должно регулировать предоставление социальных услуг, чтобы гарантировать, чтобы пожилым людям и инвалидам была оказана квалифицированная социальная помощь и поддержка.

На основе анализа автор делает вывод о целесообразности подробного изучения и внедрения, с учетом специфики российской ментальности и практики социального обслуживания, французского опыта организации сопровождения людей с нарушениями интеллекта и психическими заболеваниями, наработанный в деятельности неправительственной организации «Белые бабочки Дюнкерка». Важно то, что организация, объединяет людей с инвалидностью и членов их семей, и реализует проекты поддерживаемого трудоустройства и проживания инвалидов с ментальными нарушениями на протяжении всего жизненного цикла, во взаимодействии с местной администрацией и местным сообществом.

Ключевые слова: социальная адаптация, социальные процессы, социальное обслуживание, международный опыт, инвалиды с ментальными нарушениями, интернаты малой вместимости.

Совершенствование системы социального обслуживания затрагивает тесно связанные между собой сферы экономики, финансирования и права, каждая из которых имеет множество горизонтальных и вертикальных механизмов взаимодействия с государственными, общественными и частными организациями. Соотношение государственных и частных форм организации социального обслуживания граждан в зарубежных странах показывает большое разнообразие выбора приоритетов в системе организации стационарных и домашних услуг.

Анализ международного опыта в сфере социального обслуживания, прежде всего опыт Франции, показывает, что в национальных системах есть определённый уровень государственного регулирования, включая вопросы финансирования, планирования и контроля.

Целью социальной политики во Франции является реализация интересов и потребностей конкретного человека с инвалидностью и поощрения его независимой жизни, создание легального рынка социальных услуг, создания рабочих мест и "чистки серого рынка услуг". Предоставление социальных услуг обеспечивают государственные, общественные, некоммерческие и частные компании.

Население Франции на 1 января 2018 года составляет немногим более 67 миллионов человек, включая 65 млн. во самой Франции и 2,2 млн. в заморских департаментах (DOM). В частности, в стране насчитывается 9,5 млн. граждан с теми или другими недостатками здоровья, из них свыше 1,8 млн.

человек имеют статус инвалида, и 850 тысяч граждан, как говорят во Франции, с "ограниченной подвижностью". Во Франции понятие «инвалид» воспринимается как «лицо со слегка сниженной способностью адаптации».

При определении статуса инвалида применяются 3 категории ограничений [9]:

1. ограничение свыше 80% - считается, что гражданин непригоден к обычной рабочей среде и может получить специальное ассигнование, названное ассигнованием для взрослых инвалидов;

2. ограничение 50-79% - гражданин имеет право на специальные мероприятия помощи органов социального обеспечения и не имеет права на специальное ассигнование для инвалидов;

3. ограничение до 50% - гражданин считается способным находить работу в обычной среде без специальной помощи.

В каждом из свыше 90 административных округов существует Техническая комиссия направления и профессиональной ориентации (COTOREP). Эти окружные комиссии подчинены Главному управлению социального обеспечения Министерства здравоохранения и социального обеспечения. Любое лицо, которое хочет воспользоваться правом социальной защиты, должно обратиться в окружную комиссию по месту проживания.

COTOREP признает статус инвалида, оценивает нетрудоспособность соответственно принципам, которые действуют, высказывает позицию относительно профессиональной пригодности к работе с учетом имеющихся ограничений.

На программы по поддержке инвалидов во Франции тратятся десятки миллиардов евро. Средства поступают из многих источников, включая систему социального страхования, фондов местного самоуправления, как регионов, так и департаментов, и, конечно, из государственного бюджета [10].

С тем чтобы облегчить существование инвалидов, во Франции были приняты законы, признающие за ними право на равные с остальными гражданами страны шансы в жизни, была создана система социальной помощи и поддержки. Каждый француз из числа лиц с ограничениями здоровья, получивший статус инвалида, имеет право на государственную компенсацию, размер которой зависит от уровня ограничений здоровья. Сейчас пенсия по инвалидности доходит до 900 евро в месяц. Существуют и налоговые льготы, скидки, в частности на транспорт, телефон.

Несмотря на то, что государственная политика Франции ориентирована на реализацию интересов и потребностей конкретного человека с инвалидностью и поощрения его независимой жизни, именно учреждения интернатного типа (RCF) (называемые во Франции «établissements medico-sociaux») до настоящего времени по-прежнему представляют собой основу системы, осуществляющей стационарную помощь инвалидами с металными нарушениями. Стационарные и полустационарные учреждения для данной категории населения остаются основой системы здравоохранения во Франции. Все услуги, оказываемые в данных учреждениях, находятся в ведении департаментских советов или регионального агентства здравоохранения.

Особенности стационарного социального обслуживания. Медико-социальные учреждения интернатного типа для инвалидов предоставляют: постоянное жилье для проживающих, помощь для выполнения повседневных задач, санитарно-гигиенический уход и периодическое медицинское обслуживание. Междисциплинарная профессиональная команда специалистов в этих учреждениях помогает и сопровождает проживающих во всех важных повседневных делах. Ведомственный совет и / или Региональное агентство здравоохранения, в зависимости от полученной аккредитации, оплачивают их работу либо

на ежедневной основе, либо в формате регулярного распределения средств. Во Франции функционирование RCF, управляемых некоммерческими ассоциациями, долгое время было предпочтительной моделью оказания помощи и поддержки людям с инвалидностью.

В 2017 году 90 500 взрослых людей с ограниченными возможностями жили в 2800 медико-социальных учреждениях по всей Франции, в которых работали 102 900 человек из числа медицинского, социально-психологического и вспомогательного персонала.

Наполняемость учреждений различна - от нескольких проживающих до 90 человек. Продолжительность пребывания может варьироваться от срока менее 1 года до более 20 лет. Кроме того, объекты проживания распределены по всей Франции неравномерно. Это порождает различия в ежедневной мобильности проживающих, их социальной интеграции и образе жизни.

Особенности надомного социального обслуживания. Услуги по уходу на дому для инвалидов получили признание в законодательном порядке в 2000-х годах, почти через 30 лет после введения Персонального компенсационного плана (PPC).

Закон 2005-102 о равных правах и возможностях для людей с инвалидностью (2005) ввел юридическое определение жизненного проекта для инвалидов и установил принцип права на компенсацию путем введения компенсационного пособия по инвалидности PCH. Размер компенсации оценивается и персонализируется на основе индивидуального «Жизненного проекта», разработанного в соответствии с потребностями инвалида. Финансирование компенсационного пособия по инвалидности осуществляется совместно региональными департаментами (590 млн. евро) и Национальным фондом поддержки независимой жизни (Caisse nationale de solidarité pour l'autonomie - CNSA), учрежденный этим законом (500 млн. евро). Центры по поддержке людей

с инвалидностью были открыты в каждом региональном департаменте (Maisons départementales des personnes handicapées - MDPH) для оказания помощи в реализации жизненных проектов и управления выплатами компенсационных пособий по инвалидности. Пособие может покрывать расходы, связанные с потребностью в личной помощи, технической помощи, адаптации дома для независимого проживания или автомобиля и / или других исключительных расходов. Оценка и решения о назначении пособий принимаются MDPH.

С 2018 г. Правительством Франции реализуется межведомственная программа, направленная на улучшение качества жизни инвалидов, защиту их прав и стимулирование инклюзивных процессов в обществе. Развитие альтернативных форм независимого проживания инвалидов с ментальными нарушениями рассматриваются в контексте пунктов данной программы, ориентированных на совершенствование процедуры выделения социального жилья для аренды инвалидами, развитие инклюзивных форм проживания, адаптация частного жилого фонда к потребностям инвалидов, поддержки опекунов.

Закон об адаптации общества к старению (2016) содержит раздел законодательных норм, регламентирующих адаптацию жилья для обеспечения максимальной продолжительности проживания пожилого человека по месту жительства. Основные направления его реализации:

1. Поддержка Национального плана адаптации жилья. Увеличение количества получателей государственной помощи на адаптацию жилого помещения.
2. Развитие системы микро кредитов, позволяющих пожилым людям с низкими доходами финансировать адаптацию своего жилья.
3. Улучшения условий налогового кредита для адаптации жилья.

4. Предоставление пожилому человеку право выбора модели проживания. Создание системы поддерживаемого проживания и коллективного проживания.

5. Учет демографической ситуации при городском и региональном планировании.

6. Укрепление межпоколенческой солидарности.

Закон призван также улучшить качество ухода за лицами с частично или полностью утраченной потерей автономии, и направлен на:

1. Соблюдение права граждан пожилого возраста на выбор: проживать дома или в стационарном учреждении; более строгое проведение процедуры получения согласия на помещение пожилого человека в дом престарелых; на борьбу с злоупотреблением беспомощным состоянием пожилого человека.

2. Обеспечение финансовой доступности услуг долговременного ухода путем реформирования персонализированного пособия (АРА) для зависимых людей, проживающих дома с помощью двух мер: увеличение пороговых значений плана помощи для всех получателей (АРА) и снижение сборов с пользователей.

3. Развитие независимой профессии «Помощник по уходу».

4. Улучшение информированности пожилых людей и членов их семей о правах и гарантиях для граждан старшего возраста.

5. Улучшение условий трудовой занятости пожилых людей, способствовать их экономическому росту.

6. Поддержка семейных помощников по уходу.

Реализация положений закона финансируется правительством в объеме 645 млн. евро в год за счет налога на налогооблагаемые пенсии по старости (CASA).

АРА (персонализированное пособие для поддержания автономии) покрывает следующие расходы:

Помощь на дому: часы помощи на дому или домашнего ухода (днем или ночью), выполняемые третьим лицом; временное пребывание в учреждении;

служба доставки еды; дистанционная сигнализация; адаптация жилья и т.д.

Технические средства: инвалидные коляски, трости и ходунки, медицинские кровати, подъемники для пациентов, абсорбирующее белье.

АРА в стационаре покрывает тариф на интенсивность ухода при потере автономии, что является одним из трех компонентов ценообразования в стационарных учреждениях.

Размер ежемесячного пособия в связи с утратой автономии в соответствии с установленной степенью утраты автономии (GIR) составляет: GIR 1: € 1 737,14; GIR 2: € 1 394,86; GIR 3: € 1 007,83; GIR 4: € 672,26.

В соответствии с Законом об адаптации общества к старению, объем финансирования может быть превышен при финансировании временных решений для лиц, обеспечивающих уход (+ 501,69 € в год), и при особых случаях госпитализации (+ 996,74 €).

Примером организации сопровождения людей с нарушениями интеллекта и психическими заболеваниями является деятельность неправительственной организации «Белые бабочки Дюнкерка», объединяющая людей с инвалидностью и членов их семей. Созданная в 1961 году ассоциация реализует проекты поддерживаемого трудоустройства и проживания инвалидов с ментальными нарушениями на протяжении всего жизненного цикла. Деятельность осуществляется во взаимодействии с Мэрией г. Дюнкерк и местным сообществом. Совместно с региональным отделением ESAT (медико-социальной организацией, занимающейся вопросами профессиональной ориентации и трудоустройством людей с интеллектуальными нарушениями) реализуется проект по трудоустройству 720 человек в системе защищенного трудоустройства, базирующегося на производственных мощностях ассоциации. В соответствии выбором профессиональной деятельности, прохождением обучения и получении сертификата соответствия приобретенным компетенциям определен

ному виду работы, люди с разной степенью нарушения интеллекта могут быть трудоустроены в производственных мастерских и комбинатах ассоциации. Продолжительность профессиональной деятельности регламентируется национальным законодательством о пенсионном возрасте.

В структуре Ассоциации действуют 8 отдельных домов сопровождаемого проживания, расположенных в регионе Дюнкерк, где проживают 166 человек. Центры различаются по контингенту, задачам реабилитационной работы, ориентацией на разный уровень автономии проживающих. В Ассоциацию входят: Центр размещения «La Marelle», Центр временного размещения "Bosquet", Центр медико-социального сопровождения Le Relais des Moères (Foyer d'Accueil Médicalisé (FAM), Резиденция Frédéric Dewulf, Розенхоед, Корпус пенсионеров.

Исследования социального самочувствия пожилых людей показывают, что уровень социальной интеграции, эффективность социальной адаптации и социальной инклюзии лиц, проживающих в стационарных и полустационарных учреждениях социального обслуживания и лиц, получающих социальное обслуживание на дому, различаются. Социальные коммуникации, наличие сети социальных контактов с персоналом учреждений, приходящими родственниками, соседями, возможность постоянной поддержки обычных социальных практик препятствуют формированию социальной изоляции, не только внешней, но и внутренней. У проживающих менее проявлены чувства одиночества, переживания своей ненужности, нежелания включаться в социальные контакты.

Изучая опыт Франции можно сделать вывод о целесообразности внедрения, с учетом специфики российской ментальности и практики социального обслуживания, французского опыта организации сопровождения людей с нарушениями интеллекта и психическими заболеваниями, в т.ч. наработанный в деятельности неправительственной организации «Белые бабочки Дюнкерка».

Важно то, что организация объединяет людей с инвалидностью и членов их семей, и реализует проекты поддерживаемого трудоустройства и проживания инвалидов с ментальными нарушениями на протяжении всего жизненного цикла во взаимодействии с местной администрацией и местным сообществом.

Литература

1. Governance and finance of long-term care across Europe» Birmingham|Vienna, September 2017 European Centre for Social Welfare Policy and Research Управление и финансирование долговременных социальных услуг в Европе, 2017 год Европейский Центр социальной политики
2. Mkrumova, I.V., Kononova, L.I., Vdovina, M.V., Studenova, E.G., Potutkova, S.A. Priorities in theory and practice of contemporary social work in Russia. 2019 Italian Sociological Review. 9 (1), pp.119-130. Retrieved from [http://dx.doi.org/10.13136/isr.v9i1.231] [DOI: 10.13136/isr.v9i1.231]
3. OECD (2018), Development Cooperation Report 2018: Ending Poverty, OECD Publishing (<http://dx.doi.org/10.1787/dcr-2018-en>).
4. Афонькина Ю.А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Современные исследования социальных проблем. № 11(55) – М., 2015 – <https://www.sisp.nkras.ru>
5. Изутова О.В. Адресная социальная помощь: опыт Франции - https://isp.hse.ru/data/2017/06/20/1170458719/Remy%20Marquier%20DREES_Russie%2019-06-2017_RU_4.pdf
6. Маркье Реми (заместитель директора департамента по вопросам солидарности Французского национального управления по вопросам исследований, оценки и статистики (DREES). Социальная помощь во Франции. Презентация доклада 19 июня 2017. - Москва, 2017 - https://isp.hse.ru/data/2017/06/20/1170458719/Remy%20Marquier%20DREES_Russie%2019-06-2017_RU_4.pdf

7. Минтруд России, Информация от 28 мая 2019 г. Информация о результатах мониторинга социально-экономического положения граждан пожилого возраста

8. Петросян В.А. Социальная интеграция в практической деятельности учреждений: монография. – М.: ИПК ДСЗН, 2010. – 8,4 п.л.

9. Социальная защита во Франции. - Adecrici agence pour le développement et la coordination des relations internationales, ADECRI, 2014, 154 с.

10. Прокофьев В. Мостик специального назначения // Российская газета 15.04.2019 - <https://rg.ru/2019/04/15/vo-francii-na-programmy-po-podderzhke-invalidov-tratiatsia-desiatki-mlrd-evro.html>

On the question of France's experience in social support for people with intellectual disabilities

Petrosyan V.A.

GAU IDPO DTSZN

The analysis of the experience of France in the field of social services, carried out in the article, shows that all national systems have a certain level of state regulation, including the control of social well-being. The ratio of public and private forms of organization of social services for citizens in foreign countries shows a wide variety of priorities in the system of organization of inpatient and home services. For example, Sweden, France, and England demonstrate a high level of government intervention, ranging from planning management, quality control, and contract management.

The author examines how the government should regulate the provision of social services to ensure that the elderly and disabled are provided with qualified social assistance and support.

Based on the analysis, the author concludes that it is appropriate to study in detail and implement, taking into account the specifics of the Russian mentality and practice of social service, the French experience of organizing escorts for people with intellectual disabilities and mental diseases, gained in the activities of the non-governmental organization "white butterflies of Dunkirk". It is important that the organization unites people with disabilities and their family members, and implements projects for supported employment and residence of people with mental disabilities throughout the life cycle, in cooperation with the local administration and the local community.

Keywords: social adaptation, social processes, social services, international experience, disabled people with mental disabilities, boarding schools of small capacity.

References

1. Governance and finance of long-term care across Europe" Birmingham|Vienna, September 2017 European Centre for Social Welfare Policy and Research Management and financing of long-term social services in Europe, 2017 European Centre for social policy
2. Mkrumova, I.V., Kononova, L.I., Vdovina, M.V., Studenova, E.G., Potutkova, S.A. Priorities in theory and practice of contemporary social work in Russia. 2019 Italian Sociological Review. 9 (1), pp.119-130. Retrieved from [\[http://dx.doi.org/10.13136/isr.v9i1.231\]](http://dx.doi.org/10.13136/isr.v9i1.231) [DOI: 10.13136/isr.v9i1.231]
3. OECD (2018), Development Co-operation Report 2018: Ending Poverty, OECD Publishing (<http://dx.doi.org/10.1787/dcr-2018-en>).
4. Afonkina Yu. a. Social inclusion of persons with disabilities and the issue of human dignity // Modern research of social problems. No. 11(55) - Moscow, 2015-tps: / / www. sisp.nkras. ru
5. Izutova O. V. Targeted social assistance: the experience of France-tps: / / isp.hse. ru/data/2017/06/20/1170458719/Remy%20Marquier%20DREES_Russie%2019-06-2017_RU_4.pdf
6. Marchier Remy (Deputy Director of the Department of solidarity of the French national office for research, evaluation and statistics (DREES). Social assistance in France. Presentation of the report on June 19, 2017. - Moscow, 2017 - https://isp.hse.ru/data/2017/06/20/1170458719/Remy%20Marquier%20DREES_Russie%2019-06-2017_RU_4.pdf
7. Ministry of labor of Russia, Information from may 28, 2019 Information on the results of monitoring the socio-economic status of elderly citizens
8. Petrosyan V. A. Social integration in the practical activities of institutions: monograph. - M.: ИПК ДСЗН, 2010. - 8,4 p. l.
9. Social protection in France. - ADECRI agence pour le développement et la coordination des relations internationales, ADECRI, 2014, 154 p.
10. Prokofiev V. Special purpose bridge // Russian newspaper 04/15/2019 - <https://rg.ru/2019/04/15/vo-francii-na-programmy-po-podderzhke-invalidov-tratiatsia-desiatki-mlrd-evro.html>

Социальное и личное пространство поколений

Полюшкевич Оксана Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета, okwook@mail.ru

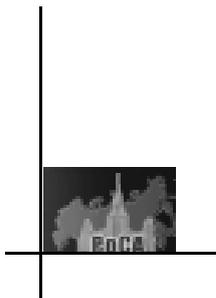
В статье рассматриваются теоретические вопросы изучения роли и места в жизни человека, выявляются социокультурные и исторические предпосылки социально-психологического восприятия пространства. Анализируются результаты эмпирического исследования субъективного восприятия пространства представителями различных поколений.

Ключевые слова: социальное пространство, личное пространство, поколения, ресурсы, социальные отношения, представления

Пространственно-временная тематика активно изучается в переходный период представителями разных наук: от философов до историков, от культурологов до социологов, от демографов до психологов. Национально-культурные особенности пространственно-временного восприятия отражены в работах таких ученых, как Ф. Бродель, Д. С. Лихачев, Г. Д. Гачев, Г. Кушнер, Е. В. Петровская, А. Н. Мещеряков. Актуальность изучения пространственно-временного восприятия вызвана ускорением субъективного времени, увеличением плотности времени, расширением возможностей виртуальной реальности и многих других процессов, ставших обыденной реальностью современного мира.

Ф. Бродель в своих работах разделял три вида времени: «время большой протяженности», в котором представлено «царство обычая»; «время средней протяженности», в котором представлено «царство рынка»; «краткое» время, в котором представлено «царство политики» [21]. Фактически мы видим трансформацию от времени большой протяженности к краткому времени, что является важным для рассматриваемого вопроса в контексте солидарности поколений. Во времена большой протяженности закладываются обычаи и ритуалы, символизирующие народ, эпоху, этап развития. Во времена средней протяженности формируются локальные законы сосуществования государств, производства и сбыта, рынка и конкуренции. В краткое время выдвигаются одиозные фигуры, реформаторы и стабилизаторы социально-политического развития, те, кто формирует социокультурную статику или динамику.

Интересна позиция М. М. Бахтина о том, что у человека в сознании есть два

будущих: временного и смыслового, они взаимовлияют друг на друга и определяют друг друга. Близок позиции М. М. Бахтина и М. Р. Гинзбург; его теория посвящена временной определенности человека, зависящей от внутренних установок восприятия внешних процессов [8]. По мнению М. Р. Гинзбурга, прошлое выступает итогом реализации возрастных задач человеком, психологическое настоящее – как самопознание и самореализация, психологическое будущее – как обеспечение смысловой и временной перспективы.

Работы Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. Л. Рубинштейна говорят примерно о том же: человек является двойственным, духовно-материальным, бесконечно-конечным, вневременно-временным существом. Особенности самовосприятия человека зависят от уровня осознанности и уровня адаптации к внешним условиям. И вопрос времени и пространства в жизни человека всегда рассматривался в контексте его «жизненного пути» – субъективной оценки важных этапов (или периодов), вызванных личностными кризисами, периодами развития и стагнации, осознания и преодоления внутренних (личностных) и внешних (социальных) препятствий. В большинстве работ прослеживается акцент на объективно происходящих и осознаваемых процессах. Мы же полагаем, что и субъективно переживаемые процессы могут определять особенности пространственно-временного ориентирования, проецирования своей жизни в будущее и прошлое.

Восприятие времени человеком определяет его место в микромире и макромире, позволяет отвечать на вопросы «Кто он?», «Где он?» и «Когда он?».

Интересные данные получила в своих исследованиях Е. П. Белинская. По ее мнению, реализация того или иного желания у человека формирует его идентичность, постоянно возникающие желания провоцируют развитие идентичности, и в то же время развитие

идентичности человека влечет возникновение новых желаний на новом уровне развития [4].

Если ставить вопрос о пространственно-временных перспективах поколения, то также стоит учитывать факторы конструирования социальной идентичности разными группами, принадлежащими к одному поколению. Исследования Дж. Фрейзера [22] показывают, что культура определяет особенности группового или индивидуального времени. Так, причины победы христианства над язычеством Фрейзер связывал с преобладанием в первом «вектора будущего» – вера в «светлое завтра» загробного мира оказалась сильнее языческого «культы предков».

В исследованиях Т. Н. Муладжановой выявлено что, у людей, подверженных депрессии и стрессу, восприятие временной перспективы ограничивается настоящим [13]. В исследованиях Ю. А. Васильевой показано, что лица с социально-неадаптивными формами поведения имеют аморфную временную перспективу, в основном доминируют ориентация на прошлое, центрированность на настоящем и практически полное отсутствие будущего по сравнению со своими сверстниками [6]. Следовательно, помимо культурных особенностей, на пространственно-временное восприятие влияет индивидуальное развитие человека. При этом внешние социальные катаклизмы приводят к переоценке пространственно-временных ориентиров.

К. А. Абульханова-Славская предложила несколько стратегий рациональной организации пространства и времени – стратегии «активного учета» социальных нормативов времени и стратегии «пассивного приравнивания» к внешним временным требованиям [2]. Понятие «своевременность» является критерием личной организации времени и пространства. Своевременность – это способ согласования социального и личного времени и социального и личного пространства, способ соотнесения

и согласования внутренних и внешних условий жизни.

Она выделила различные стили, или стратегии, жизни в их связи с осознанием времени. Например, типы личности, более включенные в социальную динамику, находятся в более прямых, жестких временных связях с социальными условиями. Они живут преимущественно в сфере общественно необходимого времени, от них требуется определенная производительность труда, определенная скорость. Одновременно они пользуются всеми ценностями общественного времени, они в меньшей степени являются субъектами собственной жизни, распределителями ее времени. Типы личности, слабо включенные в социальные процессы, не осознающие свободное время как ценность, как правило, наиболее статичны, поскольку не знают, чем это время заполнить [1].

Восприятие личного и социального пространства оценивается теми же критериями. Принадлежность к некому пространству или обладание неким пространством (квартира, машина, дача) может стать способом не только личного самоутверждения, но и конструированием социальной идентичности.

Таким образом, регуляция времени жизни определяется соотношением общественной и социальной жизни.

Ключевым механизмом в данном процессе выступает индивидуальная пространственно-временная перспектива. Она строится на позиции настоящего, оценивая и придавая смыслы прошлому и будущему (как во времени, так и в пространстве). Пространственно-временная перспектива – это и социальный, и личностный конструкт. Обществом он строится через призму «должного», а личностью – через призму «желаемого» (стоит учитывать, что желаемое может формироваться через социальное и личное).

В. И. Ковалев, оценивая характер и направленность жизнедеятельности человека, выделил четыре основных типа

личностной организации времени и пространства и отношения к нему: обыденный, функционально-действенный, созерцательно-рефлексивный и созидательно-преобразующий [10].

Так, люди, ведущие обыденный способ жизни, характеризуются социальной пассивностью, ситуативной зависимостью от обстоятельств, импульсивностью и непосредственностью реагирования, узостью социальных связей, поверхностным, статичным, стереотипным, односторонним, неосознаваемым характером отражения действительности, суженностью пространственно-временного кругозора. Представители функционально-действенного способа жизни – энергичные натуры с жестким рационалистическим восприятием окружающего мира и трезвым, рассудочным, прагматическим стилем мышления. Пространственно-временной кругозор узок, ограничен и свернут. По существу, такие люди живут в основном заботами и делами настоящего и ближайшего будущего, а их более отдаленные временные перспективы жизни чаще носят утилитарный характер. Людям созерцательно-рефлексивного способа жизни свойственно обостренное восприятие и тонкое осознание огромной сложности, противоречивости и изменчивости процессов жизни в природе, других людях, их общностях, в самих себе. Внешней активности они предпочитают углубленное размышление и рефлекссию. Для таких личностей социальная ситуация в настоящем нередко теряет свою значимость. В их перспективе на равных правах представлено личное и культурно-историческое прошлое и будущее. Высший по уровню тип личностной организации представлен, по мнению Ковалева, гуманистическим созидательно-преобразующим отношением ко времени и пространству, которое выражается в соответствующем способе жизни. Его отличительные особенности: глубокое, разностороннее и реалистичное осознание сложных и противоречивых процессов жизни, раз-

витое чувство текущего времени и пространства, созидательно-преобразующая активность в процессе осуществления собственной жизнедеятельности, ее продуктивность и плодотворность, одним из условий которой является оптимальное распределение и использование времени для различных дел, широкая временная трансспектива [10, с. 229].

Пространственно-временная ориентация формирует стабильную идентичность. Именно в этом ее основная задача. Важным вопросом тут выступает исследование того, как нормы, стереотипы, представления, традиции заставляют человека выбирать ту или иную пространственно-временную ориентацию. На обыденном уровне это может проявляться в вере в то, что человек может все изменить, стоит только захотеть, либо же – все предначертано и ничего изменить нельзя. Подобные установки, применимые к целым поколениям, позволяют говорить о сплоченности или разобщенности общества, его социальном самочувствии, жизненных ценностях и перспективах. Ценности и мотивы поведения, отношение к себе и к миру (уверенность в себе или безверие, враждебность или доброжелательность) определяют временную перспективу человека. Уверенные в себе, ставящие долгосрочные цели люди обладают большим временным объемом в будущее (могут планировать и управлять своим и чужим временем), те, кто не уверен в себе, боится перемен, считает, что он ничего не может изменить, – ориентирован на прошлое, которое уже известно, стабильно и понятно. Та же тенденция прослеживается и на уровне поколений. Как правило, более старшие поколения ориентированы на прошлое, более молодые – на будущее [14].

Таким образом, в процессе социокультурных изменений трансформируются актуальные категории в системе значений образов времени (прошлого, настоящего, будущего) и пространства (социального и личного).

Различные поколения имеют ориентацию на прошлое, ориентацию на настоящее и ориентацию на будущее и имеют либо пассивную, либо активную временную перспективы.

Пространственно-временной континуум, в который погружен человек или поколение, определяет его бытийную деятельность, его мировоззрение, представления, чувства и эмоции. Исследования М. Хейдментса показали влияние пространственных условий на деятельность человека [23]. При этом, существует влияние оценки пространственно-временных отношений с позиции культурных установок (И. Т. Холл, А. Альтман и др.). Уже является аксиомой тот факт, что изменения форм коммуникации (благодаря сети интернет) приводят к трансформации традиционных для разных культур пространственно-временных представлений.

Социокультурные изменения общества, смена эпох, духовные кризисы общества приводят к изменению пространственно-временного образа мира целых поколений. А это означает, что поколения строят новую систему координат, со своими точками отсчета времени и пространства, имеющими свои особенности. В связи с этим меняется социальное и личное время, меняется идентичность личности и поколения. В такие периоды может наблюдаться инверсия восприятия времени; так, пенсионеры в будущем видят прошлое, а молодежь в настоящее «упаковывает» будущее.

Иными словами, в периоды перемен у поколений сжимаются временные рамки (давление общества), но растет их плотность; благодаря виртуализации общества расширяются представления и перспективы пространства, но в реальном мире увеличивается дистанция между людьми.

Процессы глобализации и виртуализации уже изменили мир. Новые условия жизни, новое качество жизни раздвигают границы обывательского представления о том, как и где можно общаться, проводить время, развиваться

или отдыхать, учиться или работать. Изменения коснулись отдельных людей и целых поколений. Далее мы рассмотрим, как социальное и личное время разворачивается в сознании трех условных поколений, живущих на территории России сегодня.

Пространство – сложная философская проблема. Мы остановим свое внимание на социальном и личном пространстве поколений, из чего оно формируется, как конструируется, что на это влияет. Или как опыт восприятия, оценки и проживания пространства влияет на поколенческое единство [15].

Например, сегодня и во времена СССР восприятие пространства кардинально отличается. Изменение политического режима, уничтожение «железного занавеса» изменили представление о пространстве. Как уже говорилось выше, возможность свободных путешествий за границу расширила представления наших соотечественников о пространстве мира. Но вместе с формальными изменениями произошли качественные, связанные с содержанием и идеологической наполненностью своего и чужого пространства.

Безусловно, в российском менталитете лежит базовая установка, что «там хорошо, где нас нет». И на уровне подсознания заложено, что надо куда-нибудь переехать, где было бы лучше, чем тут. Власть во времена СССР значительно изменила эту предрасположенность, нацелив основную массу населения на то, что надо сделать так, чтобы тут было хорошо (в будущем). И в том числе и поэтому можно было говорить за большую часть населения СССР: «*Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес Советский Союз*». Сегодня, говоря о месте жительства, россияне называют конкретный город, улицу, дом, не воспринимая все пространство Российской Федерации своим домом. И еще более усилилась тенденция восприятия того, что «там» («за границей», «в Москве» или где-то еще) лучше, чем «тут».

По данным исследования Левада-центра, проводимом в 2013 г. [25], 22 % россиян хотели бы уехать из России и около 45 % из них студенты. Это как раз тот самый сегмент общества, который и обеспечивает будущее страны. Не кадровый резерв президента или его премьер-министра, а именно та самая студенческая молодежь, которая сегодня учится, а завтра будет здесь работать. В итоге, если почти половина из числа опрошенных студентов готова поехать работать и вообще на постоянное место жительства уехать из России, это колоссальные цифры, это настоящий культурный шок. Мотивами переезда являются желание устроить свое будущее и понимание, что то будущее, которое они хотят, они не могут реализовать здесь. Политические причины на последнем месте. Главное – это комфорт, больше возможностей планировать свое будущее. То есть понятно, что будет завтра, послезавтра, послепослезавтра, а не так, что за день, за месяц может все измениться.

Это позволяет нам говорить, что пространство – это не только географическая мера, но и социальная, культурная, экономическая и т. д. Пространство – это мера сознания. То, насколько пространство схоже в среде различных поколений, настолько они объединены социокультурно [16].

В рамках общественных наук социальное и личное пространство определяется территориальностью и социальными статусами, возникающими в меняющемся мире. Например, Э. Т. Холл исследовал дистанции, возникающие в пространствах общения людей, благодаря уровню образования, месту проживания, принадлежности к религиозной группе и т. д. [26].

Ф. Теннис развил эту идею до такого понимания, что все отношения между людьми или группами обуславливаются субъективным положением во времени и пространстве [20].

П. Сорокин выделял горизонтальное и вертикальное социальное простран-

ство, в которые также включено и личное пространство. Вертикальное пространство связано со стратификационными и экономическими критериями, которые изменчивы и непостоянны и определяются социальной мобильностью. Горизонтальное более стабильно и в большей степени зависит от личного пространства [19].

Э. Гидденс показал, что социальное пространство формируется через взаимовлияние социальных структур и социальных агентов, помещенных во времени и пространстве [7]. П. Бурдьё, говоря о социальном пространстве, показал, что оно формируется через различные более мелкие социальные поля (пространства). При этом он раскрыл наличие реальности первого и второго порядка. Реальность первого порядка – это физическое пространство и распределение материальных ресурсов. Реальность второго порядка – это реальность, существующая в сознании людей, обусловленная мировоззрением и особенностями сознания, при этом она зависит от времени проживания жизни [5]. Социальное пространство зависит от экономического, политического, культурного положения участников этого пространства.

Г. Зиммель в работе «Социология пространства» подчеркивает, что «социальное пространство – это бездейственная форма, существующая лишь благодаря энергии деятельности субъектов» [9].

П. Штомпка также показал, что социальные структуры формируются благодаря коллективному и индивидуальному взаимодействию во времени и пространстве различных субъектов [24].

При этом все исследователи сходятся на том, что существует субъективный и объективный отсчет времени как в социальном, так и в личном пространстве. Более углубленно этот вопрос исследовал в своей теории психологического поля К. Левин. Он исходил из того, что личность формируется в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет

определенный заряд (валентность). Для каждого человека или группы валентность не одинакова и обусловлена прошлым и будущим опытом, но при этом есть предметы, обладающие общими притягательными или отталкивающими силами. Поведение личности или группы является компромиссом между притяжением поля (условиями, которое выдает социальное пространство) и различными личными или групповыми потребностями [11].

В любом случае социальное пространство определяется *отношениями*, складывающимися внутри и вне его. Личное пространство определяется *действиями* личности в отношении себя самого вне внешнего влияния. В то же время значения и смыслы зарождаются в процессе отношений с миром и создают личное пространство человека, его идентичность, мировоззрение и представления.

Анализ теоретических подходов позволяет говорить, что социальное и личностное пространства – это взаимосвязанные элементы, включающие как субъективные, так и объективные составляющие.

К реальному социальному пространству относятся физическое, географическое и климатическое пространства, определяющие внешние условия нахождения индивида или группы (табл. 1).

Экономическое, политическое и культурное пространства – это также внешние условия, но не физического, а социального характера. Далеко не все и не всегда могут поменять финансовое положение, политические взгляды или культурные особенности того региона, где они проживают. Но при этом это факторы, влияющие на пространственное положение индивида или группы.

Отдельно выделено социальное пространство как таковое. Если в предыдущих пространствах оно является системообразующим, то само по себе оно является мыслимым конструктом, в котором осуществляются соци-

альные отношения людей (по полу, возрасту, статусу, профессии) вне культурного, политического или экономического контекстов. Например, вне идеологической составляющей, определяющей политическое положение в стране, люди, умеющие строить корабли или же лечить, будут востребованы. Данное направление развития социального пространства определяется нацией, языком общения и т. д.

Таблица 1
Составляющие социального и личного пространства

Социальное пространство	Физическое	Личность или Группа	Религиозное	Личное пространство
	Географическое		Моральное	
	Климатическое		Ценностное	
	Экономическое		Мировоззренческое	
	Политическое		Психологическое	
	Культурное			
	Социальное			

Социальное пространство является условием формирования личного пространства. Наличие последнего позволяет говорить о религиозном, моральном, ценностном, мировоззренческом, психологическом пространствах личности или группы. На рис. 1 изображено соотношение личного и социального пространства и времени.

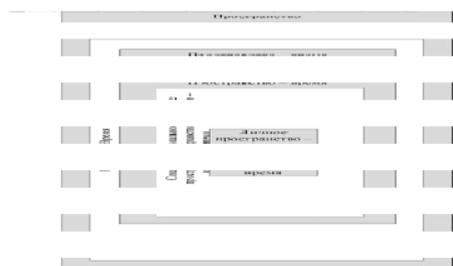

Рис. 1. Соотношение личного и социального пространства и времени

Пересечение разных областей – пересечение полей. Как уже говорилось выше, существуют не вещи, явления, события сами по себе, существует наше отношение или наши представления о

них (о профессии, статусе, времени, пространстве, прошлом-настоящем-будущем, себе, других, стране, истории, бедности и богатстве, квартире, машине и мн. др.).

Сами по себе эти вещи, явления, состояния не существуют. Есть только наша оценка их. Наиболее доступно это можно показать на примере народных пословиц («сколько не имей денег – все равно будет мало» или «там хорошо, где нас нет»).

Объективные процессы строятся на субъективном их восприятии как отдельной личностью, так и целыми группами.

Социальное пространство задается извне, личное пространство формируется благодаря взаимодействию двух начал – желания эмоциональной безопасности, зоны комфорта и индивидуальной интерпретации внешних социальных пространств [17].

Исследование Т. Д. Марцинковской показало высокую роль переживаний в структурировании социального пространства. Автор выявила, что «положительные социальные переживания (отношение к нормам, правилам, эталонам, значимым для социального окружения) не только раздвигают рамки социального пространства, но и стимулируют появление положительных индивидуальных переживаний, способствующих расширению границ личностного пространства.

Отрицательные социальные переживания, хотя и не имеют такого же значения в определении социальных границ, играют не меньшую роль в сужении границ личностного пространства» [12]. Это можно объяснить вытеснением негативных представлений о себе в бессознательное и уменьшением количества параметров, по которым люди оценивают себя негативно или критично.

Изменение (расширение) социального пространства приводит и к изменению рамок личностного пространства, представлений о себе, и временных границ, причем эта взаимосвязь тем выше, чем выше средний уровень интеллекта

как детей, так и уже взрослых людей. Чем больше человек путешествует, осваивает новые виды деятельности, получает новый опыт (интеллектуальный, эмоциональный, тактильный и проч.), тем больше развивается его личное пространство. Меняется пространственно-временное представление о себе или о своей группе. Это позволяет понять не только другие способы жизни, мышления, общения, но и принять себя и поставить новые ориентиры своего будущего.

Таблица 2
Пространство – это ...

	Пространство как явление	Пример
1	Личное явление	Это мой дом. Это моя квартира. Это моя земля
2	Физическое явление	Это способ измерения территории. Это отрезок земли или воды, принадлежащий кому-то. Это Вселенная
3	Социально-культурное явление	Это территория, за которую я несу ответственность. Это место, где я родился. Это место, где мне хотелось бы жить
4	Историческое явление	Это территория, принадлежащая тому или иному государству в разные исторические периоды
5	Географическое явление	Территория, где я живу. Территория, где я бываю. Это территория, имеющая естественные границы в виде лесов, полей, рек, морей и т. д.
6	Политическое явление	Это моя страна. Это моя Родина. Это мое государство
7	Психологическое явление	Это мое сознание. Это мое тело. Это моя душа

Представления о пространстве так же отличаются у представителей различных поколений, как и представления

о времени. Переосмысление пространственного сознания позволяет нам также говорить о скрытых механизмах консолидации общества.

В исследовании преследовалась задача выявить особенности осознания людьми своего социального и личного пространств, их качественных пространственных и временных характеристик¹. В табл. 2 представлена типология пространства как явления, составленная на основе ответов респондентов.

Достаточно схожи представления о пространстве и в близком круге респондентов, что позволяет говорить о том, что если время люди разделяют в оценке – «как я думаю, и как думает кто-то еще», то пространство – более однородная область в определении понятий (табл. 3).

Таблица 3
Высказывания о пространстве в близком круге

Поколение	Высказывания
Условно младшее	Пространство – это то, где ты бываешь, с кем и что там делаешь
Условно среднее	Пространство – это то, где тебе хорошо
Условно старшее	Пространство – это то, что ты можешь назвать своим

Интересен тот факт, что для условно младшего поколения доминирующим фактом является географическая характеристика, для условно среднего поколения – психологическое состояние комфорта и безопасности, для условно старшего поколения – это зона «безопасного обладания».

Это можно объяснить тем, что младшее поколение социализируется в эпоху глобализации и виртуализации, мобильность является эквивалентом успеха. Чем больше пространств ты освоил, тем ты более успешен и больше вероятность быть «своим» в разных группах. Для среднего поколения дина-

¹ Исследование состояло из опроса (640 анкет) и полуструктурированного нарративного интервью (78 человек) и анкетирования (640 анкет).

При обработке данных использовался контент-и дискурс-анализ.

мизм мира чрезмерен, так как их детство и юность пришлись еще на другие темпы социального динамизма, ускорение времени их выматывает и делает беззащитными, менее устойчивыми к переменам, что и заставляет их искать берега стабильности. Среди представителей старшего поколения еще живы те, кто в свою юность и в зрелом возрасте был уверен в своем будущем, но политико-экономические перемены в нашей стране разрушили эту иллюзию. Отсюда тяга к безопасной зоне комфорта (на пространственном уровне), где будут гарантии их благополучия и комфорта в преклонном возрасте. Г.М. Андреева пишет о феномене разрушения средовой идентичности, когда человек не хочет принимать новые территориальные изменения [3]. Территориальность связана и со статусом субъекта. Поскольку статус пожилых людей в обществе на сегодня несколько ниже, чем молодежи, то территориальная ограниченность пенсионеров будет выше.

Весьма показательны высказывания о социальном и личном пространстве (см. табл. 4; 5).

Таблица 4
Высказывания о социальном пространстве

Поколение	Высказывания
Условно младшее	Социальное пространство – это то, что считают общественным. Социальное пространство – это где я могу реализовать себя. Социальное пространство – это то место, где надо соблюдать правила
Условно среднее	Социальное пространство – это круг старых друзей. Социальное пространство – это работа, профессиональная принадлежность. Социальное пространство – это семейные обязательства
Условно старшее	Социальное пространство – это то, что дает нам государство. Социальное пространство – это то, что мы можем сделать для своей семьи. Социальное пространство – это то, что мы еще можем сделать

Данные таблицы показывают, что для условно младшего поколения социальное пространство – это *предписанное* пространство *должного* поведения, где человек может найти «свое место под солнцем» либо быть, как все. Социальное пространство для этого поколения – это сфера возможностей, и основная задача – как можно больше его освоить.

Для условно среднего поколения социальное пространство – это профессиональные и семейные роли, которые обозначены и понятны, и выполнение этих ролей может дать определенные гарантии в будущем (что не останутся одиноки, будут востребованы как специалисты или как друзья). Социальное пространство для среднего поколения – это возможность быть нужным.

Для условно старшего поколения социальное пространство – это готовность отдавать государству, семье, детям и внукам все силы и возможности, лишь бы не быть одинокими.

Таблица 5
Высказывания о личном пространстве

Поколение	Высказывания
Условно младшее	Личное пространство – это и есть моя жизнь, это развлечения. Личное пространство – это общение с друзьями. Личное пространство – это пространство моей комнаты
Условно среднее	Личное пространство – это пространство, когда ты наедине с собой. Личное пространство – это отдых. Личное пространство – это когда ты ничего никому не должен
Условно старшее	Личное пространство – это пространство вне работы. Личное пространство – это нахождение дома. Личное пространство – это хобби

Встает вопрос – почему так происходит? Ответ на него можно увидеть в высказываниях респондентов о личном пространстве. В течение жизни человек редко находится в искреннем диалоге с самим собой. Редко не врет самому

себе, заменяя наполненность личного пространства мнимыми связями из социального пространства. Чем старше, тем больше иллюзий рушится, и тем больше человек убегает от самого себя.

Для условно младшего поколения личное пространство – это сфера, где его не контролируют старшие (родственники, учителя), и где можно самовыразиться.

Для условно среднего поколения личное пространство – это сфера отграничения от социального пространства, где есть обязательства и табу. Личное пространство – пространство внутренней свободы, причем желательно, чтобы никого физически рядом не было, даже членов семьи.

Для условно старшего поколения личное пространство – это также не социальное пространство, но при этом сюда входят члены семьи, дом как физическое и географическое место.

Эти данные показывают неодинаковые особенности восприятия личного пространства разными возрастными группами, вызванные прежде всего возрастными особенностями и опытом социализации.

В предыдущем параграфе было показано, как события влияют на восприятие времени, ниже показано, как события влияют на восприятие пространства.

В основном это приобретение материальных вещей (*дом, квартира, дача, машина, гараж, лодка, скутер* и проч.) – все то, что позволяет показать некий симулякр, значимый для внешнего социального мира, который является свидетельством социального статуса, экономического достатка, политической принадлежности и т. д.

В ответах респондентов практически не было «событий», указывающих на личное пространство. Хотя косвенно можно отнести к нему ответы, касающиеся «приобретения квартиры, чтобы быть независимым от родителей», «покупки машины для жены, чтобы не зависеть от ее расписания» и т. д.

Наличие своего жилья является критерием для всех поколений в обладании

своим пространством. Чем старше респондент, тем больше вероятность, что оно у него есть, поэтому как актуальное событие уже не воспринимается; чем моложе, тем больше вероятности, что будут приложены все силы для его приобретения.

Наличие машины как символа социального пространства и одновременно личного статуса – в два раза важнее для условно младшего и среднего поколений, для условно старшего поколения машина менее значима.

Дача как собственное пространство не актуальна для молодежи, но чем старше респондент, тем больше потребности в обладании данным пространством он испытывает.

Та же тенденция прослеживается и с гаражом.

Приобретение яхты как символа социального положения назвала небольшая часть младшего и среднего поколения, среди старшего поколения таких вообще не нашлось. Это можно объяснить данью моде, западными фильмами о респектабельной жизни. Яхта является символом успеха и социального признания на Западе, в нашей стране пока это не столь очевидно (возможно, из-за ограниченности ее использования из-за природных условий), но при этом как элемент успеха она уже появилась в сознании россиян.

Мотоцикл является личным пространством для небольшого количества молодежи и еще меньшего количества людей среднего возраста.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что реализация событий через приобретение своего пространства является значимым приоритетом в жизненных целях всех поколений. Возможность приобретения его дает шансы для интеграции общества. И усложнение системы получения материальных символов собственного личного и социального пространства, наоборот, разобщает социум, делает его разорванным и аморфным.

Это позволяет говорить о том, что пространство задает некие рамки реализации событий. Если время дает возможность их реализации, то пространство задает конкретные условия этой реализации.

Но стоит сразу оговориться, что если освоение пространства через приобретение материальных символов у условно старшего и среднего поколений происходило поэтапно, в течение всей жизни, то условно младшее поколение не хочет откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Потребительское кредитование, ипотека дали возможность приобретения квартир, машин и прочих вещей сейчас, тем самым нивелируя их ценность как цель, переводя их в ценность-средство или условие для жизни [18].

Интересным является анализ концептуальных метафор, которыми оперировали респонденты, давая характеристику пространства. Метафора – это способ познания мира. Метафорический образ – это система закодированных знаков, объединяющая каждое поколение. Концептуальная метафора способствует более полному уяснению сущности культурной модели, приводит к появлению логических следований и сложных умозаключений. Следует отметить, что концептуальные метафоры возникают в рамках общепринятой системы ценностей, опираются на традиционные для данного общества понятия и правила.

Сила концептуальных метафор заключается в их постоянном бессознательном использовании: «все, на чем

мы основываемся постоянно, неосознанно и автоматически, настолько сжилось с нами, стало частью нас самих, что мы не можем этому противостоять часто просто потому, что это проходит незамеченным». Характерной чертой метафор является то, что они не исчезают, но остаются в человеческом сознании. Логические следствия их действия проявляются в особенностях нашего понимания мира. Кроме того, концептуальные метафоры системны.

Согласно нашей точке зрения, актуальной и перспективной является моделирующая или схематизирующая функция метафоры (функция создания определенной картины мира), представляющая собой комплексное функциональное явление, в котором реализуются и когнитивная, и номинативная, и инструментальная, и прагматическая функции. Язык является инструментом концептуализации мира человеком. Сравнивая метафоры поколений наглядно видно символическую трансформацию мировоззрения.

При анализе концептуальных метафор пространства заметны отличия в их употреблении у разных поколений. Нами были выделены два типа – пространство как живое существо и пространство как неживой объект. Надо сказать, что количественно метафор второй группы было больше в 4 раза у всех поколений (2 502 метафоры), чем первой группы (717 метафор). На рис. 2 распределение ответов видно более наглядно.

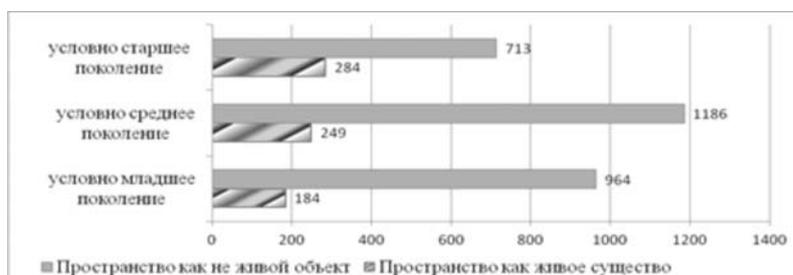

Рис. 2. Восприятие пространства как живого и неживого объекта представителями трех условных поколений

Таблица 6
 Концептуальные метафоры пространства в среде разных поколений

	Условно младшее поколение		Условно среднее поколение		Условно старшее поколение	
Пространство как живое существо (717 метафор)						
Символические метафоры	«Слышать пространство», «чувствовать пространство»	62	«Пространство жизни»	32	«Магнит пространства горизонта»	36
Пространство – высшее существо	«Голос мира»	6	«Тело мира»	5	«Разум мира»	8
Пространство – участник конфликта	«Пространство лечит»	54	«Разрушать пространство», «пространство разрушает»	124	«Спасать пространство», «отстаивать пространство»	138
Пространство – движущаяся сущность	«Течение пространства», «нить пространства»	62	«Терять контроль над пространством», «изменение пространства»	88	«Освоение пространства», «утрата пространства», «сжатие пространства»	102
Итого	184		249		284	
Пространство как неживые объекты (2 502 метафоры)						
Пространство – сфера	«Пространство досуга», «пространство развлечений», «пространство кайфа»	233	«Пространство отдыха», «пространство релаксации»	175	«Рабочее пространство»	134
Пространство вещей	«Пространство машины», «пространство квартиры», «пространство дачи», «пространство одежды и аксессуаров»	209	«Пространство моего дома», «пространство моей машины»	186	«Пространство моей квартиры», «пространство моей дачи»	155
География пространства	«Пространство других стран» (Турции, Греции, Таиланда, Испании и проч.), «пространство интернета»	309	«Пространство дома», «пространство страны», «пространство края»	176	«Пространство государства», «пространство региона»	152
Идеология пространства	«Пространство машины», «пространство квартиры», «пространство досуга»	109	«Пространство Родины», «пространство отчизны»	182	«великая держава», «великая империя»	164
Психология пространства	«Пространство личности», «мое пространство», «пространство друзей»	104	«Пространство эмоций», «Пространство переживаний»	106	«Пространство дома», «пространство близких людей»	108
Итого	964		1186		713	

Как видно из рис. 2, условно среднее поколение, выросшее во времена атеизма и рационального восприятия жизни, пространство в большей мере воспринимает как неживой объект (практически в два раза чаще, чем условно старшее поколение). Интересным является тот факт, что пространство как живое существо в большей мере воспринимают представители условно старшего поколения, по убыванию – все остальные поколения. Вероятно, это объясняется переоценкой ценностей, своей жизни и восприятием того, что их ждет в будущем. В табл. 6 более подробно рассмотрены метафоры каждого поколения.

Рассмотрим оценки пространства как живого существа.

Символические метафоры преобладают у условно младшего поколения. У этого поколения они построены на интуитивном понимании и осознании пространства (его надо чувствовать, слышать, понимать). У условно среднего поколения символическое понимание пространства приобретает философско-конкретный контекст (пространство жизни). Тогда как у условно старшего поколения символическое понимание пространства имеет четкие ориентиры (горизонт), возможно, это вызвано романтикой былой юности, когда покорение пространства связывалось с освоением новых земель, переездом на новые места.

Пространство как высшее существо всеми поколениями понимается приблизительно в одном ключе, как «голос мира», «тело мира», «разум мира», и наименее представлено в ответах респондентов. Данное понимание пространства оторвано от рационального и социально одобряемого восприятия окружающего мира; респонденты, осознавая это, нечасто давали подобные характеристики.

Пространство как участник конфликта наиболее часто упоминалось в контексте живого существа. Для условно старшего поколения пространство надо *спасать и отстаивать* –

накладывает отпечаток участие СССР и России в войнах XX в. Пространство – это то, за что *ведется борьба*. Для условно среднего поколения пространство как участника конфликта надо *либо разрушать, либо оно само разрушает*, – так же видно влияние социально-политических изменений конца XX в. в России и странах СНГ. Для условно младшего поколения, пространство как участник конфликта трактуется наиболее миролюбиво – *пространство лечит*. Это можно объяснить тем, что молодые люди социализировались уже в новой стране, и для них последствия конфликта вылились в экономические трудности и восстановление, а не фактическое участие в борьбе за пространство. Мы можем говорить о том, что пространство как участник конфликта существенно изменили свой контекст от старшего к младшему поколению.

Пространство как движущаяся сущность рассматривается каждым поколением неодинаково. Для условно младшего поколения – это *течение пространства, нить пространства*, принятие или непринятие. Данное восприятие пространства наименее затрагивает экономико-политические реалии, в большей мере оно строится на интуитивно-личностном восприятии происходящих процессов. Для условно среднего поколения – это *потеря контроля над пространством, изменение пространства* – выражение страха и ужаса, распространяющегося на всю жизнь. Пространство – становится статусом, который мы можем предъявить, где мы были, что мы делали, что мы можем считать своим. Данный контекст еще более отчетливо будет прослежен в неживых характеристиках пространства, но уже тут четко видна зависимость личности от пространства и в связи с этим страх его потерять. Для условно старшего поколения движущаяся сущность пространства выражается в его *освоении*. Освоение пространства – это тот лозунг, под которым прошло детство и юность нынешнего старшего поколения, для них пространство – это

сфера героизма и покорения, освоения и присвоения. Отсюда и страх утраты пространства, который связан с пониманием бессмысленности или ненужности того, чему была посвящена их жизнь. Он еще более резко проявляется у представителей этого поколения, нежели чем у представителей условно среднего поколения. Утрата смысла жизни, идеалов и идиологов из-за изменения социально-политической ситуации способна уничтожить ценностные основы поколения и разобщить его как группу.

Пространство как неживой объект наиболее часто упоминалось нашими респондентами.

Пространство как сфера упоминалось достаточно часто. Для условно младшего поколения это пространство *развлечений, досуга, кайфа*, т. е. всего того, что они могут получить, уходя от контроля и запретов старших поколений. Это пространство для них до определенного времени было запретным, сейчас оно воспринимается как одна из самых важных сфер владения. Для условно среднего поколения, казалось бы, достаточно близкое понимание пространства как сферы, но при этом по смыслу чуть ли не прямо противоположное, чем у более молодого поколения, для них это пространство *отдых и релаксации*. Если молодое поколение *досуг* воспринимает как *одно из обязательных условий жизни*, то для условно среднего поколения это *возможность переключения*, возможность, которой они не всегда могут воспользоваться. Для этого поколения пространство как сфера отдыха – это награда, которую не все и не всегда могут получить. Для условно старшего поколения пространство как сфера трактуется как *рабочее пространство*. Другие поколения об этом даже не упоминали. Для старшего поколения в рабочем пространстве ты можешь *быть кем-то*, ты можешь просто БЫТЬ. Условно среднее и младшее поколения находят и другие сферы, где ты можешь БЫТЬ. Возможно, на данную оценку повлияла идеология советского

человека. Для чего рождается человек на свет? Для того чтобы служить Родине словом и делом. Старшее поколение живет в этом убеждении.

Пространство вещей также стало довольно символическим показателем восприятия пространства каждым поколением. Наиболее часто о пространстве в этом контексте говорило условно младшее поколение. Для них пространство формируется в *квартире, машине, даче* и иных материальных символах, но также они говорили и об *одежде*. Причем часто упоминали количественный эквивалент – *«две машины»*, *«две квартиры»*, *«два дома»*. Тогда как представители условно среднего поколения также часто говорили о пространстве дома, но он у них один, или о машине, которая также одна. Для условно среднего поколения важно наличие самой вещи, характеризующей пространство, с акцентом на собственную принадлежность (*«мое»*), для условно младшего количество или регулярность обладания вещами показывает качество использования пространства. Для условно старшего поколения также важно наличие *своего* жилья, которое является формой независимости.

Философия потребительства перешла и в сферу пространства. Если для условно старшего и среднего поколений пространство вещей (квартир, машин) – это символ и способ себя обезопасить, то для условно младшего поколения – это символ о себе заявить, символ себя показать.

Также интересным является восприятие географии пространства. Если для условно старшего и среднего поколений – это пространство страны, государства, региона, края (ключевым является географический ориентир), то для условно младшего поколения география пространства расширяется до других стран либо пространства интернета, благодаря которому они также могут побывать где захотят. Более молодое поколение мыслит более глобально, и география пространства у них выходит за

обычные представления климатогеографического восприятия. Это говорит об ином способе восприятия себя в пространстве, оценке других и перспективах развития.

Восприятие идеологии пространства также отличается у трех условных поколений. Для условно младшего поколения это конкретные символы, которые позволяют им самоутвердиться в своих глазах и глазах ближайшего окружения (*пространство машины, квартиры, пространство досуга*). Для условно среднего поколения идеология пространства выражается в патриотическом восприятии пространства *Родины и Отчизны*. Для условно старшего поколения идеология пространства выражается в высших ценностях, которые были в нашей стране когда-то и которые хотелось бы вновь возродить (*великая держава, великая империя*). Иными словами, для условно младшего поколения идеология пространства – это то, как ТЫ себя позиционируешь в пространстве, для условно среднего поколения – как относишься к Родине, для условно старшего поколения – как вернуть былую мощь государству, чтобы вновь его увидеть великим. Изменение смысла и содержания идеологии пространства меняет принципы консолидации разных поколений.

Не менее интересна оценка психологии пространства разными поколениями, так как это показывает, какие психоэмоциональные особенности связывают людей одного поколения. Для условно младшего поколения важны *«пространство личности»*, *«мое пространство»*, *«пространство друзей»* – то, где ты можешь быть собой, где есть люди, которые тебя понимают и принимают таким, какой ты есть. Для условно среднего поколения психология пространства выражается в *«пространстве эмоций»*, *«пространстве переживаний»* – личном внутреннем мире, который для большинства людей закрыт. Для условно старшего поколения психология пространства – это

«пространство дома», *«пространство близких людей»* – т. е. та зона комфорта, в которую никого не пускают, где человек может себя чувствовать в безопасности.

Разные формы психологии пространства объединены в общий контекст страха окружающего мира. Некое свое пространство их защищает, для каждого поколения эта защита своя, но угроза общая. Страх перед неизвестностью выражается и в оценке пространства как сферы и области развития и самовыражения индивида и поколения.

Влияние пространства у трех условных поколений неодинаково. На макроуровне (исторические перипетии), на микроуровне (повседневный ритм) и на мезоуровне (внутреннее пространство) оно зависит от пересечения социального и личного пространства (табл. 7).

Таблица 7
Пространство и события в жизни человека

Уровни событий	Сами события среди разных поколений		
	Условно младшее поколение	Условно среднее поколение	Условно старшее Поколение
Макроуровень	Жить независимо от родителей	Возможность заработать больше денег/построить карьеру в другой стране	Бегство от военных действий
Микроуровень	Возможность путешествовать	Возможность переехать в другой город	Возможность вернуться на родину (зачастую страны СНГ)
Мезоуровень	Открывать новые интересные места	Найти «свое» пространство (страну, город, дом)	Быть ближе к корням (родственникам)

Как видно из таблицы, основные важные события, связанные с изменением пространства, – это переезд в другую страну, город или квартиру, обобщая независимость от других членов семьи.

Можно сказать, что поколение, которому принадлежит будущее, стало индивидуалистично, старшее поколение,

которому были присущи коллективистские тенденции, уходит. В ближайшие 15–20 лет мы вернемся к родовым и индивидуальным успехам и нас меньше будет интересовать коллективные успехи. Хотя усилятся важность принадлежности к корпорациям, и именно в этом будет проявляться национальный менталитет. На уровне пространственно-временной ориентации мы перейдем к управлению личностным и социальным временем с позиции важности и нужности корпорациям, а не самим людям или поколениям.

Литература

1. Абульханова К. А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психол. журн. 1999. № 5. С. 5–14.
2. Абульханова-Славская К. А. Состояние современной психологии: субъективная парадигма // Предмет и метод психологии: Антология / под ред. Е. Б. Старовойтенко. М. : Акад. проект : Гаудеамус, 2005. С. 428–450.
3. Андреева Г. М. Психология социального познания. М. : Аспект Пресс. 2006. С. 204.
4. Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 40–46.
5. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб. : Алетейя, 2005. С. 103.
6. Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психол. журн. 1997. Т. 18, № 2. С. 58–78.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011. С. 89.
8. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопр. психологии. 1994. № 3. С. 43–52.
9. Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 1. Философия культуры. М. : Юрист, 1996. С. 90.
10. Ковалев В. И. Категория времени в психологии (личностный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л. И. Анцыферовой. М. : Наука, 1988. С. 216–230.
11. Левин К. Динамическая психология. Избранные труды. М. : Смысл, 2001. С. 131.
12. Марцинковская Т. Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ [Электронный ресурс] // Психол. исслед. 2013. Т. 6, № 30. С. 12. URL: <http://psystudy.ru>.
13. Муладжанова Т. Н., Николаева В. В. Изменение временной ориентации личности в ситуации хронического стресса, вызванного тяжелым заболеванием // Неврология и психиатрия. Киев: Здоровье. 1986. Вып. 15. С. 14–17.
14. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений : монография . – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 144 с.
15. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.
16. Полюшкевич О. А. Критерии взаимодействия жизненного мира и качества жизни // Социология. 2008. № 4. С. 208–221.
17. Полюшкевич О. А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
18. Россияне предпочитают потреблять, а не накапливать [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130204133252.shtml> (дата обращения: 14.09.2014)
19. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общества. СПб. : Рус. христиан. гуманитар. институт, 2000. С. 56.
20. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002. С. 134.
21. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). М. : Росспэн, 1996. С. 14.
22. Фрейзер Дж. Золотая ветвь. М. : АСТ, 1998. 782 с.

23. Хейдментс М. Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях // Человек, среда, пространство: исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. Тарту : ТГУ, 1979. С. 129–161.

24. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 65.

25. Эмиграция путинской эпохи: от чего хотят бежать россияне? [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/10-06-2013/emigratsiya-putinskoi-epokhi-ot-chego-khotyat-bezhat-rossiyane>.

26. Hall E. T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg : Grunder & Jahr, 1985. P. 102.

Generational social and personal space

Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

The article discusses theoretical issues of studying the role and place in human life, reveals the socio-cultural and historical background of the socio-psychological perception of space. The results of an empirical study of subjective perception of space by representatives of various generations are analyzed.

Keywords: social space, personal space, generations, resources, social relations, ideas

References

1. Abulkhanova KA Russian problem of freedom, loneliness and humility // Psychol. zhurn. 1999. No. 5. P. 5–14.
2. Abulkhanova-Slavskaya KA State of modern psychology: a subjective paradigm // Subject and method of psychology: Anthology / ed. E. B. Starovoitenko. M.: Acad. project: Gaudeamus, 2005. P. 428–450.
3. Andreeva GM Psychology of social cognition. M.: Aspect Press, 2006. S. 204.
4. Belinskaya EP Temporal aspects of the self-concept and identity // World of psychology. 1999. No. 3. P. 40–46.
5. Bourdieu P. Social space: fields and practices. SPb. : Aletya, 2005. S. 103.
6. Vasil'eva Yu. A. Features of the semantic sphere of personality in violation of social regulation of behavior // Psikhol. zhurn. 1997. T. 18, No. 2. S. 58–78.
7. Giddens E. Consequences of modernity. M.: Praxis, 2011. S. 89.
8. Ginzburg MR Psychological content of personal self-determination // Vopr. psychology. 1994. No. 3. S. 43–52.

9. Simmel G. Favorites. In 2 volumes. V. 1. Philosophy of culture. M.: Jurist, 1996. S. 90.
10. Kovalev VI The category of time in psychology (personal aspect) // Categories of materialistic dialectics in psychology / ed. L. I. Antsyferova. Moscow: Nauka, 1988. S. 216–230.
11. Levin K. Dynamic psychology. Selected Works. M.: Smysl, 2001. S. 131.
12. Martsinkovskaya TD Social space: theoretical and empirical analysis [Electronic resource] // Psychol. issled. 2013. T. 6, No. 30. S. 12. URL: <http://psystudy.ru>.
13. Muladzhanova T.N., Nikolaeva V.V. Changing the temporal orientation of a person in a situation of chronic stress caused by a serious illness // Neurology and Psychiatry. Kiev: Health. 1986. Issue. 15, pp. 14–17.
14. Polyushkevich OA Solidarity of generations: monograph. - Irkutsk: Izd-vo ISU, 2014. 144 p.
15. Polyushkevich OA Sociocultural solidarity: monograph. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2011. 221 p.
16. Polyushkevich OA Criteria for the interaction of the world of life and the quality of life // Sociology. 2008. No. 4. P. 208–221.
17. Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // Sociology. 2019. No. 3. P. 88–92.
18. Russians prefer to consume rather than accumulate [Electronic resource] / VTsIOM. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130204133252.shtml> (date accessed: 14.09.2014)
19. Sorokin P. Social and cultural dynamics: a study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and society. SPb. : Rus. Christian. humanitarian. Institute, 2000. S. 56.
20. Tennis F. Community and society. Basic concepts of pure sociology. SPb. : Vladimir Dal, 2002. S. 134.
21. Field D. History of mentality in foreign historical literature // Mentality and agrarian development of Russia (XIX – XX). M.: Rosspen, 1996. S. 14.
22. Fraser J. Golden Branch. M.: AST, 1998. 782 p.
23. Haydments M. Review of research on the spatial factor in interpersonal relations // Man, environment, space: research on the psychological problems of the spatial-subject environment. Tartu: TSU, 1979. pp. 129–161.
24. Shtompka P. Sociology of social change. M.: Aspect Press, 1996. S. 65.
25. Emigration of the Putin era: what do Russians want to flee from? [Electronic resource] URL: <http://www.levada.ru/10-06-2013/emigratsiya-putinskoi-epokhi-ot-chego-khotyat-bezhat-rossiyane>.
26. Hall E. T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1985. P. 102.

Влияние демографической саморегуляции на воспроизводство и миграцию населения

Синельников Александр Борисович
доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, sineika@mail.ru.

Согласно концепции демографической саморегуляции, население – это автономная подсистема общества, которая сама приводит свой размер (численность жителей) в соответствие с экономической и экологической ситуацией. По мнению автора, саморегуляция может остановить рост населения, вызванный высокой рождаемостью или иммиграцией. Однако не существует никакой саморегуляции для защиты от естественной убыли населения (депопуляции) или от массовой эмиграции. Эти проблемы могут быть решены лишь с помощью демографической политики.

Ключевые слова: демографическая саморегуляция, население, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, депопуляция, миграция, иммиграция, эмиграция, демографическая политика.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» №18-011-01037.

Прошло уже два столетия с тех пор, как Томас Роберт Мальтус – единственный демограф, имя которого известно всему миру, написал книгу о связи между динамикой численности населения с изменениями условий его жизни [14]. На этой же идее основан курс лекций А.Г. Вишневского «Демографическая история и демографическая теория», вышедший в свет в 2019 г. [1]. Подобно Мальтусу, А.Г. Вишневский считает, что стихийно сложившийся механизм демографической саморегуляции тормозит рост населения, если его численность становится чрезмерной по сравнению с количеством средств существования (продуктов питания и других предметов первой необходимости). У низших, т.е. самых бедных социальных групп населения из-за хронического недоедания ослабевает сопротивляемость инфекционным и другим заболеваниям. Это приводит к эпидемиям, которые влекут за собой катастрофическое повышение смертности. Из-за этого численность населения сокращается и вновь приходит в соответствие с количеством средствами существования. Демографическая и экономическая ситуация нормализуются, но через некоторое время естественный прирост опять нарушает баланс, что, в свою очередь приводит к новым эпидемиям, т.е. к повторению цикла. Разумеется, количество средств существования может расти, как за счет освоения новых земель, (во времена Мальтуса европейские колонисты заселяли огромные территории в Северной Америке), так и из-за повышения урожайности в сельском хозяйстве и производительности труда в промышленности. Но, по мнению Мальтуса [14] и А.Г. Вишневского [1, с. 44], все это было (и остается) лишь временным решением проблемы, поскольку поднимает, но не отменяет «потолок» демографического роста, а превышение этого «потолка»

вновь вызывает необходимость в демографической саморегуляции.

До XVIII столетия главным механизмом саморегуляции была смертность. Ее уровень резко повышался в годы неурожаев, эпидемий и войн, которые тоже часто сопровождались эпидемиями. Мальтус считал эту саморегуляцию бесчеловечной и предлагал более гуманный путь – ограничение брачности и рождаемости. Но он был протестантским священником и поэтому выступал против известных в то время средств и методов контрацепции. С ортодоксально-религиозной точки зрения сексуальные отношения признавались допустимыми только в рамках законного брака и лишь ради продолжения рода. Иначе они считались греховными. Настаивая, чтобы в брак вступали только мужчины, способные материально обеспечить семью, и женщины, имеющие достаточное для нормальной жизни приданое, Мальтус не предлагал ничего принципиально нового. Он просто выступал за более строгое соблюдение неформальных социальных норм, т.е. неписаных законов, которые тогда действовали не только в его родной Англии, но и во всей Западной Европе.

В XVIII столетии условия жизни европейцев улучшились. Крестьяне стали выращивать картофель, менее подверженный неурожаю, чем зерновые культуры. Это спасало от голода. Борьба с эпидемиями стала более эффективной благодаря карантинам и оспопрививанию. Уровень смертности понизился, но рождаемость по-прежнему оставалась высокой. Из-за этого ускорился рост населения и стало намного больше семей, где не только родились, но и дожили до совершеннолетия несколько сыновей и (или) дочерей, претендующих на наследство. А.Г. Вишневский приводит слова Вольтера: «Большинство отцов семейств опасаются иметь много детей, тогда как правительства хотят умножения народа» [1, с. 171]. Это противоречие существует до сих пор, причем не только тогда, когда речь идет

о росте численности населения из-за повышения рождаемости, но и тогда, когда население увеличивается за счет иммиграции.

Французский демограф Альфред Сови отмечал, что, «как правило, любая иммиграция в страну с достаточно стабильными условиями приводит к некоторым нарушениям равновесия и отчасти вызывает сопротивление» [8, с. 345].

Об отношении населения к иммигрантам можно судить по данным Европейского социального исследования (European Social Survey – ESS). ESS – это академический проект, целью которого является попытка описать и объяснить взаимосвязь между изменениями, которые сегодня происходят в социальных институтах Европы, и установками, верованиями и ценностями, а также поведением различных групп населения. Инфраструктура проекта финансируется Европейским научным фондом, а конкретная реализация обеспечивается научными фондами и институтами в каждой из стран-участниц. По результатам исследования можно судить о том, насколько далеко зашел процесс общеевропейской интеграции в каждой из стран-участниц.

Исследование повторяется каждые два года. Первый раунд был проведен в 2002 г., последний (на данный момент), девятый раунд – в 2018 г. Россия приняла участие во всех раундах исследования с 2006 г. (3-й раунд) по 2018 г. (9-й раунд). Многие страны – участницы проекта ESS пропустили некоторые раунды. Общее число анкет в каждой стране за один раунд – от 700 до 3000, в том числе в России – около 2500. Анкеты заполнялись методом интервьюирования.

Подробная информация об этом исследовании на английском языке есть на сайте: www.europeansocialsurvey.org. На территории Российской Федерации исследование проводилось Институтом сравнительных социальных исследова-

ний (www.cessi.ru). С анкетой на русском языке можно познакомиться на сайте www.ess-ru.ru. Координатор проекта от российской стороны – А.В. Андреев. База данных ESS на английском языке опубликована на сайте: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview> и доступна для всех зарегистрированных пользователей с возможностью построения таблиц в программе SPSS в режиме он-лайн даже если на компьютере пользователя этой программы нет – она есть на самом сайте. База данных на русском языке опубликована на сайте <http://ess-ru.ru>. Эту базу данных также можно использовать для построения таблиц и графиков после регистрации на сайте.

Анкета ESS содержит вопросы о том, в какой стране родился сам респондент, а также его отец и мать, а также о том, следует ли допускать в страну иммигрантов и каких именно.

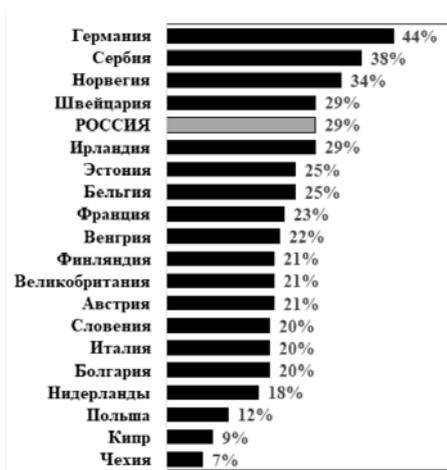

Рисунок 1. Доля лиц, считающих, что следует позволить МНОГИМ людям той же расы или национальности, что и большинство населения, переезжать жить в нашу страну?», 2018 г.

Источник: Рассчитано по базе микроданных ESS-2018.

Данные ESS показывают, что далеко не все население согласно принимать даже тех иммигрантов и репатриантов,

которые принадлежат к той же национальности, что и большинство жителей страны. В 2018 г. лишь 29% российских респондентов считали, что следует допускать в Россию много русских из других государств. Остальные, по-видимому, не рады соотечественникам, которые возвращаются в Россию из «ближнего зарубежья», когда этих репатриантов много. Отношение к ним напоминает отношение так называемых коренных москвичей в советское время к т.н. «лимитчикам» и прочим выходцам из других регионов России. Однако россияне не так уж сильно отличаются от англичан, французов, итальянцев и жителей других стран. Наиболее толерантны в этом вопросе жители Германии. Но и среди них сторонники массового приема «своих» иммигрантов и репатриантов (включая советских и российских немцев) составляют лишь 44%, т.е. находятся в явном меньшинстве.

Значительно хуже отношение к выходцам из бедных неевропейских стран (а из богатых стран мало кто уезжает). Их происхождение заметно по чертам лица, цвету кожи, волос и глаз даже тогда, когда они говорят на языке страны прибытия без акцента. Еще важнее отличия в религиозной принадлежности, обычаях, традициях и образе жизни. Это касается не только самих иммигрантов, но во многих случаях также их детей и внуков.

Лишь 10% россиян готовы позволить многим людям из бедных неевропейских стран поселиться в нашей стране. Однако среди жителей бывших социалистических стран (Польша, Чехия, Венгрия, Болгария), еще меньше людей (от 1 до 6%), которые желают пускать в свои страны массы азиатских и африканских переселенцев. Считаясь с настроением своих граждан, правительства этих стран сопротивляются давлению властей Евросоюза, навязывающих им квоты на прием определенного количества беженцев. Но и сами беженцы хотят жить только в Западной Европе, где можно получать весомые социальные пособия.

Совместимо ли с принципами гуманизма и демократии, которые декларирует Европейский Союз, принудительное направление этих людей в страны, где они не хотят селиться, а власти и подавляющее большинство жителей не желают их принимать?

В Западной Европе отношение к выходцам из бедных азиатских и африканских стран более толерантное, но на их массовый прием согласна только небольшая часть населения (в Англии, Франции и Италии – по 16%, в Германии – 21%. В других странах «старой» капиталистической Западной Европы, этот процент колеблется от 9-10% в Австрии (тот же уровень толерантности, что в России) до 26% в наиболее толерантной в этом вопросе Норвегии. Допуская на свою территорию большие массы выходцев из азиатских и африканских стран руководство ЕС и правительства западноевропейских государств игнорируют волю большинства своих граждан.

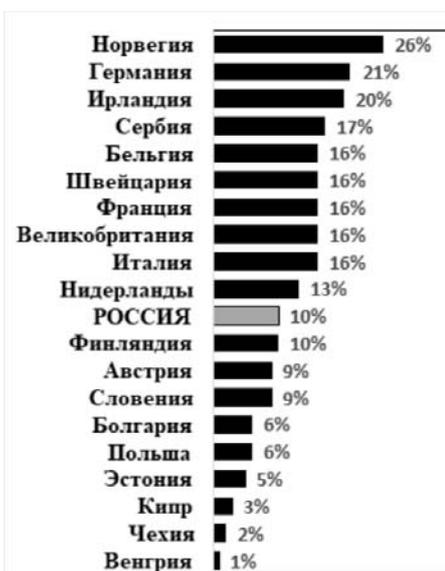

Рисунок 2. Доля лиц, считающих, что следует позволить МНОГИМ людям из более бедных стран за пределами Европы переехать жить в нашу страну?, 2018 г.
Источник: Рассчитано по базе микроданных ESS-2018.

Весьма распространено мнение о том, что прибытие новых иммигрантов приводит к росту преступности, повышению цен на жилье, усилению конкуренции на рынке труда, снижению уровня заработной платы и увеличению риска потери работы для местных уроженцев. Иммигранты согласны работать за очень низкую плату. Поэтому работодатели предпочитают нанимать их, а не коренных жителей. Из-за этого многие граждане стран, в которые прибывают массы иммигрантов, желают (а нередко и требуют) ограничить иммиграцию [6, с. 3].

Даже США, т.е. государство, возникшее в результате иммиграции, давно не является «страной иммигрантов», которой ее считают во всем мире. Еще в XIX веке ранее прибывшие переселенцы, а также их потомки, родившиеся уже в США и считавшие себя «урожденными американцами», опасаясь конкуренции со стороны новых иммигрантов, создавали общественные организации и группы лоббирования, вносившие законопроекты об ограничении въезда в страну. Антииммиграционные настроения в американском обществе резко усилились после Первой мировой войны, когда началась новая волна иммиграции из разоренной Европы. В это время страна была уже плотно заселена, свободных земель, пригодных для сельского хозяйства, нигде не осталось, все большие города были переполнены иммигрантами, а численность населения США по данным переписи 1920 года превысила психологический барьер в 100 миллионов. Поэтому в 1921 г. были введены жесткие количественные квоты на въезд и качественные требования к иммигрантам. Впоследствии эти правила неоднократно корректировались, но никогда не отменялись полностью [2]. Уже в течение целого столетия иммиграция в эту страну строго ограничена. Даже туристическую визу дают далеко не всем желающим.

Кроме легальной иммиграции, существует и нелегальная. Отношение к ней

раскололо американское общество. Одним из главных факторов победы Дональда Трампа на президентских выборах в 2016 году, было его обещание достроить до конца стену вдоль границы с Мексикой чтобы пресечь массовую нелегальную иммиграцию латиноамериканцев в США. Это принесло Трампу голоса миллионов избирателей. Одни из них потеряли свои рабочие места, занятые иммигрантами. Другие опасались того, что могут лишиться работы, которую иммигранты согласны выполнять за гораздо меньшие деньги, либо того, что им придется согласиться на резкое сокращение своей зарплаты, чтобы не быть уволенными.

Став президентом, Трамп действительно начал бороться с нелегальной иммиграцией. Кроме того, он выполнил и другое свое предвыборное обещание – с помощью протекционистских пошлин добился возвращения на территорию США ряда промышленных предприятий, принадлежащих американским фирмам и компаниям, но находившихся в Китае и других азиатских странах. В результате безработица в США сократилась до минимального за последние полвека уровня. Это «экономическое чудо» продолжалось до пандемии коронавируса, из-за которой многие миллионы американцев вновь остались без работы.

Однако у политики Трампа (в том числе и миграционной) есть не меньше противников, чем сторонников. Либерально настроенные студенты и профессора, журналисты и другие работники СМИ, прочие интеллектуалы и представители многих других профессий, которые не опасаются конкуренции со стороны неквалифицированных и малообразованных выходцев из Латинской Америки, стали поддерживать нелегальных иммигрантов, несмотря на то, что последние нарушают американское законодательство, въезжая в США и работая в этой стране без официального разрешения.

Нечто подобное происходит и в странах Западной Европы, которые

тоже сталкиваются с проблемой иммиграции – как легальной, так и нелегальной. Либеральная правящая элита допускает в свои страны миллионы иммигрантов из стран Азии и Африки. Многие из них не могут и(или) не хотят интегрироваться в культурно чуждый им европейский социум, не принимают т.н. «общечеловеческие» (а на самом деле западные) ценности», живут обособленно в отдельных кварталах, заключают браки главным образом между собой, выписывают невест для своих сыновей с прежней родины и продолжают соблюдать социальные нормы поведения, принятые в тех странах, откуда они прибыли. Некоторые из этих норм, касающихся положения женщин (гендерное неравенство), внутрисемейных отношений, устройства браков родителями и ряда других вопросов, несовместимы с социальными нормами, принятыми среди коренного населения. Разумеется, это препятствует их интеграции в принимающее общество. Однако многие из них и не стремятся к этому, а создают свое параллельное общество, живущее по собственным законам и обычаям. Принадлежность к этому обществу часто передается по наследству детям и даже внукам иммигрантов, родившимся уже в Европе, которые считают себя принадлежащими к дискриминируемым группам населения не реже, чем их отцы и деды [7].

Во все времена считалось, что для успешной интеграции в принимающее общество иммигранты должны соблюдать все его формальные и неформальные социальные нормы, т.е. писанные и неписанные законы, и, соответственно, отказаться от несовместимых с ними социальных норм, принятых в странах исхода.

Однако на основании идей мультикультурализма и толерантности западноевропейский истеблишмент фактически отменил правило «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Самое понятие интеграции было пересмотрено и стало трактоваться как ВЗАИМНОЕ приспособление иммигрантов и коренных жителей друг к другу. Но

многим из иммигрантов даже это показалось недостаточным. Они отвергли принцип взаимности и стали диктовать принимающему обществу свою волю, например, требовать убрать скульптурные фигуры распятия из школьных классов в Италии и некоторых других странах, поскольку вид этих изображений оскорбляет их религиозные чувства. В последнее время их отношение к странам, где они живут, выразилось также в сносе или попытках сноса памятников историческим деятелям, которые имели рабов или получали доходы от работорговли в США (это касалось даже Джорджа Вашингтона и других президентов, правивших страной до отмены рабства), либо были причастны к колониальной политике стран Западной Европы, где объектом гнева демонстрантов стали даже статуи национальных символов, включая Уинстона Черчилля и английскую королеву Викторию.

Массовый снос памятников виднейшим историческим деятелям может иметь место только во время революции, направленной на ниспровержение всех основ. То, что в этом протестном общественном движении в США участвуют не только темнокожие, но и белые, а в Западной Европе – не только иммигранты, но и коренные жители, не удивительно. Во Французской революции конца XVIII века и в русских революциях 1905 и 1917 годов принимали активнейшее участие (в том числе и в качестве лидеров) многие выходцы из дворянских и других богатых семей. Они по идейным соображениям поднимали низы общества на восстания против социальной элиты, из которой сами происходили. В итоге многие из них стали жертвами своих прежних соратников по революционной борьбе, которые «вышли из простого народа».

Нарушение общественного порядка вызывает противодействие. Хотя далеко не все эмигранты поддерживают снос памятников, те из них, которые причастны к этому, вольно или способны росту популярности и электо-

ральной поддержки националистических партий, выступающих против иммиграции.

Задолго до компании по демонтажу памятников британское правительство было вынуждено подчиниться воле большинства избирателей, проголосовавших на референдуме 2016 года за Брекзит, т.е. за выход Великобритании из Европейского союза (ЕС). Одним из главных аргументов сторонников Брекзита было то, что ограничить иммиграцию в страну можно только при наличии охраняемой границы между ней и континентальной Европой. Внутри ЕС границ фактически нет. Достаточно иммигрантам попасть в какую-нибудь страну, входящую в ЕС, и они могут перебраться из нее в любое другое государство – член Евросоюза. После завершения затянувшегося на три года процесса Брекзита правительство Бориса Джонсона ужесточило правила въезда в Великобританию.

В 2017 году лидер Национального фронта Марин Ле Пен получила более трети голосов на президентских выборах во Франции. Растет популярность «Альтернативы для Германии» в ФРГ, «Фламандского блока» в Бельгии и других партий, выступающим против эмиграции из неевропейских стран. С точки зрения западноевропейского истеблишмента, их лидеры считаются «нерукопожатными» политиками, которым не место в «приличном обществе». Тем не менее, к мнению этих людей приходится прислушиваться и включать их предложения по ограничению иммиграции в предвыборные программы своих «политкорректных» партий, чтобы не потерять голоса избирателей.

В 2010 году скандально известный немецкий автор Тило Саррацин опубликовал свою книгу «Германия: самоликвидация». Русский перевод вышел в свет в 2012 г. [4]. Он пишет о том, что не имеет ничего против иммигрантов любого этнического происхождения, которые стремятся к интеграции, работают, платят налоги и не являются социаль-

ными иждивенцами. Однако, по его мнению, не следует допускать в страну людей, которые приезжают только с целью получать социальные пособия, не хотят работать, перетаскивают вслед за собой многочисленных родственников в порядке «воссоединения семьи», и не становятся частью немецкого общества. Он обратил внимание на то, что некоторые пособия ненамного меньше минимальной заработной платы, из-за чего мало кто идет на низкооплачиваемые рабочие места. Для решения этих проблем Т. Саррацин предложил уменьшить социальные пособия и ужесточить условия для их назначения.

Власти ФРГ, по сути, последовали рекомендациям Тило Саррацина (разумеется, не ссылаясь на его мнение) и сократили величину пособий. Поскольку социальные пособия получают не только иммигранты, уменьшение размера этих выплат не выглядит как «расистская» мера, направленная специально против них. Однако эта мера гораздо больше влияет на сокращение масштабов иммиграции, чем все усилия по охране внешних границ Европейского Союза – как сухопутных, так и морских. Уже в 2016 году число прибывших беженцев и иммигрантов резко уменьшилось по сравнению с предыдущим годом.

Из-за отсутствия пособий, подобных западноевропейским, в Россию приезжают не социальные иждивенцы, а трудовые мигранты. Большинство среди них составляют выходцы из государств Средней Азии и других бывших союзных республик. В культурном и цивилизационном отношении они гораздо ближе к коренным жителям центральной России, чем индусы и пакистанцы – к англичанам, а африканцы – к французам и бельгийцам. В нашей стране мигранты не живут в отдельных кварталах и часто вступают в смешанные браки. Они не создают таких проблем, как в Западной Европе. Однако положение может измениться, если западноевропейские государства все-таки закроют ворота перед выходцами из своих бывших колоний и

полуколоний и эти люди станут массами приезжать в Россию. Серьезные проблемы может создать и увеличение иммиграции из Китая.

Из всех демографических процессов миграция труднее всего поддается прогнозированию. Масштабы и даже направление миграционных потоков меняются под воздействием множества факторов, действующих как в странах въезда, так и в странах выезда.

А.Г. Вишневский критикует британского демографа Дж. Коулмена – автора теории «миграционного перехода» [9], за односторонний подход к проблемам «инокультурной» иммиграции только с точки зрения принимающего общества, т.е. стран европейской культуры [1, с. 303]. По мнению А.Г. Вишневского, ситуация в развивающихся странах сильнее влияет на отток части их населения в развитые страны, чем ситуация в регионах прибытия. Поэтому он считает, что остановить иммиграцию практически не реально [1, с. 304].

Однако в отношении будущего миграции в Западную Европу из стран Азии и Африки возможны, как минимум, еще два других варианта развития событий.

При первом варианте, правительства западноевропейских государств резко ограничат иммиграцию. Это может произойти либо в случае прихода к власти националистических партий, либо потому, что «политкорректным» лидерам ныне правящих традиционных партий придется взять на вооружение антииммигрантские программы националистов, чтобы сохранить за собой власть. Они нередко принимают непопулярные решения [3], (не только по вопросам иммиграции) и презрительно называют «популистами» политиков, ориентирующихся на возможную реакцию коренного населения. Однако невозможно полностью игнорировать антииммигрантские настроения в обществе, которые становятся тем сильнее, чем больше требований предъявляют иммигранты.

Второй вариант представляется менее вероятным. О нем можно говорить лишь применительно к отдаленному будущему, и только в том случае, если массовый приток неевропейских иммигрантов превратит их (вместе с потомками) в демографическое большинство, а их лидеры станут править странами, коренное население которых уже сейчас вымирает из-за низкой рождаемости и массовой добровольной бездетности. Они могут прийти к власти не только в результате массовых беспорядков, но и демократическим путем, опираясь на неевропейское большинство населения, которое будет голосовать за них.¹

Но это большинство, как и любые другие укоренившиеся в стране иммигранты и их потомки, не захочет конкуренции со стороны новоприбывших, в том числе из тех же стран, откуда в свое время приехали они сами, либо их отцы и деды. Общественное мнение вынудит новые власти резко ограничить или вообще запретить иммиграцию. В любом случае массовая иммиграция в конце концов будет остановлена тем или иным механизмом демографической саморегуляции.

В то же время эмиграция части коренного населения не вызывает негативной реакции у оставшихся на родине. На макроуровне эмиграция ослабляет государство, поскольку меньше становится работников, налогоплательщиков, военнообязанных. Кроме того, возникает проблема «утечки мозгов» — уезжают специалисты высокой квалификации. В прошлом СССР и почти все другие социалистические государства резко ограничивали или даже полностью запрещали эмиграцию. Но в наше время столь жесткие запреты сохранились лишь в Северной Корее.

Однако на микроуровне эмигранты не создают проблем для тех, кто не уез-

жает. Напротив, освобождаются рабочие места, облегчается решение жилищной проблемы, приходят денежные переводы от эмигрантов для оставшихся в стране членов семьи и других родственников. Альфред Сови писал: «Что касается общественного мнения, то оно проявляет достаточно мало интереса к эмиграции. Отъезд людей привлекает гораздо меньше внимания, чем их прибытие» [8, с. 345].

Процесс уменьшения населения из-за эмиграции может замедлиться лишь по причине исчерпания эмиграционного потенциала из-за массового выезда населения в активных трудоспособных возрастах, на которые приходится основная масса эмигрантов. Проще говоря, эмиграция остановится лишь тогда, когда некому будет уезжать. Но в таком случае некому будет и рожать — наибольшая активность трудовая активность (и основная масса эмигрантов) приходится на те же самые возраста (от 20 до 40 лет), на которые приходится и подавляющее большинство матерей-рожениц (и их мужей, которые в среднем, лишь на 2-3 года старше своих супругов). Поэтому массовая эмиграция в итоге приводит к снижению доли населения в активных репродуктивных возрастах и, соответственно, к увеличению доли пожилых людей, которые уезжают реже, чем молодые. Из-за старения демографической структуры уменьшаются общие коэффициенты брачности и рождаемости. По этой же причине повышаются общие коэффициенты смертности и естественной убыли населения — депопуляции. Данная ситуация имеет место в странах Восточной Европы. Это показывает, что миграционная «саморегуляция» далеко не всегда «компенсирует» депопуляцию. Такое положение существует в Западной Европе, хотя и там иммиграция стала лекарством, которое хуже болезни. А в Восточной Европе, напротив, массовая эмиграция

¹ Подобный сценарий не исключен и для США, где, согласно демографическим прогнозам, т.н.

«белые» американцы европейского происхождения к середине XXI века, а возможно и раньше, станут меньшинством.

молодежи сочетается с высокими показателями естественной убыли среди тех, кто не уехал. Это ускоряет сокращение общей численности населения.

Рост численности населения всегда саморегулировался (и в итоге тормозился) также через снижение брачности и рождаемости. Со средних веков до XIX столетия включительно были широко распространены два типа семьи – миноратная и майоратная. В миноратной семье дом и двор наследовал самый младший (лат. *minor* - «меньшой») сын, если все его братья уже женились и ушли от родителей. Минорат существовал в России и в ряде других стран с низкой плотностью населения, где сын, желающий отделиться, мог уйти из семьи и создать свое хозяйство на свободном земельном участке. Британский историк Дж. Дж. Фрэнгер утверждал, что в древности так было и в Западной Европе, но после того, как население увеличилось и свободной земли не осталось, большинство жителей перешло к майорату [10].

В те времена 50-летних мужчин и 45-летних женщин уже считали старыми людьми. После женитьбы с родителями оставался старший (лат. *major* – «большой») сын, который раньше других мог помогать им и заботиться о них в старости. Другие дети уходили из дома задолго до вступления в брак. Но если они не обзаводились собственным домом и хозяйством, то и жениться было не легко. Как правило, отцы и матери не выдавали дочерей за экономически несостоятельных мужчин, не способных обеспечить семью. В семье, где были только дочери, старшая из них имела права старшего сына и считалась завидной невестой. А младшим дочерям было очень трудно выйти замуж без приданого.

Из-за перехода к майорату повысился, как средний возраст вступления

в брак, так и процент никогда не состоявших в браке среди мужчин и женщин в репродуктивных и пострепродуктивных возрастах. Увеличилось число «старых холостяков» и «старых дев», понизился уровень брачности и рождаемости. Такая демографическая саморегуляция существовала еще в средние века, но тогда ее масштабы, из-за высокой смертности, были не столь велики. Хотя у большинства супружеских пар рождалось не менее пяти детей, но не так уж много оставалось семей, имеющих двух и более взрослых сыновей или нескольких взрослых дочерей.

А.Г. Вишневецкий различает многодетность и «многоплодность» [1, с. 188], утверждая, что в XVI-XVII веках и даже в XVIII столетии было относительно мало семей с большим числом выживших детей. Однако приведенные им данные о среднем числе детей в эту эпоху [1, с. 150-153], весьма близкие к аналогичным показателям по тем же европейским странам с низкой рождаемостью в наше время, относятся ко всем семьям и домохозяйствам на разных этапах жизненного цикла: от «предродительской» стадии, т.е. молодоженов, у которых еще никто не родился, до стадий «пустого гнезда» и одинокой старости, т.е. пожилых пар, вдов и вдовцов, от которых отделились все дети. В прошлом это было более типично для родителей, имеющих только дочерей, которые вышли замуж и покинули отчий дом.

Из союзных республик СССР самой высокой рождаемостью отличался Таджикистан, где в 1970 г. суммарный коэффициент рождаемости был равен 5,93¹, т.е. одна женщина в среднем рожала за всю жизнь шесть детей, из которых примерно 5,5 доживали до репродуктивного возраста. Однако по данным переписи 1970 г. о распределении семей по числу детей до 18 лет можно рассчитать, что в среднем на семью в

¹ Демоскоп Weekly - Приложение. Справочник статистических показателей. 15 новых независимых государств. Коэффициент суммарной

рождаемости, 1958-2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_tfr.php (дата обращения 04.08.2020).

этой многодетной республике приходилось лишь трое детей.¹ Во всех советских республиках наибольшее среднее число детей в семье было у женщин 35-39 лет. Но это еще не конец репродуктивного периода: возможны новые рождения. Кроме того, у многих матерей этого возраста старшие дети уже взрослые, проживают отдельно и в составе родительских семей при переписи населения не учитываются.

Среднее число детей в западноевропейских семьях в XVI-XVIII веках было намного ниже среднего числа не только взрослых, но и доживших до репродуктивного возраста детей. Если бы семьи всегда были столь малодетными, как пишет А.Г. Вишневский, то Западная Европа давно бы вымерла.

До XVIII столетия демографическое равновесие было весьма неустойчивым, но, несмотря на множество эпидемий, население не исчезло. Общество противопоставляло высокой смертности высокую рождаемость, которая ограничивалась лишь брачностью, но в браке почти не регулировалась.

Социальные нормы удерживали от вступления в брак женщин без приданого и мужчин, не способных содержать свои семьи на уровне, принятом у людей «своего круга». Но снижение рождаемости произошло не столько через брачность, сколько через регулирование деторождения в браке [1, с. 169].

Хотя в Западной Европе в XVIII-XIX вв. из каждых 100 мужчин и женщин старше 50 лет от 10 до 20 человек никогда не состояли в браке, подавляющее большинство населения, включая и бедняков, в брак все-таки вступало. Нормы, осуждавшие «старых холостяков», «старых дев», внебрачные сексуальные связи и рождение детей у незамужних женщин, заставляли людей проявлять экономическую активность, чтобы создать материальную базу для своих будущих семей. Но в качестве

этой базы выступали не только земельные участки.

Промышленная революция позволила зарабатывать деньги в городах, куда стали переселяться сельские жители. Прогресс в науке повысил эффективность медицинской помощи. Это привело к резкому снижению смертности. В XIX веке население росло быстрее, чем в XVIII столетии [1, с. 168]. Но снижение детской смертности со временем привело и к снижению рождаемости. Семьи уже не стремились производить на свет столько детей, сколько Бог пошлет, в надежде на то, что хотя бы один выживет. Вопреки церковным запретам все шире применялись контрацепция и аборты. Возможность отложить рождение детей, начиная с первенцев, позволило вступать в брак людям с низкими доходами. Хотя аренда жилья обходилась не дешево, от родителей стали уходить все женатые дети, включая и старших, (из-за чего исчез майорат). Понижился возраст вступления в брак и уровень безбрачия. Несмотря на это, рождаемость продолжала снижаться.

В первой половине XX века уровни рождаемости и смертности сблизились, а темпы роста населения в Европе замедлились. Анализируя эту динамику за длительный период, французский демограф Адольф Ландри в 1934 г. [11] и его американский коллега Фрэнк Ноутстайн в 1945 г. [15] разработали теорию демографического перехода. Ландри именовал этот переход демографической революцией. А.Г. Вишневский считает это название более подходящим, чем общепринятый в наше время термин «демографический переход». Впоследствии данная теория неоднократно дорабатывалась разными авторами и до сих пор признается очень многими демографами, включая и А.Г. Вишневского, основной объяснительной концепцией в демографии. По мнению

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. М.: Статистика, 1974. С. 251.

большинства сторонников этой теории, демографический переход ведет от равновесия высокой неконтролируемой смертности и высокой неконтролируемой (в браке) рождаемости к равновесию низкой контролируемой смертности и низкой контролируемой рождаемости [1, с. 267 и др.], т.е. к стабилизации численности населения. Однако еще А. Ландри предполагал, что этот переход в итоге приведет не к стабилизации, а к депопуляции. Современная демографическая ситуация подтверждает его правоту.

В конце XX – начале XXI века почти во всех развитых и даже во многих развивающихся странах рождаемость сократилась до уровня, не обеспечивающего простое замещение поколений. В России, в других странах европейской части бывшего СССР, во всей Европе в целом, а также в Японии число родившихся меньше числа умерших. Рождаемость не обеспечивает простое замещение поколений и в странах Восточной Азии, и в некоторых мусульманских государствах. В США, в Китае и во многих других странах, где замещение поколений также не обеспечено, естественный прирост еще продолжается в силу демографической инерции, связанной с благоприятной возрастной структурой населения, которая, в свою очередь, обусловлена высокой рождаемостью в прошлом (в США – еще и притоком молодых мигрантов). Согласно прогнозам, и в этих странах потенциал инерционного роста в ближайшие десятилетия будет исчерпан и начнется депопуляция.

А.Г. Вишневский упоминает об этих тенденциях [1, с. 184-186], но не видит в этом угрозы будущему всего человечества. Он пишет: «сегодня ни отдельная страна, ни отдельный регион мира, ни группа выделенных по какому-либо признаку стран (по географическим критериям, степени развитости, уровню дохода и т.п.) не могут рассматриваться как замкнутая система, внутри которой независимо формируются ее собствен-

ные демографические цели. Географические или политические границы не обеспечивают необходимой для этого изоляции. Только все население планеты, все человечество представляет собой замкнутую систему, применительно к которой можно говорить о демографической самоорганизации» [1, с. 192]. А во всем мире в целом уровень рождаемости пока что обеспечивает не только простое, но и расширенное замещение поколений. Непонятно, почему он вообще анализирует данные по отдельным странам. При его глобалистском подходе, «система в целом все еще нуждается в снижении рождаемости. В этом смысле падение рождаемости ниже уровня возобновления поколений в отдельных частях системы не противоречит ее общим целям, хотя и может порождать проблемы для отдельных стран или регионов» [1, с. 193]. Для него депопуляция в России – это всего лишь локальная проблема.

Согласно теории демографического перехода, все страны мира проходят одни и те же этапы этого перехода. В развивающихся странах это происходит позже, чем в развитых. Нет оснований ожидать, что где-либо в мире снижение рождаемости остановится хотя бы на уровне простого замещения поколений или что саморегуляция вернет слишком низкую рождаемость к этому уровню.

«Чрезмерный» рост населения может создавать проблемы не только на для общества в целом, но и для очень многих людей – нехватку средств существования, жилья, рабочих мест, земельных участков, природных ресурсов, загрязнение окружающей среды. Население может реагировать на это повышением смертности, снижением брачности и рождаемости, миграционным оттоком в более благополучные страны и регионы [1, с. 219-256].

Однако убыль населения создает проблемы только для государства (из-за уменьшения числа работников, военнослужащих и налогоплательщиков), но не для отдельных лиц и семей. Для

простого замещения поколений требуется, чтобы среднее число рожденных детей на одну женщину (без учета брачного статуса и способности к деторождению) составляло не менее 2,12 [1, с. 135], а на одну женщину, состоящую в браке и способную к деторождению, – не менее 2,5, т.е. чтобы не менее половины замужних матерей к концу репродуктивного возраста имели трех и более детей. Но это необходимо только для государства. Семья же не испытывает неудобств из-за того, что имеет «всего лишь» двоих детей. Напротив, серьезные материальные, бытовые, жилищные и другие проблемы или обостряются появляются из-за рождения третьих и последующих детей.

По данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 г. в 81 из 85 субъектов РФ (15021 респондент), лишь 27% женщин 18-44 лет хотели бы иметь трех и более детей при наличии всех необходимых условий и только 17% собираются иметь столько детей (включая уже имеющихся) с учетом реальных условий жизни своих семей.¹ Согласно социальным нормам в России и во многих других странах, для подавляющего большинства семей первый ребенок необходим при любых условиях (хотя постепенно увеличивается доля добровольно бездетных «чайлд-фри» [5, с. 57]), второй – желателен при благоприятных условиях, третий – лишней при любых условиях. Третьи дети, как минимум, в каждой второй семье, необходимы государству для воспроизводства населения, но основная масса семей вообще не имеет потребности в третьем ребенке.

На формирование потребности в семье и детях влияют социальные нормы. В прошлом они требовали, чтобы все здоровые мужчины и женщины, кроме принявших церковный или монашеский обет безбрачия, вступали в практически

нерасторжимый брак, и имели столько детей, сколько Бог пошлет. «Старые холостяки», «старые девы», разведенные женщины, бездетные пары и матери с внебрачными детьми рассматривались как вольные или невольные нарушители социальных норм. Окружающие смотрели на них с сожалением, или даже с осуждением либо с презрением, в зависимости от конкретной ситуации. По мнению А.Г. Вишневого, эти нормы лишали людей права на свободный выбор жизненного пути [1, с. 45]. Но они обеспечивали выживание общества.

Поскольку демографическое равновесие так и не наступило, в 1980-х годах демографы Рон Лестеже (Лестэг) в Бельгии и Дирк ван де Каа в Голландии пришли к выводу, что классическая теория демографического перехода относится лишь к «первому переходу». Для наступившей после него депопуляции они разработали теорию второго демографического перехода [12; 13; 16; 17], сторонником которой стал и А.Г. Вишневский. Уже в эпоху первого перехода постепенно смягчались социальные нормы в отношении контрацепции, абортов, разводов, внебрачных рождений и в некоторых других вопросах. Второй переход ведет к плюрализму норм семейной жизни [1, с. 202-218]. Это означает, что можно создавать бездетную или неполную семью. Можно (даже при наличии детей) разводиться по любой причине, которую считает уважительной инициатор развода, несмотря на то, что другой супруг ни в чем не виноват и на развод не согласен. Можно жить вместе без регистрации, часто менять партнеров, либо вообще ни с кем не поддерживать длительных отношений, рожать внебрачных детей либо оставаться в одиночестве. Все это стало социально приемлемым и не осуждается окружающими. Традиционные семьи (супруги с несколькими

¹ Федеральная служба государственной статистики / Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения/итоги наблюдения / Распределение по желаемому и ожидаемому

числу детей. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения 04.08.2019).

детьми) теряют свои социально-нормативные преимущества, превращаются в меньшинство и не могут компенсировать массовую малодетность и бездетность людей, создавших семьи прочих типов или не имеющих семьи.

Во многих развитых странах, прошедших второй демографический переход, (в России он еще не закончен) естественная убыль населения полностью «компенсируется» миграцией из развивающихся стран.

До миграционного перехода люди переселялись главным образом из одних стран европейской культуры в другие страны той же культуры. Несмотря на трудности адаптации, большинство иммигрантов успешно интегрировались. В эпоху миграционного перехода массовый характер приобрела «инокультурная» иммиграция, многие участники которой (и даже их дети и внуки) не могут и (или) не хотят интегрироваться в цивилизационно чуждый им социум. Они создают «эмигрантские анклав» в развитых странах, нередко представляющие собой слепки с тех обществ, из которых они вышли» [1, с. 304]. Различия между нормами, действующими в этих анклавах и в странах прибытия, столь велики, что миграция создает больше проблем, чем решает [6, с. 17].

Миграция снижает темпы роста населения развивающихся стран и арифметически «компенсирует» естественную убыль населения развитых стран. Но во многих странах Восточной Европы естественная убыль сочетается с массовым миграционным оттоком на Запад. По мнению А.Г. Вишневого, в наше время «демографическая самоорганизация» имеет место лишь на уровне всего человечества. Странно, почему он, придерживаясь идей глобализации, уделяет так много внимания международной миграции, которая для глобалистов подобна перекладыванию денег из одного кармана пиджака в другой. Миграция не может компенсировать депопуляцию, которая наступит во всем мире после того, как все страны пройдут «второй демографический переход».

В наше время причина естественной убыли состоит не в эпидемиях, которые в прошлом приводили к большим, но временным людским потерям, а в низкой рождаемости, которая приводит к хронически неполному замещению поколений и постоянному сокращению численности населения. Это создает проблемы для государства и общества, но не для отдельных лиц и семей. Подавляющее большинство из них не только имеют, но и желают иметь (даже при самых благоприятных условиях) лишь одного или двух детей, а многие вообще предпочитают навсегда остаться бездетными. По данным Европейского социального исследования, общественное мнение в странах Западной Европы толерантно относится к «чайлдфри». Поэтому и доля бездетных среди супружеских пар, вышедших из репродуктивного возраста, намного выше, чем в России [5, с. 57]. Согласно теории второго демографического перехода, толерантность к чайлдфри должна установиться во всем мире. Это резко повысит частоту бездетности и сильно понизит рождаемость.

Демографическая саморегуляция может затормозить чрезмерный рост населения, но не в состоянии остановить его естественную убыль, которая будет продолжаться и после того, как население уменьшится до «золотого миллиарда» либо другой цифры, рассчитанной экологами или экономистами. Если демографическая политика не повысит рождаемость хотя бы до уровня простого воспроизводства, то депопуляция закончится полным вымиранием.

Саморегуляция демографических процессов происходит сама собой, стихийно. Целенаправленное регулирование этих процессов со стороны государства – это уже не саморегуляция, а демографическая политика. Ее цели могут соответствовать общему направлению саморегуляции и даже зависеть от последней.

Как уже упоминалось, введение законов об ограничении иммиграции в

США было связано с антимиграционными настроениями простых американцев. Нечто подобное может произойти и отчасти уже имеет место в странах Западной Европы, население которых раздражено массовым наплывом иммигрантов и нежеланием многих из них интегрироваться в общество.

Если же численность населения сокращается из-за слишком низкой рождаемости либо по причине массовой эмиграции за рубеж, то ни в том, ни в другом случае не возникает никаких проблем на микроуровне, т.е. для отдельных лиц и семей. Это создает проблемы только на макроуровне, т.е. для государства. Лишь оно и может решить эти проблемы с помощью демографической политики.

Надежды на демографическую саморегуляцию в эпоху депопуляции столь же наивны, как и на то, что свободный рынок решит все экономические проблемы. В наше время все государства контролируют экономику. Реформы 1990-х годов, когда этот контроль был сведен к минимуму, вызвали экономический кризис, который, в свою очередь, негативно повлиял на демографическую ситуацию. Резко упала и без того низкая рождаемость, сильно повысилась смертность, численность населения стала уменьшаться.

В 2000-х годах, когда государство активизировало экономическую и демографическую политику, ситуация как в экономике, так и в демографической сфере улучшилась. Проблемы не были полностью решены. Но без этой политики положение было бы еще хуже. Для совершенствования демографической политики анализируется эффективность ее мер, проводятся социологические опросы с целью выяснить мнения граждан об этих мерах и их пожелания о том, какие еще меры помощи семьям с детьми следует ввести.

В аннотации к учебнику А.Г. Вишневого указано: «Цель курса лекций — выработать у студентов концептуальное видение демографического развития как исторического процесса, способ-

ствовать формированию их демографического мировоззрения» [1, с. 4]. Судя по содержанию курса, это мировоззрение состоит в признании автономности демографических процессов, вмешиваться в которые государству не следует. Но демографические проблемы обостряются. Саморегуляция их не решает. Студенты, изучающие демографию и социологию семьи, должны знать закономерности этих процессов, включая и саморегуляцию через социальные нормы брачного, репродуктивного и миграционного поведения, чтобы разрабатывать предложения по демографической политике. Им требуются другие учебники, формирующие принципиально иное мировоззрение.

Литература

1. Вишне夫斯基 А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 368 с. – [Учебники Высшей школы экономики]. doi:10.17323/978-5-7598-1706-2.
2. Иванов М.М. США: правовое регулирование иммиграционного процесса (условия и процедуры приобретения статуса постоянного жителя США). М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
3. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 227 с.
4. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012. – 400 с.
5. Синельников А. Б. Возможна ли полная свобода выбора жизненного пути? // *Социология*. 2020. № 1. С. 51–65. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/61b/№1%202020.pdf> (дата обращения 06.08.2020)
6. Синельников А.Б. Могут ли иммигранты и их потомки стать большинством в России и Западной Европе? // *Социология*. 2012. № 4. С. 14. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/d99/№4-2012.pdf> (дата обращения 07.08.2020).
7. Синельников А. Б. Семейные и демографические факторы дискрими-

нации иммигрантов и их потомков в России и Западной Европе // *Социология*. 2014. № 1. С. 35–55. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/fd0/№1%202014%20Социология.pdf> (дата обращения 07.08.2020).

8. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населений. М.: Прогресс, 1977. – 519 с.

9. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32(3). P. 401–446.

10. Frazer J.G. Folk-Lore in the Old Testament. Studies in Comparative Religion Legend and Law in Three Volumes. Vol. I. London: McMillan & Company, 1918.

11. Landry A. La révolution démographique. Paris: Recueil Sirey, 1934.

12. Lesthaeghe R. A century of demographic and cultural change in Western Europe: An exploration of underlying dimensions // *Population and Development Review*. 1983. Vol. 9 (3). P. 411–435.

13. Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36 (2). P. 211–251.

14. Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population. 6th ed. App. 2.14. 1826. URL: <http://www.econlib.org/library/Malthus/malPlong41.html#Appendix II>. (Дата обращения: 06.08.2020)

15. Notestein F.W. Population — the long view // *Food for the World* / ed. by Th. Schultz. Chicago: University of Chicago Press, 1945. P. 37–57.

16. van de Kaa D.J. Demographic transitions // *Encyclopedia of life support systems (EOLSS) // Demography* / ed. by Zeng Yi. Vol. 1. Oxford, UK: EOLSS Publishers, 2010. P. 65–103.

17. van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. No. 1. P. 1-59.

Influence of demographic self-regulation on population reproduction and migration. Sinelnikov A.B.

According to the concept of demographic self-regulation, the population is an Autonomous subsystem of society, which itself brings its size (the number of inhabitants) in accordance with the economic and environmental situation. According to the author, self-regulation can stop population growth caused by high birth rate or immigration. However, there is no self-regulation to protect against natural population decline (depopulation) or mass emigration. These problems can only be solved by demographic policy.

Keywords: demographic self-regulation, population, population reproduction, birth rate, mortality, depopulation, migration, immigration, emigration, demographic policy.

References

1. Vishnevsky AG Demographic history and demographic theory: a course of lectures. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. -- 368 p. - [Textbooks of the Higher School of Economics]. doi: 10.17323 / 978-5-7598-1706-2.
2. Ivanov M.M. USA: legal regulation of the immigration process (conditions and procedures for acquiring the status of a permanent resident of the United States). M.: International relations, 1998. -- 480 p.
3. Malakhov V.S. Cultural differences and political boundaries in the era of global migrations. M.: New literary review, 2014. -- 227 p.
4. Sarrazin T. Germany: self-destruction. M.: Reed Group, 2012. -- 400 p.
5. Sinelnikov A. B. Is complete freedom of choice in life possible? // *Sociology*. 2020. No. 1. P. 51–65. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/61b/№1%202020.pdf> (date of access 06/08/2020)
6. Sinelnikov A.B. Can immigrants and their descendants become the majority in Russia and Western Europe? // *Sociology*. 2012. No. 4. P. 14. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/d99/ No. 4-2012.pdf> (date of access 07.08.2020).
7. Sinelnikov AB Family and demographic factors of discrimination against immigrants and their descendants in Russia and Western Europe // *Sociology*. 2014. No. 1. P. 35–55. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/fd0/№1%202014%20 Sociology.pdf> (date of access 07/08/2020).
8. Sovi A. General theory of the population. T. 2: The life of the population. Moscow: Progress, 1977. -- 519 p.

9. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32 (3). P. 401-446.
10. Frazer J.G. Folk-Lore in the Old Testament. *Studies in Comparative Religion Legend and Law in Three Volumes*. Vol. I. London: McMillan & Company, 1918.
11. Landry A. *La révolution démographique*. Paris: Recueil Sirey, 1934.
12. Lesthaeghe R. A century of demographic and cultural change in Western Europe: An exploration of underlying dimensions // *Population and Development Review*. 1983. Vol. 9 (3). P. 411-435.
13. Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36 (2). P. 211-251.
14. Malthus T.R. *An Essay on the Principle of Population*. 6th ed. App. 2.14. 1826. URL: [http://www.econlib.org/library/Malthus/malPlong41.html#Appendix II](http://www.econlib.org/library/Malthus/malPlong41.html#Appendix%20II). (Date of treatment: 06.08.2020)
15. Notestein F.W. *Population - the long view // Food for the World / ed. by Th. Schultz*. Chicago: University of Chicago Press, 1945. P. 37-57.
16. van de Kaa D.J. Demographic transitions // *Encyclopedia of life support systems (EOLSS) // Demography / ed. by Zeng Yi*. Vol. 1. Oxford, UK: EOLSS Publishers, 2010. P. 65-103.
17. van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. No. 1.P. 1-59.

Политико-идеологическая идентификация современной молодежи: социологический анализ

Хугаева Алла Ахмедовна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», alladgam@mail.ru

Гаглов Азамат Таймуразович

аспирант кафедры социальной работы психолого-педагогического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», azamatgagloev@gmail.com

В данной публикации посредством социологических методов исследована специфика политико-идеологической идентификации современной молодежи одного из регионов Российской Федерации – Республики Северная Осетия – Алания, ценности которой сформировались в условиях трансформации социальных отношений в пореформенный период.

В частности, уровень политической активности молодежи не высок, и это чаще всего объясняется размытыми представлениями о политических партиях как основных субъектах политического поля, и их возможностях выражать интересы молодых людей. Снижение интереса молодежи к политике закономерно сопровождается отчетливо выраженной тенденцией деидеологизации молодежи.

Только треть молодежи считает, что реформы в России проводятся в интересах молодых поколений. Чем старше, опытнее и образованнее молодые люди, тем меньше среди них уверенных в этом. Если бы молодежи представилась возможность решать политические и социально-экономические проблемы, то она, прежде всего, занялась бы внутренними проблемами страны и оптимизировала внешнюю политику страны, чтобы справиться с нарастающим экономическим кризисом внутри страны и растущей напряженностью в отношении России со стороны западных стран.

Ключевые слова: Северный Кавказ, боевое искусство, военное ремесло, горские народы.

Молодость может рассматриваться и как время возможностей, и как период неустойчивости, изменений, критичности, постоянного поиска новизны. Артур Шопенгауэр говорил: «С точки зрения молодости, жизнь – бесконечно долгое будущее; с точки зрения старости, это очень краткое прошлое» [13, с. 364].

В отечественной науке молодежь определяется как социально-демографическая группа, специфический характер которой определен социальным положением, особым психологическим складом [1, с. 142].

Развитие теорий молодежи в мире в целом и в России, в частности, скачкообразно. Три основных направления теоретического осмысления молодежи, по классификации А.И. Ковалевой и В.А. Лукова, сложились в 1920-е – начале 1930-х годов (Таблица 1).

Таблица 1
Основные направления теории молодежи [7, с. 2-4].

	Основная идея теории	Авторы
Первое направление	молодежь как носительница психофизических свойств молодости	Г. Стэнли Холл, Ш.Бюлер, В. Штерн, А. Фрейд, В. Райх и др.
Второе направление	молодежь как культурная группа с совокупностью присущих ей культурных свойств и функций	Э. Шпрангер, Р. Бенедикт, Б. Малиновский, М. Мид и др.
Третье направление	молодежь как объект и субъект процесса преемственности и смены поколений	социологи марксистской школы, К. Манхейм

Молодежь, по мысли К. Манхейма, ни прогрессивна, ни консервативна по

своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию.

Интересы молодых отличаются от интересов старших поколений: молодежь, как правило, не ощущает значимость традиций и обычаев. Напротив, она хочет преобразовать отношения в обществе.

Молодежь более мобильна, интеллектуально активна и здорова, чем другие группы населения. В то же время, любое цивилизованное общество несет ответственность за социализацию молодых людей и их интеграцию в единое экономическое, политическое и социальное пространство страны.

С целью изучения политико-идеологических воззрений и ценностей молодежи Северной Осетии проведено исследование, методической основой которого стал очный выборочный опрос (в виде формализованного интервью по месту жительства) молодых людей, проживающих в Республике Северная Осетия – Алания.

Выборка случайная, бесповторная. Объем выборки 672 респондента в возрасте 16-30 лет при доверительной вероятности 95%. Ошибка выборки 1,94%. Выборка репрезентативна генеральной совокупности по возрастным группам и типоселенческим характеристикам. Молодые люди сгруппированы в три возрастные группы:

- 16-19 лет – возраст самоопределения молодого человека, прежде всего, профессионального;

- 20-24 года – возраст активной социализации, вступления в производственную деятельность, создания семьи;

- 25-30 лет - возраст сформированной зрелой личности.

Современная молодежь, самая старшая часть которой хоть и родилась во времена плановой экономики, прошла стадию личностного формирования уже в условиях трансформационных процессов в России в «путинскую эпоху», что накладывает свой отпечаток на ее социальные черты. На первый взгляд, ее отличает индивидуализм,

инициативность и свободомыслие, проявляющиеся в желании самим решать свою судьбу, в избирательности социальных лифтов в виде качественного образования и профессионального карьерного роста [15, с. 7-12]. Старшее поколение отмечает в молодежи эгоизм и прагматизм, излишнюю гибкость нравственного сознания и поведения, пренебрежение этическими и правовыми нормами.

На ценностное пространство молодежи оказывают преимущественное влияние развлекательные медиа и массовая культура, мираж «больших денег» как самый важный показатель успеха и статуса в нынешнем обществе. Это мнение мало чем отличается от того, что о детях говорили отцы несколько тысяч лет назад (Сократ, 470-399 г. до н. э.): "Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и несколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами; они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям"[7, с. 105]. Проведенное исследование показало, что не все так однозначно. Какая же на самом деле современная молодежь?

Самым важным для себя чаще всего молодые люди называют (рис. 1) семью (88,8%), часто – материальное благополучие (59,9%) и свободу (52,7%), авторитет среди друзей, карьеру и хорошую работу (37,3%), бизнес (30,8%). К мало значимому отнесена популярность (63,1%) и соответствие моде (58,0%).

Считается, что молодежь аполитична. И материалы опроса отчасти подтверждают это утверждение – каждый третий молодой человек (33,3%) категорически отрицает интерес к политике, каждый четвертый (28,0%) почти не проявляет такой интерес (рис. 2). Только 28,8% опрошенных молодых людей в той или иной степени политика интересна.

При этом, чем выше уровень образования и значительно больше жизненный и профессиональный опыт, тем больше интерес к политике.

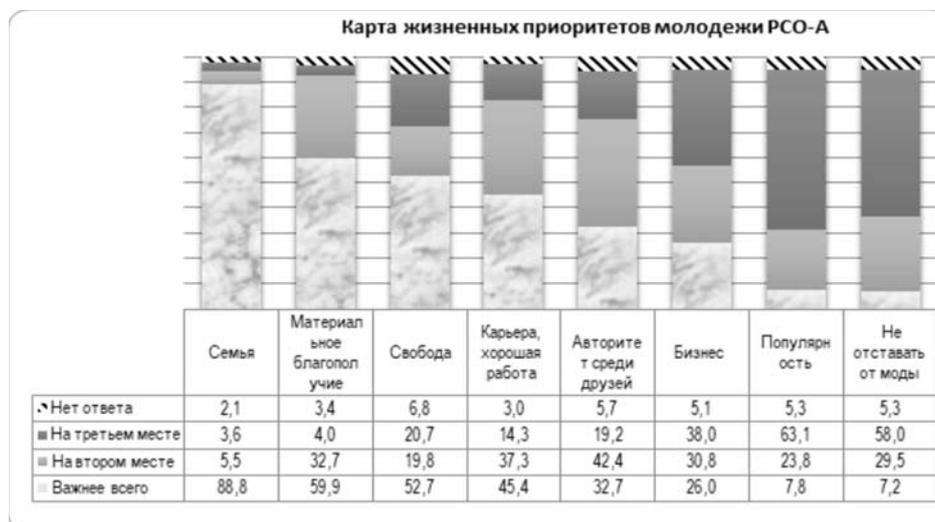

Рисунок 1- Жизненные приоритеты молодежи PCO-A

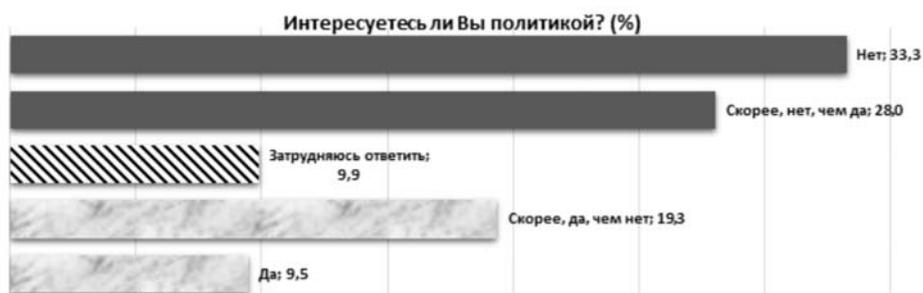
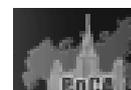

Рисунок 2 - Интерес молодежи к политике

Возможно, уровень политической активности молодежи недостаточно высок, но есть положительная динамика в последнее десятилетие. Например, молодежь России 90-х годов была вообще мало включена в общественную и политическую жизнь страны. Политические партии как один из институтов, отвечающих за политическую социализацию, практически не стремились привлечь молодежь к выборам, молодежь не рассматривалась ими как весомая категория электората.

Нынешний политический класс демонстрирует повышенный интерес к молодежи, что проявляется в появлении множества молодежных организаций и «мо-

лодежных крыльев» у большинства партий. Но у молодежи нет серьезной мотивации к участию в жизни политических организаций. Довольно большая часть молодежи не имеет четкого представления о возможностях политических организаций выражать интересы молодых людей. 19,8 % респондентов считают, что молодежные проблемы вне поля зрения современных российских партий (рис. 3). При этом следует отметить, что в целом по России доля такой молодежи значительно выше - Необходимо отметить, что в PCO-A его доля значительно меньше, чем в РФ в целом – 20,1 % в Северной Осетии против 90,1 % в России [9].

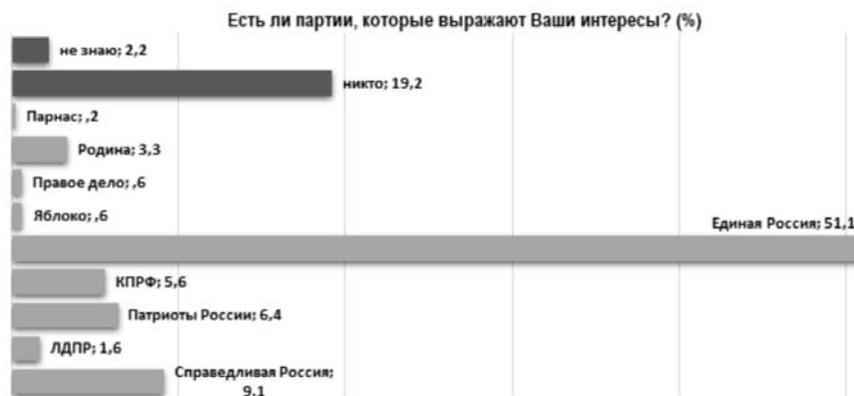

Рисунок 3 – Представления молодежи о включенности молодежной проблематики в программы политических партий

Об аполитичности молодежи говорит и тот факт, что почти у двух третей молодежи республики нет авторитетов среди политиков. Для остальных наиболее весомой в политике является персона титулованного спортсмена А.Б. Таймазова (27,6 %), даже более весомой, чем В.В. Путин (18,1 %), С.В. Лавров (11,1 %), С.К. Шойгу (6,2 %) – наиболее активных акторов современной российской политики. Значимую нишу занимает И.В. Сталин (7,0 %).

Отчетливо выраженная тенденция деидеологизации молодежи закономерно сопровождается снижением интереса к политике. Многие юноши и девушки колеблются в своих идеологических позициях. Молодежные идеологические типы формируются под воздействием культурных факторов, к которым относятся, прежде всего, воспитание, образование, формы досуга, группы общения, информационные предпочтения, культурные стереотипы, моды в молодежной субкультуре [14, с. 17].

Молодежь легче и быстрее адаптируется к социальным и политическим переменам. Как показывают исследования последних лет [10, 6, 12], современному поколению молодежи сегодняшняя жизнь в стране нравится гораздо больше, чем поколению отцов. Социально-экономические и политические условия жизни оказывают прямое воз-

действие на оценки такого рода. Несколько лет назад – в период присоединения Крыма и усиления позиции России в международных отношениях, но до экономического кризиса, охватившего Россию с конца 2014 г. – 64,0% молодых респондентов в той или иной степени жизнь в России нравилась. Теперь в РСО-А таких меньше – 42,5 %, хотя это в 2 раза больше, чем доля тех, кто придерживается обратной позиции (19,8 %).

Сокращение числа довольных жизнью в России респондентов произошло при одновременном значительном увеличении числа затруднившихся ответить – 37,7 % молодежи не смогли обозначить свою позицию по данному вопросу, то есть не смогли сказать, что жить в России им нравится (рис. 4). Такой пессимизм вызван кризисной ситуацией в России с 2014 г., в которой внешние геополитические факторы обнажили внутренние системные социально-экономические проблемы. Молодежи не ясны перспективы развития этого кризиса, следовательно, выхода из него. Для депрессивного региона, к числу которых относится Северная Осетия, кризис сокращает итак небольшие шансы на прогрессивное развитие, следовательно, сужает перспективы достойной жизни для молодежи.

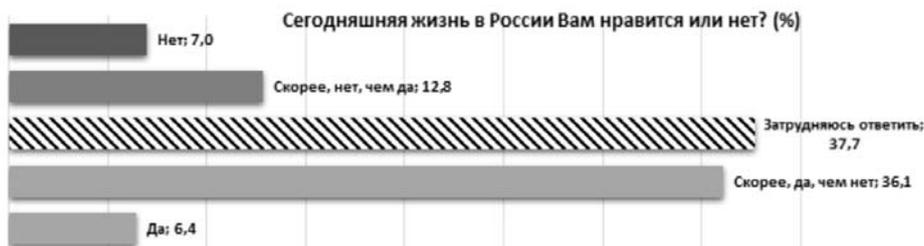

Рисунок 4 - Оценка молодежью качества жизни в России

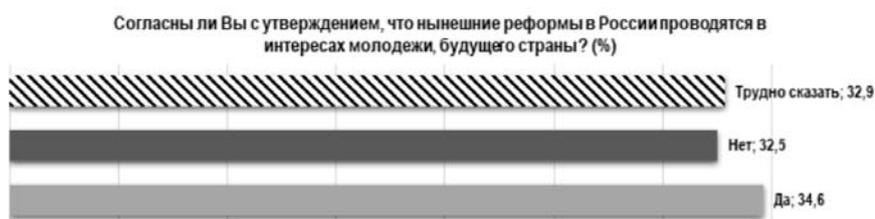

Рисунок 5 - Оценка реализации интереса молодежи в современных реформах

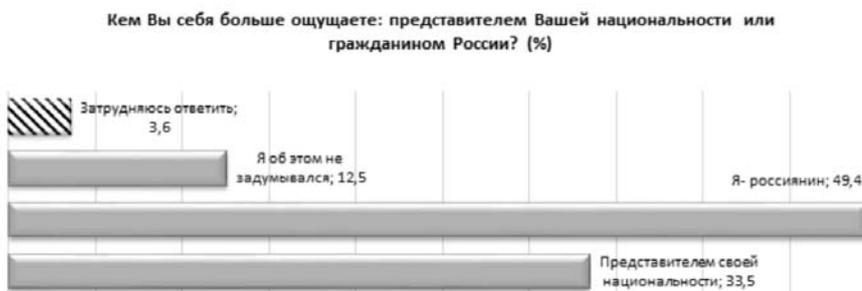
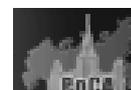

Рисунок 6 - Гражданская идентификация молодежи

Только треть молодежи считает, что реформы в России проводятся в интересах ее будущего, в интересах молодых поколений. Чем старше, опытнее и образованнее молодые люди, тем меньше среди них уверенных в этом. Общество не может рассчитывать на участие в продвижении реформ остальных двух третей молодых людей, которые не верят в их декларируемые цели (рис. 5).

Почти половина респондентов (49,4 %) идентифицирует себя в качестве гражданина России, более трети респондентов (33,5 %) выше ставят статус национальной принадлежности, что, вероятно, ожидаемо в традиционном обществе (рис. 6).

Молодое поколение уверено в славном прошлом России. Будущее России ей представляется также достойным – подавляющая часть молодежи пред-

ставляет Россию великой, пользующейся авторитетом в мире державой с сильной экономикой и развитыми демократическими институтами. Пессимистично настроенные молодые люди опасаются распада России или выхода из нее отдельных субъектов. Их немало, но они есть.

Несмотря на убежденность во «внушаемом гордость» прошлом и «великом» будущем России, ее настоящее оценивается, скорее, как кризисное, характеризующееся плохими условиями жизни населения (29,4 %) (рис. 7).

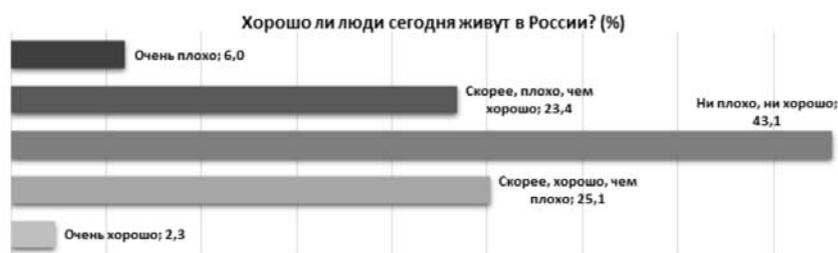

Рисунок 7 - Оценка молодежью качества жизни в России

Об очень хорошей жизни людей высказались только 2,3 % респондентов, которые очень разнятся как по возрасту, так и по социальному статусу:

- с одной стороны, это, как правило, школьники или учащиеся колледжа с 9-классным образованием в возрасте до 19 лет,
- с другой стороны – предприниматели,
- с третьей стороны – инженерно-техническая интеллигенция (инженеры, конструкторы).

Первая группа в силу возраста и слишком малого жизненного опыта пока не видит существующих в обществе проблем. Вторая и третья, напротив, судит о качестве жизни всего населения страны по себе и своему ближайшему окружению.

Основные российские проблемы (как и проблемы РСО-А), по мнению молодежи, – коррупция (68,8 %), социальная (36,6 %) и правовая (27,5 %) незащищенность населения, бедность населения (35,9 %), бюрократия (23,6 %), плохие дороги (20,7 %) и алкоголизм (16,6 %), а также непрофессионализм управленцев (13,3 %). Даже в условиях внешнеполитического кризиса внимание молодежи сконцентрировано на проблемах традиционных и внутренних.

Недовольство жизнью формирует недовольство властью. Типичный молодой индивид в отношении власти проявляет патернализм – ждет от государства благ и помощи, опасается диктата и ограничения свободы, но в малой степени стремится изменить существующее положение дел. У подавляющего большинства молодых людей нет близких по духу и интересам протестных движений. Она не готова решать проблемы протестными акциями, так как сомневается в их эффективности и опасается последствий как для себя лично, так и для социума в целом. Прагматичная молодежь не хочет быть инструментом реализации чуждых ей интересов не внушающих доверия лидеров оппозиции.

Вместе с тем молодые люди не видят непреодолимых преград для решения проблем, даже в РСО-А. В основном надежды в преодолении российских трудностей связаны с действующим президентом РФ, значительно меньше – действующим правительством и Государственной Думой, в какой-то мере российскими бизнесменами и оппозицией. За решение региональных проблем несут ответственность Глава РСО-А и правительство РСО-А. Но без Президента РФ и Правительства РФ им не справиться.

Каждый третий молодой человек позиционирует себя как активного и амбициозного патриота, которому и следует решать проблемы страны в целом и республики, в частности. Свою республику молодежь любит, гордится ее историей и великими личностями, верит в ее лучшее будущее. Каждый десятый молодой человек готов взять на себя ответственность за нее.

Своих жизненных целей молодежь готова добиваться всеми доступными средствами, не исключая миграцию в целях реализации права на возможность получения лучшего образования, лучшего профессионального и социального опыта, лучшего качества жизни. Намерение уехать из республики наблюдается у более чем половины молодых людей, но две трети из них хотят вернуться в Северную Осетию.

Если бы молодежи представилась возможность решать политические и социально-экономические проблемы, то она, прежде всего, занялась бы внутренними проблемами страны и оптимизировала внешнюю политику страны, чтобы справиться с нарастающим экономическим кризисом внутри страны и растущей напряженностью в отношении России со стороны западных стран. Пора заняться проблемами народа – бедностью населения из-за безработицы, низкой заработной платы, пенсий, неразвитостью большинства регионов, раздутостью и коррупционностью чиновничьего аппарата.

Итак, в пореформенный период сформировалось поколение, которому небезразлично происходящее вокруг него, но пока оно не готово в силу возраста решать проблемы социума. Нынешнее поколение не станет заниматься общественной и политической деятельностью, не будучи уверенным в том, что это принесет пользу как им самим, так и окружающим. Оно отличается от старших индивидуализмом, активностью в достижении своих целей. Но, по-прежнему, главные устремления молодых людей связаны с семейными ценностями.

Литература

1. Бобкова Н.Д. Теория и практика общественного развития. Социально-историческая функция специальности «Организация работы с молодежью» // Теория и практика общественного развития. 2010. С 141-143. [Электронный ресурс].

URL:http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/pedagogika/bobkova.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

2. Гребенникова О.В., Пархоменко А.Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.psystudy.com/index.php/num/2013v6n30/855-grebennikova30.html> (дата обращения: 26.02.2020).

3. Доклад «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала». – Москва, 2013. //Официальный сайт Федерального агентства по делам молодежи РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fadm.gov.ru/upload/iblock/606/report-fadmru2013-11-13.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).

4. Информационные ресурсы в сфере молодежной политики. [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/126/49126> (дата обращения: 26.02.2020).

5. Кравченко Д.Б., Турчак А.А. Молодежная политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cscp.ru/doklad/10199> (дата обращения: 26.02.2020).

6. Лисовский В.Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование). [Электронный ресурс]. URL: http://multikultura.ru/kultura-razgovora/mysl01_09.html (дата обращения: 26.02.2020).

7. Луков Вал. А. Исследования молодежной проблематики в России // Открытая кафедра профессора Московского гуманитарного университета Московского гуманитарного университета [Электронный ресурс]. URL:<http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publ>

ications/professor.ru/Lukov/ (дата обращения: 24.02.2020).

8. Луков Вал. А., Луков С. В., Погорский Э.К., Тихомиров Д.А., Фальковская К.И. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: Концепция исследовательского проекта. - М. : Изд-во Моск. гуманит.ун-та, 2011. - 40 с.

9. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры. Лаборатория Крыштановской // Интернет-журнал «Гефтер», 24.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/8464> (дата обращения: 24.02.2020).

10. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты/Институт социологии РАН, с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL:http://www.isras.ru/analytical_report_youth.html(дата обращения: 26.02.2020).

11. Никонов А.П. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй/Издательство: НЦ ЭНАС, Питер. 2010 г. С. 214.

12. Ценностные ориентации современной молодежи. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.kapitalrus.ru/articles/article/1014>(дата обращения: 26.02.2020).

13. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Т.: Parerga и Paralipomena: В 2 т. Т. 1: Parerga / Пер. с нем.; Общ. ред. и сост. А. Чанышева. М., 2001. С. 230–375.

14. Broad H., Sean C. The Role of Multimodal Literacy in 21st Century Library Instruction.–[Электронный ресурс]. URL: www.ifla.org (дата обращения: 26.02.2020).

15. Drucker P. Post-Capitalist Society. - N.Y.: Harper-Collins Publ, 1995. – 232 p 110. EUR-Lex. Access to European Union law. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:52005DC0206> (дата обращения: 26.02.2020).

Political and ideological identification of modern youth: a sociological analysis

Khugaeva A.A., Gagloev A.T.

North Ossetian State University named after Kost Levanovich Khetagurov

In this publication, using the sociological methods, we studied the specificity of the political and ideological identification of modern youth in one of the regions in Russian Federation - the Republic of North Ossetia - Alania, whose values were formed under the conditions of transformation of social relations in the post-reform period.

The modern youth, the oldest part of which, although born in the times of a planned economy, has already passed the stage of personal formation in the conditions of transformation processes in Russia, which leaves its mark on its social traits.

In particular, the level of political activity of young people is low. The political apathy of the majority of young people is associated with vague ideas about political parties as the main subjects of the political field, and their ability to express the interests of young people. The decline in the interest of young people in politics is naturally accompanied by a clearly pronounced tendency to deideologize young people.

Only a third of young people believe that reforms in Russia are carried out in the interests of young generations. The older, more experienced and educated young people, the less confident among them are. If young people had the opportunity to solve political and socio-economic problems, they would first of all deal with the country's internal problems and optimize the country's foreign policy in order to cope with the growing economic crisis inside the country and the growing tension towards Russia from Western countries.

In the post-reform period, a generation was formed, which is not indifferent to what is happening around it, but so far it is not ready to solve the problems of society. The current generation will not engage in public and political activities, not being sure that it will benefit both themselves and others.

Keywords: The values of youth, the political activity of young people, the adaptation of young people to social and political changes.

References

1. Bobkova N.D. Theory and practice of social development. Socio-historical function of the specialty "Organization of work with youth" // Theory and practice of social development. 2010.S. 141-143. [Electronic

- resource]. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2010/3/pedagogika/bobkova.pdf (date accessed: 02/26/2020).
2. Grebennikova O. V., Parkhomenko A. N. Modern youth in the information society: ideas about information and information preferences. [Electronic resource]. URL: <http://www.psystudy.com/index.php/num/2013v6n30/855-grebennikova30.html> (date accessed: 02/26/2020).
 3. Report "Youth of Russia 2000-2025: development of human capital. - Moscow, 2013. // Official site of the Federal Agency for Youth Affairs of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <http://www.fadm.gov.ru/upload/iblock/606/report-fadmru2013-11-13.pdf> (date of access: 02/26/2020).
 4. Information resources in the field of youth policy. [Electronic resource]. URL: <http://window.edu.ru/resource/126/49126> (date accessed: February 26, 2020).
 5. Kravchenko D.B., Turchak A.A. Youth policy. [Electronic resource]. URL: <http://www.cscpr.ru/doklad/10199> (date accessed: 02.26.2020).
 6. Lisovskiy V.T. The values of life and culture of modern youth (sociological research). [Electronic resource]. URL: http://multi-kultura.ru/kultura-razgovora/mysl01_09.html (date accessed: 02/26/2020).
 7. Lukov Val. A. Research of youth problems in Russia // Opened department of the professor of the Moscow University for the Humanities of the Moscow University for the Humanities [Electronic resource]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Lukov/> (date of access: February 24, 2020).
 8. Lukov Val. A., Lukov S.V., Pogorskiy E.K., Tikhomirov D.A., Falkovskaya K.I. State youth policy: Russian and world practice of realizing the innovative potential of new generations in society: Concept of a research project. - M.: Publishing house of Moscow. guma-nit.un-ta, 2011. -- 40 p.
 9. The mentality of Russian youth: political guidelines and idols. Laboratory of Kryshchanovskaya // Internet magazine "Gefter", 24.04.2013 [Electronic resource]. URL: <http://gefter.ru/archive/8464> (date of access: 24.02.2020).
 10. Youth of new Russia: way of life and value priorities / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, with the Representative Office of the F. Ebert in the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_youth.html (date accessed: February 26, 2020).
 11. Nikonov A.P. The fate of a civilizer. Theory and practice of the death of empires / Publisher: NTs ENAS, Peter. 2010, p. 214.
 12. Value orientations of modern youth. [Electronic resource]. URL: <http://www.kapitalrus.ru/articles/article/1014> (date of access: 02/26/2020).
 13. Schopenhauer A. Aphorisms of worldly wisdom // Schopenhauer A. Collected works: In 6 volumes. Vol. 1: Parerga and Paralipomena: In 2 volumes. Vol. 1: Parerga / Per. with it.; Common ed. and comp. A. Chanysheva. M., 2001. S. 230–375.
 14. Broad H., Sean C. The Role of Multimodal Literacy in 21st Century Library Instruction. -- [Electronic resource]. URL: www.ifla.org (date accessed: February 26, 2020).
 15. Drucker P. Post-Capitalist Society. - N.Y.: Harper-Collins Publ, 1995. - 232 p 110. EUR-Lex. Access to European Union law. [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=C ELEX:52005DC0206> (date of access: 02/26/2020).

Структура семьи и традиции семейных отношений в Китайской Народной Республике в историко-социальном контексте

Ван Мо

доцент колледжа марксизма Технологического университета, Циндао
157314565@qq.com

Цун Линь

аспирант социологического факультета МГУ,
cccr.hist.19171991@gmail.com

В последние годы в научных кругах возрос интерес к теме семьи, которая, являясь своего рода «государством в миниатюре», охраняет человека, прививая ему сформированные годами морально-нравственные ценности, на которых строятся отношения в семье как ячейке общества. Структурная эволюция китайской семьи вызывает особый интерес у исследователей, поскольку традиционное китайское общество всегда было ориентировано на клановую организацию семьи, которая в свое время являлась синонимом стабильности и выживания. В настоящее время, под влиянием глобализационных процессов, структура китайской семьи претерпевает существенные изменения, что не может не сказаться на новых типах семейных отношений, на создании домохозяйств по новому сценарию.

Над тем, плохо или хорошо то, что традиционная, клановая, модель семейных отношений в современном Китае безвозвратно уходит в прошлое, размышляют авторы данной статьи. Описывая типы организации семьи, имевшие место как в древнекитайском обществе, так и у современную эпоху и сравнивая особенности домохозяйств разных типов, авторы статьи приходят к выводу, что в современном китайском обществе доминируют нуклеарная и расширенная модели семьи, что обусловлено новыми социально-политическими условиями.

Ключевые слова: семья, домохозяйство, нуклеарная семья, расширенная семья, клан, традиция.

Существует древняя легенда. Однажды полководец по имени Шэ-гун спросил Конфуция: «Что для человека важнее – государство или его семья?» Конфуций ответил: «Семья» [6, с. 112]. Действительно, брак в китайском обществе всегда занимал и по-прежнему занимает центральное место. Находясь на слиянии индивидуальных желаний и внешней необходимости (государственного контроля, экономических нужд, государственной структурализации и т.п.), семья в Китае является социальной организацией – институтом, необходимым для улучшения здоровья нации [4, с. 4].

В древнем Китае существовало три типа семейных отношений: существовала семья как таковая (в современной терминологии – нуклеарная семья), так называемая расширенная семья и клан.

Базовой социальной единицей в древнекитайском обществе, как и сейчас, являлась нуклеарная семья, т.е. семья, основанная на браке как союзе между мужчиной и женщиной, кровном и некровном родстве. В состав этой семьи входят, как правило, родители, их дети, связанные между собой как кровными, так и некровными узами, т.е. родные и приемные дети, а также родители супругов, если проживают вместе с ними. Важной особенностью нуклеарной семьи является ее «изолированность», то есть закрытость от родственной сети, «освобождение» от давления отношений с родственными группами и связанных с ними прав и обязанностей [11, с. 175].

Второй тип семьи – это расширенная семья. Под этим термином зачастую понимается социальное объединение лю-

дей, состоящих в родственных отношениях, живущих под одной крышей и имеющих общий бюджет. Для современной китайской семьи традиционным социальным идеалом является совместное проживание пяти поколений родственников, хотя для большинства китайцев до сих пор таковым является проживание под одной крышей трех поколений семьи. По данным Общенационального китайского социального исследования, большинство китайских граждан считают, что трехпоколенческая модель расширенной семьи является идеальным вариантом проживания [11, с. 181].

Однако, в последнее время содержание термина «расширенная семья» несколько изменилось. Так, китайские исследователи, как и из европейские коллеги, теперь не считают совместное проживание и бюджет обязательными характеристиками расширенной семьи. Прочность родственных связей, привязанностей, с их точки зрения, проявляется именно в том, что и при раздельном проживании, нередко весьма удаленном, семьи прямых родственников воспринимают друг друга как членов некоего единства [9, с. 77]. Таким образом, под расширенной семьей можно понимать группу свободных, независимых друг от друга домохозяйств, связанных только родственными отношениями.

Теперь остановимся на таком понятии, как «клан», которым, как правило, называется патриархальная организация семейно-родственных связей. С одной стороны, клан и расширенная семья, по своей природе, имеют общие черты, в первую очередь, это наличие определенных родственных связей между несколькими поколениями рода. Однако, клан как организация семейных отношений имеет исторический контекст.

Еще в 30-х годах XX столетия российский китаевед Л.В. Арнольдов, главной редактор газеты «Шанхайская заря», которая издавалась в Харбине в течение двадцати лет, начиная с 1925 года, писал о традиции «культы пред-

ков», которая живет «в сознании каждого китайца – от мала до велика» [1, с. 8]. «Синологи прошлого, - пишет он, все строили на культе предков, все им объясняли и истолковывали: почему китайцы брачуются в раннем возрасте и почему невеста выбирается родителями, почему все внимание в семье обращено на воспитание мальчиков, а к девочкам царит, в лучшем случае безразличие, почему в китайской семье вся власть принадлежит старшему в роде, почему жена, входя в дом своего мужа, считается потерянной, становится чужой для дома своих собственных родителей, почему и для чего в Китае разрешается многоженство, почему за гробом покойника несут изображение любимого коня и всего, что радовало его при жизни и т.д., и т. д., и т. д. Все это вытекает и объясняется культом предков» [1, с. 8].

В древнем Китае люди жили кланами – не обязательно под одной крышей, но недалеко друг от друга. Многочисленные родственники, живущие на сопредельной территории, всегда помогали друг другу, поддерживали друг друга и зачастую вели общее хозяйство. При этом живые представители клана всегда чтили и уважали память предков, возводя в их честь храмы, где справлялись религиозные обряды и церемонии в их честь. Таким образом, кланом в древнекитайском обществе называлась «прочное семейно-родовое сообщество, члены которого тесно связаны кровнородственными узами с общим предком по мужской линии до пятого колена» [8, с. 60]. Клан объединял «совокупность семейств, связанных общим храмом предков, храмовой землей и совместным хозяйством» [5, с. 46]. Как отмечает Е.В. Воцилина, «основной целью семейно-клановых взаимоотношений было продолжение генеалогической линии, и, согласно традиционным верованиям, обеспечивало заботу не только о ныне здравствующих членах семьи, но об усопших предках» [2, с. 30]. Однако, и сегодня большинству китай-

ских домохозяйств близка идея «клановой культуры», поскольку современные китайцы осознают значимость иметь потомков, которые могли бы оказать помощь своим родителям в их старости [9, с. 53]. Таким образом, «культ предков и традиция сыновней почтительности создали в Китае подлинный культ семьи, явившийся основой функционирования общества» [2, с. 30].

Но если говорить о традиционных моделях семьи в китайском обществе, то современная семья все более и более становится нуклеарной. О превалирующем характере этого типа семьи писал еще Л.В. Арнольд: «Каждая семья это, прежде всего, независимая социальная единица, где ex-officio власть принадлежит отцу, авторитет которого среди членов семьи, живущих вместе, непререкаем, но где фактически центром домашней жизни является мать. Именно мать решает, когда ребенок должен начать ходить в школу, мать находит для сыновей невесту, мать дает согласие на замужество дочерей и, конечно, на ней лежит не только наблюдение за домашним хозяйством, но и за соблюдением всей обрядовой стороны семейного уклада» [1, с. 47].

Современная китайская нуклеарная семья, как правило, небольшая в количественном отношении: в ее состав обычно входят родители и один или два ребенка. Членами такой семьи могут быть, как мы уже отмечали, бабушка или дедушка по материнской или отцовской линии.

Как отмечает китайский исследователь Фэй Сяотон, семья по-китайски – это группа, в основе которой лежит экспансия нуклеарной семьи, и она является основной социальной группой для совместной жизни китайцев [11, с. 192]. Но, несмотря на то, что нуклеарная семья в современном Китае доминирует, некоторые ученые до сих пор настаивают на том, что расширенная семья по-прежнему занимает стержневое положение в структуре китайского общества. Так, согласно исследованию Хуан Цзун-

чжи, проведенному в 2011 году, в китайских селах почти все единственные сыновья живут с родителями, что приводит к увеличению доли трехпоколенных семей [11, с. 193].

В последние годы, как отмечают исследователи, в Китае увеличилось количество так называемых семей с «пропущенным поколением» (эта тенденция характерна для сельской местности), в которых прародители заменяют родителей, опекая своих внуков. В адрес таких семей можно услышать много критических замечаний, поскольку престарелые родители матери или отца, как правило, не имеют должного уровня образования. Окружая своих внуков заботой, они балуют их и не воспитывают должным образом. Но с другой стороны, воспитание в таких семьях имеет некоторые преимущества: во-первых, бабушки и дедушки имеют практический опыт воспитания детей, а, во-вторых, у них, по сравнению с загруженными работой родителями, вынужденными зачастую трудиться с утра до ночи далеко от дома, чтобы помочь семье материально, больше времени на воспитание внуков [11, с. 191]. К какому типу семьи относится та семья, в которой бабушки и дедушки заменяют своим внукам родителей? Конечно, нуклеарной ее не назовешь. Скоро всего, это тип расширенной семьи, в которой такая замена родителей носит временный характер и связан с миграцией «ядра» семьи, т.е. родителей, отправившихся в большие города страны (чаще всего, в столицу) в поисках заработков, где они вынужденно остаются на длительный срок.

Члены расширенной семьи тесно связаны между собой и бытом, и работой, хотя, как показала практика, взрослые дети, хотя и живут под одной крышей со своими родителями, более чем в 50 % случаев старшее и младшие поколения не объединяют свои финансы [9, с. 34]. Довольно часто члены такой семьи живут либо в одном и том же доме, который передавался от отца к сыну по наследству, либо на земле, владельцем которой был их общий предок,

что характерно для сельской местности. Они совместно управляют общей семейной собственностью, совместно решают семейные проблемы. Но не только материальные отношения лежат в основе расширенной семьи. Кровные родственники принимают на себя безусловную и безграничную ответственность не только за заботу и поддержку друг друга, а в первую очередь, старшего поколения, но и за предыдущие и будущие поколения семейной линии. Это то, что в целом понимается как «быть достойным своих предков и потомков». Эта культура «сыновней почтительности», соединяющая предков и потомков, говорит о том, что расширенная семья носит клановый характер.

Материальной основой выживания семьи-клана является семейная соб-

ственность, а духовной – любовь и уважение ко всем членам рода (как живым, так и ушедшим «в мир иной») и сохранение родовых традиций (это могут быть переходящие от поколения к поколению правила поведения в семье, модели семейного воспитания, принципы семейной деятельности и т.д.), хотя родовые храмы, которые в древние эпохи являлись местом семейных собраний, совещаний и разного рода мероприятий, в современном Китае функционируют как памятники культурного наследия.

Итак, основным способом поддержания родственных связей в Китае являются семейно-клановые отношения, структура которых представлена на рис. 1.

Рис 1. Структура китайского клана

Китайский социолог Фэй Сяотун, исследуя общую модель социальной структуры семейных отношений, пишет: «В нашем обществе самые важные связи – родственные – похожи на круги, идущие от камня, брошенного в озеро. Родственные связи – это социальные отношения, формируемые рождением и бракосочетанием. Сети, произведенные рождением и браком, могут быть расширены до бесконечного числа людей – в прошлом, настоящем и будущем... Несмотря на эту бесчисленность, тем не менее, центром каждой сети, подобно

паучьей сети, является сам человек. Каждый имеет подобную родственную сеть, но люди, включенную в одну сеть не одни и те же, что в другой сети» [цит. по: 3, с. 78].

Стремление к организации семейных отношений по типу клана, по мысли Е.Н. Грачикова, связано с тем, что «изначально в сознание каждого китайца, можно сказать еще при рождении, фактически на генетическом уровне, вкладывается понимание единства государства и семьи, представление о государстве как о большой семье. И хотя сама

семья не является политической организацией, тем не менее, с древних времен семья в

Китае считается основной ячейкой, клеткой, из множества которых состоит государство» [3, с. 28]. Поэтому понятие «семья» в сознании китайцев используется не в обычном понимании, а в значении «род» и «клан».

Семья-клан для современного китайца – это и поддержание морально-нравственных традиций семьи, и соблюдение семейной этики и социальных ритуалов, и определенного уровня судебная система для провинившихся членов рода. Кроме морального и этического сознания, клановая организация семьи формирует у китайских граждан также коллективизм и сознание послушания.

Именно этика «сыновней почтительности» как послушания отличает традиционные китайские межпоколенные отношения от таковых, имевших место в западных странах. К ключевым чертам «сыновней почтительности» обычно относятся обязанность поддержки своих родителей, в том числе и материальная забота о них, продолжение линии рода. Однако, в последние годы в современном китайском обществе этот очень важный нюанс семейных отношений, когда поддержка родителей являлась особой функцией семьи, к сожалению, постепенно отходит на задний план. Ученые считают, что серьезный ущерб по системе семейного ухода за родителями нанесла жесткая демографическая политика имевшая место в Китае долгие годы, которая пришла на смену конфуцианским понятиям о большом потомстве. Единственный ребенок был просто не в состоянии осуществлять должный уход за своими родителями и двумя парами бабушек и дедушек. Кроме того, на смену концепции «абсолютного послушания отцу» пришла идея равенства всех членов семьи между собой, на что оказала сильное влияние европейская культура. Таким образом, связь между поколениями на

духовном уровне постепенно ослабевает и сейчас в отношениях родителей и их взрослых детей все больший акцент делается на материальную сторону отношений между ними. Но, тем не менее, выросшие дети по-прежнему питают уважение к старшим членам своей семьи и продолжают о них заботиться [7, с. 100].

Цель клановой организации родственных отношений заключается не только в том, чтобы сохранить уникальные традиции каждого рода, бережно передавая из поколения в поколение его историю, устав, особенности быта, традиции воспитания детей, но объединить всех членов рода, от мала до велика, способствуя тем самым гармонизации межличностных отношений. Но тем не менее, как считают китайские социологи, клан как одна из моделей китайской семьи препятствует прогрессу китайского общества, ибо построено на определенной иерархии (от отца – к сыну), неравенстве, строгой дисциплине, патриархальном порядке, ограничении личного пространства. Но не только эти черты повлияли на тот факт, что большинство современных китайских семей не изъявляют желания вернуться к клановому типу организации семейных отношений. Китайцы все чаще и чаще стремятся создавать свободную семью – новый тип семьи, отличающийся невмешательством в финансовую жизнь партнера и делением всех расходов между супругами на равные части. Чаще всего такая семья состоит из двух человек. Большинство жителей Пекина, Шанхая, Гуанчжоу одобряют такую систему семейных отношений [10, с. 243].

В китайской семье XXI века уже не смотрят на старшее поколение как на носителя жизненного опыта и знаний, что говорит об уходе в прошлое одной из старейших традиций семьи – концепции «сыновней почтительности». Конечно, речь не идет о том, что молодые семьи бросают своих престарелых родителей на произвол судьбы, но чаще всего их поддержка ограничивается духовой и финансовой помощью. Духов-

ной же связи между старшим и младшим поколениями - такой, как была раньше - уже нет, что зачастую приводит родителей к депрессии и потере душевного спокойствия.

Отсутствие большой семьи (клана) приводит к тому, что нарушается преемственность поколений. Молодые семьи уже не придерживаются тех морально-нравственных ориентиров, на которых всегда держалась китайская семья. Так, сегодня все большее и большее количество семей выбирают бездетность, что у старшего поколения вызывает тревогу, ведь продолжение рода всегда было основной семейной ценностью, бережно хранимой на протяжении многих веков.

Итак, в XX-XXI веках в китайском обществе произошли кардинальные изменения, направленные на разрушение патриархальных обычаев. Сегодня в Китае семья, построенная на традиционных семейных ценностях, вызванных к жизни конфуцианством, считается пережитком. Но такое отношение к семье формируется, в основном, у городского населения. Сельские жители стараются сохранять традиции предков, хотя и сельских районах Китая семья как клан постепенно исчезает из современной жизни.

Литература

1. Арнольд Л.В. Китай как он есть. Быт и политика. Наблюдения, факты, выводы. - Шанхай: Русская типография «График», 1933. - 371 с.
2. Воцилина Е.В. Семейно-клановые отношения в китайском обществе // Культурологические опыты: сб. статей. - Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2017. - С. 27-30.
3. Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. - М.: Издательство «Русайнс», 2015. - 234 с.
4. Доменак Ж.-Л., Хуа Шанмин. Семейные отношения в Китае. - М.: Наука, 1991. - 215 с.
5. Думан Л.И. Китай: традиции и современность. - М.: Эксмо, 2008. - 400 с.

6. Крюгер Р. Китай. История страны. - М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. - 544 с.

7. Кузьменко Е.Б., Скворцова И.А., Терешкова Н.С. Особенности взаимоотношений в китайской семье // Молодой ученый. - 2015. - № 19. - С. 99-102.

8. Малявин В. В. Конфуций. М., 2012. 934 с.

9. Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая: монография / под ред. И.И. Елисеевой. - СПб: «Реноме», 2018. - 208с.

10. Савченко А.В. Китайская семья в начале XXI века: традиции и реалии // Теория и практика общественного развития. - 2013. - № 8. - С. 242-244.

11. Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И.И. Елисеевой и Аньци Сюй. - СПб.: Нестор-История, 2015. - 720 с.

Family structure and traditions of family relations in the People's Republic of China in a historical and social context

Wang Mo, Cong Lin

Qingdao University of Technology, Moscow State University

In recent years, interest in the topic of the family has increased in scientific circles, which, being a kind of "state in miniature", protects a person, instilling in him the moral and ethical values formed over the years, on which relations in the family as a unit of society are built. The structural evolution of the Chinese family is of particular interest to researchers, since traditional Chinese society has always been focused on the clan organization of the family, which at one time was synonymous with stability and survival. At present, under the influence of globalization processes, the structure of the Chinese family is undergoing significant changes, which cannot but affect new types of family relations, on the creation of households according to a new scenario.

The authors of this article reflect on whether it is good or bad that the traditional, clan, model of family relations in modern China is irrevocably becoming a thing of the past. Describing the types of family organization that took place both in ancient Chinese society and in the modern era and comparing the characteristics of households of different types, the authors of the article come to the conclusion that nuclear and

extended family models dominate in modern Chinese society, which is due to new socio-political conditions.

Key words: family, household, nuclear family, extended family, clan, tradition.

References

1. Arnoldov L.V. China as it is. Life and politics. Observations, facts, conclusions. - Shanghai: Russian Printing House "Graphics", 1933. - 371 p.
2. Voshchilina E.V. Family-clan relations in the Chinese society // Cultural experiences: collection of articles. articles. - Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, 2017. -- S. 27-30.
3. Grachikov E.N. Geopolitics of China: egocentrism and the space of networks. - Moscow: Rusays Publishing House, 2015. - 234 p.
4. Domenac J.-L., Hua Shanmin. Family relationships in China. - Moscow: Nauka, 1991. -- 215 p.
5. Duman L.I. China: tradition and modernity. - M.: Eksmo, 2008. -- 400 p.
6. Kruger R. China. History of the country. - M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2008. -- 544 p.
7. Kuzmenko E.B., Skvortsova I.A., Tereshkova N.S. Features of the relationship in the Chinese family // Young scientist. - 2015. - No. 19. - S. 99-102.
8. Malyavin V. V. Confucius. M., 2012. 934 p.
9. New significance of family and intergenerational relations for Russia and China: monograph / ed. I.I. Eliseeva. - SPb: "Renome", 2018. - 208p.
10. Savchenko A.V. Chinese family at the beginning of the XXI century: traditions and realities // Theory and practice of social development. - 2013. - No. 8. - S. 242-244.
11. Family in Russia and China: the process of modernization / ed. I.I. Eliseeva and Anqi Xu. - SPb.: Nestor-History, 2015. -- 720 p.

Высшее образование как фактор реального формирования нового качества экономики и общества в эпоху «мыслящих машин»

Васягина Татьяна Николаевна

канд. соц. наук, доцент, доцент кафедры «История», Московского авиационного института (Национального исследовательского университета), МАИ (НИУ), tatianavas1972@mail.ru

Шкарубо Сергей Николаевич

канд. филос. наук доцент, доцент кафедры «История», Московского авиационного института (Национального исследовательского университета), МАИ (НИУ), serge_philosof@mail.ru

Статья посвящена проблемам высшего образования в условиях стратегической нестабильности XXI века. В образование внедряются новейшие технологии, связанные с искусственным интеллектом, с изменением механизмов управления, видоизменением мышления управленческой элиты. Они требуют создания новых институтов образования, превышающих достигнутый уровень лучших мировых практик. Трансформация высшего образования в условиях современного кризиса имеет под собой не только объективную основу, но во многом представляет собой субъективный план, который оказывает решающее воздействие на развитие экономики и общества. Сторонники «технологического детерминизма» не связывают направленность технического развития с социальными и культурными процессами. Они считают, что она обусловлена только внутренними законами развития самой техники. Хотя данный процесс следует рассматривать в общем контексте социокультурной динамики. Цель исследования – выявить недостатки, связанные с приватизацией высшего образования инновационным бизнесом, мешающие созданию эффективной управленческой образовательной модели. Использовались как собственные социологические опросы, проведенные в вузовской среде, также и вторичный анализ данных других социологических исследований.

Ключевые слова: высшее образование, молодые ученые, научно-исследовательская деятельность, наукоемкие отрасли промышленности, инновации, студенты, технологии, цифровизация

При анализе института высшего образования и перспектив его развития исследователи отмечают жесткое государственное регулирование, которое порождает институциональные конфликты и проблему эффективности управления. Сегодня российское преподавательское сообщество не испытывает доверия к реализуемой властью политике в области высшего образования (75,9 %) и ждет изменений в этой сфере [1, с. 76-86].

Большой интерес представляют работы, опубликованные на страницах научных журналов «Социологические исследования» Зборовский Г. Е.; Амбарова П. А.; Шуклина Е. А.; Калмыков Н.Н., Сатырь Т.С.; Курбатова М. В., Каган Е.С., Апарина Н.Ф. [1; 2; 3]; «Высшее образование в России» Гаврилов В.С., Колесников В. И., Олесюк Е. В., Шулуц А. А.; Ивахненко Е.Н.; Красинская Л. Ф.; Сенашенко В. С., Макарова А. А.; Серякова С.Б., Красинская Л. Ф. [4; 5; 6; 7; 8]; «Социология образования» Хагуров Т. А., Остапенко А. А. [9]; «Социально-гуманитарные знания» Пусько В.С. [10] и других, где проблемы высшей школы изучаются в социокультурном контексте.

По мнению авторов, Россия вступила в Болонский процесс в 2003 г., приступив к изменению структуры высшего образования без всяких гарантий качества, как это сделали в странах Западной Европы. Целью болонских преобразований в странах Западной Европы было обеспечение качественного высшего образования для всех социальных групп населения, активизация мобильности. Одновременно происходило смешение традиционных систем образования западноевропейских стран с англо-

американской образовательной системой. Присоединение России к Болонскому процессу должно было способствовать включению российского образования в единое международное образовательное пространство, однако реформа не дала желаемых результатов, поэтому вскоре обозначился возврат к советской модели [7, с. 27-29].

Дискуссии о высшем образовании продолжают многие годы на страницах регионального журнала «Казанский социально-гуманитарный вестник» Зелёная Л. Г., Уткина А. Н.; Минзарипов Р. Г., Фурсова В. В, Махамбетова М. А. [11; 12].

Социологическое исследование в г. Казани (апрель 2019) выявило, что преподаватели недовольны зарплатой, считая ее несправедливой, не соответствующей перегрузкам, платным научным статьям и дополнительным обязанностям. Это негативно сказывается на социальном самочувствии вузовских ученых, ведет к их «моральному выгоранию» [12; с. 12].

Проблему противоречий между традициями и инновациями, где к инновациям относятся зарубежный опыт (США, Великобритания, Южная Корея), электронное обучение и цифровые технологии, а к традициям - низкий уровень качества российского образования акцентируют в журнале «Социология» Иванова О.А., Сакович С.М., Казюлина Н.Н. [13].

С другой стороны, «цифровизацию» экономики по-американски некоторые ученые считают своеобразным бизнес-проектом по созданию имитационного общества на Периферии, удел которой – обслуживать метрополию. А просвещение снова становится феодальной привилегией [14].

Цифровая экономика или экономика Больших Данных, где речь идет об управлении персональными данными людей в интересах финансового капитала и ТНК (транснациональных корпораций), грозит появлением новых форм социального контроля, более жесткого, чем в современном обществе, так как

новые технологии позволяют осуществлять контроль над населением хозяевам Big Data. Государство превращается в придаток цифровых платформ.

Социальное государство обременяет финансовый капитал дорогостоящей социальной ответственностью, поэтому подвергается критике, отсюда наступление на права граждан, проекты, ведущие к деградации образования за счет ущемления творческой сферы «при полном попустительстве потребительского гедонизма» верхушки общества [14].

В рамках коллективных монографий Данильченко С.Л.; Козубенко И. И. [15; 16]; научно практических конференций Магарил С. А.; Шкарубо С. Н. [17; 18], а также в острых дискуссиях в периодической печати неоднократно поднимались вопросы «убийства» инфраструктуры бюджетной сферы, неэффективного распределения государственных средств. А также ставилась задача воспитания Субъекта нового знания.

Одним из направлений реализации указанной выше задачи в системе «образование–наука–производство» является научно-исследовательская работа студентов, аспирантов и молодых ученых, а также стратегическое партнерство вузов с промышленными корпорациями [18, с. 302-303].

Одной из первых отраслей в РФ, где уже произошел высокотехнологичный прорыв, является аэрокосмический комплекс, самая наукоемкая отрасль промышленности. Аэрокосмическое производство невозможно без качественной реализации управленческих функций и звеньев: от планирования и прогнозирования, до организации и регуляции [19, с. 49].

Использование высоких технологий требует изменения обучения в высших учебных заведениях технической направленности. Речь идет не о введении дистанционного обучения вместо аудиторных занятий, не об on-line курсах. Вузам необходима эффективная площадка для взаимодействия всех субъектов образовательного процесса:

от студентов, аспирантов, научных работников, молодых ученых до ведущих научных сотрудников высокотехнологичных компаний, иностранных ученых и партнеров [19, с. 50].

Современная эпистема имеет дело с решением глобальных, трансдисциплинарных и межпрофессиональных проблем, которые ломают сложившееся разделение труда. Новые технологии связаны с изменением механизмов управления и мышления Субъекта нового знания. Они требуют создания новых институтов образования [20; с. 167].

Образовательная политика государства может строиться на разных основаниях, как на эгалитарных (образование для всех желающих), так и элитарных (образование для «своих», или для так называемых «лучших»). Второй подход чреват угрозой создания кастового общества. В то время как дорогое (для государства) и качественное, но дешевое (для общества) эгалитарное высшее образование делает Россию одним из культурных центров мира, формирует позитивный имидж страны, дает возможность использования soft power – «мягкой силы». Термин ввел Дж. Най в 1980-х годах для обозначения форм воздействия, противоположных «жесткой силе» [21].

Актуальность темы обусловлена важностью проработки проблемы перехода к новым образовательным технологиям, сопряженной с опасностью продвижения прикладных технологий управления массовым сознанием, вероятностью слома классической системы образования, формирования нового миропорядка. Основная цель исследования – социокультурный анализ изменений российского высшего образования через призму национальной безопасности в условиях цифровизации. Важным способом получения социологической информации были собственные исследования, вторичный анализ всероссийских и региональных исследований. Эмпирической базой послужили также и

материалы периодической печати. Важным источником были беседы, личные наблюдения, интернет-ресурсы.

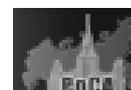
Начиная примерно с 2013-2014 гг., политическим трендом стал «шестой технологический уклад», в основе которого лежит ИИ (искусственный интеллект). Европейские страны ставят на «умных роботов», способных пройти тест Тьюринга. Китай – на дешевых, с «интеллектом лошади, а не шофера». Сформулирована концепция «образовательной глобальности» с использованием дополненной реальности в повседневной жизни [22].

Рост платформенных технологий, безлюдное производство так называемая «Uber-изация» («уберизация» – внедрение компьютерных интерфейсов) мира в шестом укладе неизбежно разделят страны на способные и все остальные. Последние – потеряют государственность и превратятся в территории, управляемые робототехническими корпорациями [22].

Шестой уклад характеризуется несколькими базовыми принципами, среди которых – глобальная виртуализация жизни, т. е. отказ от физической мобильности, замена ее on-line мобильностью сознания. Дистанционное образование призвано перевести мышление человека в иное измерение, где им легче будет управлять. Популяризация дистанционного образования станет приговором Болонской системе с ее «потребителями», «гражданами» и самой «либерализацией», на смену которой придут «регион-экономики» в мире, где каждый сам за себя.

По данным всероссийского социологического исследования, проведенного 7 Федеральных округов РФ в 2007 г., до 1/2 студентов не знали о присоединении России к Болонскому процессу, до 2/3 респондентов не одобряли меры по коммерциализации образования. Всего было опрошено 2084 студента в 19 государственных вузах [23, с. 48].

На этом фоне начал набирать силу широко используемый сегодня техно-

кратический подход, который видит выход в цифровизации вузовской среды и в создании онлайн-курсов [15, с. 125-129].

Приоритет отдается искусственному интеллекту (ИИ), лидерству технократии, связанной с IT-технологиями, а в перспективе - «чипизации» населения. Возникает вопрос, удастся ли при этом сохранить биосоциальную природу человека? Или мы имеем дело с последним поколением людей? При таком подходе «четвертая промышленная революция», согласно терминологии Джереми Рифкина, или «шестой технологический уклад», согласно другой терминологии, несет угрозу превращения человека в придаток «мыслящих» машин. Реальной становится деформация духовного мира человека, формализация его жизни, возрастает угроза духовной деградации общества. Рэй Курцвейл (Kurzweil R.), получивший в США премию National Medal of Technology, работая на Google и IBM в книге «Эпоха духовных машин» прогнозирует прохождение теста Тьюринга машинами к 2029 году.

Поиск новых подходов для создания эффективной экономики и общества - это сложная проблема, которая накладывает большую ответственность на управленческие кадры. Не случайно президент В. В. Путин во время своего ежегодного послания к Федеральному собранию в 2018 г. говорил об образовании. В научную лексику страны вошел термин - «Научно-Образовательный Центр» (НОЦ). Новый проект появился в тексте президентского указа от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204.

По версии Министерства, заказ на образование должен исходить от крупного бизнеса. НОЦ ориентированы на экспорт образовательных услуг. «Крупный бизнес поставит перед учеными правильную задачу», - считают такие чиновники как губернатор Томской области С. Жвачкин, который в кулуарах

Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) отметил: «Для нас НОЦ – это золотой треугольник: власть, бизнес и наука...».

НОЦ, ориентированный на бизнес, должен создавать новые правила игры, генерировать идеи мирового уровня. Речь идет о совместном развитии науки, образования и реального сектора. Регионам, университетам и академическим институтам предлагается придумать варианты мягкого слияния структур РАН и университетов с предприятиями реального сектора экономики. До 2024 г. планируется создать не менее 15 НОЦ мирового уровня на основе интеграции научных организаций и реального сектора [24].

С этой целью Правительство РФ утвердило «Стратегию пространственного развития России до 2025 года» (Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-п / URL: static.government.ru/media/files), которая предполагает формирование 12-ти макрорегионов. В Приложении названы «перспективные центры экономического роста, в которых сложились условия для формирования НОЦ мирового уровня» - это 20 городов.

В Минобрнауки Проект НОЦ декларировался как старт системной перестройки организации науки и образования в стране по образцу США, где фундаментальные исследования сосредоточены в основном в университетах. Поэтому и в России фундаментальная наука, по мнению министерства, должна быть сосредоточена в вузах, а не в РАН и ее институтах. В рамках реализации нацпроекта «Наука» в Томской области было запланировано к 2020 г. создать «Большой университет», который уже сейчас соотносим с МГУ по доле иностранных студентов из 68 стран.

В Иркутске, где работает самый восточный в России национальный исследовательский университет (ИРНИТУ) пока не продвинулись дальше присвоения иркутскому НОЦ названия - «Байкал». В Пермском НОЦ будут приме-

няться технологии безлюдного производства, которые подразумевают уберизацию производства («уберизация» – внедрение компьютерных интерфейсов) для проведения прямых сделок между клиентами и поставщиками услуг в обход посредников [25].

Модели 15 НОЦ регионам предлагалось придумать самим. Идея вошла в нацпроект «Наука», где планировалось к 2019 г. создать пять НОЦ мирового уровня в регионах. Однако для рядовых преподавателей профессиональная деятельность в 2000-е гг. была связана с повышением степени их эксплуатации, вызванной схемой «деньги вслед за студентами». За последние 10 лет XX в. из России выехало за рубеж около 80% математиков, 50% физиков, около 60% биологов, большое количество программистов и представителей других технических профессий, что вело к исчезновению многих научных школ [26, с. 95].

Согласно так называемой теории «технологического детерминизма», определяющим фактором развития выступает техника. Однако процесс развития техники детерминирован не только внутренней логикой, но и сложной системой социокультурных факторов. Технический прогресс опирается на социальный, на свободный выбор живого Субъекта нового знания, деятельность которого обусловлена сложившейся системой социокультурных ценностей.

Как показали опросы преподавателей (N=63) и студентов (N=206) «МАТИ»-РГТУ им. К. Э. Циолковского (далее – МАТИ), что достаточно для репрезентативных выводов, так как соответствует 5% ошибке выборки, обобщенный социальный портрет преподавателей и студентов в начале первого десятилетия XXI в. был достаточно противоречивым.

Отношение к профессии и к высшему образованию у значительной части преподавателей МАТИ было положительным. Они стремились остаться в профессии, ориентируясь в поле стратификационных перемещений не

только на «дензнаки», но и на определенную систему ценностей. Гражданское сознание студентов МАТИ в начале XXI в. находилось на достаточно высоком уровне. Почти каждый второй первокурсник (44%) и почти каждый пятый четверокурсник (19%) готов был жертвовать личными интересами ради страны; 69% респондентов гордились своей страной.

60% – «гуманитариев» (факультет – «экономический») и 40% – «технарей» (факультеты – «информационные системы и технологии» и – «прикладная математика, механика и информатика»); из них 53% первокурсников и 47% четверокурсников, при общем положительном отношении к высшему образованию (77%), к способностям и таланту (64%), к труду (59%), лично для себя считали, что для благополучия и успеха им необходимы: (31%) «случай» или «везение», (19%) «родственные связи», (16%) «деньги» [26, с.52-64].

На открытый вопрос: «Каков Ваш желаемый социальный статус в будущем?» ответили: «Не знаю» (13%). Не ответили – 22% студентов. Остальные – четко обозначили желаемое место работы и должность. Треть респондентов – 34% – видели себя в должности «начальника». И лишь один хотел бы стать профессором, кандидатом технических наук [26, с.61].

В целом преподаватели и студенты МАТИ демонстрировали довольно типичные для современной вузовской интеллигенции культурные ориентиры. Свой социально-экономический статус большинство вузовских преподавателей оценивали как унижительный [26, с.55].

Хотя, по данным Минобрнауки, средняя зарплата по вузу в 2015 г. составляла 130 % от средней по региону, но при этом зарплаты руководства нередко выше оклада рядовых в 8-9 раз. На полные ставки работают единицы преподавателей, а большинство имеют лишь доли – от 0,25 ставки. В 2014/15 гг. провели сокращения преподавателей, а

оставшимся повысили нагрузку. По расчетам, более 60% средств, выделяемых на развитие высшей школы, было потрачено на финансирование управленческого аппарата [27, с. 16-22].

Система научной работы в РФ выстраивается так, чтобы она работала на ТНК (Транснациональные корпорации). К этому ведут и обязательные публикации в западных научных журналах, и оценка деятельности по Хиршу, и проект «Сколково». Пока в РФ нет у преподавателя и ученого достойного оклада и пенсии. Многие уезжают работать за границу, а чиновников одолевает «наукометрия», когда требуется не результат, а отчет о нем [28].

Россия может пойти по пути развития своих технологий, но на это требуется больше времени и умное руководство. Ученые активно занимаются созданием платформ для обработки информации с помощью нейроморфных систем. Есть еще квантовые технологии, предлагающие совершенно другой принцип обработки информации [28].

В то же время так называемая «оптимизация» финансовых затрат и «калькуляция» высшего образования не дали положительного эффекта как и смена ответственных лиц. Недоверие власти к вузовскому сообществу, мелочная опека, сокращение бесплатных мест в вузах, особенно для гуманитариев, ликвидация системы научных школ и подготовки кадров, необходимых для индустриализации – это неполный перечень того, что вело к утрате конкурентоспособности в международном образовательном пространстве. Всего за два месяца борьбы за эффективность Россия лишилась почти 50 университетов и их филиалов [29].

В рамках проекта цифровизации удаленное образование навязывается обществу вместо традиционного ради сиюминутной прибыльности без учета стратегических интересов страны и общества. Однако государство не может экономить на образовании, подменив его цифроманией. Создатели IT-

технологий, попав в туннель собственного «технологического детерминизма», стали его заложниками, поэтому они даже не задаются такими вопросами как развитие личности учащегося. Куда сегодня направлен вектор образовательной стратегии РФ? Насколько реалистичны в своих оценках нацпроекты, и не носят ли они имитационный характер?

По запросу «digital dementia» (цифровое слабоумие) Google выдает около 10 млн. ссылок на английском языке. Термин пришел из Южной Кореи, начавшей раньше других цифровизацию страны. «Цифровое поколение» страдает расстройством внимания, другими когнитивными нарушениями, низким уровнем самоконтроля, старческими деменциями [30].

Для обозначения опасности, которую несет с собой механизация образования и on-line обучение, уже введены термины «цифровое слабоумие» и «псевдодебилитет». Угрозой «всеобщего поглупения» всерьез озабочены западные ученые [30; 31].

В научном пространстве отмечается, что страна отстала в создании суперкомпьютеров. Вся элементная база у нас зарубежная, нет технологий по производству микро- и наноэлектроники. Из заимствованных у иностранных компаний Microsoft или Google технологий Big Data могут появиться только новые формы внешней зависимости. Цифровизация, в центре которой не стоит творческая личность – это субъективный проект, консервирующий стратификационное неравенство, отсталость отдельных слоев, зон и регионов, развивающий только то, что нужно IT-технократам для обогащения и утверждения своего господства.

Компьютерные технологии несут с собой как положительные, так и отрицательные последствия, они предъявляют высокие требования к профессиональному уровню специалиста, могут способствовать как росту творческого начала, так и деградации мышления. Исход противостояния во многом будет

зависеть от цивилизационного выбора народа и правящей элиты, т. е. главных Субъектов, от которых зависит будущее страны.

Сегодня идет настоящая мировая «когнитивная война» в сфере культуры, направленная на уничтожение цивилизационных смыслов. Это война самоидентификаций (отождествлений, причислений себя). Отсюда внедрение новых образовательных стандартов и технологий, основанное на полной трансформации гуманитарных наук, принудительное введение шаблонных ЕГЭ, online тестирования.

Анализ социологических данных, представляющих изменения в научно-образовательной системе РФ, позволяет сделать несколько важных выводов. Оценка качества образования, осуществляемая на основе формальных, второстепенных, унифицированных показателей, транслируемых технократами из министерств и ведомств, несет угрозу «цифрового аутизма», негативно влияющего на выбор ключевых субъектов образовательной политики.

Технократический подход управленцев, увлекающихся идеей цифровизации страны, ведет не просто к очередной насильственной ломке традиций. Он ведет к ликвидации национального государства, утратившего свои функции социальной защиты граждан. Вместо этого появляется электронная система управления (цифровая платформа), включающая личные контакты и обратную связь. Это ведет к господству утилитарного формалистического мышления, не обеспокоенному высшими ценностями. В то время как сегодня на повестке стоят совсем другие вопросы. Качественное высшее образование не может быть дешевым для государства, но оно должно быть массовым и доступным для народа как субъекта культуры.

Литература

1. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Шуклина Е. А. Существует ли система высшего образования в России? //

СОЦИС. Социологические исследования. 2017. - №11. - С. 76-86

2. Калмыков Н.Н., Сатырь Т.С. Российское высшее образование: взгляд экспертов // СОЦИС. Социологические исследования. 2016. - № 8. - С. 91

3. Курбатова М. В. Каган Е.С., Апарина Н.Ф. Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: проблема выбора // СОЦИС. Социологические исследования № 2. - 2015. - С. 123-134

4. Гаврилов В.С., Колесников В.И., Олесюк Е.В., Шурус А.А. К вопросу о национальных моделях образования // Высшее образование в России. 2009. - №3. - С. 137-149

5. Ивахненко Е.Н. Отечественное образование как система и объект управления // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. №8-9. С. 9 – 23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-9-23>

6. Красинская Л. Ф. Преподаватель высшей школы: каким ему быть? (размышления о социальных ожиданиях и профессиональных реалиях) // Высшее образование в России. 2015. - №1. - С. 37-46

7. Сенашенко В. С., Макарова А. А. Образовательные гибриды в высшем образовании России // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8-9. - С. 24-42 <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-24-42>

8. Серякова С.Б., Красинская Л. Ф. Реформа высшего образования глазами преподавателей: результаты исследования // Высшее образование в России. 2013. - №11. - С. 22-30

9. Хагуров Т. А., Остапенко А. А. Реформы российского образования глазами профессионального сообщества // Социология образования. - 2015. - №10

10. Пусько В.С. Гуманитарный компонент инженерного образования // Социально-гуманитарные знания. - М.- 2013. - №5. - С. 108 – 116

11. Зеленая Л. Г., Уткина А.Н. Диверсификация региональных вузов и обра-

зовательные кластеры // Казанский социально-гуманитарный вестник. — № 6. — 2016. — С.42-47

12. Минзарипов Р. Г., Фурсова В. В., Махамбетова М. А. Материальный статус преподавателей вузов в контексте проблематики социального самочувствия // Казанский социально-гуманитарный вестник. № 5.- 2019 (40).- С.9-14

13. Иванова О. А., Сакович С. М., Казюлина Н. Н. Противоречия между традициями и инновациями в системе высшего образования: социально-управленческий аспект. «Социология». Журнал российской социологической ассоциации. - 2017. - № 4.- С. 121-124

14. Панарин А.С. Стратегическая неустойчивость в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003

15. Данильченко С.Л. Развитие системы непрерывного образования в России // Общество, наука, образование: тенденции и перспективы развития: коллективная монография/ Уфа: АЭТЕРНА.- 2018.- С. 125 -129

16.Козубенко И. И. Многополярность понимания субъекта образовательной политики // Современное образование: теория и практика: коллективная монография.- Уфа: АЭТЕРНА.- 2017.- С. 85-88

17.Магарил С. А. Почему общественное сознание России отторгает либеральные идеи? //Актуальные вопросы государственного, муниципального управления и экономики: проблемы, технологии, инновации. Материалы международной научно-практической конференции. МАИ (НИУ) апрель, 2019 / Под ред. Куликова С. П. - М., 2019. - С. 139-149

18.Шкарубо С. Н. Научно-исследовательская деятельность молодых ученых как инновационный ресурс профессиональной социализации // Социально-политические и экономические проблемы современной России / Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, 22 марта 2018. – Махачкала. Алеф.- ДГПУ.- 2018.- С. 302-303

19. Шкарубо С. Н. Современное образование и проблема подготовки инже-

нерных кадров для высокотехнологичного производства.- М.: Экономика и управление в машиностроении.- 2017.- №6.- С. 49-51 // www.ecomanmash.ru

20. Громыко Ю. В. Реанимация российской системы образования. Проблемы и возможности: Другая система координат и навигатор живого субъекта образования // Проектирование будущего. Проблема цифровой реальности: Труды Международной конференции (февраль, 2019, Москва). - М.: ИПМ им. М. В. Келдыша.- 2019.- С. 162-181. - URL: <http://keldysh.ru/future/2019/16.pdf>

21.Наумов А. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации/«Перспективы». http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidz Опубликовано 30.03.2015

22.Переслегин С. Дополненная реальность. Опубликовано: 26/05/2017 URL: <https://omiliya.org/article/dopolnennaya-realnost-sergey-pereslegin> Дата обращения: 29.03.2020

23. Гегель Л. А., Зубков В. И., Николаев Г. Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты – М.: Издательство ООО Типография «Парадиз», 2008

24.Стартовавшие первыми проекты НОЦ получили гарантированную путевку в «высшую лигу» URL: <http://www.sib-science.info/ru/heis/treugolnik-kotyukova-25022019> Дата обращения 10.12.2019

25.Пермская разработка станет основой проектов НОЦ мирового уровня/МК/Пермь <https://perm/mk.ru/economics/2019/12/09/permskaya-razrabotka-stanet-osnovoy>

26. Гегель Л. А., Васягина Т. Н. Социология интеллигенции. М.: МАТИ. 2003

27. Плаксий С. И. Сверхэксплуатация преподавателей – главная угроза высшей школе и развитию в XXI веке/ С. Плаксий // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2004.- № 3. - С. 16-22

28. Чуйков А. Высокотехнологичная видимость. Интервью с президентом РАН А. Сергеевым Аргументы Недели - №36 (680).- 18 сентября 2019

29. За два месяца Россия лишилась почти 50 университетов и их филиалов. URL:

<http://www.ruskiymir.ru/news/185477/>

Дата обращения 31.03.2020

30. Стрельникова Л. Цифровое слабоумие // Химия и жизнь, 2014 № 12
Опубликовано: 6/08/2014 URL:
<https://zen.yandex.ru/media/shevkin/cifrovoe-slaboumie-5d49cd7db5e99200ae049f64>

Дата обращения: 29.03.2020

31. Ясюкова Л.А. Разрыв между умными и глупыми нарастает / URL:
<https://econet.ru/articles/7093-lydmilya-yasyukova-razryv-mezhdu-umnymi-i-глупыми-narastaet> Дата обращения: 31.04.2020

Higher education as a factor of real formation of a new quality of economy and society in the era of «thinking machines»

Vasyagina T.N., Shkarubo S.N.

Moscow Aviation Institute (National Research University)

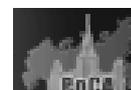
The article is devoted to the development of higher education in the conditions of strategic instability and digitalization of the XXI century. The latest technologies related to artificial intelligence, the complexity of training digital University graduate, changes in management mechanisms, and changes in the thinking of the managerial elite are being introduced into education. They require the creation of new educational institutions that exceed the achieved level of the world's best practices. The transformation of higher education in the context of the current crisis is not only based on an objective basis, but in many ways is a subjective process that has a decisive impact on the development of the economy and society. Proponents of «technological determinism» do not associate the direction of technical development with social and cultural processes. They believe that it is due only to the internal laws of the development of technology itself. Although this process should be considered in the General context of socio-cultural dynamics. The purpose of the study is to identify the

shortcomings associated with the privatization of higher education by innovative businesses that prevent the creation of an effective management educational model. We used both our own sociological surveys conducted in the University environment, as well as secondary analysis of data from other sociological studies.

Key words: higher education, young scientists, scientific activity, high-tech industries, innovations, students, technologies, digitalization

References

1. Zborovskiy G. Ye., Ambarova P. A., Shuklina E. A. Is there a system of higher education in Russia? // SOCIS. Sociological research. 2017.-№11. -.FROM. 76-86
2. Kalmykov N.N., Satyr T.S. Russian higher education: the view of experts // SOTSIS. Sociological research. 2016 ... No. 8.- P. 91
3. Kurbatova M. V. Kagan E. S., Aparina N. F. The behavior of university workers in the context of reforming higher professional education: the problem of choice // SOTSIS. Sociological Research No. 2 ... 2015.- P. 123-134
4. Gavrilov V.S., Kolesnikov V.I., Olesyuk E.V., Shulus A.A. On the issue of national models of education // Higher education in Russia. 2009. -№3. - S. 137-149
5. Ivakhnenko E.N. Domestic education as a system and object of management // Higher education in Russia. 2018. Vol. 27. No. 8-9. S. 9 - 23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-9-23>
6. Krasinskaya LF Higher school teacher: what should he be? (reflections on social expectations and professional realities) // Higher education in Russia. 2015. - No. 1. - S. 37-46
7. Senashenko VS, Makarova AA Educational hybrids in higher education in Russia // Higher education in Russia. 2018. Vol. 27. No. 8-9. - S. 24-42 <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-24-42>
8. Seryakova SB, Krasinskaya LF Reform of higher education through the eyes of teachers: research results // Higher education in Russia. 2013. - No. 11. - S. 22-30
9. Khagurov TA, Ostapenko AA Reforms of Russian education through the eyes of the professional community // Sociology of education. - 2015. - No. 10
10. Pusko V.S. Humanitarian component of engineering education // Social and

- humanitarian knowledge. - M.- 2013.- No. 5. - S. 108 - 116
11. Zelena L. G., Utkina A. N. Diversification of regional universities and educational clusters // Kazan social and humanitarian bulletin. - No. 6. - 2016. - P.42-47
 12. Minzaripov R. G., Fursova V. V., Makhambetova M. A. The material status of university teachers in the context of the problem of social well-being // Kazan social and humanitarian bulletin. No. 5.- 2019 (40) .- P.9-14
 13. Ivanova O. A., Sakovich S. M., Kazyulina N. N. Contradictions between traditions and innovations in the system of higher education: social and administrative aspect. "Sociology". Journal of the Russian Sociological Association. - 2017. - No. 4.- P. 121-124
 14. Panarin A.S. Strategic instability in the 21st century. M.: Algorithm, 2003
 15. Danilchenko S.L. Development of the system of continuing education in Russia // Society, science, education: trends and development prospects: collective monograph / Ufa: AETERNA. - 2018. - pp. 125-129
 16. Kozubenko I. I. Multipolarity of understanding of the subject of educational policy // Modern education: theory and practice: collective monograph.- Ufa: AETERNA.- 2017.- P. 85-88
 17. Magaril S. A. Why does the public consciousness of Russia reject liberal ideas? // Topical issues of state, municipal management and economics: problems, technologies, innovations. Materials of the international scientific and practical conference. MAI (NRU) April, 2019 / Ed. Kulikova S.P. - M., 2019. -- S. 139-149
 18. Shkarubo S.N. Research activity of young scientists as an innovative resource of professional socialization // Socio-political and economic problems of modern Russia / Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference, March 22, 2018. - Makhachkala. Aleph.- DGPU.- 2018.- S. 302-303
 19. Shkarubo S. N. Modern education and the problem of training engineering personnel for high-tech production. - M.: Economics and Management in Mechanical Engineering. - 2017.- No. 6.- P. 49-51 // www.ecomanmash.ru
 20. Gromyko Yu. V. Reanimation of the Russian education system. Problems and Opportunities: Another coordinate system and navigator of a living subject of education // Designing the future. The problem of digital reality: Proceedings of the International Conference (February, 2019, Moscow). - M.: IPM im. M. V. Keldysh. - 2019. - S. 162-181. - URL: <http://keldysh.ru/future/2019/16.pdf>
 21. Naumov A. "Soft power" and the foreign policy image of the Russian Federation / "Perspectives". http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaj_a_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidz Posted on 03/30/2015
 22. Pereslegin S. Augmented reality. Published: 26/05/2017 URL: <https://omiliya.org/article/dopolnennaya-realnost-sergey-pereslegin> Date accessed: 03/29/2020
 23. Hegel L. A., Zubkov V. I., Nikolaev G. G. Value orientations of the Russian student youth: socio-political and educational aspects - Moscow: Publishing house LLC Printing house "Paradise", 2008
 24. The REC projects that were first launched received a guaranteed ticket to the "Major League" URL: <http://www.sib-science.info/ru/heis/treugolnik-kotyukova-25022019> Date of appeal 10.12.2019
 25. Perm development will become the basis of world-class REC projects / MK / Perm <https://perm/mk.ru/economics/2019/12/09/permskaya-razrabotka-stanet-osnovoy>
 26. Hegel L. A., Vasyagina T. N. Sociology of the intelligentsia. M.: MATI. 2003
 27. Plakhsy SI Overexploitation of teachers - the main threat to higher education and development in the XXI century / S. Plakhsy // Alma mater (Bulletin of higher school). - 2004.- No. 3. - S. 16-22
 28. Chuikov A. Highly scientific visibility. Interview with the President of the Russian Academy of Sciences A. Sergeev Arguments of the Week - №36 (680) - September 18, 2019
 29. In two months Russia has lost almost 50 universities and their branches. URL: <http://www.russkiymir.ru/news/185477/> Date of treatment 03/31/2020
 30. Strelnikova L. Digital dementia // Chemistry and Life, 2014 No. 12 Published: 6/08/2014 URL: <https://zen.yandex.ru/media/shevkin/cifrovoe-slaboumie-5d49cd7db5e99200ae049f64> Date of access: 29.03.2020
 31. Yasyukova L.A. The gap between smart and stupid is growing / URL: <https://econet.ru/articles/7093-lydmila-yasyukova-razryv-mezhdu-umnymi-i-glupymi-narastaet> Date accessed: 04/31/2020

Формирование репутации регионального вуза (на примере ИГУ)

Малых Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета, lana.malyx@bk.ru

В статье анализируются условия и формы формирования репутации регионального вуза. Примером рассмотрения является Иркутский государственный университет, где ресурсами репутации выступают педагоги, студенты, ректор и сами образовательные услуги.

Ключевые слова: репутация, региональный вуз, развитие, ресурсы развития репутации, имидж вуза, бренд вуза

Репутация («от лат. reputation) – создавшееся общее мнение о качестве, достоинствах и недостатках чего-либо, кого-либо». Имидж («от лат. imago – образ, вид) – целенаправленно формируемый образ, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.д.

Корпоративная репутация вуза – ценностные характеристики, вызываемые корпоративным имиджем вуза, сложившимся у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг [10].

Мировое образовательное пространство формируется именно в университетах. Университеты в этом аспекте становятся не просто образовательными или научными центрами, но и как социокультурные и экономические центры. Университеты «гумбольтовского» периода изжили себя, сегодня выходят на первый план – университеты «нового типа», в которых помимо опыта и знаний, студенты приобретают навыки в развитие общества знаний, в готовность постоянно учиться и обновлять свои компетенции, что развивает город расположения университета, положительно влияет на инфраструктуру и самих жителей.

Ресурсы развития репутации ИГУ:

- *Образование сотрудников университета.* Постоянное обучение, новые навыки позволяют сотрудникам университета быть среди тех, кто задает рамки и условия развития региона.
- *Повышение квалификации* (курсы, мастер-классы, тренинги, а также дополнительное образование). Активность, креативность, нестандартность, многофункциональность мышле-

ния современных преподавателей позволяет видеть в обычном необычное и находить альтернативы.

- *Применение на практике результатов интеллектуального труда сотрудников университетов.* Активность вовлечения в результаты интеллектуальной деятельности, как через обсуждение, так и через примеры реальной реализации усилий одного человека или коллектива сотрудников – позволяют вывести весь педагогический состав на новый интеллектуальный уровень. Это касается не только технических и естественно-научных специальностей, но и гуманитарных, так как за последними стоят технологии и навыки коммуникативного взаимодействия (через психологию и социологию, литературу и историю и многие другие гуманитарные и социальные дисциплины реализуется формат социальной активности, нарабатывается социальный капитал преподавателя и ВУЗа и закладывается перспективное развитие территории).

- *Целенаправленное формирование имиджа ректора и высшего руководства университета.* Имидж ключевых фигур университета подкрепляет и развивает репутацию вуза в общественном сознании населения региона и за его пределами.

- *Формирование и укрепление имиджа преподавателей и студентов ИГУ.* Имидж сотрудников и студентов – это фактическое доказательство высокой планки и конкурентоспособности образовательного учреждения.

Социальный капитал репутации университета – ресурс его выживания в будущем. Современные тенденции таковы, что без системной работы по развитию различных составляющих интеллектуального капитала университета, касающихся научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава, студентов и аспирантов невозможно обеспечить свое место под солнцем [1,5].

Необходима работа по увеличению роли и значимости репутации вуза в регионе. На наш взгляд она может реализоваться в следующем.

- На общегосударственном уровне, через изменение стандартов системы образования. Уходом от кальки болонской системы, и частичному возврату к отдельным элементам советской системы обучения.

- На внутри-региональном уровне, через социальное партнерство Вузов с органами власти, бизнесом и некоммерческими организациями, имеющими цель совместного развития для совместного блага региона и его жителей.

- На внутри-вузовском уровне, через социальную и материальную поддержку научно-педагогических кадров, их интеллектуальное и социальное развитие, их признание и укрепление авторитета вуза.

- На индивидуальном уровне, через построение индивидуальных стратегий карьеры и роста профессионализма в разных сферах научно-педагогической деятельности вуза [2].

В современном обществе происходят глобальные изменения и это не может не отразиться на университете. Важность и востребованность высшего образования увеличивается как со стороны человека, так и со стороны государства. Эффект прослеживается в экономическом, гражданском, культурном, мировоззренческом потенциале отдельной личности и целых поколений студентов. Институт образования нацелен на формирование высокопрофессиональных специалистов, а также способствует духовному и нравственному обогащению молодого поколения, культурному развитию.

Образованные люди проще выстраивают связь и преемственность поколений. Благодаря им находят применение развитие те знания, что были получены до них, предшествующими поколениями. Не достаточно образованные люди не могут не только преумножать, но даже и воспроизводить знания. И тем самым, нарушается процесс развития общества (базовый принцип социальной структуры – каждое новое поколение должно идти дальше, жить лучше предыдущего).

Традиционно, «заказчиком» для университетов выступало государство. Но перемены последних лет (а в некоторых странах и столетий) способствовали тому, что оно утратило монополию в этом вопросе (во многом, благодаря развитию рыночных отношений). С повышением социальной значимости университетов к ним стали возрастать и требования [7].

Эффективность работы высшей школы (преобразований и повседневных практик) следует оценивать с позиции удовлетворения ожиданий и потребностей общества и отдельной территории. Эффективность высшей школы зависит не только от административных работников университетов

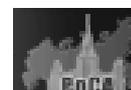
и педагогов, но прежде всего от диалога, между всеми участниками «социального запроса» к университетам (студенты, родители, власть, бизнес, СМИ и проч.). Университет – это ресурс, который сам по себе мало что значит. Его важность и весомость определяется через реализацию в других секторах и социальных институтах всего общества или локальной территории. Но репутация университета закладывает возможности реализации и развития в других областях и сферах жизни в конкретном регионе [8,9].

Корреляция вовлеченности в публичное пространство региона и репутацией вуза представлена в таблице 1.

Таблица 1

Корреляция вовлеченности в публичное пространство региона и репутацией вуза

Инструменты	Известность	Симпатия	Отзывы и распространение информации	Трудоустройство (результаты студентов)
История вуза	Высокая, подкреплена архитектурными зданиями, площадками, библиотеками, спортивными комплексами, лабораториями и т.д.	Высокая. Возрастает при популяризации в публичном пространстве (через публичные лекции, экскурсии и т.д.)	Высокие, положительно влияет обсуждение на форумах в сети Интернет	Выше среднего
Ректор вуза	Выше среднего, известная фигура, но необходимо усиление социального капитала ректора, весомости его мнения, слова и дела	Высокая. Определяется имеющимся в общественном мнении уважением к умным и статусным людям	Средние. Оценки деятельности ректоров ИГУ за последние 20 лет имели неоднозначные отклики. Поэтому, требуется переосмысление позиции и позиционирования себя во вне	Среднее
Ведущие специалисты вуза	Выше среднего, в отдельных подразделениях высокая (зависит от научной школы или социальной активности преподавательского состава)	Высокая, так как строится на личных навыках и коммуникациях отдельных представителей профессорско-преподавательского состава или их интеллектуальном багаже	Высокие в кругу коллег и выше среднего в кругу обывателей	Высокие
Студенты вуза	Выше среднего, отдельные студенты и выпускники получили известность не	Высокая, так как объясняется социальной активностью и высокой социальной от-	Высокие, вне зависимости от контекста (положительной или отрицательной)	Выше среднего

Инструменты	Известность	Симпатия	Отзывы и распространение информации	Трудоустройство (результаты студентов)
	только в городе, области, стране, но и мире. Ориентир на публичных, известных, уважаемых студентов имеется во всех подразделениях	ветственностью студентов, получивших известности в определенных кругах	известности студентов	
Образовательные продукты	Выше среднего на городском, региональном и локально-территориальном уровне (от Урала до Сахалина), в европейской части РФ менее известен. Уважением и статусом обладают отдельные направления и профили подготовки	Высокая, так как качество знаний гарантируется брендом университета	Высокая. Большая часть выпускников хорошо себя зарекомендовали в профессиональном плане, вне зависимости от того, по какой специальности они работают	Выше среднего
<i>Информационное обеспечение в сети Интернет</i>				
Сайт вуза и подразделений	Средняя при одином использовании, высокая степень при использовании рекламы	Высокая, возрастает при использовании страниц в социальных сетях и рекламы	Выше среднего, возрастает при использовании страниц в социальных сетях	Выше среднего
Новостные страницы	Средняя, возрастает при использовании совместно с страницами в социальных сетях	Средняя степень влияния, вырастает при регулярном использовании	Выше среднего при использовании страниц в социальных сетях и сайтов	Высокая
Страницы в социальных сетях	Средняя при одином использовании, возрастает степень при использовании совместно с рекламой	Высокая, имеющая долгосрочный эффект при использовании сайта и новостных страниц	Высокая	Высокая

Таким образом, можно говорить о заключении некоего социального договора между университетом и различными социальными институтами и обществом в целом. Общественный договор – это обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, общественных благ и, тем самым, характера и структуры государства.

Идеальное условие развития репутации вуза, когда сами сотрудники заинтересованы в постоянном обучении, получении новых навыков и знаний, в ис-

пользовании последних научных достижений в образовательном процессе. При этом вуз создает условия и возможности применения этих знаний в работе со студентами, а также в выстраивании взаимодействия с другими социальными институтами. И тем самым запускается эффект развития территории и укрепления репутации вуза.

Университет – это цитадель, способная преобразовывать знания в инновации. Последнее, крайне актуально для регионального развития любой террито-

рии. Университет – это связующая система между всеми элементами регионального социума [4]. Помимо образовательной и исследовательской функций, университету принадлежит функция интеграции народа.

Для бизнеса, власти, СМИ и иных социальных институтов приоритетной сферой социальной ответственности выступает не только экономическая поддержка, сколько условие формирования нового уровня и качества человеческого капитала. Человеческие ресурсы, которые готовятся в университете становятся залогом процветания всех остальных сфер общества. А это, в свою очередь, также влияет на репутацию вуза.

Репутация вуза состоит из репутации людей, в нем работающих или обучающихся: от ректора до студента, от ведущего ученого до младшего лаборанта. «Человеческое лицо» университета формирует репутацию вуза. Чем больше уделяется внимания конкретным людям, их позиционированию во вне – тем более устойчивая и качественная репутация вуза закладывается.

Управление репутацией – это комплекс мер по формированию, контролю и развитию репутационного капитала. Репутация вуза – неоднородное понятие, складывающееся из отдельных репутаций, которые могут быть самостоятельными или рассматриваться в совокупности. Это репутация ректора, преподавателей, студентов, образовательной услуги и т. п. Очевидно, что одна влияет на другую, а все вместе репутации могут производить синергетический эффект, усиливая или ослабляя репутацию вуза [3].

В наиболее понятном виде это означает передачу репутации одного объекта другому. Так, хорошая репутация преподавателя вносит вклад в формирование позитивной репутации вуза в целом. И наоборот, факт работы в вузе с хорошей репутацией добавляет «плюсов» в копилку преподавателя.

Роль репутации университета в общественном мнении населения значима. Пример репутации Иркутского государственного университета является ярким тому подтверждением. Но репутация требует постоянной кропотливой работы со стороны всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. №4. С. 129-136.
2. Малых С.В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. №3. С. 123-133.
3. Малых С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. Пособ. Иркутск, ИГУ. 2018. 121 с.
4. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.
5. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.
6. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учебное пособие. Иркутск, ИГУ. 2012. 146 с.
7. Процюк А.В. Оценка каналов коммуникации вуза, влияющие на его репутацию // Теория и практика современной науки. 2016. № 6-2 (12). С. 67-70.
8. Резник С.Д., Юдина Т.А. Репутация высшего учебного заведения: формирование и управление репутацией вуза: монография. – Пенза, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2012. С. 21.
9. Скрипкина А.В. Известность и репутация образовательного учреждения в формировании положительного имиджа Вуза // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 32-36.
10. Хачатурян Н.Р. Деловая репутация и имидж вуза как составляющие

бренда // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 3-2. С. 336-339.

**Building a reputation of a regional university
(on the example of ISU)**

Malykh S.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the conditions and forms of forming the reputation of a regional university. An example of consideration is Irkutsk State University, where teachers, students, the rector and the educational services themselves are the reputation resources.

Keywords: reputation, regional university, development, reputation development resources, university image, university brand

References

1. Malykh S.V. Influence of the image of Irkutsk State University on territorial development // *Sociology*. 2018. No. 4. S. 129-136.
2. Malykh S.V. The role of the university brand in the formation of the image of the city of Irkutsk // *Urban Studies*. 2018. No. 3. P. 123-133.
3. Malykh S.V., Polyushkevich O.A. *Fundamentals of University Promotion: Textbook. Method.* Irkutsk, Irkutsk State University. 2018. 121 s.
4. Polyushkevich O.A. Corporate solidarity of the university // *Alma mater (Bulletin of the higher school)*. 2016. No. 12. S. 68-72.
5. Polyushkevich O.A. Social responsibility of universities // *Alma mater (Bulletin of the higher school)*. 2012. No. 11. S. 26-29.
6. Polyushkevich O.A. *An Introduction to Corporate Social Responsibility: A Study Guide.* Irkutsk, Irkutsk State University. 2012. 146 s.
7. Protsyuk A.V. Assessment of the communication channels of the university, affecting its reputation // *Theory and practice of modern science*. 2016. No. 6-2 (12). S. 67-70.
8. Reznik S.D., Yudina T.A. *Reputation of a higher educational institution: the formation and management of the reputation of a higher educational institution: monograph.* - Penza, Penza State University of Architecture and Construction, 2012. S. 21.
9. Skripkina A.V. Fame and reputation of an educational institution in the formation of a positive image of the university // *Cultural life of the South of Russia*. 2009. No. 3 (32). S. 32-36.
10. Khachaturian N.R. Business reputation and image of the university as components of the brand // *Economic Bulletin of Rostov State University*. 2007. Т. 5. No. 3-2. S. 336-339.

Социальная структура и anomia в местах лишения свободы: способы социального приспособления осужденных в пенитенциарных учреждениях

Комбаев Алексей Викторович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, kombae@mail.ru

В статье автор анализирует основные типы индивидуального приспособления у осужденных, опираясь на методику Р. Мертона, изложенную в работе «Социальная структура и anomia». В статье описываются модели поведения осужденных различных неформальных групп, существующих в местах лишения свободы, раскрываются поведенческо-групповые установки осужденных и факторы, их обуславливающие. Приводятся результаты социологического исследования, с помощью которого выявляются преобладающие типы социального приспособления осужденных.

Целью работы является анализ типов социального приспособления у молодых людей, впервые отбывающих срок заключения. На наш взгляд, выбранный нами объект исследования — это как раз те люди, которые по каким-либо причинам не смогли добиться желаемого с помощью общественно одобряемых способов.

Ключевые слова: пенитенциарная система, социальная адаптация, осужденные, девиация, тюремная субкультура.

На наш взгляд, любое преступление — это, прежде всего, оценка обществом поведения человека. Если он совершил общественно неодобряемое действие на пути к достижению цели, которую, кстати, тоже проецирует общество, он будет подвержен общественному порицанию или так называемой узаконенной мести в зависимости от степени нарушения общественного порядка и ущерба обществу и конкретному человеку или группе лиц. В истории человечества измерение так называемого правильного поведения меняется: то, что было общественно одобряемым в прошлом, порицаемо в настоящем. Почему так происходит? Прежде всего, меняются установки на успех и понимание самого концепта успеха. На протяжении практически всей истории человечества главным мерилем успеха были ресурсы и их количество у отдельно взятого общества и человека. Так называемые индивидуальные цели человека неизбежно стремятся к успеху, прежде всего материальному. На самом деле цели материального успеха могут быть хорошо завуалированы другими целями, например стать самым лучшим спортсменом или менеджером кампании, но достижение этих целей неразрывно связывается с материальным успехом и общественным одобрением.

По нашему глубокому убеждению, на пути к материальному успеху общественно одобряемыми способами лежат объективные и субъективные препятствия, такие как неблагоприятная социальная среда, в которой формируется человек, интеллектуальные, физические и иные возможности.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта «Трансформация региональной преступности», выделенного Бурятским государственным университетом имени Доржи Банзарова.

Невозможность преодолеть объективные препятствия на пути к достижению желаемой цели толкает человека на нарушение существующих правил и на достижение целей в обход одобряемых обществом способов. Определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникающую ситуацию [1]. Например, конечная цель — богатство, которого можно достигнуть, став специалистом, востребованным на рынке труда. Но если нет условий для профессионального роста, а есть желание, индивид склонен нарушать установленные правила и совершать действия вне правил социума, которые наиболее быстрым способом позволят достигнуть материального благосостояния. С изложенной позицией можно поспорить, сказав, что причины преступления имеют в своей основе комплексный характер, начиная от социальной среды заканчивая психологическими особенностями человека, и, бесспорно, это так, но определяющей причиной все-таки является общественная цель, то есть то, что становится смыслом существования больших социальных групп, — материальный достаток в том или ином виде. Невозможность его достижения приводит и к психофизиологическим изменениям, и к социальным болезням.

Преступное поведение человека в обществе волновало людей всегда, в силу чего был накоплен достаточно богатый опыт изучения преступности с позиции различных наук. Понимание социальных процессов таким образом, как описано выше, подтолкнуло нас к мысли о том, почему бы не взглянуть на социальную адаптацию людей в местах лишения свободы по-новому, например через призму их поведения в достижении обозначенных целей, для этого мы использовали идею Р. Мертон о социальной структуре и аномии. На наш взгляд, очень интересно, каковы способы адаптации осужденных в специфической закрытой среде и возможно

ли вообще применить такой подход в местах лишения свободы. Можно с твердой уверенностью сказать, что при изучении социальной адаптации осужденных, да и в целом пенитенциарной системы, исследований с обозначенной автором позиции не проводилось. Мы считаем, что если выяснить тип приспособления и соответствующие этой модели ценности человека, можно сделать далеко идущие выводы об эффективности исправительной системы в целом.

При реализации озвученной идеи в теоретическом плане были очень интересны работы М. Н. Гернета, который считал, что к преступности и преступнику нужно подходить не только с чисто юридической точки зрения, а в первую очередь как к явлению социальному, с которым надо бороться не путем репрессий, а прежде всего путем устранения тех общественных причин, которые его порождают, то есть путем социальных преобразований [2]. Классические работы таких исследователей, как Э. Дюркгейм [3], Р. Мертон [1], Т. Парсонс [4], дали понимание того, что преступление во многом обуславливается самой социальной структурой общества, которая выступает катализатором того или иного мотива поведения, в том числе и преступного.

Из современных работ в области изучения пенитенциарной девиации нам была интересна монография А. Н. Олейника «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти» [5]. Автор подробно анализирует особенности закрытого социального пространства, выявляя внутреннюю структуру и иерархию в среде осужденных и их основные поведенческие мотивы. Не менее интересна и полезна в методологическом плане для построения авторской концепции, описанной в данной статье, была монография И. И. Осинского и М. К. Гайдай «Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ» [6], в которой авторы освещают

проблемы функционирования замкнутых систем, региональных пенитенциарных учреждений России. Диссертационное исследование В. А. Анфигенова «Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции» усилило нашу убежденность в том, что поведенческие модели у осужденных обусловлены индивидуальными «нормами целями» культуры и существующими институтами, санкционирующими средства достижения этих целей [7].

В представленной статье методологическим основанием выступает работа Роберта Мертона «Социальная структура и аномия». Мы взяли за основу мысль о том, что сама социальная структура может толкать человека к неподчинению. В работе были определены типы осужденных по способам приспособления:

- поведенческая модель, обозначенная нами как *подчинение*;
- поведенческая модель *инновация*;
- поведенческая модель *ретре-тизм*;
- поведенческая модель *мятеж*.

Ниже мы опишем способы реализации этих поведенческих моделей в местах лишения свободы.

О методике исследования

Исследование проводилось в 2019 г. в колонии строго режима г. Гусиноозерск Республики Бурятия. Для реализации авторского замысла был проведен ряд исследовательских процедур, таких как анализ документов, интервьюирование осужденных и сотрудников пенитенциарной системы, наблюдение, анкетный опрос. Мы считаем, что только комплексный подход позволит объективно описать исследуемый объект. Было проведено 22 формализованных и неформализованных интервью, как с осужденными, так и с сотрудниками колонии № 1 г. Гусиноозерск. Полученный материал позволил сделать выводы о формальных и неформальных отношениях в местах лишения свободы. Помимо интервьюирования было проведено анкетный опрос, вопросы в анкете

были разбиты по блокам, каждый из которых отражал тип социального приспособления, описанный Р. Мертоном. На момент исследования в колонии строго режима содержалось 600 человек, из которых мы опросили 182 человека из разных неформальных групп.

Типы социальной адаптации в местах лишения свободы

В результате проведенного исследования мы выделили и охарактеризовали типы индивидуального приспособления осужденных. Мы постарались описать причины того или иного способа индивидуального приспособления в местах лишения свободы.

Инноваторы. Осужденные, которых мы отнесли к инноваторам, очень часто занимают высокую позицию во внутренней социальной иерархии тюремного сообщества.

Условно обозначенные нами как инноваторы осужденные показывают удивительную двойственность натуры: с одной стороны, они готовы следовать правилам внутреннего распорядка и явно не проявляют агрессивного поведения по отношению к сотрудникам пенитенциарной системы, с другой — по отношению к осужденным ведут себя покровительственно. Зачастую инноваторы занимаются распределением так называемого общака и решают спорные вопросы в среде осужденных, тем самым выступая в роли теневого регулятора тюремной жизни, действующего наряду с официальными правилами и внутренним распорядком. Неформальный свод правил или понятий трактуется ими в зависимости от ситуации. Основной мотив у данной социальной группы — это достижение наивысшей точки комфорта, возможной в текущей для них ситуации.

В результате интервью и анкетного опроса осужденных, которые относят себя к неформальной группе так называемых блатных, были выявлены устойчивые черты, которые позволили отнести данную социальную группу к инноваторскому типу приспособления. Мы

выяснили, что многие осужденные, находясь вне изоляции от общества, сознательно нарушали закон, так как это был наиболее быстрый и эффективный способ достижения желаемого. Опрошенные отмечают, что разбогатеть или получить желаемую вещь с помощью существующих правил, не нарушая закон, для них было неприемлемо и практически не реализуемо. Сами правила социального взаимодействия многие считают несправедливыми, а свои преступления расценивают как акт восстановления справедливости в отдельно взятой ситуации.

Иван, ст. 116 УК: *«я сделал так, как правильно, а не как законно, и свое забрал, у этого человека и так все есть, и не потом и кровью, сию ни за что...».*

Находясь в местах лишения свободы, молодые преступники, отбывающие свой первый срок, не только не осознали противоправность своего деяния, но и утвердились в вере в то, что противоправный образ жизни — единственно возможный вариант достижения материального благосостояния. Ввиду отсутствия социальных лифтов альтернативы выступает движение по неформальной социальной лестнице криминального мира.

Максим, ст. 158 УК: *«я и после освобождения благовать буду, благовать по-разному можно, уже меньше «рисовок», спокойнее себя вести буду, просто решать серьезные дела и быть при деле. Соответственно, и деньги будут...»* (Из неформализованного интервью с осужденными исправительной колонии № 1. Лексика сохранена).

Ориентация на силу и связи, достижение цели независимо от средств, так как победителей не судят, являются жизненным кредо для многих осужденных. Необходимость соблюдать правила внутреннего распорядка и в то же время следовать диаметрально противоположным правилам воровского мира заставляет данную социальную группу находить альтернативные решения,

опять же в пользу комфорта, а своих адептов убеждать в том, что это закономерный процесс и необходимость. Зачастую осужденных, свято верующих в воровской кодекс, толкают на правонарушения в местах лишения свободы для удовлетворения своих меркантильных интересов.

23% опрошенных осужденных считают, что подчинение негласным правилам, существующим в местах лишения свободы, первично и важнее, чем соблюдение правил внутреннего распорядка исправительной колонии, еще 27% опрошенных считают нарушение правил возможным, если это необходимо для достижения какой-либо цели.

Конформность — данный тип очень сложно выявить в местах лишения свободы, так как, с одной стороны, конформность предполагает одобряемые обществом цели и выбор социально одобряемых средств в достижении поставленных целей. Соответственно, с этих позиций совершение преступления — это нонсенс.

На наш взгляд, конформисты в меньшей степени должны были бы быть склонны к совершению преступлений. Размышляя над причиной того, почему условно обозначенная нами группа конформистов совершает преступление, мы пришли к выводу о том, что для многих преступление было обыденностью: *«В моем окружении считалось, что я ничего плохого не делаю, только сейчас понимаю, что совершил преступление, так делали все, но попался я».* Человек, находясь в обществе людей, ценности которых ориентированы на противоправные деяния, воспринимает мир сквозь призму установок этой группы и в силу конформности следует правилам этой группы. У многих осужденных друзья, родственники или даже один из родителей отбывали сроки наказания за те или иные преступления. Человек в этой системе является конформистом. Обычно это подростки.

В ходе интервью мы очень часто фиксировали следующие высказывания. *«Молодой был, вроде баловство,*

да и все так себя тогда вели, а я крайний остался. Да и если бы вел себя по-другому, меня бы во дворе просто зачморили, тогда я вел себя так, как требовала улица, а о каких-то других законах я вообще не думал...» (Из неформализованного интервью с осужденными исправительной колонии № 1. Лексика сохранена).

Осужденные, ориентированные на способ приспособления, который мы обозначили как конформность, ведут себя бесконфликтно с другими осужденными и с администрацией колонии. Конформисты во многом очень быстро приспосабливаются к окружению, и в большей степени их поведение зависит от того, у кого на данный момент перевес в силе: у формальной власти в лице администрации колонии или у неформальных групп осужденных. Конформисты легко идут на контакт и даже готовы в значительной степени сотрудничать с администрацией колонии при условии анонимности и возможных привилегий. Зачастую конформисты легко занимают должности, которые не в почете у так называемых блатных авторитетов.

Тип приспособления **конформизм** очень распространен в местах лишения свободы. Следует отметить, что люди данного типа приспособления очень часто являются инструментом для достижения меркантильных целей инноваторов либо становятся помощниками администрации колонии в той или иной степени, так как это дает возможность получить условно-досрочное освобождение.

Ритуализм. Существует тонкая грань между ритуализмом и конформизмом: конформист достигает желаемых целей прежде всего с помощью одобряемых обществом средств, ритуалист зачастую не имеет цели, он просто подражает и имитирует какую-либо деятельность. Ритуалисты — это люди, которые до лишения свободы во многом воспроизводили социальные практики своего окружения, в котором преступления для многих является нормой. Среди ритуа-

листов практически нет убийц и насильников, в основном это нетяжелые статьи. Для многих тюрьма — это некий ритуал или обязательная социальная практика для нормального становления в своем социальном окружении, некий этап взросления. С детства отражая поведение своего социального окружения, а оно, как правило, неблагополучное, ритуалист в большей степени воспроизводит одобряемые его окружением действия. В местах лишения свободы быстро приспосабливаются к новому окружению, могут, как и конформисты, примыкать либо к администрации, либо к наиболее авторитетным осужденным, которые являются неформальными представителями власти.

Свое отношение к успеху опрошенные осужденные, которые, по нашему мнению, являются ритуалистами, выразили в следующем утверждении: *«Проще вообще ничего не делать, так как все равно с моими возможностями ничего не выйдет».*

Как отмечают в интервью сотрудники колонии, некоторые из осужденных, попадая в колонию, приобретают тот комфорт, которого не испытывали на свободе. Кто-то из осужденных первый раз за долгие годы спит на чистом постельном белье и регулярно питается. Сотрудники колонии отмечают, что у некоторых осужденных нет особой цели, живут по инерции. Многие, освобождаясь из мест лишения свободы, теряют привычный образ жизни, дисциплину и контроль и начинают пить алкоголь и употреблять наркотики, им ничего не интересно. В состоянии алкогольного опьянения совершают новое преступление и попадают в места лишения свободы вновь и вновь.

Бунт или мятеж. Для некоторых осужденных совершенное преступление видится как некий протест против системы. Людей, которых мы отнесли к типу приспособления *бунт*, не так много в местах лишения свободы, как правило, у них «тяжелые» статьи — разбой, убийство, реже воровство. Бунт проявляется по отношению к жестоким

правилам в семье, в результате чего происходит убийство. Еще один способ устранения несправедливости — это грабеж так называемых барыг, которые взвинчивают цены и, по представлению осужденных, тем самым обманывают. *«С моей стороны это был протест против системы и сложившихся правил, существующих в обществе, они несправедливы»*. Таковы причины совершения преступлений у 13,2% опрошенных нами респондентов.

Зачастую в местах лишения свободы осужденные сталкиваются с умноженной несправедливостью и вольной трактовкой так называемого воровского кодекса и при отсутствии поддержки родных и близких людей, которая выражается в количестве и качестве продовольственных посылок, начинают переосмысливать свое поведение и нередко меняют свой тип приспособления с бунта на ретретизм или конформизм. Из глубинных интервью мы выяснили, что были случаи и физического насилия отдельно взятых представителей условно выделенной нами группы бунтарей. Очень часто публичный акт насилия или унижения провоцируется более организованными инноваторами по отношению к другим условно выделенным группам и по молчаливому согласию сотрудников исправительных колоний для укрощения особо неудобного осужденного.

Ретретизм. В большей степени это уход от реальности от активных социальных практик взаимодействия. Причина, по которой условно обозначенный нами ретретист попадает в тюрьму, совершенно очевидна: ведя зачастую асоциальный образ жизни, употребляя алкоголь и наркотики, не имея личных целей и желаний, человек, находясь в пограничном с нормальным состоянием, совершает противоправное действие, обычно это кража или хулиганство. В местах лишения свободы ретретистов крайне мало. Мы постарались понять, как ретретизм может проявляться в специфическом закрытом социальном пространстве колонии, и пришли к выводу,

что режим и контроль не дадут устроиться человеку из вынужденного социального окружения. Но человек может все-таки отрешиться от социума путем ухода в религию либо лишив себя жизни. Следует отметить, что в изучаемой нами колонии в принципе попыток суицида не фиксировалось. Также крайне мало религиозных adeptов, хотя условия осуществления религиозных практик на территории колонии есть.

В результате проведенного нами исследования мы пришли к следующим выводам:

- так называемые воровские понятия во многом выступают инструментом получения материальной или иной выгоды;

- механизмы достижения целей, а они, как правило, материального характера, практически не меняются, проще говоря, причины преступности остаются неизменными, а следовательно, возникает вопрос об эффективности изоляции человека от общества;

- мы считаем, что, понимая тип приспособления человека в социальном пространстве и имея инструменты его определения, можно создать менее конфликтную социальную модель изоляции человека от общества и разрушить сложившийся годами так называемый воровской порядок, регулируемый неформальными понятиями;

- попадая в места лишения свободы, человек приобретает новый социальный статус и новую социальную роль, которая закрепляется за ним даже после освобождения и во многом влияет на его дальнейшую жизнь;

- иерархичное тюремное сообщество выступает инструментом регулирования порядка/беспорядка в местах лишения свободы, который использует в своей работе сотрудник пенитенциарной системы;

- наиболее устойчивый тип приспособления как вне изоляции, так и в местах лишения свободы — это инновация;

- иерархичное тюремное сообщество остается устойчивым даже вне

мест изоляции и диктует освобожденному человеку следовать неформальным нормам так называемого воровского мира. Кроме того, вербовка новых адептов криминальной субкультуры происходит повсеместно и постоянно, обычно вовлекается молодежь, которую привлекает сила, иерархичность и иллюзия власти над другими. Как правило, у отбывших наказание и вовлекающих в мир преступной романтики молодежь цель только одна — личное обогащение;

- на наш взгляд, система исправления и наказания является институтом формирования организованной преступности, а изоляция людей, совершивших преступление, — это формальный акт мести общества за нарушение общепринятых правил и норм.

Литература

1. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е. А. Самарской; редактор перевода М. Н. Грецкий. Москва : Прогресс, 1966. С. 299–313.
2. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности : монография. Москва : Унив. тип., 1905. 207 с.
3. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
4. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1994.
5. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. Москва : Инфра-М, 2018. 432 с. ISBN: 978-5-16-005501-5
6. Осинский И. И., Гайдай М. К. Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ : [монография] / М-во образования и науки РФ ; Бур. гос. ун-т. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 380 с. : ил.
7. Анфигенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2016. 215 с.

Social structure and anomie in prisons: ways of social adaptation of convicts in penitentiary institutions

Kombaev A.V.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Based on the methodology of R. Merton, which is expounded in his work "Social Structure and Anomie", we have analyzed the main types of convicts' adjustment to detention facilities. The article describes the behavior patterns of convicts, reveals the motivation of behavior of various informal groups existing in prisons, as well as behavioral and group attitudes of convicted and their determinants. The results of a sociological study undertaken in places of deprivation of liberty allowed us to reveal the prevailing types of social adaptation of convicted in prisons.

The article analyzes the types of social adaptation of young people serving their sentence for the first time. In our opinion, the object of our research is precisely those people who for whatever reason could not reach the desired by socially approved means. In turn, in order to maintain the balance of the social system and the established rules of social interaction in society the offenders are isolated in places of deprivation of liberty for the purpose of their correction in conformity with social norms that are relevant for a given historical period. We tried to understand whether the types of social adaptation are changing, and to find out the role of a closed social space in the correction of a person in agreement with the behavioral practices approved by society.

Keywords: penitentiary system; social adaptation; convicted; deviation; prison subculture.

References

1. Merton R. K. Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. Vol. 3. No. 5. (Oct., 1938). Pp. 672–682.
2. Gernet M. N. *Sotsialnye faktory prestupnosti* [Social Factors of Crime]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1905. 207 p.
3. Durkheim E. Value Judgments and Judgments of Reality. *Sociology and Philosophy*. New York: The Free Press, 1911. Pp. 80–97.
4. Parsons T. *A functional theory of change*. *Social Change*. 1964.
5. Oleinik A. N. *Tyuremnaya subkultura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi*

- vlasti* [Prison Subculture in Russia: From Everyday Life to Governmental Power]. Moscow: Infra-M, 2018. 432 p. ISBN: 978-5-16-005501-5
6. Osinsky I. I., Gaidai M. K. *Penitentsiarnaya deviantnost v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva. Sotsiologicheskii analiz* [Penitentiary Deviance in the Context of the Transformation of Russian Society. Sociological Analysis]. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2006. 380 p.
7. Anfigenov V. A. *Subkultura osuzhdennykh i ee vliyaniye na ikh povedeniye v usloviyakh izolyatsii* [Subculture of Convicts and Its Impact on their Behavior in Isolation]. Law Sci. Cand. Diss. Saratov, 2016. 215 p.

Организационная неопределенность как фактор восприятия организационной культуры вуза

Кузнецова Наталия Михайловна, преподаватель, кафедра социальной безопасности и гуманитарных технологий, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», nat-09@yandex.ru

Взаимодействие организационной культуры и степени неопределенности сотрудников компании может привести к некоторому изменению поведения, ведущему к постепенной трансформации приоритетов, потребностей и мотивов работника. Данный процесс обусловлен временем, необходимым для пересмотра представлений о профессиональной деятельности человека. Организационная неопределенность препятствует подготовке работников к эффективному трудовому процессу, их личностному и профессиональному росту, вовлечению в разнообразные организационные процессы компании. В данной работе мы рассматриваем ситуационную неопределенность сотрудников, источником формирования которой является недостаток информации или ее полное отсутствие на всех этапах трудовой деятельности, начиная с момента трудоустройства работника в организацию, периодом его профессиональной деятельности и моментом ее окончания. Непонимание сотрудником всех аспектов своей работы, целей трудовой, научной, образовательной активности, перспектив профессионального развития, может иметь негативные последствия как для самого работника, так и для организации в целом. Наилучшим способом борьбы в данной ситуации является выстраивание коммуникаций на разных уровнях и разъяснение возникающих вопросов. Минимизация негативных проявлений организационной неопределенности – одна из основных задач эффективной управленческой деятельности организаций.

Ключевые слова: организационная неопределенность, организационная культура, организационная среда, персонал, преподаватели, университет.

Постоянно меняющаяся внешняя среда создает определенные трудности для организаций в части долгосрочного планирования и прогнозирования. Принятие решений в таких условиях часто сопряжено с неопределенностью, что сказывается на жизни внутренней среды компании. Эффективно выстроенная организационная деятельность корпораций является результатом качественного функционирования персонала, его лояльности и доверия, разделяющего ее ценности. Корпоративная культура, выступающая в качестве связующего материала, объединяет персонал посредством накопленных за время жизни компании ценностей, а организационная культура является источником его интеллектуального и профессионального развития.

Организационная культура рассматривается как системный интегральный показатель компании, обеспечивающий ее целостность и устойчивость. В нашем исследовании мы будем опираться на определение, данное Захаровой Л.Н. Организационная культура – это совокупность знаков, ценностей, норм, сформировавшаяся в конкретной организации, усваиваемая человеком как членом организации, регламентирующая его поведение и внутри, и вне ее, выступающая средством объединения сотрудников, выделяющая организацию и определяющая ее уникальность среди подобных профессиональных групп [2, с.376].

Принятие установок и норм организационной культуры является основой вовлечения персонала в организационные процессы компании, но этот процесс может быть осложнен или искажен имеющимися особенностями организа-

ционной среды. Существенное значение в данной ситуации имеет организационная неопределенность, при имеющихся прочих факторах, способных оказать влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю среду компании, при том, что эффект воздействия может быть не столь ярко выраженным, иметь отложенное и пролонгированное действие.

Универсальность понятия неопределенности позволяет использовать его во многих сферах жизнедеятельности человека. Ситуация неопределенности заставляет принимать решения без достаточной информации о факторах среды, поэтому итог такой деятельности труднопредсказуем. С одной стороны, неопределенность среды повышает вероятность рисков сделать ошибку: принять неверное решение, с позиции эффективности или совершить ненужное действие. Но, с другой стороны, если рассматривать неопределенность с позиции человеческого познания, можно представить ее благодатной почвой для раскрытия потенциала и новых возможностей. При этом, правильно расставленные приоритеты и сформулированные цели позволяют добиться высоких результатов.

Управленческая неопределенность достаточно хорошо изучена, что связано с важностью текущего и стратегического планирования. Рабочая организационная неопределенность исследована в меньшей степени, так как в отличие от управленческих решений является фактором не прямого, а косвенного воздействия. Но ее значение может быть не менее важным, так как исполнение управленческих решений зависит от их восприятия в рабочей среде, процесс усваивания норм которой подвержен влиянию организационной неопределенности.

В данном исследовании неопределенность рассматривается как относительно продолжительные ситуации, при которых у работников длительное время сохраняется неясность тех или иных вопросов в отношении своей профессиональной деятельности или тех

процессов, которые происходят в системе управления и в системе организации труда [6, с.393-396].

Ощущение работниками неопределенности в организации или непонимание тех или иных аспектов работы, целей и задач - отрицательно сказывается на организационном поведении, выполнении трудовых функций, препятствует интеграции сотрудника в компанию, коллектив, вовлечению в организационные процессы и принятию организационной культуры.

Исследований взаимосвязи ощущения неопределенности и организационной культуры практически не проводилось. Основные научные работы касаются рассмотрения неопределенности как фактора принятия решений. Вместе с тем представляется важным изучить значение неопределенности для восприятия организационной среды, так как мнение человека о происходящем и его интерпретация ситуации являются основой действий и поступков.

Особый интерес для исследователей представляет организационная культура учебных заведений. Она имеет уникальный оттенок, отличающий ее от культур других корпораций. Двигателем непрерывающегося процесса развития культуры вуза является разнородная структура его коллектива, в состав которого включены студенты, аспиранты, контингент которых постоянно меняется, преподаватели, руководящий, административный и обслуживающий персонал. Каждая из категорий сотрудников и студентов имеет свою микрокультуру, взаимодействующую друг с другом, составляющую организационную культуру университета. При этом все они существуют в одном месте и в одно время.

Для студентов вуз - это первая организация, где они осваивают профессию и приобщаются к труду. Восприятие организационной культуры студентами является первичным опытом в формировании их установок, определяющим видение других организаций. Важное зна-

чение при этом имеет восприятие организационной культуры вуза его преподавателями, так как их мнение является существенным для студентов в осмыслении ситуации и понимании организационной среды. [3, с.31-39].

Большинство сотрудников определяют организационную культуру по месту своей непосредственной трудовой деятельности. Так, в рамках одного подразделения, может наблюдаться несколько организационных субкультур, зависящих в первую очередь от стиля управления руководителя, уровня мотивации, вознаграждения и определённости в своем будущем в рамках подразделения, где происходит трудовая деятельность работника.

В данном исследовании предпринята попытка исследовать восприятие персоналом вуза той среды, в которых он работает и как сказывается на понимании организационной культуры ощущение большей или меньшей степени неопределенности своего положения в организации.

Исследование проводилось в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в 2018-2019 гг. В нем приняло участие 70 сотрудников разных подразделений университета, осуществляющих свою деятельность в административных и преподавательских должностях. Было сформировано 7 групп респондентов, соответ-

ствующих следующим категориям: ассистенты, старшие преподаватели, доценты, профессора, административный персонал факультетов, учебно-вспомогательный персонал факультетов, учебно-вспомогательный персонал университета.

Стаж работы в организации составляет от 1 года до 50 лет. В настоящей должности от 6 месяцев до 48 лет. Средний стаж работы в организации 15 лет. Возрастная категория от 28 до 80 лет. Средний возраст сотрудников составляет 45 лет. Наибольший показатель стажа у группы профессоров, что является закономерным процессом карьерного развития преподавателя вуза в рамках существующей кадровой политики, начиная с должности ассистента, переходя на позицию старшего преподавателя, доцента, затем профессора.

Большинство респондентов составили доценты и учебно-вспомогательный персонал. И та, и другая категория на сегодняшний момент является наиболее многочисленной составляющей персонала университета. Руководящий состав представлен заместителями декана (директора), заведующими кафедрами, начальниками отдела. Процентное соотношение респондентов по укрупненным группам представлено на рисунке 1.

Рисунок 1.

Представленное соотношение должностей связано со следующими особенностями:

1. Категории ассистентов и доцентов самые многочисленные среди остального профессорско-преподавательского состава, достаточно мобильны, легко идут на контакт, постоянно находясь в процессе взаимодействия со всеми категориями персонала вуза.

2. Группа профессоров, представленная в выборке, малочислена как по своей составляющей на факультете, так и по причине отказа большинства участвовать в исследовании. Поскольку достигнут определенный статус в научной среде, необходимости в кардинальных переменах нет.

3. Старшие преподаватели немногочисленная до сегодняшнего дня аудитория, промежуточное звено между ассистентом и доцентом. Также, как и доценты, готовы участвовать в исследованиях, активная жизненная позиция большинства, нацелена на возможность изменения ситуации к лучшему.

4. Группа учебно-вспомогательного персонала (УВП), занимающаяся организацией, обеспечением и сопровождением учебного процесса достаточно многочисленна, поскольку обслуживает огромное количество образовательных программ и иных видов деятельности университета.

В процессе исследования проводился письменный анонимный опрос сотрудников, результаты обрабатывались с использованием статистических методов. Применялись сравнительный анализ групп с оценкой достоверности различий по критерию U Манна-Уитни и корреляционный анализ по Ч. Спирмену.

В исследовании использовалась методика OCAI (Инструменты оценки организационной культуры) К. Камерона и Р. Куинна [4, с.320] и анкета Д. Дэнисона для изучения корпоративной культуры [1, с.192].

Модель К Камерона и Р. Куинна включает в себя 4 типа организацион-

ной культуры: клановую, рыночную, бюрократическую, адхократическую. Данный инструмент позволяет оценить восприятие культуры сотрудниками на настоящий момент и выявить предпочтительный для них тип.

Вуз в своих программных документах презентует себя как исследовательский университет и стремится к формированию организационной культуры адхократического (инновационного) типа с рыночной направленностью. При этом, большинство категорий персонала воспринимают его как организацию бюрократического типа с элементами рынка, клана и адхократии. В оценках работников организационная культура вуза, в зависимости от категории сотрудников, воспринимается на 31-50% как бюрократическая, на 21-30% как рыночная, на 15-24% как инновационная и на 13-28% как клановая. Возможно, это связано с недостаточным продвижением во внутренней среде тех ценностей организационной культуры, которые университет считает для себя приоритетными. (рисунок 2).

Рисунок 2.

Предпочтительным типом организационной культуры у сотрудников университета, в зависимости от категории работников, является клановая культура-24-40%, в меньшей степени адхократическая-19-27%, бюрократическая-16-26% и рыночная культура-16-23% (рисунок 3).

Оценка ОК преподавателями

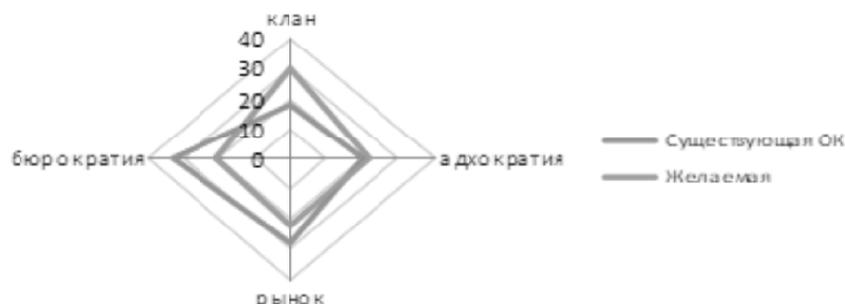

Рисунок 3.

Распределение акцентов в организациях с клановой культурой основывается на обращении к личным качества сотрудников, поддержания их комфорта. Компании с доминантной такого типа культурой представляют собой дружелюбный семьи, люди в которых имеют много общего. В основе успешности организации преданность сотрудников и традиции компании.

Стремление быть членами клановой культуры объясняется желанием сотрудников компании чувствовать себя защищенными в условиях динамично меняющейся внешней среды, но этого не достаточно для развития организации в настоящее время.

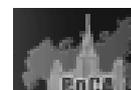
Подтверждением понимания происходящих процессов, особенно с учетом текущей экономической и эпидемиологической ситуации, является смещение акцентов в предпочитаемой организационной культуре вуза в сторону адхократии и рыночной экономики. При этом, уход от бюрократической системы совсем невозможен. Регламентация и контроль в данном виде деятельности необходимы.

Рыночная культура для образовательных заведений заключается прежде всего в ориентации на внешнее окружение, взаимодействие со всеми участниками образовательного процесса, постоянном мониторинге рынка

труда, взаимодействии с работодателями, поскольку одна из задач современного вуза дать выпускнику качественное образование, увеличив его востребованность и конкурентоспособность среди прочих равных специалистов.

Быструю адаптацию к новым угрозам и предоставленным возможностям обеспечивает адхократическая культура. Акцент на индивидуальность и ответственность за свои решения, многофункциональность и направленность задач, быстрый ответ на возникшую ситуацию или угрозу - те элементы, которые в последнее время присутствуют в работе многих сотрудников высших образовательных учреждений.

Модель корпоративной культуры Д. Денисона включает в себя 12 индикаторов корпоративной культуры, с доказанной связью между данными показателями и эффективностью организаций. По индикаторам Д. Денисона сотрудники университета оценивают организацию достаточно хорошо. Они выделяют признаки эффективности, что говорит о хорошем уровне информированности об организации, возможностях ее развития и позиционирования на рынке образовательных услуг (рисунок 4).

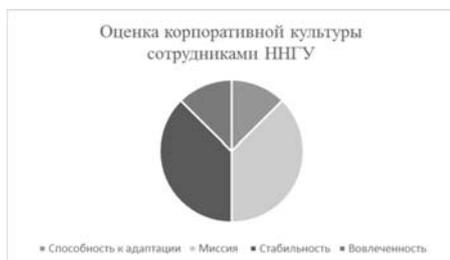

Рисунок 4.

Для диагностики организационной неопределенности мы использовали методику, разработанную А.В. Орловым «Оценка организационной неопределенности» [7, с. 393-396], которая включает в себя следующие характеристики организационной среды в восприятии сотрудников:

1. состояние неопределенности в отношении организации в целом;

2. управленческая неопределенность – ясность/неясность в понимании принимаемых руководством решений;

3. межличностная неопределенность – восприятие отношений с коллегами;

4. трудовая или рабочая неопределенность-ясность/неясность в понимании механизмов выполнения конкретных задач;

5. личностная неопределенность-восприятие общей жизненной ситуации. Средние показатели выше четырех баллов показывают хороший уровень осведомленности об организации, от трех до четырех-удовлетворительный, ниже-неудовлетворительный уровень восприятия происходящего.

Таблица 1

Средние значения показателей организационной неопределенности в группах преподавателей и учебно-вспомогательного персонала ННГУ.

Показатель	Группа 1. Ассистенты	Группа 2. Преподаватели и ст. преподаватели	Группа 3. Доцент	Группа 4. Профессора	Группа 5. Администрация факультетов	Группа 6. УВП факультетов	Группа 7. УВП университета
	N = 8	N = 6	N = 21	N = 4	N = 13	N = 14	N = 7
	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее
Неопределенность в отношении организации	11,75	8,50	7,24	5,25	7,23	11,86	6,86
Управленческая неопределенность	11,75	9,17	8,71	4,50	8,77	11,50	6,43
Межличностная неопределенность	8,75	7,50	7,43	4,75	6,77	8,86	6,29
Неопределенность в отношении непосредственного руководителя	7,75	6,83	5,33	4,50	6,23	9,43	7,14
Трудовая неопределенность	9,63	6,17	6,38	3,50	7,15	9,36	5,14
Организационная неопределенность в целом	9,93	7,63	7,02	4,50	7,23	10,20	6,37

Примечания: Значения показателей достоверности различий представлены в приложении.

Достоверные отличия между группами выделены штриховкой ячеек

В целом, ситуация в организации воспринимается сотрудниками как достаточно определенная. Показатели по

большинству групп соответствуют статистической норме (таблица 1). Относительно высокий уровень неопределенности по сравнению с другими категори-

ями работников наблюдается у ассистентов и учебно-вспомогательного персонала факультетов. Различия достоверны (при $p < 0,05$) с большинством других групп сотрудников по управленческой и трудовой неопределенности, неопределенности в отношении непосредственного руководителя и организации в целом. Самый низкий уровень неопределенности у профессоров. Скорее всего это обусловлено стажем работы в организации и квалификацией сотрудников.

Основной задачей исследования было изучение роли организационной неопределенности в восприятии работниками организационной культуры вуза.

С этой целью использовался корреляционный анализ данных по профессорско-преподавательскому составу университета, без учета оценок вспомогательного и административного персонала. Такая выборка связана с тем, что именно преподаватели являются главным источником транслирования организационной культуры вуза в студенческую среду. Установлены достоверные (при $p < 0,5$) корреляции, показывающие взаимосвязь восприятия организационной культуры и ощущения определенности (неопределенности) в организационной среде и непосредственной работе.

Таблица 2

Взаимосвязь организационной неопределенности с воспринимаемыми в организации и предпочитаемыми типами организационной культуры у профессорско-преподавательского состава ННГУ.

Показатель	2. Неопределенность в отношении организации	3. Управленческая неопределенность	4. Межличностная неопределенность	5. Неопределенность в отношении непосредственного окружения	6. Трудовая неопределенность	Организационная неопределенность в целом
Восприятие организационной культуры как клановой	-0,38	-0,52	-0,31	-0,34	-0,35	-0,45
Восприятие организационной культуры как адхократической	-0,14	-0,19	-0,19	-0,10	-0,20	-0,20
Восприятие организационной культуры как рыночной	-0,15	0,02	-0,19	-0,03	-0,17	-0,11
Восприятие организационной культуры как бюрократической	0,18	0,23	0,32	0,07	0,35	0,27
Предпочтение клановой организационной культуры	-0,09	0,14	-0,13	-0,08	-0,08	-0,05
Предпочтение адхократической организационной культуры	-0,04	-0,15	-0,03	0,00	-0,07	-0,07
Предпочтение рыночной организационной культуры	0,13	-0,01	0,23	0,04	0,23	0,14
Предпочтение бюрократической организационной культуры	0,17	0,10	0,35	0,02	0,23	0,20

Примечания: Достоверные ($p < 0,05$) корреляции выделены штриховкой ячеек

Установленные взаимосвязи с показателями по модели К. Камерона и Р. Куинна говорят о следующем: чем выше

ощущение неопределенности у преподавателей, тем меньше они воспринимают организационную культуру вуза

как клановую. Соответствующие коэффициенты корреляции отрицательные: от -0,31 до -0,52 в зависимости о формы неопределенности. Кроме того, установлено, что чем выше межличностная или трудовая неопределенность, тем больше организационная культура воспринимается как бюрократическая. Коэффициенты корреляции 0,32 и 0,35 соответственно. (таблица 2).

В целом, на основании проведенного анализа можно предполагать, что снижение уровня организационной неопределенности в вузе через доступное и широкое информирование о происходящем в нем организационных процессах, будет способствовать восприятию

элементов клановой организационной культуры в компании, атмосферы социальной близости, неформальных взаимоотношений, командного духа.

Исследование достоверных корреляций организационной неопределенности с индикаторами эффективности Денисона показало наличие взаимосвязей практически со всеми показателями. Коэффициенты корреляции отрицательные: от -0,31 до -0,77. Это свидетельствует о том, что организационная неопределенность в целом и во всех своих проявлениях мешает адекватному восприятию организационной среды компании (таблица 3.).

Таблица 3
Взаимосвязь организационной неопределенности с восприятием корпоративной культуры организации у профессорско-преподавательского состава ННГУ

Показатель	2. Неопределенность в отношении организации	3. Управленческая неопределенность	4. Межличностная неопределенность	5. Неопределенность в отношении непосредственного окружения	6. Трудовая неопределенность	Организационная неопределенность в целом
Создание изменений	-0,38	-0,57	-0,33	-0,19	-0,43	-0,46
Ориентированность на клиента	-0,28	-0,27	-0,14	0,01	-0,21	-0,22
Организационное обучение	-0,57	-0,75	-0,37	-0,40	-0,62	-0,65
Способность к адаптации	-0,47	-0,61	-0,32	-0,23	-0,49	-0,51
Стратегическое планирование	-0,57	-0,65	-0,43	-0,47	-0,71	-0,67
Определение целей	-0,48	-0,60	-0,28	-0,32	-0,56	-0,53
Формирование общего видения	-0,54	-0,64	-0,37	-0,40	-0,69	-0,63
Миссия	-0,57	-0,68	-0,39	-0,43	-0,70	-0,66
Координация и интеграция	-0,59	-0,70	-0,45	-0,39	-0,65	-0,66
Согласие	-0,57	-0,70	-0,32	-0,37	-0,60	-0,61
Ключевые ценности	-0,53	-0,57	-0,28	-0,28	-0,60	-0,54
Стабильность	-0,60	-0,70	-0,37	-0,37	-0,66	-0,64
Наделение полномочий	-0,68	-0,77	-0,41	-0,43	-0,64	-0,70
Развитие способностей	-0,51	-0,69	-0,21	-0,34	-0,56	-0,56
Командная ориентация	-0,52	-0,65	-0,31	-0,40	-0,66	-0,60
Вовлеченность сотрудников в общее дело	-0,61	-0,75	-0,33	-0,42	-0,67	-0,66
Выраженность корпоративной культуры	-0,59	-0,72	-0,37	-0,38	-0,67	-0,65

Примечания: Достоверные ($p < 0,05$) корреляции выделены штриховкой ячеек

На основании проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Уровень организационной неопределенности сотрудников университета, принимавших участие в анкетировании, в целом имеет невысокие показатели. Исключение составляют группы ассистентов и учебно-вспомогательного персонала факультетов. Эти группы отличаются от других по степени выраженности трудовой, управленческой и определенности в отношении организации в целом.

2. Организационная неопределенность оказывает влияние на восприятие организационной и корпоративной культуры сотрудниками университета.

3. Организационная неопределенность препятствует эффективному развитию внутренней среды организации и формированию устойчивости к изменениям внешней среды. Чем выше уровень неопределенности сотрудника, тем меньше признаков эффективности организации он отмечает в той среде и процессах, в которые вовлечен.

4. Руководство организации способно влиять на степень проявления организационной неопределенности путем введения превентивных мер по ее минимизации. Мы можем предположить, что снижение организационной неопределенности через внедрение специальных программ информирования сотрудников, будет способствовать позитивному восприятию организационной культуры и более адекватному восприятию организации в целом.

Литература

1. Денисон Д., Хойшберг Р., Лэйн Н., Лиф К. Изменение корпоративной культуры в организациях. СПб., 2013. 192 с.
2. Захарова Л.Н. Психология управления: учебное пособие М., 2017. 376 с.
3. Захарова Л.Н. Организационная культура университета в контексте проблем диагностики и формирования готовности студента к работе в условиях

современного предприятия//Университетское направление: практика и анализ. 2006 № 2. С.31-39.

4. Камерон К., Куинн Р. Диагностика организационной культуры. СПб., 2001. 320 с.

5. Кузнецова Н.М. Развитие персонала как фактор повышения кадрового потенциала вуза//Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 14-15 сентября 2017г./под общей редакцией проф. З.Х Саралиевой в 2 Т. Т.1-Н. Новгород: Изд-во НИСОЦЮ 2017. С.276-280.

6. Орлов А.В., Орлова О.М., Башук Е.Н. Состояние неопределенности как фактор организационного поведения работников сферы услуг//Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Материалы Третьей Международной научной конференции. Казань, 8-10 ноября 2018 г./отв. Ред. Б. С. Алишев, А.О. Прохоров, А.В. Чернов.-Казань, 2018. С.393-396.

Organizational uncertainty as a factor of personnel perception of university organizational culture

Kuznetsova N.M.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The interaction of the organizational culture and the degree of uncertainty of the company's employees can lead to some change in behavior, leading to a gradual transformation of the employee's priorities, needs and motives. This process is due to the time required to review perceptions of a person's professional activities. Organizational uncertainty prevents employees from preparing for an effective labor process, their personal and professional growth, and involvement in various organizational processes of the company. In this work, we consider the situational uncertainty of employees, the source of which is the lack of information or its complete absence at all stages of work, starting from the moment of employment of the employee in the organization, the period of his professional activity and the moment of its termination.

The employee's misunderstanding of all aspects of his work, the goals of labor, scientific, educational activity, professional development prospects can have negative consequences for both the employee and the organization as a whole. The best way to combat this situation is to build communications at different levels and explain emerging issues. Minimizing negative manifestations of organizational uncertainty is one of the main tasks of effective management activities of organizations.

Keywords: organizational uncertainty, organizational culture, organizational environment, personnel, teachers, university.

References

1. Denison D., Heuschberg R., Lane N., Leaf K. Change of corporate culture in organizations. SPB., 2013.192 p.
2. Zakharova L.N. Psychology of management: study guide M., 2017.376 p.
3. Zakharova L.N. Organizational culture of the university in the context of problems of diagnostics and formation of student readiness to work in a modern enterprise // University direction: practice and analysis. 2006 No. 2. P.31-39.
4. Cameron K., Quinn R. Diagnostics of organizational culture. SPb., 2001.320 p.
5. Kuznetsova N.M. Personnel development as a factor in increasing the personnel potential of the university // Transformation of human potential in the context of the century. Collection of materials of the international scientific and practical conference. N. Novgorod, September 14-15, 2017 / edited by prof. Z.Kh Saraliev in 2 T. T. 1-N. Novgorod: Publishing house of NISOTSU 2017.S. 276-280.
6. Orlov A.V., Orlova O.M., Bashuk E.N. Uncertainty as a factor of organizational behavior of service workers // Psychology of human states: actual theoretical and applied problems. Materials of the Third International Scientific Conference. Kazan, November 8-10, 2018 / otv. Ed. B. S. Alishev, A. O. Prokhorov, A.V. Chernov.- Kazan, 2018.S. 393-396.

Современное искусство и его отображение в социальной сети ВК

Мартыненко Елена Викторовна

к.п.н., профессор, кафедра теории и истории журналистики Российского Университета Дружбы Народов, scharnchorst@mail.ru

Серая Елена Валерьевна

бакалавр, кафедра теории и истории журналистики Российского Университета Дружбы Народов, a9099216853@gmail.com

Статья посвящена изучению роли искусства и методологии его распространения в современном киберпространстве на примере наиболее популярной в России социальной сети ВКонтакте. Общество устроено таким образом, что лишь малая его часть владеет достаточным объемом знаний в области искусства, вне зависимости от его направления, чтобы с беспепелляционной уверенностью подвергать его критике или, напротив, хвалить. Тем не менее, большинство из нас берет на себя ответственность это делать, не видя в этом ничего зазорного. В свою очередь, чем сильнее общественность откликается на такие суждения, тем более зависимы оказываются творцы живописных произведений, подчиняясь в полной мере влиянию извне, отказываясь слушать свой внутренний голос, искать вдохновения, строить свой уникальный художественный мир. Развитие коммуникативных технологий в последние десятилетия существенно упростили и ускорили этот процесс. Наиболее популярным и оптимальным с точки зрения достижения максимального общественного резонанса инструментом общения сегодня являются социальные сети, платформы которых представляют собой весьма удобную площадку для дискуссий, а в ряде случаев – и для глубокого анализа произведений искусства и основных тенденций и веяний в его развитии. На примере крупнейшей соцсети России, ВК, авторы попытаются проанализировать принципы отображения современного искусства в социальных сетях. В работе использовалась методология социологической, политической наук, а также культурологии.

Ключевые слова: культура, искусство, Россия, ВКонтакте, социальные сети.

Роль СМИ в освещении современного (или актуального) искусства в XXI в. чрезвычайно велика. Количество подписчиков того или иного культурного журнала/издания/блога, их контентная база и не в последнюю очередь – оформление самого электронного ресурса – напрямую влияют на формирование восприятия современной культуры со стороны целевой аудитории.

Само сочетание «современное искусство» пришло в Россию с Запада в годы хрущевской «оттепели». Возможно, социально-политическая специфика того времени является причиной того, что понимание этого явления в нашей стране изначально критически отличалось от того, как оно трактовалось в странах Запада. И, несмотря на то, что в XXI в. в России уже никого не удивит разного рода «перформансами», «флешмобами» и прочими элементами западной субкультуры, нельзя не отметить, что в контексте СМИ подход России к преподнесению искусства аудитории существенно отличается от того, как преподносится искусство в странах Запада. В любом случае, современное искусство воспринимается в российском обществе, отличающемся традиционной консервативностью, с известной долей если не отторжения, то уж точно осторожности. Тому есть вполне историческое объяснение.

Проникновение современного искусства в общественную жизнь граждан нашей страны обрело массовый характер в период «перестройки». Несмотря на то, что основная масса граждан по-прежнему придерживалась консервативных взглядов, да и была далека от изучения искусствоведческих тонкостей, в позднем Советском Союзе сформировалось крупное и яркое сообщество неформалов. Из неформальной

среды раскрылись десятки художников, поэтов, музыкантов, которые в период вседозволенности и поощрения выхода за моральные рамки получили неограниченную возможность творческих экспериментов.

Новое искусство, получившее некий карт-бланш и поддержку премиями, не могло переформатировать сознание старшего поколения, но повлиять на молодёжь, тем более, в отсутствии государственных программ в данной сфере, могло очень серьёзно.

Как и яркие, но искусственные и зачастую вредные продукты, на волне «перестройки» в нашу страну хлынули и образцы западного искусства, которые ранее не имели широкого распространения, но стали называться передовыми и прогрессивными. Здесь и абстрактность, стремящаяся вытеснить реализм, и экзистенциальные переживания, и депрессивность, и отрицание канонов, и эксперименты с телом вместо исследования души. И такой продукт культивировался, как культивировалась жевательная резинка или спиртное [1].

Впрочем, разница в восприятии тех или иных явлений – нормальная с точки зрения психологии реакция, присущая представителям различных культур. В то же время, всегда следует стремиться принять что-то новое или хотя бы не относиться к нему с предубеждением, отрицая целые направления в искусстве, как, к примеру, это имело место при разгроме выставки художников-авангардистов в Манеже в 1962 году.

Быть художником в современных реалиях не так просто, как может показаться на первый взгляд, ориентируясь на технический прогресс и рост информационной грамотности общества. Впрочем, содержательный смысл художника как соиздателя остался неизменным с течением многих веков – изменилась лишь его методология донесения своих мыслей до целевой аудитории посредством своего творчества. Как и прежде, художник – это человек, который создает произведения искусства, имеющие эстетическую ценность для

окружающих. Это творческая личность, реализующая свои идеи, эмоции и видение в оригинальных работах. Издавна в русском языке словом «художник» также называют людей, искусных в каком-либо ремесле и даже высококвалифицированных специалистов в любой другой сфере деятельности. В широком смысле художник – это собирательный термин для обозначения человека, который занимается любым видом искусства, хотя для большинства людей это определение, в первую очередь, ассоциируется со словом живописец [8].

Если с определением понятия «художник» все более или менее понятно, то несколько сложнее дать определение понятию «искусство». Согласно определению Министерства Культуры РФ современное искусство – «искусство, создаваемое нашими современниками вне зависимости от того или иного художественного направления или формы выражения». Учитывая огромный смысловой масштаб явления, было предложено также определение «актуального искусства». Итак, «актуальное искусство – искусство, содержащее в себе смыслы, в которых нуждается современное общество, имеющее существенное значение в современную эпоху, вне зависимости от времени создания» [4]. Таким образом, следует избегать однозначного понимания термина «современное искусство» как разного рода эпатажную, провокативную художественную практику.

Например, высококачественная рекламная продукция – тоже своего рода современное искусство. Сегодня, в эпоху постиндустриального или информационного общества, при обилии информации любого направления и содержания «выделиться из толпы» достаточно трудно. Поэтому если в прежние десятилетия и даже столетия особенно ценились художники, оставляющие «говорящие» полотна, скульпторы, создававшие произведения искусства, способные пережить века и музыканты, превратившие музыку в язык международного примирения и согласия, так и в

наши дни ценятся креативные люди, способные создать нечто, что надолго закрепится в зрительной памяти аудитории. Так, многие образы прошлого десятилетия до сих пор остаются актуальными – например, предновогодняя реклама Whiskas на фоне снега и с закадровой песней «Снег кружится» в исполнении белорусского ансамбля «Пламя», столь позитивно воспринимаемая не только поколениями, чье детство и юность пришлось на советскую эпоху, но и представителями более молодого поколения 90-х – нулевых. Эту рекламу показывают каждый год, и она не устареет.

Отличительной чертой искусства в доинформационную эпоху было то, что ранее искусство, (как до определенного момента и средства массовой информации, особенно телевидение), были элитарными, недоступными большинству. Так, они подчинялись эстетическим запросам, вкусу и требованиям «элиты», и среднестатистический человек не мог понять и тем более оценить то или иное произведение зачастую, потому что либо не имел к нему доступа, либо имел ограниченный доступ.

С развитием средств массовой информации каждый индивид в теории смог получать новости, знания и информацию вне зависимости от социального статуса. Так что искусство перестало быть только академическим – приходили новые лица, приносящие свои порядки в устоявшиеся веками традиции живописи, музыки и многого другого. Особенно интенсивно эти процессы стали развиваться, как отмечалось выше, в 60-х годах прошлого столетия. С появлением же интернета искусство получило уникальную возможность для развития и практически беспрепятственного распространения.

Само собой разумеется, что новые технические возможности придали импульс развитию также и новым направлениям в искусстве. Сегодня это диджитал-арт, пиксель-арт и все, что может быть связано с компьютерными технологиями. Специфической особенностью

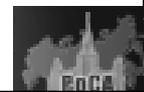
указанных направлений является то, что их «средой обитания» может быть только сеть, что не мешает им оставаться неотъемлемой частью культуры современного человека.

Социальные сети – также относительно новое явление социально-информационного характера, обретшее тот вид, с которым мы привыкли их ассоциировать едва ли 15 лет назад. Как полагает доктор философских наук, профессор И.П. Яковлев, современная социальная сеть – это «интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети. Сайт представляет собой автоматизированную социальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединенных общим интересом. Связь осуществляется посредством веб-сервиса внутренней почты или мгновенного обмена сообщениями. Также бывают социальные сети для поиска не только людей по интересам, но и самих объектов этих интересов: веб-сайтов, прослушиваемой музыки и т.п.» [3]. Как видно из предложенного определения, культурный компонент в социальных сетях занимает достойную, а в ряде случаев – исключительную целевую нишу.

Основным мерилем популярности той или иной соцсети является количество ее подписчиков или активных пользователей. Исходя из данного критерия, рассмотрим теперь наиболее массовые социальные сети, основу контента которых составляет искусство.

Первой в предлагаемом перечне авторы хотели бы выделить «Современное искусство / Contemporary Art» - тематическое сообщество вКонтакте [5]. Данная группа объединяет немногим менее 500000 участников, причем возрастные рамки аудитории достаточно широки. Главной целью сообщества являются:

- Просвещение аудитории;
- Абсолютно нейтральная позиция по поводу творчества художников, вне зависимости от того, насколько сильно

их работы отличаются от общепринятых канонов современного искусства (разумеется, в рамках законодательства РФ);

- Сообщество объединяет все направления, включая фотографию, видео, стрит-арт, диджитал-арт, скульптуру, прозу и т.д.;

- В соответствии с правилами группы ее подписчикам предоставляется возможность самим набрать себе аудиторию. Также администраторы сообщества размещают рекламу и имеют отдельный раздел для работ подписчиков;

- Участие в группе допускает и поощряет возможность сотрудничества. В паблике имеется раздел, располагающий контактами музеев и галерей, куда художники могли бы обратиться со своими идеями.

Второй в нашем списке следует «Концептуальный вандализм». Это группа вКонтакте, которая насчитывает более полумиллиона подписчиков. Хотя многие ошибочно предполагают, что в ней выкладываются только работы, выполненные в стиле «граффити», спектр ее интересов гораздо шире.

Название группы иронично отражает действительность любого творчества на территории Российской Федерации. Если обратиться к юридической трактовке понятия «вандализм», то она звучит следующим образом: «Вандализм – форма деструктивного поведения, толкающая человека на порчу, осквернение и разрушение объектов общественного значения»[6]. Полагаем, уместно было бы также привести определение понятия с точки зрения психологии, где вандализм – «одна из форм деструктивного (разрушительного) девиантного поведения человека, в ходе которого уничтожаются или оскверняются предметы искусства, культуры» [2]. Отличительной особенностью группы является то, что в ней выкладываются произведения искусства, причем знакомые массовой аудитории, но с политическим либо социальным подтекстом.

Несколько слов следует сказать и о таком явлении, как граффити. Граффити называют любые надписи, изображения, всевозможные рисунки на фасадах зданий, заборах или иных поверхностях, нанесенных при помощи краски, чернил либо выцарапанные. К данному виду уличного «искусства» относят любые вариации нанесения образов, картин, надписей на различные поверхности. Теггинг является разновидностью граффити, заключающийся в быстром нанесении подписи творца на различные поверхности, преимущественно, в общественных местах. Бомбинг также считается разновидностью граффити и представляет собой использование при нанесении рисунков или подписей на поверхности довольно простых шрифтов либо реже персонажей, состоящих, как правило, из одного цвета, применяемого для заливки, и другого – для контура. Сегодня существует множество споров на тему: «граффити искусство или вандализм». Некоторые социологи считают «стрит-арт», прежде всего, стремлением к художественному самоутверждению [9].

Поскольку большинство молодых приверженцев уличного «искусства» не могут иным способом проявить себя, заявить о себе, обнародовать собственное творчество. Другие ученые убеждены, что индивиды, занимающиеся бесполезной разрисовкой поверхностей, просто не ощущают себя элементом социума, принадлежащим этому обществу. Собственный протест они выражают посредством акта вандализма. Таким образом, современное общество не имеет четкого ответа на вопрос: «граффити – искусство или вандализм». Так или иначе, большинство исследователей считают «стрит-арт» самым простым средством для самовыражения, самоутверждения. Различные вариации граффити сегодня используются в рекламных роликах, в клипах, компьютерных играх.

Одним из наиболее интересных идейных вдохновителей группы явля-

ется Кирилл КТО, один из самых известных андеграундных художников России. Свой стиль он нашёл в двух решениях – стал оставлять на стенах не подписи, а цитаты, юмористические или философские утверждения. Чаще всего буквы выполнены разными цветами. Иногда рядом с ними находятся фигуры странных персонажей, о которых лучше ничего не спрашивать. С 2013 года художник ударяется в графику, всё более уходя от уличной сцены. Это он именуется терминами «постграффити» и «постфлаккус». Означает, что на холстах или картоне, в условиях мастерской, изображается всё тоже самое, что и на стенах.

Творческий актив можно разделить на две части. Это буквы, надписи, цветные квадраты и эксперименты с уличным рекламным материалом. В баннерах прорезаются отверстия в форме глаз. Часто наслоение одного рекламного баннера на другой позволяло «увидеть» этими глазами то, что находится за наружным слоем.

Произведения из надписей имеют такие же названия, как и сами надписи. Интересно, что все последние работы КТО до такой степени узнаваемые, что уже не нуждаются в подписях. Огромную легальную работу «Спасибо за внимание и попытку понимания» можно увидеть на стене здания дирекции Парка Горького, а в Музее уличного искусства ими исписана целая стена, которая называется «Иногда да, иногда нет»[7].

Разумеется, работы Кирилла КТО (настоящая фамилия художника – Лебедев) составляют лишь часть контента социальной группы в ВК. Отличительные особенности этого сообщества заключаются в следующих аспектах:

- Разнообразие работ, при этом выполненное в стиле стрит-арт;
- Открытые комментарии – свобода мнений;
- многие авторы произведений уличного искусства являются подписчиками данной группы;

- Сообщество узнаваемо, благодаря наличию своего мерча и эмблемы.

Закрывает тройку нашей аналитической целевой группы сообщество LOW ART. Оно интересно тем, что достаточно локально, поскольку имеет аудиторию подписчиков порядка 63000 человек. И хотя сообщество едва ли можно назвать «элитарным», некоторые черты такового ему присущи. Дело в том, что данное сообщество ориентировано, прежде всего, не на массовую аудиторию, а на представителей творческой прослойки общества – т.е. на тех, кто непосредственно создает объекты стрит-арта. Кроме того, в группе публикуются картины художников современности, но, что немаловажно – здесь нет поясняющих слов, кроме имени автора и названия. Подписчики сами могут размышлять над тем или иным произведением, оценивая его индивидуально.

Пожалуй, в этом формате улавливается ключевое отличие, характерное для всех социальных сетей, тем более, имеющих тематическую направленность: большинство государственных СМИ либо оценивают современное искусство крайне скупое, либо дают ему недвусмысленно негативную оценку. Даже притом, что в ряде случаев для этого имеются объективные основания, слабым местом подобной практики является отсутствие общественной дискуссии и широты мнений.

Поскольку наиболее активные группы ВК существуют, благодаря пожертвованиям своих подписчиков, они заинтересованы в том, чтобы собрать как можно более многочисленную аудиторию. Поэтому большую роль играет реклама и продвижение подобных сообществ. Стоит отметить, что чаще всего они рекламируются в похожих тематических сообществах или публикуют самых молодых художников, у которых есть небольшая аудитория, привлекая, таким образом, ее в конкретную группу.

В современном интернет-пространстве сложно «зацепить» пользователя, заставив его отдать предпочтение

именно данному конкретному информационному ресурсу или группе, среди тысяч аналогичных. Правда, в случае с искусством подобных групп не так много, но это вовсе не означает, что среди них отсутствует профессиональная конкуренция. Поэтому рекламу создают, учитывая не только целевую аудиторию, запросы и конечную цель рекламы, но и эстетический критерий. Поскольку речь идет о продвижении сообщества на тему искусства, у потенциальной аудитории должны иметься собственные видения стиля и хотя бы минимальные познания в объекте художественного интереса.

Основной вывод, к которому приходят авторы по итогам данного небольшого исследования, заключается в том, что современная творческая аудитория перестала воспринимать классические текстовки и переходить по ссылкам вслепую – ее нужно заинтересовать уникальностью контента, неким аналогом «штучного товара». Именно в этом, по нашему мнению, заключается основное отличие тематических групп в социальной сети ВК от групп иного содержания, где массовость аудитории напрямую зависит от масштабности (по сути, той же массовости) товара/явления/события.

Таким образом, Интернет через инструментарий социальных сетей предоставляет как художникам, так и аудитории огромные возможности. Для художника это возможность роста, популяризация его творчества посредством обретения известности в СМИ и творческой среде других художников, публикация работ не только в галереях (что, зачастую, возможно лишь ситуативно), но и в профиле социальной сети (что не требует никаких усилий и условий, кроме регистрации в сообществе). Аудитория же, благодаря этой практике, формирует устойчивый интерес к работам художника, что в перспективе создает предпосылки для посещения его выставки вживую, а это уже выход из интернет-пространства и переход на каче-

ственно иной уровень. Для любого художника, включая андерграундовых, данный шаг – ключевая ступень в его профессиональной карьере и отображение его творчества в социальных сетях позволяет максимально ускорить этот процесс.

Литература

1. Власкин А. А. Современное искусство как инструмент влияния на политику Российской Федерации. URL: <http://riss.ru/analitics/22761/> (Дата обращения 1.08.2020).

2. Демидова Е. М. Виды и причины деструктивного поведения. URL: <https://nsportal.ru/vuz/psikhologicheskie-nauki/library/2019/05/21/vidy-i-prichiny-destruktivnogo-povedeniya> (Дата обращения 1.08.2020).

3. Мельникова М. С., Яковлев И. П. Понятие «социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 1, с. 254-257.

4. О культуре Российской Федерации URL: https://culture.gov.ru/documents/o-kulture-v-rossiyskoy-federatsii/?sphrase_id=47065 (Дата обращения 1.08.2020).

5. Современное искусство / Contemporary Art. Сообщество для творческих личностей. URL: https://vk.com/contemporary_art (Дата обращения 1.08.2020).

6. Ст.214 УК РФ. Вандализм. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 1.08.2020).

7. Творческий путь Кирилла Лебедева. URL: <https://crossarea.ru/street-art/artists/kirill-kto/> (Дата обращения 1.08.2020).

8. Художник – неутомимый создатель шедевров искусства. URL: <https://veryimportantlot.com/ru/news/blog/professiya-khudozhnik> (Дата обращения 1.08.2020).

9. Шаталов С. К. Концептуальный вандализм. URL: <https://center-yf.ru/data/Yuristu/konceptualniy->

vandalizm.php (Дата обращения 1.08.2020).

Contemporary art and its representation on VK-social media in Russia

Martynenko E.V., Seraya E.V.

RUDN University

The article is devoted to the study of the role of art and the methodology of its dissemination in modern cyberspace using the example of the most popular social network in Russia, Vkontakte. Society is structured in such a way that only a short list of people has a sufficient amount of knowledge in the field of art, regardless of its direction, in order to criticize it with categorical confidence or, on the contrary, to praise it. However, most of us take the responsibility to do this without any doubts. In turn, the more the public responds to such judgments, the more dependent the creators of pictorial works are, fully submitting to outside influence, refusing to listen to their inner voice, seek inspiration, and build their unique artistic world. The development of communication technologies in recent decades has greatly simplified and accelerated this process. The most popular and optimal communication tool regarding the achievement of maximum public resonance today are social networks, which platforms are a very convenient for discussions, and in some cases - for in-depth analysis of works of art and the main trends in its development. Using the example of the largest social network in Russia, VK, the authors try to analyze the principles of displaying contemporary art on social networks. The work used the methodology of sociological, political sciences, as well as cultural studies.

Keywords: culture, art, Russia, Vkontakte, social networks.

References

1. Vlaskin A. A. Contemporary art as an instrument of influence on the policy of the Russian Federation. URL: <http://riss.ru/analytics/22761/> (Date of treatment 1.08.2020).
2. Demidova EM Types and causes of destructive behavior. URL: <https://nsportal.ru/vuz/psikhologicheskie-nauki/library/2019/05/21/vidy-i-prichiny-destruktivnogo-povedeniya> (Date of treatment 1.08.2020).
3. Melnikova M. S., Yakovlev I. P. The concept of "social network" in sociological theories and Internet practices // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9. 2014. Issue. 1, p. 254-257.
4. About the culture of the Russian Federation URL: https://culture.gov.ru/documents/okulture-v-rossiyskoy-federatsii/?sphrase_id=47065 (Date of treatment 1.08.2020).
5. Contemporary Art. Community for creative people. https://vk.com/contemporary_art (Date accessed 1.08.2020).
6. Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation. Vandalism. URL: <http://www.consultant.ru/> (Date of treatment 1.08.2020).
7. The creative path of Kirill Lebedev. URL: <https://crossarea.ru/street-art/artists/kirillkto/> (Date of treatment 1.08.2020).
8. The artist is a tireless creator of masterpieces of art. URL: <https://veryimportantlot.com/ru/news/blog/professiya-khudozhnik> (Date of treatment 1.08.2020).
9. Shatalov SK Conceptual vandalism. URL: <https://center-yf.ru/data/Yuristu/konceptualniy-vandalizm.php> (Date of treatment 1.08.2020).

Социальная интеграция и социальная инклюзия при организации сопровождаемого проживания лиц инвалидностью

Петросян Владимир Аршакович

доктор социологических наук, доцент кафедры социальных технологий, ГАУ города Москвы «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы» (ГАУ ИДПО ДТСЗН), pva09@mail.ru

Холостова Евдокия Ивановна

доктор исторических наук, профессор Научный консультант АНО ДПО «Академия социальной работы», nastja2805@yandex.ru

Вопрос совместного проживания с инвалидом определяется как элемент инновационной структуры, посвященный возможности большего включения инвалидов в социальную среду и соответственно появления как стационарных, так и мобильных установок по обеспечению жизнедеятельности инвалидов. Это позволяет сократить их возможности по более раннему социальному взаимодействию только в пределах своей социальной группы. Если рассматривать самих инвалидов, то они могут быть активными членами общества и выступать как полноправные социальные единицы, которые приносят обществу только пользу.

Вместе с тем, ряд нарушений организма, которые приводят к полной инвалидизации и не могут быть адаптированы к социальной среде требуют постоянного присутствия на стороне инвалида человека, который будет не только помощником, но также и товарищем или человеком, который является проводником социальной инклюзии.

Инклюзия социального типа, которая реализуется с в процессе совместного проживания лучше осуществляется при соблюдении следующих условий: малая численность проживающих, отдельная жилая комната, набор помещений для группового пользования – гостиная, столовая, кухня, прачечная, санитарный блок и т.д.

Ключевые слова: сопровождаемое проживание, социальная инклюзия, стационароразмещающие технологии, инвалиды.

В нашей стране основное значение при формировании стратегии ухода за инвалидами дифференциация происходит по тому принципу, могут ли инвалиды активно быть включенными в социальную жизнь. Если рассматривать вопрос в целом, что инвалиды имеют крайне низкую возможность полноценно жить и работать только если это не специализированный интернат, который более подобен хоспису. В этой связи проблема социального обмена и формирования активной жизни для инвалидов приобретает первостепенное значение. В частности, стоит говорить о том, что институт инвалидизации не всегда приводит к полноценному исключению из социальной среды, и требуется только небольшая помощь, чтобы человек стал активным членом общества.

Решать эту проблему и особенно проблему ухода призваны социальные службы. Они имеют в штате специальных работников, которые не всегда могут находиться рядом или способствовать развитию инвалида. Тяжелые болезни, такие как психические и неврологические, не позволяют инвалидам вести нормальный образ жизни и требуют их постоянного содержания в стационаре. Вместе с тем социальные аспекты жизни приводят к необходимости включения этих людей в общественную среду. Это позволяет решить задачу, когда социальный работник или специально нанятый человек может находиться постоянно рядом с человеком и тем самым выделить время и ресурсы на то, чтобы сократить число людей, которые полностью исключены из данной среды.

Вопрос финансирования здесь не стоит. Так как применение механизма

совместного проживания – это прежде всего сокращение интернатных учреждений, которые могут покрывать точечные затраты на совместное проживание с инвалидом. Также вопрос стоит и в том, чтобы сократить затраты на повторную социализацию.

Сопровождаемое проживание – круглосуточное сопровождение (уход) или 4/8/12 часовое сопровождение. Возможно проживание на условиях аренды с частичной оплатой собственных расходов.

Услуги сопровождения: помощь в уходе, планировании расходов, организации досуга, приготовлении пищи, уборке, сопровождении к месту дневной занятости, организации социальных контактов и пр. Услуги оказывают сотрудники социальной службы сопровождения или негосударственные организации.

Обязательная дневная занятость – вне дома (открытый рынок труда, специально созданные рабочие места с сопровождением, полезная дневная занятость с дневным пребыванием).

Обслуживание клиента исходит из оценки его потребностей. Составляется общая оценка потребностей и план поддержки клиента.

Финансирование на каждого клиента планируется индивидуально, в зависимости от его потребностей (малая зависимость от помощи, высокая зависимость от помощи, абсолютная зависимость от помощи).

Клиенты с умственными ограничениями и интеллектуально сохранные клиенты с психическими заболеваниями не проживают совместно, их сопровождают различные службы. Уже появился вид сопровождения для людей, которые имеют приобретенные нарушения – перенесли серьезную травму, асфиксию, кровоизлияние и др., и не могут полностью организовать свою жизнь.

Все клиенты с умственными ограничениями дееспособны, их интересы представляют доверенные лица, в тех ситуациях, когда клиенты не могут это сделать сами.

Все клиенты могут иметь работу или дневную занятость. Дневная занятость не организуется в том же здании, где проживает человек. Должен соблюдаться принцип «дом-работа-дом», должна быть смена обстановки. Клиенты, проживающие совместно в одной группе, чаще всего посещают разные мастерские, нередко – в разных районах города.

Клиенты, независимо от тяжести их ограничений, имеют право на личную, сексуальную и семейную жизнь. Никто не препятствует созданию пар людей с умственными ограничениями. Часть из них регистрируют браки официально.

Интересен опыт США в организации сопровождаемого проживания. Каждый из пунктов, где проживают инвалиды, обустроен не только всеми необходимыми социальными компонентами, но также и рядом дополнительных уникальных технологий, которые, по сути, выступают как единый элемент, который способен создать свой социальный мир, который не требует дополнительного воздействия. Это, в свою очередь, позволяет создать комфортный эмоциональный фон, способствующий достижению ряда параметров, которые стабилизируют социальную среду. Особенно считается, что существует необходимость медицинского контроля, но без видимых признаков врачебного вмешательства.

Форма сопровождаемого проживания в Швеции, заменившая бывшие интернаты, чаще всего практикуется для людей с тяжелыми ограничениями. Обычно в таком доме живут 4-5 человек, каждый из которых имеет свою маленькую полноценную квартиру, но все они имеют выходы в общее помещение, где постоянно находятся сотрудники, и где можно проводить совместные трапезы, общаться, проводить досуг. В тоже время приватное пространство неприкосновенно – инвалид может находиться у себя в квартире, там есть все необходимое.

На территории Швеции подобные учреждения закрытого типа были полностью закрыты. Первыми попали под ликвидацию учреждения для людей, где содержались пациенты с умственными нарушениями. Это очень способствовал принятый закон «О заботе и уходе». В 1993 году он показал, что ответственность за подобных людей должны нести не только государственные власти, но также и коммунальные службы.

Количество людей с интеллектуальными нарушениями в закрытых учреждениях сократилось к 2000 году до 0 человек. Это стало возможно только путем развития инфраструктуры, включающей дифференцированные формы поддержки и помощи, оказываемые инвалидам и семьям.

Реформа ПНИ в Италии началась в конце 80-х годов XX столетия. Ещё в 1977 г. был принят закон об инклюзии, согласно которому все ПНИ должны закрыться. На это потребовалось почти 20 лет. Количество проживающих в домах-интернатах удалось сократить в 500 раз. В настоящее время в каждом доме проживает не более 10 человек, с ними занимается психолог, психиатр, социальный работник.

Политика в отношении домов престарелых в Австрии в исследуемый период во многом зависела от того факта, что долгосрочное социальное обеспечение контролировалось региональными органами власти. Государственная стратегия в этой сфере отсутствовала: некоторые виды организаций, предлагающих жилье людям, нуждающимся в дополнительной опеке, упоминались в законодательных актах по предоставлению пособий, однако было бы преувеличением назвать это государственной социальной стратегией. Имели место региональные различия в количестве, качестве и сферах предоставления услуг. Тем не менее, основной тенденцией в деятельности органов власти являлось продолжение развития структур долгосрочного социального ухода, однако с некоторой модификацией их функций.

С точки зрения получателей подобных услуг наблюдалась интересная тенденция: пожилые люди переезжают в подобные заведения, если только они нуждаются в посторонней помощи и уходе. Таким образом, средний возраст пациентов этих учреждений повысился в среднем до 80 лет, а общие показатели состояния здоровья значительно ухудшились.

Столкнувшись с феноменом «старения» жителей домов престарелых, подобные интернаты стали переоборудовать комнаты, предназначенные для людей в хорошей физической форме, на палаты для больных, требующих дополнительного ухода.

Австрийская система долгосрочного социального обеспечения предоставляет клиентам (пользователям услуг и их родственникам) полную свободу выбора вида социальных услуг и способа ухода. В целом получатель услуг сам решает, в каком учреждении он хочет жить. Многие граждане, достигнув определенного возраста, автоматически встают в очередь на место в приюте для престарелых в качестве общей меры предосторожности («на всякий случай»). Поэтому подобные списки очередников постоянно пополняются, несмотря на то, что большинство претендентов, зарегистрированных в этих списках, пока не собираются переезжать в интернаты для престарелых. Несмотря на это, списки очередников часто использовались в качестве основного аргумента для планировки и строительства новых интернатов для престарелых. В Вене подобная политика была прекращена в 1993 г., когда Муниципальный совет принял решение больше не строить учреждения для престарелых (Komission, 1993).

Исследования американского ученого V.A. Portnoi показывают, что 40 процентов проживающих в домах престарелых могут вести нормальный образ жизни в обществе при минимальном медицинском обслуживании.

Многие авторы из Германии, Великобритании и США высказывают мне-

ние о необходимости такой же поддержки со стороны общества семьям с пожилыми людьми, какую оно оказывает семьям с маленькими детьми и всячески поощрять родственников, осуществляющих уход за престарелыми на дому. Это будет способствовать разгрузке домов для престарелых и улучшению психологической атмосферы в семьях.

В целях сохранения для пожилых людей привычной сферы жизнедеятельности большинство стран пошло по пути создания различных учреждений, по роду деятельности занимающих промежуточное место между обслуживанием на дому и обслуживанием в госпитале (больнице) или доме для престарелых (дневные стационары, специальные городские центры, центры здоровья и т.д.). Так, в Великобритании они функционируют по типу «клубов общения», в США и Японии – с медицинской направленностью.

По данным, полученным D.Guttman и P.R. Miller, 63 процента посетителей городских центров в США нуждались в консультациях по вопросам медицинской помощи и 54 процента – социально-бытовой. Среди множества преимуществ вне стационарного обслуживания, связанных с морально-психологическими факторами, есть и экономическое – дневное обслуживание пожилого человека обходится в США в 2 раза дешевле, чем в доме для престарелых со средним медицинским персоналом. Центры здоровья в Японии относятся к системе общественного здравоохранения и занимаются больше организационными вопросами, чем непосредственным обслуживанием престарелых – подготовкой персонала для ухода непосредственно в доме за людьми пожилого возраста. Они обычно не могут самостоятельно обслуживать себя и всегда требуют дополнительного участия лиц медицинского профиля.

Необходимость развития социального комплекса путем организации жилого пространства для людей с ограниченными возможностями предлагается

в ряде стран. Причем американцы тяготеют к более вместительным домам, а европейцы – к малым формам, нередко образующим целую «деревню». При этом и те, и другие при проектировании специальных домов прислушиваются к мнению геронтологов, психологов, медицинских сестер, социальных работников и других специалистов, а также людей, проживающих в домах такого типа. В Нидерландах к решению этого вопроса подходят дифференцированно с учетом физических возможностей пожилых людей – проектируют и строят дома, как минимум 3 разновидности: для здоровых, не нуждающихся в обслуживании; для слабых, нуждающихся в общем уходе; для хронических больных, нуждающихся в медицинском внимании.

В 10-х годах XXI века в Европе практика сопровождаемого проживания стала повсеместной и постепенно вытеснила крупные интернаты на сотни мест.

Проведенный анализ показывает, что данный аспект проблемы не всегда может быть рассмотрен только как источник включения инвалидов в социальную среду. Это не может быть интегральным показателем. Если считать это основой для целевого назначения программ совместного проживания, то эффективность подобной программы будет невысокой.

Организация совместного проживания может быть реализована не только в отдельных приспособленных помещениях или поселках интернатного типа, но также и стандартных решениях, и домах, где проживают обычные граждане без выделения отдельного блока для инвалидов.

Безусловно, это решение может быть основой для формирования технологий социально инклюзии. Требуется определение того, насколько каждое заболевание может быть рекомендовано к апробированию в данном аспекте совместного проживания. Если рассматривать возможность стратификации подобного опыта, то следует выделить не

только индивидуальное совместное проживание, но также и определить возможности дальнейшего развития группового. Имеется в виду, что реализовывать условия совместного проживания могут не только обученные работники или профессионалы, но и сами инвалиды. Таким образом может быть сформирована самостоятельная структура.

Источниками финансирования могут служить как пожертвования, так и выделяемые средства из бюджета. Не стоит забывать о НКО и применяемых там механизмах интеграции инвалидов в общество. Это реализуется в рамках специальных социально-экономических программ. Если рассматривать это как основу для формирования определенных материалов, которые затрагивают и меняют в целом интернатную форму содержания людей, то безусловно, будущее у такой форма адаптации инвалидов имеются. Практически это может быть реализовано в течение 2-3 лет при постоянном организационном и методическом обеспечении.

Литература

1. Информационно-аналитическая записка Минтруда РФ (2019г.) О практиках обеспечения сопровождаемого проживания в субъектах РФ.
2. Петросян В.А. Социальная интеграция в практической деятельности учреждений: монография. – М.: ИПК ДСЗН, 2010. – 8,4 п.л.
3. Холостова Е.И., Дашкина А.Н., Малофеев И.В. Зарубежный опыт социальной работы. Учебное пособие. – М., 2012, 363 с.
4. Цацура Е.А. Стационарозамещающие технологии социального обслуживания: опыт регионов. – М., 1999.
5. Шабалин В.Н. О научно-медицинских аспектах реализации федеральной целевой программы «Старшее поколение на 1997-1999г./Старшее поколение. – Самара, 1998, с.6-9.
6. Шкурко М.А. Социально-гигиеническая характеристика контингента пожилых людей и организация геронто-

психиатрической помощи в стационарных учреждениях социального обслуживания общего типа. Автореф. диссертации к.м.н. – М., 1999.

7. Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. – М., 1999.

Social integration and social inclusion in the organization of accompanied accommodation for persons with disabilities

Petrosyan V.A., Kholostova E.I.

IDPO DTSZN, ANO DPO "Academy of Social Work",

The issue of cohabitation with a disabled person is defined as an element of an innovative structure dedicated to the possibility of greater inclusion of disabled people in the social environment and, accordingly, the emergence of both stationary and mobile installations to ensure the life of disabled people. This allows them to reduce their opportunities for earlier social interaction only within their social group. If we consider the disabled themselves, then they can be active members of society and act as full-fledged social units that only benefit society.

At the same time, a number of body disorders that lead to complete disability and cannot be adapted to the social environment require the constant presence on the side of the disabled person, who will not only be an assistant, but also a friend or a person who is a conductor of social inclusion.

It is necessary to solve the problem that affects the emergence of this institution at the level of not only the state complex of proposed measures, but also on the principles of joint problem solving. This should be based on modern methods of solving emerging problems, which become relevant to achieve a certain social result wherever possible. The article proposes to consider an issue that primarily affects the social spheres of inclusion of persons with disabilities in public life. The aspect of providing living with a disabled person as an innovative social practice is considered.

Inclusion of a social type, which is realized in the process of living together, is better carried out under the following conditions: a small number of residents, a separate living room, a set of premises for group use - a living room, a dining room, a kitchen, a laundry room, a sanitary block, etc.

Keywords: accompanied accommodation, social inclusion, hospital-replacement technologies, disabled people.

References

1. Information and analytical note of the Ministry of Labor of the Russian Federation (2019) On the practices of providing accompanied accommodation in the constituent entities of the Russian Federation.
2. Petrosyan V.A. Social integration in the practical activities of institutions: monograph. - M.: IPK DSZN, 2010. - 8.4 pp.
3. Kholostova E.I., Dashkina A.N., Malofeev I.V. Foreign experience of social work. Tutorial. - M., 2012, 363 p.
4. Tsatsura E.A. Stationary replacement technologies of social services: the experience of the regions. - M., 1999.
5. Shabalin V.N. On the scientific and medical aspects of the implementation of the federal target program "Older generation for 1997-1999 / Older generation. - Samara, 1998, p. 6-9.
6. Shkurko M.A. Socio-hygienic characteristics of the contingent of the elderly and the organization of gerontopsychiatric care in general-type inpatient social services. Author's abstract. Ph.D. thesis - M., 1999.
7. Yatsemirskaya R.S., Belenkaya I.G. Social gerontology. - M., 1999.

Возраст и стаж работы сотрудников как факторы возникновения организационных конфликтов

Тянь Сяоюй

аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, xiaoyutian@yandex.ru

В настоящее время конфликт в организации является нормой. Если ранее конфликт считался исключительно негативным явлением в компании, то современными исследователями отмечается, что умеренный конфликт способствует увеличению инновационного потенциала организации. Однако, несвоевременное регулирование конфликта способно привести его к острому состоянию, что будет негативно способствовать работе предприятия. В статье было проведено исследование влияния возраста и стажа работы сотрудников на возникновение организационных конфликтов. В качестве эмпирической базы исследования выступила компания Хуавэй, Китай. Используя методы анкетирования и регрессионного анализа в статье проведена оценка степени удовлетворенности работой, выявлены основные причины организационных конфликтов, статистически доказана связь между возрастом, стажем работников и частотой возникновения конфликтов. На основании результатов исследования, в статье сделан вывод о том, что при разработке стратегии управления конфликтами в организации важно учитывать возраст и стаж сотрудников, а также предложены направления будущих исследований стратегий управления организационными конфликтами. Результаты исследования могут быть использованы менеджерами компаний при разработке стратегии управления конфликтами на основе различий в возрасте и стаже работников.

Ключевые слова организационный конфликт, возраст, стаж, причины возникновения конфликтов, управление конфликтами, Китай, Хуавэй

Введение

Во всех организациях конфликт является неизбежным нормальным социальным явлением. Несмотря на то, что конфликт - обязательный и важный компонент организации, он также является сложной проблемой внутри нее. Поскольку организация является социальной группой, в ней могут реализоваться все виды внутренних конфликтов, вызванных разными причинами. Конфликты могут возникать как внутри руководства, например, из-за неспособности достичь консенсуса, так и среди рядовых сотрудников во время повседневной работы. Конфликты оказывают влияние на социальное пространство трудового коллектива, и в случае отсутствия грамотного регулирования и своевременного разрешения, способны вызвать сбои в работе как отдельных подразделений, так и всего предприятия в целом.

Целью статьи явилось исследование связи между возникновением конфликтных ситуаций на предприятии и возрастом и стажем участников конфликта.

Эмпирической базой исследования выступила компания Хуавэй, Китай. В настоящее время китайское общество находится в переходном периоде, и китайские предприятия сталкиваются с различными последствиями и испытаниями в рамках этого исторического потока. В этой ситуации внутренние конфликты на китайских предприятиях становятся все более сложными и жесткими. Поэтому проблема исследования – необходимость поиска путей решения внутриорганизационных конфликтов, вызванных различиями в возрасте и стаже работников организации.

Обзор литературы

Конфликт всегда привлекал внимание исследователей [5, с.4]. Развитие интереса к изучению организационных конфликтов было отмечено в 1960-х гг. В настоящее время изучению различных аспектов конфликтов на предприятии было уделено внимания в работах многих ученых. Были рассмотрены типы и виды конфликтов [4; 6], проанализированы причины возникновения конфликтов на предприятии [5; 6; 7], изучены способы профилактики конфликтных ситуаций в коллективе [4; 7; 8]. В Китае первые работы, посвященные изучению конфликтов в организации появились в конце 1980-х гг. [5, с.6].

Организационный конфликт представляет собой противоречие между членами одного трудового коллектива, являющегося формальным сообществом людей, объединенных совместной деятельностью для достижения определенных целей [6, с.23].

Конфликты на предприятии неизбежны. Они могут выступать в качестве «положительного фактора движения творческой мысли» [6, с.23] и быть необходимыми для «развития инновационной деятельности в организации» [4, с.13], но достигая острого состояния конфликты могут негативно влиять на результаты рабочей деятельности. В связи с этим, особую роль играет управление конфликтами, которое необходимо для того, чтобы направить конфликт в правильное русло, что в итоге позволит использовать конфликт для достижения целей организации.

Понимание причин конфликта необходимо для того, чтобы их нейтрализовать и в последующем устранить конфликт. Это обуславливает важность управления конфликтами. Под управлением внутриорганизационными конфликтами понимают целенаправленное и системное воздействие на персонал организации с целью устранения причин, которые вызывают конфликт, и приведение поведения конфликтующих

сторон в соответствие с нормами взаимоотношений, которые характерны для конкретной организации [4, с.15].

Среди причин организационных конфликтов исследователями были выделены: ограниченность ресурсов, различия в ценностях и целях, различия в уровне образования, различия в манере поведения, плохие коммуникации, недостаточная мотивация [6], образование [5]. В работах некоторых ученых [3] были рассмотрены возраст и стаж работников, которые непосредственно влияют на различия в ценностях, что приводит к возникновению конфликтов. Исследователи отмечают, что сотрудники старшего возраста в большинстве случаев избегают конфликтов с руководителями, в отличие от сотрудников молодого возраста. Возрастные различия в стратегии избегания и доминирования объясняются совместными и независимыми целями, поставленными участниками конфликта [3, с.343]. Предыдущие исследования показывают, что сотрудники старшего возраста обладают более высокой эмоциональной компетентностью, которая позволяет им эффективно разрешать межличностные конфликты. Тем не менее, как отмечено в работе [1], до сих пор неясно, как влияет возраст на конфликты и управление ими.

Таким образом, в результате обзора научной литературы была сформулирована следующая гипотеза: с увеличением возраста и стажа работников частота организационных конфликтов снижается.

Методы и методология исследования

Методология исследования основана на методике анкетирования, использованной в работе [6]. Исследователями для изучения причин организационных конфликтов было использовано анкетирование, выборка респондентов которого была представлена работниками 10 предприятий разных уровней управления – высшего, среднего, низового. Инструментом исследования стала анкета, включающая вопросы, направленные на выявление степени

значимости факторов для сотрудников организации, соответствие характера выполняемой работы уровню профессиональной подготовки, наличия разногласий с руководителем, способов управления конфликтами в организации и другие.

Методология изучения состояния конфликтов в организации основана на научном подходе Лю Вэя. В своей работе [5] исследователь использовал методику выявления масштабов и причин конфликтов, основанную на расчете среднего коэффициента значимости причин и корреляционного анализа Пирсона. Для исследования реагирования индивидуума на конфликт, необходимого для разработки направлений управления конкретными конфликтами на предприятии, Лю Вэй использовал шкалу индивидуальной модели реагирования на конфликты Рахима, провел факторный и сравнительный анализ. Используя регрессионный анализ, Лю Вэй обнаружил связь между уровнем внутреннего конфликта на предприятии и эффективностью управления, которая определяется удовлетворенностью сотрудников.

В настоящей статье использован комплексный подход к изучению зависимости возраста и стажа работников и состояния конфликтов на предприятии,

который объединил анкетирование сотрудников предприятия с целью выявления их мнения о причинах конфликтов, удовлетворенности сотрудников, результаты которого были обработаны статистическими методами с помощью программного обеспечения Eviews путем регрессионного анализа и выявления корреляционной зависимости между факторами возраст и стаж работников и количеством организационных конфликтов. Всего в анкетировании приняли участие 300 сотрудников всех уровней управления – высшего, среднего и низового, а также обычные служащие и работники. Сбор первичных данных осуществлялся в период с 15 апреля по 25 мая 2020 г.

Удовлетворенность работой сотрудников измерялась с использованием трехбалльной шкалы, разработанной Тэкоучи [2]. Мы включили две контрольных переменных, которые влияют на отношение и поведение работника – первая переменная демографического характера – возраст; вторая переменная – стаж ведения трудовой деятельности.

Результаты исследования

По результатам анкетирования было выявлено, что наиболее часто конфликты возникают среди молодых сотрудников компании Хуавэй (рис. 1).

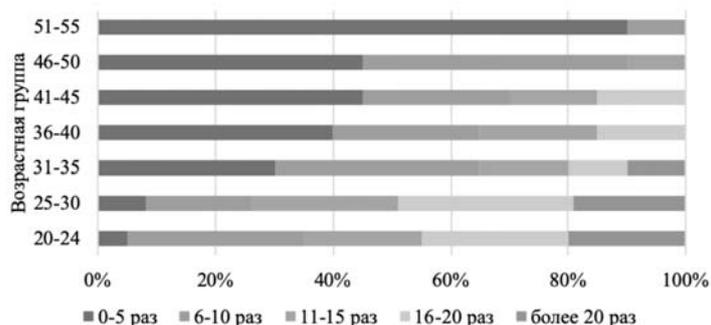

Рисунок 1 – Частота возникновения конфликтов в компании Хуавэй в разрезе возрастных групп в 2019 г., %

Была отмечена связь между возрастом и частотой возникновения конфлик-

тов: чем к более старшей возрастной категории относится сотрудник, тем менее

часто он сталкивается с организационными конфликтами. Так 90% сотрудников в возрасте от 51 до 55 лет приняли участие в конфликтах в течение 2019 г. не более 5 раз, некоторые из них (более 50%) и вовсе не участвовали в конфликтах. Явно прослеживается тенденция

сокращения конфликтов среди сотрудников старше 30 лет.

В целом конфликтную ситуацию в компании Хуавэй по трехбалльной шкале сотрудники оценили следующим образом (рисунок 2).

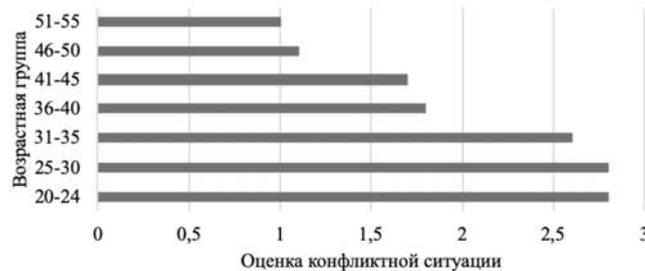

Рисунок 2 – Оценка конфликтной ситуации в компании Хуавэй сотрудниками, баллов (по шкале от 1 до 3, где 3 – острый конфликт)

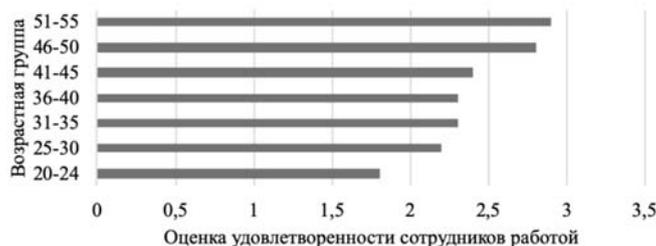

Рисунок 3 – Степень удовлетворенности работой сотрудниками Хуавэй, баллов (по шкале от 1 до 3, где 3 – очень удовлетворен)

Из рисунка 2 следует, что по мнению сотрудников в возрасте 20-35 лет, социальная атмосфера в компании приближается к состоянию острого конфликта. Однако, с увеличением возраста сотрудники воспринимают конфликтную ситуацию в компании иначе. Так, сотрудники в возрасте 51-55 лет присвоили наименьший балл, оценивая конфликтную ситуацию.

Также в ходе анкетирования была оценена удовлетворенность сотрудников работой в компании Хуавэй (рисунок 3).

Из рисунка 3 следует, что с возрастом степень удовлетворенности работой сотрудниками Хуавэй увеличивается. Сотрудники старшей возрастной

категории, в частности от 46 до 55 лет, в большинстве случаев очень удовлетворены своей работой. Наименее удовлетворенными оказались сотрудники в возрасте 20-24 лет.

Также в ходе анкетирования было выявлено, что среди причин конфликтов в компании сотрудники важное значение отдают различиям в трудовом опыте (стаже) – 62% респондентов, различиям в ценностях (58%). Многие респонденты также отметили различия в возрасте как причину возникновения конфликтов (48%). По их мнению, сотрудники разных возрастных категорий по-разному воспринимают работу, имеют разные жизненные ценности и принципы. С возрастом сотрудники с

большим пониманием относятся к общим корпоративным ценностям, проникаются корпоративной культурой, что способствует снижению конфликтных ситуаций, нарушающих работу компании.

На основе первичных данных, полученных по результатам опроса, с использованием статистических методов исследования, была составлена модель частоты возникновения конфликтов (FC) в компании Хуавэй, переменными в которой явились возраст AGE и стаж LENGTH (формула 1):

$$FC = 0,74 AGE + 0,34 LENGTH + 28,6 \quad (1)$$

С помощью метода наименьших квадратов, был рассчитан коэффициент детерминации $R^2=0,8456 > 0,7$ говорит о том, что доля влияния независимой переменной на зависимую значительна (84,6%).

Адекватность регрессии опытным данным проверяется с помощью критерия Фишера F-statistic и вероятности Prob (F-statistic). Так как Prob (F-statistic) = 0,000019 < 0,05, то отвергаем гипотезу о незначимости регрессии. Следовательно, регрессия является статистически значимой.

Таким образом, была статистически доказана связь между факторами возраст и стаж и частотой возникновения конфликтов в компании Хаувэй.

Обсуждение результатов исследования

В результате исследования была подтверждена гипотеза о том, что с увеличением возраста и стажа работника частота организационных конфликтов снижается. Статистическая оценка связи между возрастом, стажем и частотой возникновения конфликтов позволила выявить существование зависимости между переменными.

Было выявлено, что возраст оказывает влияние на оценку конфликтной ситуации в компании, а также степень удовлетворенности сотрудников работой в компании.

Результаты исследования могут быть использованы менеджерами компании при разработке стратегии управления конфликтами. Ограничения исследования заключаются в том, что оно было проведено среди китайских сотрудников компании Хуавэй. В силу особенностей национальной культуры, в компаниях других стран или в транснациональных компаниях возраст и стаж сотрудников могут иметь иной вес при учете факторов возникновения организационных конфликтов.

Эффективное управление конфликтами играет важную роль в выживании и развитии организаций. С появлением и ростом транснациональных компаний высокая роль учета культурных различий в управлении конфликтами становится все более очевидной. В связи с этим, предполагается необходимость проведения исследования влияния возраста, стажа на организационные конфликты в транснациональных компаниях, где при решении конфликтов важно учитывать особенности культуры работников.

Заключение

Возраст и стаж работников относятся к числу ключевых факторов, оказывающих влияние на состояние конфликтов в организации. В настоящей статье на основе анкетирования сотрудников компании Хуавэй и обработки полученных данных была статистически доказана связь между возрастом и стажем работников и частотой возникновения конфликтов. Также было отмечено, что с увеличением возраста сотрудников степень удовлетворенности работой в компании возрастает. В результате исследования сделан вывод о том, что для того, чтобы управление конфликтами в организации было эффективным, при разработке стратегии разрешения конфликта важно учитывать такие факторы, как возраст и стаж сотрудников.

Литература

1. Beitler L., Scherer S., Zapf D. Interpersonal conflict at work: Age and emotional competence differences in conflict

management // *Organizational Psychology Review*. 2018. №20. Pp. 34-38.

2. Takeuchi R., Chen G., and Lepak D. 2009. Through the looking glass of a social system: Cross-level effects of high-performance work systems on employees' attitudes. *Personnel Psychology*. 2009. №62 (1). Pp. 1–29.

3. Yeung D., Fung H., Chan D. Managing conflict at work: Comparison between younger and older managerial employees // *International Journal of Conflict Management*. 2016. №26. Pp. 342-364.

4. Ан Ю. Н. Классификация внутриорганизационных конфликтов и методов управления ими // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2014. №3 (17). С. 11–18.

5. Лю Вэй. Исследования по управлению внутренними конфликтами на предприятиях / Лю Вэй. – Пекин: Столичный университет экономики и бизнеса, 2007. – 98 с. (на китайском языке).

6. Резник С.Д., Копякова Т.И., Чернигов А.Е. Исследование трудовых конфликтов на предприятии: структура и причины возникновения // *УЭКС*. 2012. №12 (48). С. 23–24.

7. Соболева А.В. Трудовой конфликт как фактор девиантного поведения // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2013. №4 (32). С. 87–94.

8. Су Лу. Исследование по управлению внутренними конфликтами на примере табачной компании / Су Лу. – Сычуань: Изд-во Юго-западного университета финансов и экономики, 2016. – 137 с. (на китайском языке).

Age and length of service of employees as factors in the emergence of organizational conflicts

Tian Xiaoyu

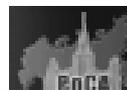
Moscow State University M.V. Lomonosov
Currently, conflict in the organization is the norm. If earlier the conflict was considered an exclusively negative phenomenon in the company, then modern researchers have noted that a moderate conflict helps to increase the innovative potential of the organization. However, untimely regulation of the conflict can lead to an acute condition, which will negatively contribute to the work of the enterprise. The article conducted a

study of the influence of the age and length of service of employees on the occurrence of organizational conflicts. The empirical base of the research was Huawei, China. Using the methods of questioning and regression analysis, the article assessed the degree of satisfaction with work, identified the main causes of organizational conflicts, and statistically proved the relationship between age, length of service and frequency of conflict. Based on the results of the study, the article concludes that when developing a strategy for managing conflicts in an organization, it is important to take into account the age and length of service of employees, as well as suggesting areas for future research on strategies for managing organizational conflicts. The results of the study can be used by company managers in developing a conflict management strategy based on differences in the age and length of service of employees.

Keywords organizational conflict, age, length of service, causes of conflicts, conflict management, China, Huawei

References

1. Beitler L., Scherer S., Zapf D. Interpersonal conflict at work: Age and emotional competence differences in conflict management // *Organizational Psychology Review*. 2018. №20. RR 34-38.
2. Takeuchi R., Chen G., and Lepak D. 2009. Through the looking glass of a social system: Cross-level effects of high-performance work systems on employees' attitudes. *Personnel Psychology*. 2009. No. 62 (1). RR 1–29.
3. Yeung D., Fung H., Chan D. Managing conflict at work: Comparison between younger and older managerial employees // *International Journal of Conflict Management*. 2016. No. 26. RR 342-364.
4. An Yu. N. Classification of intraorganizational conflicts and methods of managing them // *Human Science: Humanitarian Studies*. 2014. No3 (17). S. 11–18.
5. Liu Wei. *Enterprise Conflict Management Studies* / Liu Wei. - Beijing: Capital University of Economics and Business, 2007. - 98 p. (in Chinese).
6. Reznik S. D., Kopyakova T. I., Chernigov A.E. The study of labor conflicts at the enterprise: structure and causes // *UEKS*. 2012. No. 12 (48). S. 23-24.
7. Soboleva A.V. Labor conflict as a factor of deviant behavior // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2013. No4 (32). S. 87–94.
8. Su Lu. A study on internal conflict management on the example of the tobacco company / Su Lu. - Sichuan: Publishing House of the Southwestern University of Finance and Economics, 2016. - 137 p. (in Chinese).

Особенности управления социальной стабильностью китайского общества в условиях развития пандемии коронавируса 2019-nCoV

Чжан Лэй

аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1019769524@qq.com

Эпидемия новой коронавирусной инфекции в начале 2020 года подчеркнула необходимость повышения социальной устойчивости и потенциала национального управления в условиях неожиданных кризисов. Возникновение пандемии стало угрозой социальной стабильности в Китае. К настоящему времени Китай контролирует распространение эпидемии внутри страны, а также ускоренно восстанавливает последствия пандемии, нанесенные обществу. В целом, динамика развития коронавирусной инфекции в Китае демонстрирует, что меры китайского правительства являются эффективными. В статье выявлены особенности управления социальной стабильностью общества в Китае в период развития пандемии. Используя анализ статистических данных, выявлено текущее состояние коронавирусной инфекции в Китае. Определено, что в основе мероприятий, направленных на профилактику и борьбу с новой коронавирусной эпидемией, лежит разграничение пространства. Мероприятия включают сокращение потока населения, обеспечение индивидуальной защиты, прекращение тесного контакта между людьми и ведение закрытого управления в наиболее пострадавших от эпидемии районах. В результате исследования автор приходит к выводу, что меры китайского правительства явились достаточно эффективными в регулировании распространения и разрешении последствий коронавирусной инфекции, поэтому опыт Китая в управлении социальной стабильностью в условиях чрезвычайной эпидемиологической обстановки может быть использован другими странами.

Ключевые слова: социальная стабильность, коронавирусная инфекция, пандемия, Китай, 2019-nCoV

Введение

30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила, что эпидемия новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) внесена в список «чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, имеющих международное значение». Быстрое распространение эпидемии в Ухане привлекло внимание всего общества. В то время, как эпидемия распространялась сначала только в Китае, затем и в Италии, весь мир обсуждал меры борьбы, которые были бы эффективны для предотвращения распространения эпидемии. Однако, лишь китайскому правительству удалось на всех уровнях управления эффективно регулировать перемещение людей, в максимально короткие сроки провести беседу с населением, убедив его в необходимости мер по ограничению взаимодействия с окружающими, в короткие сроки развернуть пункты тестирования и лечения и, успешно справиться с основным потоком больных.

Публикация информации в официальных правительственных источниках об эпидемии в Китае стала сигналом серьезности ситуации с вирусной инфекцией в стране. Непосредственной причиной быстрого распространения эпидемии явилось недостаточное понимание людьми рисков и масштабные перемещения населения, связанные с празднованием китайского Нового года. Правительства на всех уровнях, от центрального до местных, активно применяли различные чрезвычайные меры для предотвращения эпидемии и борьбы с ней. 23 января китайское правительство «закрыло» мегаполисы, а

затем потребовало полной остановки работы всех производственных и образовательных организаций и ограничения деятельности торговых предприятий, а также принудило людей не покидать свои дома. В определенной степени это предотвратило широкомасштабное распространение вируса. Кроме этого, на уровне поселков и городских сообществ была проведена активная профилактическая работа.

Необходимость поддержания социальной стабильности в условиях распространения новой эпидемии коронавируса стала главной темой мероприятий по социальной политике не только в Китае, но и в правительствах других стран. Однако, как показывает статистика, только Китаю удалось в максимально быстрые сроки справиться с основной волной эпидемии и создать эффективную систему контроля над дальнейшим ее распространением, что обеспечило стабильность в обществе и не вызвало волнений, которые произошли во многих западных странах, включая США, Англию и другие. В условиях, когда в других странах эпидемия продолжает распространяться, изучение опыта Китая в борьбе с ней является особенно актуальным.

Основная часть

Коронавирусная инфекция, подобно эпидемии птичьего гриппа N1H1, является примером форс-мажорных последствий борьбы природы против человека в контексте современных социальных изменений. Эти случаи подтверждают идеи У. Бека, объединенные исследователем в концепцию «общества риска» [1], согласно которой данные чрезвычайные ситуации являются неизбежным риском постиндустриального общества.

Появление коронавирусной инфекции быстро привлекло внимание ученых в Китае. С 5 января 2020 г. в крупнейшей базе научных знаний CNKI было опубликовано свыше 7500 статей, посвященных изучению различных аспектов коронавирусной инфекции и влияния ее на Китай и мир в целом, включая

и социологический аспект, который стал предметом исследования более чем в 500 статьях китайских авторов. Более 200 статей посвящено мероприятиям профилактики и контроля пандемии в Китае.

В работах [2], [5], [3] были рассмотрены профилактика и контроль новой коронавирусной инфекции в различных учреждениях Китая. В частности, в [2] рассмотрены мероприятия по борьбе с пандемией в колледжах и университетах, которые должны не только охранять безопасность и здоровье студентов, но и руководить идеологически воспитанием обучающихся. Исследователи [5] рассмотрели особенности функционирования интегрированной комплексной системы мер для улучшения возможностей лечения и решения транспортной дилеммы «закрытого города». В работе [3] отмечено, что в 2020 году внезапная новая эпидемия коронавирусной инфекции стала самой быстро распространяющейся, самой широкой инфекцией, сложной профилактикой и контролем, наиболее продолжительной и серьезной социальной проблемой в Китае с момента основания Нового Китая.

Для людей эпидемия в Ухане произошла внезапно, но она была очень похожа по своему характеру на эпидемию атипичной пневмонии 2003 г. В декабре 2019 года в Ухани были обнаружены первые случаи новой коронавирусной пневмонии, которая в дальнейшем охватила всю страну. Новости об эпидемии новой пневмонии стали горячей темой в различных СМИ, которые по очереди транслировали в прямом эфире актуальную информацию. Эта внезапная эпидемия мгновенно нарушила ритм жизни людей. Внезапно по стране распространилась паника, сопровождаемая различными дискуссиями о быстром распространении вируса, постоянно раздражающем чувствительные нервы населения. В то же время всевозможные ложные сведения и слухи вызвали большую панику в обществе,

сформировали новую эпидемию общественного мнения и поставили серьезные проблемы для государственного управления.

После вспышки генеральный секретарь Си Цзиньпин и Центральный комитет Коммунистической партии Китая придали ей большое значение и издали общий мобилизационный приказ для страны, что «жизнь важнее горы Тай, эпидемия - это порядок, а предотвращение и контроль – ответственность», чтобы всесторонне укрепить централизованное и единое руководство по профилактике и контролю эпидемии, научным исследованиям и оценкам [3, с.68]. Были приняты эффективные меры по формированию национальной стратегии предотвращения эпидемии и борьбы с ней.

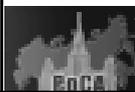
Общие меры по предотвращению инфекционных заболеваний включают контроль источника инфекции, прекращение пути передачи и защиту восприимчивых людей. Следовательно, сокращение потока населения, обеспечение индивидуальной защиты, прекращение тесного контакта между людьми и ведение закрытого управления в наиболее пострадавших от эпидемии районах – все это основные меры для предотвращения и контроля эпидемии, которые были использованы в Китае. Это демонстрирует тесную связь эпидемии с «пространством», которое может быть понято как упорядоченная система отношений, ограниченная физическими и психологическими границами.

Согласно классическим социологическим теориям, «пространство» имеет трехмерную структуру и характеризуется территорией, социумом и историей [4]. Оно не только воспринимается, маркируется и объясняется как конкретные материальные формы, но также используется для определения идентичности, субъективности и представления смысла жизни людей. Следовательно, духовную форму можно разделить на два типа: физическое пространство и социальное пространство. Взаимосвязь между пространством и профилактикой

респираторных инфекционных заболеваний и борьбой с ними заключается в блокировании распространения инфекционных заболеваний за счет физического разделения пространства. Следовательно, физическое пространство можно понимать как контроль над перемещением населения из одного района в другой с целью обеспечения пространственной безопасности.

Геопропространственный барьер в Ухане пережил процесс от незнания потенциальных рисков и защиты информации до сознательного предотвращения, национального контроля и крайней изоляции.

20 января 2020 года генеральный секретарь Си Цзиньпин дал важное указание в отношении эпидемии, «ставя на первое место жизнь и здоровье людей». 23 января 2020 г. Штаб по профилактике и контролю эпидемии новой коронавирусной инфекции в городе Ухань опубликовал Приказ №1 с 10:00 23 января приостановить городские автобусы, метро, паромы и междугородние пассажирские перевозки. Затем многие города внедрили общегородское закрытое управление. На уровне поселкового и сельского управления также были введены соответствующие меры, села и города постепенно превратились из свободного потока населения в закрытые районы и села, чтобы предотвратить дальнейшее распространение эпидемии. На международном уровне США, Австралия, Корея и другие страны приняли различные методы, чтобы заблокировать распространение эпидемии в Китае. Эта модель предотвращения эпидемии и борьбы с ней, которая основывается на «закрытии страны», «закрытии городов» и «закрытии деревень» в попытке изолировать людей от контактов в географическом пространстве, является разумным способом действий после возникновения неожиданного кризиса. Однако из-за незнания людьми эпидемической информации усилились их внутренние страхи и укрепилась различные пространственные

барьеры, что привело к распространению социальной паники, а также к разделению и реорганизации системы порядка.

В истории Китая было много случаев социальной паники. Эти социальные паники имеют различные формы и разные причины, но их можно кратко охарактеризовать как неуверенность людей в управлении жизнью и способности управлять страной, что в целом ведет к снижению социальной стабильности в стране.

Географическое разделение «закрывающихся городов», «закрывающихся деревень» и «закрывающихся районов» в условиях эпидемии демонстрирует силу и значимость национальной мощи Китая и выражает его решимость содействовать предотвращению и контролю рисков. При этом необходимо отметить, что реагирование на эпидемию – это не односторонний вопрос правительства, а общая ответственность всех соответствующих областей, ученых, практиков и политиков. Принимая во внимание потенциальные и внезапные социальные риски, стране необходимо улучшить систему социального обеспечения, чтобы помочь слабым преодолеть жизненные трудности и укрепить уверенность в жизни. В то же время необходимо разрабатывать гибкие полисы медицинского страхования в особые периоды, чтобы избежать социальных беспорядков при наступлении рисков, чтобы люди могли сохранять чувство стабильности в своей жизни даже в неожиданные кризисы. Установление государственной власти требует осмысленного «признания» со стороны людей, которое является истинным и равным, что является основным условием балансирования отношений между государством и обществом и эффективной борьбы с рисками.

Одной из причин социальной паники являются слухи. Преодоление этого фактора требует, чтобы государство поддерживало открытость и прозрачность всех видов информации в спосо-

бах управления географическим и социальным пространством, чтобы люди могли в полной мере использовать Интернет, телевидение, газеты и другие средства массовой информации для получения информации об эпидемии всесторонним и научным образом.

Также необходимо отметить, что социальный менталитет в условиях эпидемии отличается от повседневного менталитета. Он более уязвим для заражения отрицательными социальными эмоциями и демонстрирует определенные когнитивные предубеждения. Поэтому для предотвращения эпидемии и борьбы с ней очень важно сформировать позитивный социальный менталитет. Поэтому в Китае на протяжении всего развития эпидемии проводились исследования социального менталитета. В результате их можно сделать вывод, что после некоторых колебаний социальных настроений осознание людьми риска эпидемии постепенно стало более рациональным, а их суждения о возможности лечения новой пневмонии улучшились. Несомненно, модернизация мер профилактики и контроля нового типа коронавирусной пневмонии повысила уверенность людей в преодолении эпидемии.

В предотвращении эпидемии и борьбе с ней уверенность является основным фактором влияния на социальный менталитет. После того, как эпидемия разразилась в полном объеме, китайское правительство, медицинские учреждения, коммерческие организации и гражданское общество, объединив силы, совместно противостояли тенденции оказывать различную поддержку для предотвращения эпидемии и борьбы с ней, что воплощает прекрасные традиции самосовершенствования китайской нации и укрепляет уверенность людей в победе над эпидемией. Поэтому при совершенствовании механизма порядка для борьбы с социальными рисками необходимо в полной мере мобилизовать силу всего общества, заботиться о жизни людей, ослаблять чувство депривации и безразличия

людей и позволять людям постоянно повышать чувство безопасности благодаря поддержке государства и общества.

Также для профилактики и лечения новой коронавирусной инфекции в Китае был использован богатый опыт китайской традиционной медицины. В теоретических исследованиях и клиническом опыте терапия китайской медицины была признана и высоко оценена медицинским сообществом. Академик Чжун Наньшань и другие эксперты также предложили, что «обратить внимание на роль традиционной китайской медицины в профилактике и борьбе с новой коронарной пневмонией» [5]. Конечно, чтобы найти в традиционной культуре эффективность и методы борьбы с эпидемией, интеллектуалам необходимо обратиться к народному опыту и провести дальнейшие углубленные исследования на основе практики. Кроме того, типичная особенность этой профилактики эпидемии и борьбы с ней заключается в создании пространственных барьеров.

Заключение

Таким образом, рассмотренные в статье меры профилактики и контроля новой коронавирусной инфекции в Китае включают пространственное ограничение, контроль за своевременностью публикации информации в официальных источниках и противодействие распространению слухов, а также обращение к опыту традиционной китайской медицины с целью повышения уверенности населения Китая в достижении успеха борьбы с эпидемией.

В заключение хотелось бы отметить, что семья, несомненно, является лучшей опорой для решения психического одиночества, вызванного пространственными барьерами. Когда люди сталкиваются с рядом рисков, которые несет индивидуализированное общество, семья по-прежнему остается основой для удовлетворения эмоциональных потребностей людей и стабилизации социального порядка в стране.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Ли Тиеин, Мэн Юйсинь. Исследование реакции идеологического и политического образования в колледжах и университетах - на примере эпидемии новой коронавирусной пневмонии // Журнал профессионального колледжа Ляонин. 2020. №22 (08). С. 1-5.
3. Лун Гоин. Просвещение и размышления о предотвращении и борьбе с новой эпидемией коронарной пневмонии // Журнал Прогрессивный форум. 2020. №8. С. 52-54.
4. Пэн Чжиган. Инновационный путь государственного управления общественным мнением новой коронавирусной пневмонии с точки зрения общества риска // Хэбэйское предприятие. 2020. №8. С. 67-69.
5. Ся Цзиньлай, Фан Ци. Размышления о комплексной профилактике и контроле эпидемии среди военно-гражданских лиц – на примере предотвращения и контроля новой эпидемии коронавирусной инфекции // Политология. 2020. №37 (04). С. 12-19.

Features of social stability management in Chinese society in the context of the 2019-nCoV coronavirus pandemic

Zhang Lei

Moscow State University M.V. Lomonosov

The epidemic of the novel coronavirus infection in early 2020 highlighted the need to improve social resilience and national governance capacity in the face of unexpected crises. The outbreak of the pandemic has become a threat to social stability in China. By now, China is controlling the spread of the epidemic within the country, and is also rapidly recovering from the effects of the pandemic on society. In general, the dynamics of the development of coronavirus infection in China demonstrates that the measures of the Chinese government are effective. The article reveals the features of managing social stability of society in China during the development of the pandemic. Using the analysis of statistical data, the current state of coronavirus infection in China was revealed. It was determined that the

delimitation of space lies at the heart of measures aimed at preventing and combating the new coronavirus epidemic. Interventions include reducing population flows, providing personal protection, ending close human contact, and maintaining closed management in areas hardest hit by the epidemic. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the measures of the Chinese government were quite effective in regulating the spread and resolving the consequences of coronavirus infection, therefore, the experience of China in managing social stability in an emergency epidemiological situation can be used by other countries.

Keywords. Social stability, coronavirus infection, pandemic, China, 2019-nCoV

References

1. Bek U. Risk society. On the way to another modern / U. Bek. - M.: Progress-Tradition, 2000. - 384 p.
2. Li Teing, Meng Yu Xin. Research of the reaction of ideological and political education in colleges and universities - on the example of the epidemic of new coronavirus pneumonia // Journal of the professional College of Liaoning. 2020. no. 22 (08). Pp. 1-5.
3. Lungin. Education and reflection on the prevention and control of a new epidemic of coronary pneumonia // journal Progressive forum. 2020. no. 8. Pp. 52-54.
4. Peng Zhi gang. Innovative way of state management of public opinion of the new coronavirus pneumonia from the point of view of the risk society // Hebei enterprise. 2020. no. 8. Pp. 67-69.
5. Xia Jinlai, Fang Qi. Reflections on comprehensive prevention and control of the epidemic among military-civilians-on the example of prevention and control of a new epidemic of coronavirus infection // Political science. 2020. №37 (04). Pp. 12-19.

Прогресс человека как проблема биоэтики. О роли философии

Абдулаева Заира Эсенбулатовна

кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный медицинский университет, zaina1972@mail.ru

В статье рассматриваются философско-этические дискурсы, вызванные обострением глобальных проблем (в частности, распространения коронавируса). Показано, что в условиях преодоления кризисных явлений это относится также и к формам будущего. Это позволит создать возможности не только для развития, но и для выживания в целом. Эта биоэтическая проблема деструктивного антропогенного воздействия на окружающую среду.

Автор статьи видит задачу философской мысли, науки в том, чтобы обозначить возникающие глобальные проблемы биоэтики и вырабатывать соответствующую научную парадигму их решения, во имя спасения человечества.

Специфика философского осмысления глобальных проблем заключается в том, что в силу необходимости формируется гуманитарная наука, которая определяется структурой ценностей, которые могут быть в дальнейшем определены как общечеловеческие. Они в дальнейшем определяют структуру общества. Глобальные проблемы изучаются комплексно в мировоззренческом, методологическом и социально-гуманитарном аспектах. Философский анализ глобальных проблем основан на результаты частных наук. Выявление закономерностей той системы, которая обеспечивает взаимосвязь между человеком и природой требует не только физического, но также и философского осмысления.

Ключевые слова: глобальные проблемы, прогресс, выживание человечества, гуманизм, этические проблемы, биоэтика.

Так получилось, что в этом 2020 году, (о котором вряд ли забудем) одна из тем учебной дисциплины под названием «Биоэтика как философия и наука выживания человечества» обрела особую актуальность в связи с тем, пришлось на карантинное время. Эта тема не находила раньше отклика в сердцах молодых людей, ибо студенты не видели связи данной темы с жизненными кейсами. Перед миром раньше не стояли так остро проблемы выживания, соответственно, данная тема им казалась абстрактной.

На сегодняшний день, остро встал комплекс глобальных проблем, решение которых пока призрачно. Стабилизация с вирусом пока так и не началась, а последствия глобального потепления уже очевидны, последствия климатических причин может ещё радикальнее поднять актуальность биоэтических оценок и решений. В данном ключе стоит выделить взгляды Н.И. Моисеева как эколога, который выделял общечеловеческие принципы ведения народного хозяйства и сформировал основные направления концепций устойчивого развития в стране.

В своем последнем труде «Универсум, информация, общество» ученый и философ страстно призывает: «Человеку необходимо сменить представление о себе как о «победителе» Природы на стремление быть сожителем окружающего мира, обеспечивать совместную эволюцию, совместное развитие с Природой» [2]. И еще предупреждение с оптимизмом: «События нынешнего века позволили нам заглянуть за горизонт — мы увидели лицо реальности, которая нас может ожидать — ожидать нас всех, все человечество. Пережитые годы и события нас действительно предупреждают. Но одновременно и дают нам

шанс, ибо мы поняли — еще многое сделать не поздно». [2] Здесь стоит отметить, что возможность расширения сотрудничества между различными субъектами позволяет расширить понимание того, что мир является конечным и нет возможности.

К формированию целостного понимания последствий научно-технического прогресса следует относить особенности его современного понимания — то, что появляется экологический кризис. Если все возможные экономические формы кризисов могут быть спрогнозированы или преодолены отдельными странами и искусственными регулирующими мерами, то экологический кризис связан с большим. Речь идет прежде всего о физическом выживании всего человечества. Формирование путей преодоления экологического кризиса может быть только в том случае, если все человечество будет искать пути выживания.

Важно, чтобы экология сегодня была ориентирована на сохранение существующего мира, формируя экологическую сознательность, однако, пока продолжаем упорно двигаться в сторону «экологического» производства.

Структурирование антропогенных факторов в течение последних нескольких веков показал новые возможности для понимания того, насколько далеко может зайти человек. Если определять человека как участника общественных отношений, то прежде всего стоит сказать о том, что воздействие на окружающую среду является не только деструктивным, но приемлемым. Появляется другое — человек становится фактором, который может кардинально менять геологическую и экологическую картины мира. В частности, человек из компонента биосистемы превращается в ее участника. То есть человек меняет экосистемы под себя, устанавливая новые законы распределения потоков энергии.

Мировыми экспертами в ряде докладов показано, что кризис экологического

типа не формируется как многие считают человеком и не он считается его причиной. И мировой экологический кризис не может считаться локальным. Если рассматривать в совокупности, то это явление исходит из последствий мирового кризиса мировоззрения. То есть это означает, что все стратегии роста не затрагивают главной вещи — последствий этого роста и соответственно влияния на экологию в мире. Или же считается, что экологическое воздействие в одних странах будет компенсироваться за счет других стран. Это позволит в полной мере обеспечить качественное развитие в ряде случаев, но снизить возможности роста до нулевой отметки в других странах.

Это потребует разработки системы, которая будет учитывать все проблемы в целом и стремится к обеспечению равновесного развития стран в согласии. Иначе становится невозможным формирование стратегий развития на уровне государства. Подобные воззрения требуют значительного философского осмысления.

Конрад Лоренц, который является лауреатом Нобелевской премии, затрагивает в своих трудах несколько тенденций, которые в последующем могут привести к уничтожению жизни на земле или значительному ее усложнению. При этом он отмечает, что все эти проблемы не являются природными, а возникли исключительно в связи с практической деятельностью человека и его продуктов труда.

Эти «кричащие» проблемы порождены и произведены человеком, являются результатом его деятельности и сознания в технизированном обществе.

Как пишет В.А. Кутырев: «Странность сложившейся ситуации в том, что человечество не осознает своего принципиально нового положения. И вместо того, чтобы озаботиться, как адаптироваться к нему, сохранив себя в качестве уникальной формы жизни, эволюционно сформировавшейся в процессе тяжелого труда и жестокой борьбы за существование, оно продолжает наращивать

технические достижения и опирающиеся на них массированное потребление. Переходит к сверхпотреблению, то есть тому, что превышая жизненные потребности, начинает искажать, подавлять его природу и способности, трансформируя их, в качестве желаний, в сверх(пост)человеческое состояние. Продуцируемые стихийно и самостоятельно растущим производством, потребности становятся врагами способностей, притупляя их истоки. Эволюция человека трансформируется, по «ленте Мёбиуса», в его де(э)волюцию» [1].

Это также объясняется и тем, что мир стремится к пониманию гуманитарной парадигмы как основного фактора развития человека. Высшая цель – сохранение жизни человека – не учитывает некоторые необходимости его ограничения. Разработка искусственного интеллекта может привести также к появлению точки сингулярности, которая в свою очередь будет затрагивать гуманитарные аспекты личности и формировать новую среду обитания, где воздействовать на окружающую среду будут уже организмы, которые не имеют органического происхождения.

Кризис гуманитарного знания ощущается даже в таком престижном университете как Гарвард. Гуманитарные профессии не находят началом блестящей карьеры. Ибо, в стремительно меняющемся мире гуманитарные науки, как бы ни было больно это признавать, теряют смысл. Хотя, оставляет надежду то, что по данным независимого источника швейцарской экспертной и исследовательской организации, рейтинг ста наиболее влиятельных глобальных мыслителей за 2013 год возглавили философы. Четыре из пяти самых влиятельных мыслителей в мире - представители гуманитарного профиля.

Если проводить философский анализ данной проблемы, то прежде всего стоит говорить о разработке методологических подходов, которые могут быть задействованы для решения более глобальных проблем, которые в свою оче-

редь могут служить основой для разработок программ социально-экономического развития среди отдельных вопросов, связанных со смежными областями экологии и природопользования.

Здесь мы снова приходим к классической формуле научного исследования. В основе любой программы развития лежит прежде всего идея, которая должна найти отражение в ряде документов и меморандумов. Это в свою очередь приводит к тому, что проводится разработка отдельных программ по сотрудничеству и развиваются готовые решения уже технического, экономического и социального характера.

Если смотреть более точно, то философия – это прежде всего возможность для общества выделить отдельные направления исследований о выделить перспективы, которые затрагивают данную область. Если говорить о перспективах исследования, то стоит отметить, что решение экологических проблем возможно только после их совместного признания международным сообществом. Как полагает З. Бжезинский, это способствует созданию социального контакта не только между государствами, но и внутри отдельных стран. Следует говорить о том, что это позволит в перспективе решать большинство международных проблем на основе равноправного диалога [3].

С точки зрения З. Бжезинского, таким объединяющим духовным началом — верой современного человека должен стать рациональный гуманизм. Рациональный гуманизм - это интернационализм, неприемлемость любых форм тоталитаризма, иммунитет ко всякого рода утопиям, особенно к тем, где речь идет о немедленном решении социальных вопросов, опора на научные подходы. Рациональный гуманизм — это такая форма мировоззрения, которая решение всех вопросов соотносит с интересами каждого человека в улучшении жизни и соблюдении его прав. Так, О. Орука [4] отмечает, что философия может внести огромный вклад в про-

гресс человечества, обратившись к решению практических проблем обеспечения благополучного будущего человечества, выполняя тем самым свою моральную функцию.

Многие авторитетные международные и отечественные общественные организации, известные ученые пытаются выделить эти проблемы для современного этапа человеческой истории. Так, П.А. Сорокин считает, что деморализация и ее губительные последствия в обществе могут быть остановлены лишь посредством увеличения производства и аккумуляции неэгоистической любви к человеку и человечеству [5]. По его мнению главная историческая миссия человечества состоит в безграничном созидании: накоплении и усовершенствовании. Истины, Красоты и Добра в самой природе человека, в человеческом уме и поведении, в общественной жизни и вне ее, в отношении человека к миру и друг другу. Эта миссия (цель), подчеркивает П.А. Сорокин [6], ставится и достигается самими людьми, и она является подлинным мериллом человеческого прогресса. И только такое созидание людьми самих себя будет способствовать увеличению производства и нейтрализации эгоизма в обществе. А все это семейство ценностей мы можем заложить в наших детях, в процессе воспитания и образования. Гуманитарные дисциплины - необходимый и обязательный компонент в системе высшего, в том числе и медицинского образования. Они представляют основу общекультурной, мировоззренческой подготовки специалиста любого профиля, позволяют преодолевать односторонность и фрагментарность изучаемых явлений и процессов. Рефлексивную роль в этом процессе выполняют ценностные формы сознания. Гуманитарные дисциплины, особенно философия и биоэтика способствуют формированию гибкого, многомерного мышления, какое необходимо для решения глобальных проблем и вызовов. Занятие философией размышление и рассуждение о ней, а не просто чтение текстов, развивают нашу

способность к критическому мышлению, вооружая нас, таким образом, перед лицом многочисленных вызовов быстро меняющегося мира. Может поэтому на западе, многие работодатели ищут сотрудников, у которых были хорошие оценки по философии.

Следует, однако, иметь ввиду, что для сохранения жизни на земле важны ценности культуры разумного мышления, которую несет с собой философия, и добро, которую формирует этика. Иные ценности не могут быть навязаны человеку помимо его воли и желания, его интереса. Для того чтобы ступить на путь, ведущий к разумному мышлению, человек должен совершить усилие, ему необходимо напряжение всех его интеллектуальных и нравственных способностей.

Литература

1. Кутырев В.А. Этот без(д)умно разумный мир... // Философия и общество, 2011. № 3, с. 112–124.
2. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001
3. Brzezinski Zbigniew . Between Two Ages. N.Y.:The Viking Press, 1970/
4. Odera Oruka, Н: Оджинга Одингга: его философия и верования, издатели инициатив (1992) ISBN 9966-42-035-5
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / В серии: «Мыслители XX века». Пер с англ.– М., 1992. - 543 с.
6. Сорокин П.А. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты. – СПб.: Невский проспект, Вектор, 2007. - 176 с.

Human progress as a problem of bioethics.

On the role of philosophy

Abdulaeva Z.E.

Dagestan State Medical University

The article examines the philosophical and ethical discourses caused by the aggravation of global problems (in particular, the spread of the coronavirus). It is shown that in the context of overcoming crisis phenomena, this also applies to the forms of the future. This will create opportunities not only for development, but also for survival in general. This is a bioethical problem of destructive anthropogenic impact on the environment.

The author of the article sees the task of philosophical thought and science in identifying the emerging global problems of bioethics and developing an appropriate scientific paradigm for their solution, in the name of saving mankind.

The specificity of the philosophical understanding of global problems lies in the fact that, by necessity, the humanities are formed, which is determined by the structure of values that can be further defined as universal. They further determine the structure of society. Global problems are studied comprehensively in the worldview, methodological, social and humanitarian aspects. Philosophical analysis of global problems is based on the results of particular sciences. Revealing the laws of the system that provides the relationship between man and nature requires not only physical, but also philosophical understanding.

Keywords: global problems, progress, human survival, humanism, ethical problems, bioethics.

References

1. Kutyrev V.A. This without (e) cleverly intelligent world ... // Philosophy and Society, 2011. № 3, p. 112-124.
2. Moiseev N.N. Universum. Information. Society. M., 2001
3. Brzezinski Zbigniew. Between Two Ages. N.Y.:The Viking Press, 1970 /
4. Odera Oruka, H: Ojinga Odinga: His Philosophy and Beliefs, Publishers Initiatives (1992) ISBN 9966-42-035-5
5. Sorokin P.A. Person. Civilization. Society / In the series: "Thinkers of the 20th century." Per from English - M., 1992. - 543 p.
6. Sorokin P.A. Biography, worldview, quotes. - SPb .: Nevsky Prospect, Vector, 2007 .-- 176 p.

Повседневность как место потребления

Баранова Лариса Михайловна

кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», baranovalm@yandex.ru

Повседневность – человеческое измерение социальной реальности своего времени, и ей принадлежит активная роль в формировании реалий современного глобального мира. Кажущееся поверхностным, не фиксируемое разумом, привычное «несобытийное бытие» тысячелетиями было формой ежедневного проживания. Повторяющиеся мелкие факты не фиксируются и не замечаются, но в этом повторении они обретают всеобщность и даже универсальность, становясь элементами всех уровней социальной структуры. В пространстве и времени повседневности осуществляется социализация личности с ее способностями мыслить, рассуждать, производить и потреблять. Повседневность – основа социальности, она воспроизводит настоящее, скрепляет людей, независимо от занимаемой ими социальной позиции, формируя их как «вечных» потребителей, она – гарант повторяемости, стабильности и устойчивости социума. Рекламируемый обществом потребления консьюмеризм способствует духовной и моральной деградации, несмотря на научно-технический и социальный прогресс.

Ключевые слова. Повседневность, социальность, потребительские практики, интеграция, стабильность, рутина.

В XX веке в системе глобализации социальных отношений устоявшаяся веками привычная жизнь и привычная система ценностей начали быстро деформироваться и разрушаться. Процесс «запустила» Первая мировая война, потрясшая, в первую очередь, Европу, в которой прекратили существование три империи; был открыт путь к построению принципиально новых сообществ, основанных, в первую очередь, на непреходящих либеральных ценностях, в центре которых человек, актор всех социальных взаимодействий, как целе- и ценностно-рациональных, так и повседневных, малоосознаваемых.

«Вдруг» обнаружилось, проявилось, что существует огромный мир повседневной жизни, ежедневно повторяющегося привычного бытия, в котором более-менее устойчиво и спокойно протекала материальная жизнь сменяющихся поколений, всегда отмеченная знаками рутины. Это был привычный мир, на который долгие годы никто в научном мире внимание не обращал, не видя и не желая видеть в нем предметную область какой-то социальной или гуманитарной науки. Как выразился французский социальный философ и культуролог XX века Мишель де Серто, повседневность была «изобретена»; он называл ее «самой обычной культурой», а свой фундаментальный труд, вышедший в 80-х годах XX века так и назвал «Изобретение повседневности». [1]. Современный философ-феноменолог Б. Вальденфельс считал, что «обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания» (Veralltaglichung), которым противостоят процессы «преодолевания повседневности» (Entalltaglichung).» [2, с. 39]. А. Шюц называл повседневность реальностью, так как этот мир переживается взрослым человеком, действующим

внутри него и воздействующим на него при естественной установке. [3, с. 3-34].

Социология второй половины XX века всерьез озадачилась этой проблематикой, выделяя в качестве нового предмета исследования повседневные практики, в частности, – потребительские практики, обозначая этими новыми понятиями ранее не изучаемые сегменты социальной деятельности в огромной сфере повседневности. С середины XX века в европейской истории, социологии, позже – культурологии оформляется научный интерес в познании различных структур повседневности: среда обитания людей (городские, сельские поселения, жилища, одежда, мода), продукты питания и особенности их потребления, игра как основа человеческих действий, досуговая деятельность, общество потребления как «реформатор» сферы повседневности и др. Выходят знаковые работы Й. Хейзинги, Ф. Броделя, Ж. Бодрийяра; складывается феноменологически ориентированное направление – социология повседневности, ее классиками являются Г. Гарфинкель, И. Гофман, А. Шюц, которого, в первую очередь, считают основателем социологии повседневности. [4, 5, 6]. В отечественной науке по различным аспектам повседневности выходят работы Ю.М. Лотмана, А.Б. Гофмана, многочисленные статьи. [7, 8, 9].

Повседневность «вышла» из потребностей выживания, которые, разрастаясь, со временем должны были удовлетворяться какими-то новыми способами; да и сами потребности совершенствовались и усложнялись, а значит, – необходим был постоянный поиск новых форм их удовлетворения. Такой поиск часто приобретал черты институций, которым чаще всего и суждено было остаться таковыми, не имея шансов развиваться в институционализированные формы.

Повседневность складывалась в ходе социогенеза, обширного социального пространства интеракций, где осуществлялись процессы институциали-

зации во всех необходимых для продолжения жизни сферах. На первый взгляд, неважно, что люди едят и пьют, где живут, как и во что одеваются, как учатся, играют, общаются, рисуют и поют, но, ощутив эту разнообразную повседневность, оказывается, ее возможно рационализировать, познать и понять. Повседневное – привычное, упорядоченное, близкое, а неповседневное – это непривычное, вне обычного порядка находящееся и далёкое. Но люди постоянно пребывают между обыденным и необычным, они – «жители» двух реальностей, которые неотделимы друг от друга. Б.Вальденфельс образно назвал повседневность плавильным тиглем рациональности, так как из неё «прорастает», просачивается все то, что позже институционально будет упорядочено, отформатировано и облечено в письменные формы законов, норм и правил. [2, с. 45-47]. Здесь «оттачивается» рациональность. В незаметной стихии повседневных дел и забот – научение рациональности, складывание «рациональных» крупинки в незаметные для индивида формы рациональной деятельности (обучение грамоте, счету, получение знаний, выработка норм, законов, символов, управление, организация жизни) в целом, то есть все те не фиксируемые специально социальные навыки, привычки, образцы поведения, благодаря которым незаметно для индивида тысячелетиями строился социальный дом (социум).

В социальной субстанции повседневности, преобразуясь и усложняясь, складывались различные формы материальной, вещественной жизни: формы хозяйственной деятельности, орудия труда, технологии; и образцы духовного производства: моральные нормы, писанные законы, религиозные представления, научные знания, литературные и художественные произведения, и многое другое. В этом пространстве оттачиваются новации, возможны открытия и порывы духа, здесь зарождаются смыслы. Повседневность – вечное эвристическое поле. Эти потенции могли

реализовываться только посредством институционализации, но путь этот долог, труден и не всегда адекватная историческому периоду рациональность могла реализовать эти возможности.

Сфера повседневности, как и остальные сферы жизнедеятельности людей – часть социального пространства, в котором они пребывают. Естественно, что повседневность возможна лишь там, где есть люди, которые тысячелетия «строили» свой социальный дом, постоянно улучшая, совершенствуя, преумножая, а временами безжалостно разрушая построенное. Все это воспринималось, как само собой разумеющаяся, рутинным образом упорядоченная ежедневная реальность со своими достижениями, ошибками и утратами. Из «маленьких», далеко не всегда фиксируемых фактов и событий такими же «маленькими стежками» строилась социальность, фундамент общества, и формировался адекватный образ жизни.

П.А. Сорокин, приступая к описанию процессов социальной мобильности, характеризует и разделяет виды пространства, в которых пребывает человек. Все люди живут и перемещаются в геометрическом пространстве, которое описывается в системе географических координат (нахождение в какой-то точке Земли), и в пространстве социальном, которое не зависит напрямую от места конкретного пребывания, в котором положение человека фиксируется системой социальных координат. По П. Сорокину, «*социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим.*» [10, с.298]. В глобальном социальном пространстве – множество разновидностей индивидуальных социальных пространств, в которых, как в капле воды, отражается и проявляется данный социум, а они – таковы, каков этот социум

в конкретное историческое время, и это объективно сложившееся равновесие обеспечивает устойчивость и стабильность данному социуму; сфера повседневности не просто участвовала, а выступала базисом и гарантом в построении этой стабильности.

В этом социальном пространстве люди как-то организуются, упорядочивают связи и взаимодействия, формируют, осознанно или нет, разнообразные социальные практики, которые обязательны и социально значимы: люди участвуют в них, занимая и меняя статусы, играя социальные роли, идентифицируя себя с различными общностями, культурой, конфессией, формируя поведенческие, культурные, религиозные стереотипы, реализуемые, в первую очередь, в их повседневных практиках, в том числе, и в потребительских.

Во всех обществах люди, примерно одинаково отвечая на вопрос, что необходимо им для выживания, по-разному отвечали на вопрос, как все это необходимо добыть, чтобы удовлетворить эти и, возможно, более сложные потребности. Повседневность изначально «уравнивает» людей, невзирая на существующую иерархическую «пирамиду» статусов. Занимаемой позиции в социальной пирамиде соответствовали и возможности для удовлетворения потребностей, и достижения каких-то целей; индивиды разных социальных групп обладали разными ресурсами, благодаря которым могли осуществлять повседневные социальные действия (повседневные практики), которые складывались в то, что и называлось жизнью (реальностью, по А. Шюцу) отдельного актора, социальной группы и общества в целом.

Повседневность «скрепляет», интегрирует людей в сообщество потребителей, каковыми они были и есть на каждом историческом этапе, различаясь «набором» потребностей, которые всегда напрямую детерминированы уровнем знаний, возможностями техниче-

ского прогресса, даже – мировоззренческими представлениями о мире, короче, уровнем развития производственной и социальной инфраструктуры. Но истинным «интегратором» повседневность становится в XX веке, особенно, во второй его половине, благодаря всем тем благам, преимуществам и порокам, которые принесло общество потребления: демократизация и либерализация всех сфер бытия, явное/латентное нивелирование межгрупповых, поселенческих и даже государственных границ, массовизация культуры, сознания, поведения. Для «массового человека», как определил человек XX века Х. Ортега-и-Гассет, с его надындивидуальным, надгрупповым, а часто – и космополитичным сознанием, повседневность стала естественным первичным местом, на чьей территории все равны как в своих потребностях, так и перед потребительской ценностью любой вещи, материальной или духовной.

Сам термин «потребление» активно используется социальными науками, в первую очередь, экономическими и социологией. Потому и определения даются разные, в зависимости от науки, выделенной проблематики и исследовательских задач. Но и в обыденных, и в специально научных трактовках обязательно присутствует понимание потребления как использования, приобретения чего-то для удовлетворения разнообразных потребностей. В то же время, само потребление есть потребность, «встроенная» в биосоциальную природу человека и детерминированная социумом, в котором оно выполняет в том числе важнейшую социальную функцию: уменьшает, предотвращает, или даже устраняет, возникающие или возможные социальные опасности. Единая для всех биосоциальная природа человека формирует одинаковые, не зависящие от занимаемой индивидуом социальной позиции, потребности, причем, чем проще эти потребности, тем они универсальнее: пища, жилища, одежда, чистая природная среда, тру-

довая деятельность – все это сфера повторяющейся повседневности, по определению присущая всем людям. Она воспринимается в цветах монотонности, «бездуховности», скуки, где кажутся неуместными и странными порывы к возвышенному, творческому, выходящему за рамки привычного, потому что необычное – враг повседневного, и оно способно «взорвать» привычный мир, нарушив стабильность и устойчивость данного социума.

Потребительские практики, содержание, формы которых детерминированы статусными позициями (первый критерий здесь – доход), всегда были средством воспроизводства социального неравенства. Этим термином в современном мире называют собственно процесс приобретения материальных и духовных благ и услуг; существительное «практики» указывает на способы их получения. Разнообразие благ, услуг и способов их потребления стало возможным на этапе социального развития, благодаря Ж. Бодрийяру, названному обществом потребления. «Общество потребления» (consumer society) указывает на изобилие; есть все и для всех, и это «все» является универсальной услугой, которую надо обязательно удовлетворять.

XX век, благодаря техническому прогрессу и новым технологиям, создал это изобилие, перепроизводство благ, что было невозможно в XIX веке, а изобилие детерминировало также не существовавшие в XIX веке деформации во всех сферах бытия. Главной идеей, деструктивной тенденцией динамики глобального послевоенного социума, выделенной социологами (Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр), была констатация неутешительного для человечества вывода: безудержное потребление ведет к опустошению и опустыниванию, как предметного пространства, так и духовного. Ж. Бодрийяр резко характеризовал современную культуру как производящую отходы, и сам человек при этом превращается в отбросы. [11, с. 107-116].

«Одномерный человек», по выражению Г. Маркузе, это человек общества потребления, втянутый в «порочный круг» процесса потребления: он уже не сам формирует свои потребности, а все новые потребности стимулируются креативными производителями, чего сам индивид и не осознает, но всеми силами стремится их удовлетворять. Казалось бы, удовлетворенные потребности создают у людей состояние эмоционального равновесия, спокойствия, снятие напряжения, но это период разной временной длительности: завершённого желания и удовлетворённости не бывает. Наряду с вновь формируемыми вечными остаются потребности отличаться, выделяться, которые неизбежны пока в обществе сохраняется статусно-иерархическая система.

Индивид всегда находится в определенной системе заданных пространственных и временных координат конкретного социума, который диктует ему социальное поведение, в том числе, и потребительское, которое вариативно и многофункционально, оно обеспечивает ему комфорт, но при этом неизбежно нивелирует духовные ценности. Человек среди вещей или среди людей – таково человеческое измерение потребления, таково проблемное поле социальных наук в настоящем и будущем.

Литература

1. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с. Серия «Прагматический поворот».
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. 480 с. // Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. С.39-50.
3. Шюц А. О множестве реальностей // Социологическое обозрение. Том 3. 2003. № 2. С. 3-34.
4. Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1. 622 с. // Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. В 3-х тт. М.: Прогресс, 1986.

6. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Москва: Издательство АСТ, 2020. 320 с.

7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 544 с.

8. Гофман А.Б. Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. 783 с.

9. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования: Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН. - 2005. - № 1. С. 5-18.

10. Сорокин П.А. Социальная стратификация // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

11. Жан Бодрийяр. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107-116.

Everyday life as a place of consumer Baranova L.M.

Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov

Everyday life is the human dimension of social reality of its time, and it plays an active role in shaping the realities of the modern global world. Seemingly superficial, not fixed by the mind, habitual "non-eventful being" was a form of daily living for millennia. Repetitive little facts are not getting recorded or noticed but, in this repetition, they acquire generality and even universality, becoming elements of all levels of the social structures. In the space and time of everyday life socialization of the personality is carried out with its ability to think, to reason, to demand and consume. Everyday life is the basis of sociality, it reproduces the present, holds people together independently from their social position, forming them as "eternal" consumers. Everyday life is the guarantor of society's repeatability, stability and sustainability. Consumerism promoted by the consumer society contributes to spiritual and moral degradation, despite scientific, technical and social progress.

Keywords. Everyday life, sociality, social hierarchy, consumer practices, integration, stability, routine

References

1. Serto Mishel de. The invention of everyday life. 1. The art of doing. SPb.: Publishing House European University in St. Petersburg, 2013. 330 p. A series of "Pragmatic turn".
2. Waldenfels B. Everyday life as a melting pot of rationality // SOCIO-LOGOS. M.: Progress, 1991. 480 c. // Waldenfels B. Everyday life as a melting pot of rationality. p.39-50.
3. Shiuts A. About a multitude of realities // Sociological review. volume 3. 2003. № 2. p. 3-34.
4. Johan Huizinga. Homo ludens. Man playing. SPb.: Ivan's Limbakh Publishing House, 2011. 416 p.
5. Brodel F. Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII c. V.1. 622 p. // Brodel F. The structures of everyday life: the possible and the impossible. In 3 vv. M.: Progress, 1986.
6. Baudrillard. J. Consumer Society. Moscow: Publishing House AST, 2020. 320 p.
7. Lotman U.M. Talks about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century). SPb.: Alfabeta, Alfabeta -Attikus, 2016. 544 p.
8. Gofman A.B. Classical and Modern: Etudes on History and Sociology Theory. M.: Science, 2003. 783 p.
9. Radaev V.V. Sociology of consumption: main approaches // Sociological research: Monthly scientific and socio-political journal of the Russian Academy of Sciences. - 2005. - № 1. p. 5-18.
10. Sorokin P.A. Social stratification and mobility // Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. M.: Politizdat, 1992. 543 p.
11. Baudrillard. J. City and hate // Logos. 1997. № 9. p. 107-116.

Амбивалентность как особенность жизненного пути современной женщины

Богатырева Людмила Геннадьевна,
канд. филос. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ), mila_nki@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с экспликацией идеи амбивалентности жизненного пути современной женщины. При этом философски интерпретируется положение о двуединстве традиционных и новационных начал в жизненном пути современной женщины, раскрывается его теоретическая и практическая значимость. В статье отмечается, что жизненный путь современной женщины есть амбивалентное образование, включающее в себя как традиционные способы жизни, так и новационные образования, связанные с трансформацией человеческого существования. Обращается внимание на то, что в жизни современной женщины много нового, но при этом подчеркивается, что новое не отрицает традиционного, основывается на нем и дополняет его. С одной стороны, семья как играла, так и играет решающую роль в жизни женщины: это деторождение, воспитание детей, создание уюта в семье, забота о близких, детях, муже, родителях. С другой стороны, порой одинаковую ценность и значение (а зачастую и объективную необходимость) для женщины приобретает карьера, обязательное получение образования, создание своего бизнеса. Все это рассматривается современной женщиной обязательным условием жизни.

По мнению автора, нацеленность на реализацию амбивалентности помогает женщине не только сделать более комфортной свою профессиональную и личную жизнь, но и вписать траекторию своего жизненного пути в динамику современности.

Ключевые слова: женщина, жизненный путь, амбивалентность, традиция, новация, современность.

Изменения, происходящие в стране и мире, носят лавинообразный характер. Под воздействием информационных технологий, средств массовой информации и коммуникации трансформируются не только сложившиеся отношения между людьми, но и сама система ценностей претерпевает существенные изменения. Традиционные ценности, являвшиеся основой привычного образа жизни, уступают место новым тенденциям, нацеленным на универсализацию отношений между людьми. Как следствие, происходит деформация системы традиционных духовных ценностей и приоритетов, в которых семья, дети, понятие дома, семейного очага и другие символы социокультурной преемственности, носили устойчивый характер, направленный на сохранение этнокультурной идентичности. Можно сказать больше, под натиском современных информационно-коммуникативных технологий происходит разрушение культурных кодов, в которых веками закреплялись, воспроизводились, транслировались на новые поколения нормы регламентации коммуникативных форм и способов взаимодействия, значительная часть которых была связана с отношением к матери, женщине, семейным устоям.

В связи с этим возникает необходимость изучения вопросов, связанных с пониманием своеобразия жизненного пути современной женщины. Насколько трансформировалась традиционная модель жизни женщины? Какие новые тенденции определяют ее личную и профессиональную жизнь? Эти и многие другие вопросы не только актуализируют тему исследования, но и подчеркивают ее теоретическую и практическую значимость. Ведь очевидно, что современной женщине важно понять,

какие у нее открываются возможности в настоящий период, и что она может сделать для их реализации.

Сразу отметим, что острота вопроса связана с необходимостью преодоления той «разорванности», которая наметилась в жизни современной женщины. Эта «разорванность» отмечается, прежде всего, в отношении традиционного и новационного, рационального и чувственного, личного и профессионального в жизни современной женщины. По сути дела, женщина стоит перед выбором: сохранять ли традиционный образ жизни ориентированный на семью, дом, воспитание детей, или же включиться в полной мере в профессиональную деятельность, ориентированную на карьеру?

Прежде всего отметим, что семья всегда играла и продолжает играть значительную роль в жизни женщины [1]. Для женщины семья – важнейшая форма ее самореализации. Семья помогает женщине реализовать свое природное начало – быть подательницей жизни. Она же содействует ее социальной и духовной реализации и тем самым способствует достижению той целостности, без которой ее жизненный путь не может быть полноценным. Кроме того, семья содействует возвышению и утверждению женщины. Домовитая и чадолюбивая женщина возьмет в свои руки семейные заботы и станет фактическим лидером в семье. Без нее не будет решаться ни один вопрос. Так, семья становится основой женского бытия, своеобразной социальной лестницей, способствующей ее восхождению. Поэтому не удивительно, что современная женщина, понимая ценность и значимость семейной жизни, ратует «за» семью. Кроме того, дружная семья – это надежная крепость, помогающая супругам идти по жизни вместе, воспитывать своих детей и являть себя миру. Поэтому, можно сказать, что для современной женщины при всех нововведениях социальной жизни семья остается важнейшей ценностью.

Вместе с тем современная женщина вынуждена обращать все большее внимание на профессиональную линию своего бытия [2]. Это обусловлено не только субъективным моментом, но и объективным фактором – потребностью социума в женской рабочей силе. Очевидно, что современное общество позволяет женщине реализовать свой личностный потенциал. В частности, женщины охотно осваивают программы бакалавриата, специалитета и магистратуры. Они с удовольствием учатся в аспирантуре и докторантуре. Все больше женщин, получив высшее образование, претендуют на высокие посты. Эту современную тенденцию нельзя не замечать. Более того, ее нужно приветствовать и поддерживать. Ведь женщины являются прирожденными специалистами в переговорах, они с легкостью налаживают отношения с представителями разного пола и возраста, тонко чувствуя психологический настрой своих собеседников. Это позволяет им достигать значительных успехов в профессиональной деятельности. И здесь возникает вопрос: как быть – посвятить свою жизнь карьерным устремлениям или реализовать себя в семейном плане?

Ответ на этот вопрос дает сама жизнь. Современные российские женщины выбирают амбивалентность (двойственность, двуединство) жизненного пути: семья плюс карьера [3]. В силу этого мы полагаем, что важнейшей особенностью жизненный путь современной женщины является именно амбивалентность. Скажем больше, жизненный путь женщины есть амбивалентное (т.е. двойственное, двуединое) образование, включающее в себя ориентацию на семейные и профессиональные ценности, закрепленные в традиции и получившие свое выражение в современной культуре, опирающейся как на рациональные, так и чувственные формы постижения действительности. Здесь важно подчеркнуть именно двуединый характер жизненного пути современной женщины, ту диалектику ее

жизни, которая стала практикой ее современного бытия. В этом нам видится не только научная значимость такой постановки вопроса, но и ее практико-ориентированный характер, содействующий решению современных проблем женского существования.

Очевидно, что современность приносит в жизнь женщины много нового. Наряду с традиционными аспектами бытия (любовь, семья, дети) добавляются новые моменты (нацеленность на образование и карьеру). При этом важно заметить, что новое не отрицает традиционного. Более того, предполагает его. Женщина все также хочет иметь детей, также желает создать свою семью. Однако при этом она стремится реализовать себя еще и в профессиональном плане. Эта амбивалентность ее бытия является не только индикатором современности, но и показателем тех изменений, которые произошли в ее жизни. Более того, динамика жизни женщины обращает на себя внимание и заставляет внести изменения в концепцию жизненного пути женщины. Очевидно, что жизненный путь женщины должен быть понят как динамическое образование, включающее в себя изменение как необходимый элемент женского бытия. Женщина должна стремиться успеть все: и получить образование, и проявить себя в профессиональном плане, и создать семью. В этом, на наш взгляд, достигается та цельность женщины, которая ей необходима для построения целостности жизненного пути. При этом у нее есть понимание того, что современность не отрицает традиционного – семьи и детей. То, к чему предназначена женщина, должно свершиться в ее жизни. Однако нужно понимать, что работа – это не только средство обеспечения жизни, но и форма самореализации женщины [4]. Думается, что такое понимание вопроса не только расставляет акценты, но и помогает современной женщине достойным образом выстроить свой путь жизни, который проходит подчас в непростых социально-экономических условиях.

В связи с этим вновь подчеркнем, что амбивалентность бытия женщин есть важнейшая особенность современности. Эта особенность с необходимостью должна учитываться в индивидуальной философии жизненного пути современной женщины. Более того, нам представляется, что амбивалентность есть важнейшее понятие именно философии женщины. Она проявляет себя во многих пластах современного женского бытия. Так, амбивалентность бытия женщины может быть раскрыта через экспликацию феминной и маскулиной женщины. Очевидно, что ориентация женщины на карьеру усиливает в ней волевые и властные черты, что, в свою очередь, содействует определенной маскулинизации женщины. Современная женщина, безусловно, должна знать о такой опасности и предпринимать все необходимое для того, чтобы не потерять в себе женщину. Для этого женщина должна оставаться женщиной и на работе, и особенно дома. мудро поступают те жены, которые, перешагнув порог своего дома, принимают женскую модель поведения, предполагающую нежность, заботу, участие в судьбе домочадцев. Это – не простое дело. Оно предполагает опору на духовный опыт жизни [5]. Но если у женщины это получается, то она обретает стезю реализации себя не только в профессиональной, но и личной жизни. Заметим, что сегодня этого требует не только логика женской жизни, но и современность, ориентирующая женщину на активное участие во всех областях человеческого бытия [6, 7].

Кроме того, отметим, что амбивалентность женского пути жизни связана и с диалектикой традиционных, и новационных ценностей. Очевидно, что в жизни современной женщины сохранилось много традиционных ценностей. Опираясь на них, женщина формирует свой жизненный путь. Но не только эти ценности важны для современной женщины. Машина, планшет, интернет также заполняют ее бытие. И на все у нее должно хватать времени. Более

того, предметный мир современной культуры помогает женщине реализовать себя и в качестве любящей особы, и в качестве жены и матери. Причем предметный мир современной культуры как бы «уравнивает» женщин разного возраста: 20, 40, 60 лет уже не столь значимо. Главное – женщины этих возрастов включены в обмен актуальной информацией. При этом двадцатилетние чувствуют себя взрослее, а шестидесятилетние – моложе. Все находятся в плюсе.

Таким образом, фиксация внимания на амбивалентности женской жизни помогает не только рассмотреть ее особенности, но и выделить важнейшую тенденцию в существовании современной женщины. На наш взгляд, амбивалентность позволяет женщине наиболее полно реализовать себя и в личном, и профессиональном планах. Конечно, это требует от женщины напряжения всех сил, но это стоит того. Ведь в этом случае женщина получает возможность прожить насыщенную жизнь, корректируя ее в нужное время [8]. В связи с этим необходимо не только фиксировать внимание на амбивалентности женской жизни, но и формировать к ней позитивное отношение. Амбивалентность жизненного пути женщины помогает не только вычленить особенности ее бытия, но и выделить важнейшую тенденцию в существовании современной женщины. А эта тенденция такова - чтобы преодолеть «разорванность» своей жизни, женщина должна научиться совмещать семейную жизнь с карьерными устремлениями. Только так она может вписать траекторию своего благополучного пути жизни [9] в динамику современности.

Литература

1. Миннебаева Р.Ф. Семья и карьера в жизни современной женщины // Интеграционные процессы в науке в современных условиях: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 190-192.

2. Котоманова О.В. Профессиональная карьера как путь личностного развития женщины // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2013. Вып. 5. С. 102-107.

3. Богатырева Л. Г. Путь жизни современной женщины: традиция и трансформация: монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 180 с.

4. Исупова О. Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185-194.

5. Ермакова Е. В., Мезина Л. Г. Духовный опыт в жизни деловой женщины / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 2. С. 84-86.

6. Невелева В. С., Мордовина Д. А. Онтологическо-антропологическая интерпретация жизненного пути современного человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 5 (387). Философские науки. Вып. 40. С. 9-13.

7. Ermakov S.A., Svadbina T. V., Markova S. M., Nemova O. A., Tsyplakova S. A., Vagin D. Yu. Anthropological Approach to the Differentiation of Human Life Path Models //Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol. 8. Issue 12. December 2018. P. 387-392.

8. Богатырева Л.Г. Вопросы корректировки жизненного пути современной женщины // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 4. С.51-55.

9. Ермаков С. А., Ермакова Е.В. Благополучный путь жизни человека: вопросы теории // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 101-104.

Ambivalence as a feature of the modern woman's life path

Bogatyreva L.G.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article deals with issues related to the explication of the idea of ambivalence in the life path of a modern woman. At the same

time, the position of the dual unity of traditional and innovative principles in the life path of a modern woman is philosophically interpreted, its theoretical and practical significance is revealed. The article notes that the life path of a modern woman is an ambivalent education that includes both traditional ways of life and innovative education related to the transformation of human existence. Attention is drawn to the fact that there is a lot of new things in the life of a modern woman, but it is emphasized that the new does not negate the traditional, is based on it and complements it. On the one hand, the family has played and still plays a crucial role in a woman's life: childbearing, raising children, creating comfort in the family, taking care of relatives, children, husband, and parents. On the other hand, sometimes the same value and importance (and often an objective necessity) for a woman acquires a career, mandatory education, and the creation of their own business. All this is considered a modern woman's prerequisite for life.

According to the author, the focus on the implementation of ambivalence helps a woman not only to make her professional and personal life more comfortable, but also to fit the trajectory of her life into the dynamics of modernity.

Keywords: woman, way of life, ambivalence, tradition, innovation, modernity.

References

1. Minnebaeva R.F. Family and career in the life of a modern woman // Integration processes in science in modern conditions: collection of articles of the international scientific and practical conference. UFA: AETERNA, 2017.
2. Kotomanova O.V. Professional career as a way of personal development of women // Bulletin of the Buryat state University. Education. Personality. Society. 2013. Vol. 5. P. 102-107.
3. Bogatyreva L.G. The way of life of a modern woman: tradition and transformation: monograph. Moscow: RUSAINS, 2018. 180 p.
4. Isupova O.G. Mothers career: children and employment strategies // Sociological research. 2015. № 10. P. 185-194.
5. Ermakova E.V., Mezina L.G. Spiritual experience in business women's life // Historical, philosophical, political and law Sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. Tambov, 2015. № 3. Vol. 2. P. 84-86.
6. Neveleva V.S., Mordovina D.A. Ontological and anthropological interpretation of the life path of modern human // Bulletin of Chelyabinsk state University. 2016. № 5 (387). Philosophical science. Issue 40. P. 9-13.
7. Ermakov S.A., Svadbina T. V., Markova S. M., Nemova O. A., Tsyplakova S. A., Vagin D. Yu. Anthropological Approach to the Differentiation of Human Life Path Models //Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol. 8. Issue 12. December 2018. P. 387-392.
8. Bogatyreva L.G. Questions of adjusting the life path of a modern woman // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2019. № 4. P. 51-55.
9. Ermakov S.A., Ermakova E.V. The successful path of human life: questions of theory // Manuscript. 2019. Vol. 2. Issue 3. P. 101-104.

Феномен образования в интеллектуальных сетях

Вихман Виктория Викторовна

кандидат педагогических наук, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры философии Новосибирского государственного технического университета, vvv@smc.nstu.ru

Данная статья нацелена на осмысление одного из возможных механизмов генезиса теоретического знания о многогранном социальном феномене – образовании. Утверждается, что научное пространство изобилует теоретическими интерпретациями феномена образования, сформированными в рамках предметно-ориентированных дисциплинарных наук (педагогика, психология образования и т.д.). Представляется, что исследователи причисленные к дисциплинарным областям не просто продуцируют в них уникальные теоретические образы феномена образования, но и осуществляют это путем интеллектуальных интеракций как в непосредственном контакте, так и опосредовано через обращение к научным трудам. В качестве новизны аргументируется, что одним из допустимых инструментариев зарождения теоретизаций исследуемого социального феномена могут выступать так называемые интеллектуальные сети, в которые не только погружены мыслители, но ими и создаются. Под интеллектуальными сетями в данном контексте понимается – особый формат объединения, взаимодействия человеческих ресурсов (исследователей, научных школ и т.п.) и трансфер капитала теоретических знаний, идей между ними. Отмечается, что результатом анализа формирования теоретизаций феномена образования сквозь призму интеллектуальных сетей выступит идея для последующей рефлексии конфигурации данного типа сетей.

Ключевые слова: феномен образования, интеллектуальная сеть, теоретический образ, сетевая аффилиация.

Введение. Феномен образования ознаменовал себя как социальный феномен с многогранным и подчас до конца непроясным характером [1]. Все как потенциально возможные обнаружить, так и реально существующие теоретические интерпретации (образы) феномена образования рождаются исследователями, принадлежащими к корпусу отдельно стоящих в ряду всех наук дисциплин названные нами как «образовательно-ориентированные». К «образовательно-ориентированным» научным дисциплинам предлагается отнести педагогику, психологию образования, социологию образования, философию образования, культурологию образования, историю образования, экономику образования, антропологию образования. Все они поставили во главу своего пристального исследовательского внимания – образование. Формируемые этими науками теоретические образы феномена образования не только уникальные, но и сложно формализуемые. Можно поставить исследовательскую задачу, например, выявления у них общего и в дальнейшем систематизировать их, отнести к той или иной дисциплинарной науке или по иным условиям отбора. Но оставим упорядочивание как возникающих, так и существующих в данный момент времени теоретических образов (интерпретаций) феномена образования за рамками данной работы, а сосредоточимся на выявлении потенциального формата данного «зарождения».

Методика и методология исследования.

В поисках решения, обратимся к воззрениям Р. Коллинза. Исследователь в своем величайшем труде поднял во-

прос «сетевой парадигмы» и интеллектуальных сетей передачи теоретических знаний [2]. Предложенная им концепция «интеллектуальных сетей» наполнена «высоким уровнем теоретических обобщений». Идея представить эвристический потенциал сетевой парадигмы, ее аналитические возможности и методологические принципы, для теоретизации весьма амбициозна и крупномасштабна для науки того времени. Несомненно, понятие интеллектуальной сети может быть отнесено к междисциплинарному формату, который широко используется в научных рефлексиях как отечественных [3], так и зарубежных исследователей [4, 5, 6].

Р. Коллинз отмечал: «в интеллектуальную сеть входят как отдельные мыслители и их объединения, так и тот интеллектуальный капитал предшествующих эпох, на который они опираются». Это приводит к тому, что «в точках пересечения интеллектуальных сетей происходит интеллектуальная коммуникация - трансляция культурного капитала и обмен идеями, как внутри одной области, так и между ними». Нельзя не согласиться, что данная сетевая концепция Р. Коллинза (его «сетевой» репрезентационный формат) в рамках теоретизации научного знания может быть применена и к феномену образования. Видится, что теоретический образ феномена образования (теоретическая интерпретация) выступает как «знаниевый интерфейс», пересеченный интеллектуальными сетями исследователей, поставивших во главу своих воззрений данный феномен. Следуя за идеей Р. Коллинза, под «узлами» интеллектуальной сети будем числить мыслителей, научные школы, как принадлежащие одной дисциплинарной области, так и разным, а под «отношениями» - интеллектуальный обмен знаниями о феномене образования между ними.

В контексте рассматриваемой работы, под *интеллектуальной сетью* будем понимать – формат взаимодействия исследователей», стоявших у истоков формирования теоретического

знания феномена образования, основанный на внутрисетевом обмене результатами их научных рефлексий, практиками, обращения к их идеям, гипотезам, представлениям, а также выступающий как пространство генерации и трансляции новых идей. Безусловно «характерной чертой интеллектуальных сетей является их относительная ограниченность в пространстве, но фактическая безграничность во времени», это в свою очередь «позволяет им существовать, а также воспроизводить и транслировать идеи внутри самих себя через многие поколения интеллектуалов» [3].

Несомненен тот факт, что теоретические рефлексии относительно исследуемого социального феномена не рождаются из ничего, а являются следствием исторической трансляции научного опыта от поколения к поколению, от одной научной школы к другой. Анализируя предложенную Р. Коллинзом модель интеллектуального изменения, формирования теоретизаций мы пришли к выводу, что она весьма универсальна и адаптивна. На наш взгляд данная концепция может быть применена к задачам теоретической рефлексии изучения практик конструирования теоретических образов феномена образования. Еще Н. С. Розов утверждал: «не учитывать сделанного Коллинзом - значит, не использовать новое пространство рефлексии, новое обобщение развития разнородных философских традиций и соответствующие идейные возможности» [7, с.31]. Таким образом, следуя концепции Р. Коллинза о функционировании, накоплении и формирования знания в интеллектуальных сетях, мы можем предложить исследовательский алгоритм конструирования теоретического знания (теоретических образов) феномена образования путем передачи и накопления результатов рефлексий мыслителей, конструирующих данные теоретические интерпретации. Отметим, что пути трансфера теоретического знания от исследователя к исследователю, выраженные как в контактном (личное общение с ученым или

в переписке), так и бесконтактном (путем обращения к научным трудам) способах взаимодействия есть не что иное для нас как *сетевые аффилиации* научного сообщества. Научное пространство заполнено массивом исследовательских работ, посвященных формированию как дисциплинарных теоретических интерпретаций феномена образования, так и междисциплинарного теоретического знания. На просторах научных рефлексий можно увидеть, что глубина и диапазон теоретических образов феномена образования различных дисциплинарных областей весьма поливариативные: от решения частных теоретических образовательных задач, до попытки построения целостного дисциплинарного знания.

При построении схем интеллектуальных сетей конструирования теоретического знания феномена образования основанных с нашей точки зрения на сетевых аффилиациях, обратим внимание на очень значимый акцент. Внутри каждой научной дисциплины, схема подобной сети выстраивается в «диахронно-синхронном» формате. Это позволяет «прикоснуться» к рефлексиям, тех кто находился (мог бы находиться с нашей точки зрения) у истоков познания феномена образования и «возбуждал» ту или иную идею теоретизации ранее (иную эпоху) или в данный момент времени. Подобный подход в построении интеллектуальной сети имеет место быть у Р. Коллинза, который анализировал «межпоколенные сети», как «цепочки выдающихся учителей и учеников» и исходя из этого выделили «два типа сетей: «вертикальные» (учитель-ученик) и «горизонтальные» (кружки единомышленников, соперничающие друг с другом объединения)». Это говорит о том, что наша логика коррелируется с идеями выдвинутыми великими мыслителями, но во всяком случае не противоречит им.

Результаты.

Вышеизложенная интеллектуальная цепочка формирует основной принцип

«сетевой парадигмы» накопления и преемственности между поколениями. Если «по сетям происходит передача социокультурного опыта от предшествующих поколений к последующим; осуществляют обмен идеями, достижениями в различных областях знания», то в нашем случае, под «социокультурным опытом» понимается практики конструирования теоретических знаний (теоретические образы) феномена образования. Отметим, что основное взаимодействие внутри сетей конструирования теоретического знания феномена образования осуществляется опосредованно, по сети «перемещаются» идеи, представления, практики, а не личное общение, которое имеет место быть, но не превалирует. Идея Р. Коллинза о том, что прорывные научные идеи возникают не в голове отдельных ученых, а являются аккумулятивным продуктом мыследеятельности ученых, объединенных интеллектуальными сетями – «мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов», четко прослеживается и в контексте конструирования разных теоретизаций феномена образования, являющегося одной из задач нашего исследования.

Транспонируя далее методологию Р. Коллинза об интеллектуальных сетях на наш объект изучения, воссоздадим демонстрационный фрагмент интеллектуальной сети исследователей которые решали главную проблему - конструирования теоретического знания феномена образования. Обращение к «сетевой парадигме» на теоретическом уровне формирования знания обоснованно высокой частотой обратных коммуникационных связей, положенных в ее основу. Сразу оговоримся мы не ставим перед собой задачу построения глобальной интеллектуальной сети формирования дисциплинарного теоретического знания на основе массовой выборки данных об ученых, их практик конструирования и т.д. Основной наш персональ-

ный посыл обращения к концепции «интеллектуальной сети» заключается в презентации ее адаптивности и продуктивности для формирования интеллектуальной сети теоретического научного знания феномена образования. Для решения данной задачи, нам достаточно принять исследователей образовательной проблематики за «узлы», а все теоретические рефлексии (научные труды) зафиксированные ими в открытых источниках – за «отношения», можно зафиксировать возникновение интеллектуальной сети теоретического знания о феномене образования.

Смоделируем фрагмент, например, «педагогической» (в рамках данной дисциплинарной области) интеллектуальной сети конструирования теоретического знания феномена образования. На изначальном этапе выполнения поставленной задачи обратимся к одному из ведущих периодических научных журналов, в котором зафиксированы педагогические теоретические рефлексии феномена образования – «Вопросы образования». Данная научная периодика аккумулирует педагогические рефлексии мыслителей, что на наш взгляд является достаточным условием чтобы предпринять попытку создания модели педагогической интеллектуальной сети.

Основная идея формирования участка подобной сети заключается в ее гибкости и непредвзятости начальной позиции формирования - главного узла от которого выстраивается сеть. Продемонстрируем это. Например, оттолкнёмся от научной рефлексии на тему «становление математического мышления учащихся» [8], зафиксированной в данном журнале за 2008 год. Авторы А.М. Аронов и А.М. Скрипка утверждают, что необходимо «пересмотреть существующие формы и методы раскрытия содержания математического образования, ввести новые средства освоения этого содержания». Их анализ поиска примеров «об организации мысленного эксперимента в школьном образовании» привел к теории развиваю-

щего обучения В.В. Давыдова [9]. Выстраивая цепочку интеллектуальных сетевых аффилиаций, погрузимся в данную теорию, представленную в монографии В.В. Давыдова, к которой авторы обратились. Анализ данного научного труда показал, что фундаментальные понятия, лежащие в основе теории развивающего обучения В.В. Давыдов черпал из результатов воззрений научной психологической школы у истоков которой стояли Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Л. Я. Гальперин, Э.В. Ильенков. Так впоследствии рождается «система развивающего обучения Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова».

Для визуализации полученного фрагмента «педагогической» интеллектуальной сети обратимся к междисциплинарному понятийному аппарату теории сетевого анализа и его основному конструкту – графу (рис.1).

Визуализация как дополнительный способ репрезентации формирования теоретического знаний позволяет на наш взгляд более полно осмыслить данный процесс, не только семантические, но и визуальны [10].

В общем понятии граф - это набор вершин и ребер, соединяющих их. Заметим, что аналогия между «вершинами» из теории граф и «коллинзовскими» «узлами» очевидна, так же как и между «ребрами» и его «отношениями». Дабы не усиливать и множить понятийный аппарат, будем оперировать также как и ученые социально-гуманитарных наук двумя основными конструктами: «узел» и «отношения» между ними. Сеть в нашем случае состоит из «узлов» - это ученые, научные школы, объединения, сообщества и «отношений» - коммуникация, обмен практиками, идеи между ними. На рисунке 1 наглядно видно, что «узлами» выступают мыслители с одной стороны объединенные в научную школу – Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Л. Я. Гальперин, Э.В. Ильенков, А.Р. Лурия, а с другой стороны, обращающиеся к «ним» В.В. Давыдов. В свою очередь,

А.М. Аронов и А.М. Скрипка уже апеллируют к В.В. Давыдову. Отметим, что «отношения» между упомянутыми узлами – система идей, высказываний о деятельности теории. Очевидно, что взаимодействия между акторами фрагмента интеллектуальной сети «Л.С. Выготский» и его учениками («А.Н. Леонтьев», «Д.Б.

Эльконин», «А.Р. Лурия» и др.) символизируют синхронную интеракцию, а отношения между акторами «А.М. Аронов», «А.М. Скрипка» и «В.В. Давыдов» пример диахронной способа передачи теоретического знания.

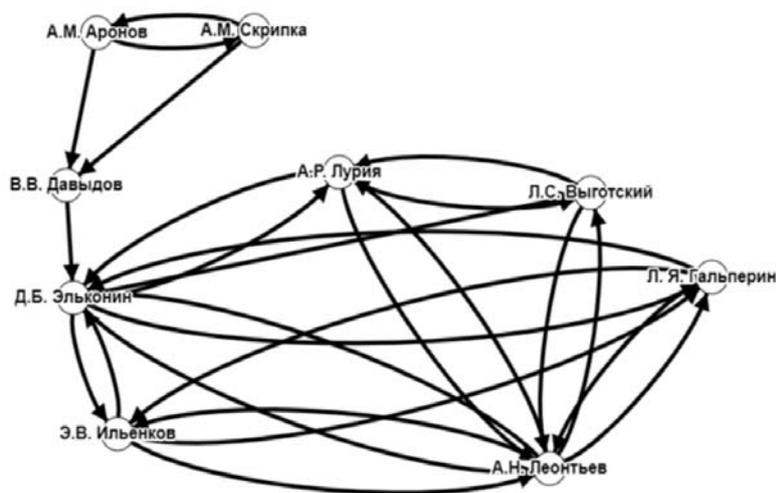

Рис. 1. Пример фрагмента интеллектуальной сети по формированию теоретического знания феномена образования в части осмысления теории развивающего обучения

Сформированный участок интеллектуальной сети носит исключительно демонстрационный характер и может быть выстроен дальше, как диахронно, так и синхронно. Интеллектуальную сеть передачи теоретического знания феномена образования также можно сформировать не только в дисциплинарных рамках, но и выйти на метазадачу – получения трансдисциплинарной вариации интеллектуальной сети. Представляется, что основная задача стоявшая перед нами в данной работе, аргументировать релевантность теории интеллектуальных сетей Р. Колинза к постижению социальных феноменов, решена.

Заключение

Многосторонний анализ теории интеллектуальных сетей, а также продуктивности ее применения в различных

предметных сферах социально-гуманитарного знания (как отечественного так и зарубежного научного пространства) позволил нам выйти на иной методологический поворот в контексте познания феномена образования. Все многообразие теоретических интерпретаций, представлений феномена образования накопленное, создаваемое и транслируемое от исследователя к исследователю, от исследователя к научным школам способствовало появлению проблемной ситуации непроясненности онтогенеза зарождения последних. Одним из механизмов, аргументирующих процесс формирования столько значимого многообразия теоретического знания феномена образования, выступила методология интеллектуальных сетей. Выход на данную методологию позво-

лил сместить фокус изучения теоретического знания от социальных групп, в которые погружены мыслители, к связям и отношениям, которые не только порождают эти группы, но и что они транслируют. В нашем случае под этими связями и отношениями скрываются те самые незаменимые практики формирования теоретического знания феномена образования ученых разных эпох.

Литература

1. Вихман В.В. Трансдисциплинарное конструирование теоретических образов феномена образования // *Философия образования*. 2020. Т. 20, № 2. С.48–63.
2. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
3. Шиманская О.К. Кросс-культурный диалог в этно-конфессиональном пространстве через призму теории интеллектуальных сетей Рэндалла Коллинза // *Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН*. 2019. С. 149–155.
4. Weininger E.B., Lareau A. and Lizardo O. (eds) *Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins*. London: Routledge. 2019.
5. Barnes B. *Randall Collins on status groups and statuses*. Thesis Eleven. 2019. 154. 072551361987493. 10.1177/0725513619874930.
6. Malesevic S. *Grounding nationalism: Randall Collins and the sociology of nationhood*. Thesis Eleven. 2019. 10.1177/0725513619874456.
7. Розов Н. С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза - новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Коллинз Р. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 7–31.
8. Аронов А. М., Скрипка А. М. Становление математического мышления

учащихся основной школы / *Вопросы образования*. 2008. № 1. С. 145–159.

9. Давыдов В.В. *Теория развивающего обучения*. М.: ИНТОР, 1996.

10. Вихман В. В. Визуальные коннотации теоретизаций социальных феноменов/ В. В. Вихман // *Профессиональное образование в современном мире*. 2019. Т. 9, № 1. С. 2476–2483. DOI: 10.15372/PEMW20190110.

The phenomenon of education in intelligent networks

Vikhman V.V.

Novosibirsk State Technical University

This article is aimed at understanding one of the possible mechanisms of the Genesis of theoretical knowledge about a multi – faceted social phenomenon-education. It is stated that the scientific space is full of theoretical interpretations of the phenomenon of education, formed within the framework of subject-oriented disciplinary Sciences (pedagogy, psychology of education, etc.). It seems that researchers assigned to disciplinary fields do not just produce unique theoretical images of the phenomenon of education in them, but also carry it out through intellectual interactions both in direct contact and indirectly through reference to scientific works. As a novelty, it is argued that one of the acceptable tools for the origin of the theorization of the social phenomenon under study can be the so-called intellectual networks, in which not only thinkers are immersed, but also they create them. In this context, intelligent networks are understood as a special format for combining and interacting human resources (researchers, scientific schools, etc.) and transferring capital of theoretical knowledge and ideas between them. It is noted that the analysis of the formation of theorizations of the phenomenon of education through the prism of intelligent networks will result in an idea for further reflection of the configuration of this type of networks.

Keywords: the phenomenon of education, intellectual network, theoretical image, network affiliation.

References

1. Vikhman V.V. *Transdisciplinary construction of theoretical images of the phenomenon of education // Philosophy of Education*. 2020. Vol. 20, No. 2. P. 48–63.
2. Collins R. *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Per. from

- English. N.S. Rozova, Yu.B. Wertheim. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002.
3. Shimanskaya O.K. Cross-cultural dialogue in ethno-confessional space through the prism of the theory of intelligent networks by Randall Collins. Scientific-analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS. 2019. P. 149 – 155.
 4. Weininger E.B., Lareau A. and Lizardo O. (eds) Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins. London: Routledge. 2019.
 5. Barnes B. Randall Collins on status groups and statuses. Thesis Eleven. 2019. 154.072551361987493.10.1177/0725513619874930.
 6. Malesevic S. Grounding nationalism: Randall Collins and the sociology of nationhood. Thesis Eleven. 2019. 10.1177 / 0725513619874456.
 7. Rozov N.S. "Sociology of Philosophies" by Randall Collins - a new stage in the consciousness of intellectuals in world history. Collins R. Sociology of Philosophies: a global theory of intellectual change. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002. P. 7–31.
 8. Aronov AM, Skripka AM Formation of mathematical thinking of primary school students / Education issues. 2008. no. 1. P. 145–159.
 9. Davydov V.V. Developmental learning theory. M.: INTOR, 1996.
 10. Vikhman V.V. Visual connotations of theorizations of social phenomena. Professional education in the modern world. 2019.vol. 9, no. 1. P. 2476–2483. DOI: 10.15372 / PEMW20190110.

Философия спасения Н.Ф. Фёдорова как источник идей по решению проблем эпохи антропоцена

Клюев Артём Андреевич

преподаватель, кафедра философии и общественных наук, Нижегородский Государственный Педагогический Университет им. К. Минина, artemklyuev1@gmail.com

Суханова Елена Вадимовна

аспирант, кафедра философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, elena.stupishina@gmail.com

Бакунов Глеб Михайлович,

к. ф.-м.н. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, gbakunov@gmail.com

В статье проводится анализ идей русского философа-космиста Н.Ф. Федорова в контексте современных экологических и социальных проблем. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении идей русского философа-космиста Н. Ф. Федорова в рамках определения проблем современной эпохи антропоцена и поиска их решений. Проводится анализ концептуального содержания философских изысканий русского философа, его идеи рассматриваются через призму современной глобальной проблематики. Формулируется проблемное поле современной глобальной социальной и гуманитарной повестки общества эпохи антропоцена. В результате доказываается, что идеи указанного представителя русского космизма, включающие в себя концепции разумной регуляции – как природных сил, так и человеческой деятельности – могут быть актуализированы в рамках решения проблем, которые стоят перед человечеством, вступившим в эпоху антропоцена.

Ключевые слова: Н. Ф. Федоров, русский космизм, антропоцен, экология, регуляция.

С началом нового тысячелетия человечество окончательно вступило в новую эпоху, в эпоху антропоцена. Но если к началу XXI столетия наша планета, с геологической точки зрения, уже была кардинально изменена деятельностью людей, то понимание данного факта последними только начинало прогрессировать. Сейчас мы живем в непростое время так называемого переходного периода, когда исчезает подавляющее большинство ранее намеченных целей и задач, когда происходит нелегкий поиск новых идеологий и концепций, способных стать опорой для дальнейшего развития общества. Парадоксально, но практически всё то новое, что появляется или уже появилось в нашей жизни, так или иначе, имеет свои отголоски в прошлом. Таким «хорошо забытым старым», например, оказалась сейчас философия русского космизма. Теория единства с предшествующими, ушедшими поколениями; концепция объединения человека с природой, а далее – и со всей Вселенной; возможность сохранения человеческой цивилизации и после того, как ресурсы планеты будут исчерпаны – всё это (и не только это) можно обнаружить в трудах русских философов-космистов, написанных ещё в конце XIX – начале XX веков. Сегодня же на фоне происходящих и грядущих перемен эти положения, несмотря на свою порой чрезмерную фантастичность и утопичность, вновь обретают особую значимость.

Основой всей фёдоровской мысли был его проект воскрешения всех некогда живших на планете людей. Необходимость такого всемирного воскрешения Фёдоров обосновывал тем, что смерть, с его точки зрения, есть наивысшая несправедливость, существующая

в мире по отношению к человеку [1]. Отсюда главной жизненной целью всех людей и каждого человека в отдельности должна стать борьба со временем, ограничивающим нашу жизнь, борьба не просто за расширение, но за полное преодоление временных границ и обретение физического (а не только духовного) бессмертия. Иными словами, все свои усилия люди должны направлять на реальное увеличение продолжительности своей физической, земной жизни.

Подобный глобальный проект воскрешения при его, допустим, успешном осуществлении порождает одну из главных проблем нынешней эпохи – проблему перенаселения планеты. Ведь если из мёртвых восстанут все некогда жившие на Земле люди, а это, по разным оценкам, от 96 до 106,4 миллиардов человек [2, с. 33-34], потребление и без того заканчивающихся ресурсов возрастёт в сотни раз. И главной, пожалуй, будет нехватка воды или продовольствия, но нехватка территории, на которой должно будет разместиться всё это огромное количество людей. Фёдоров в рамках своего проекта предвидел возникновение подобной кризисной ситуации, которую мы, фактически, уже наблюдаем сегодня и без миллиардов воскресших мёртвых, и изложил своё видение её разрешения. Согласно мысли философа, человечество должно не только преодолеть смерть, но и стать колонизатором всей Вселенной [3]. Иными словами, решение проблемы перенаселения планеты Фёдоров видел в освоении космоса и дальнейшем расселении на других планетах «излишних» поколений людей. В современных условиях эта идея, высказанная русским мыслителем ещё в XIX веке, кажется более действенной, нежели искусственная регуляция численности населения в разных странах. Несмотря на процесс глобализации, человечество сейчас остаётся разобщённой, плохо управляемой в мировом масштабе массой, которая, кажется, плохо отдаёт себе отчёт в надвигающемся глобаль-

ном кризисе, продолжая в своей коллективной индивидуальности потреблять ресурсы, но не желая признавать их истощение и необходимость объединения в фёдоровском «общем деле» с целью собственного спасения и спасения всей планеты.

Здесь стоит сказать, что фёдоровское воскрешение мертвых не является синонимичным религиозному (скажем, христианскому) воскресению. Дело в том, что всё учение русского мыслителя, начиная от необходимости объединения всего человечества в совершении общего дела преодоления смерти и заканчивая расселением воскресших поколений людей на просторах Вселенной, было направлено на определение необходимых условий, способствующих не пассивному религиозному воскресению, то есть воскресению посредством веры в бессмертие души, но активному воскрешению мёртвых силами живых. И хотя сам проект философа буквально пропитан религиозными идеями, в этом активном стремлении к действительному воскрешению можно усмотреть стремление современной, во многом до конца не обособившейся от религии медицинской науки к сохранению и продлению человеческой жизни различными способами: от применения самых передовых технологий и препаратов до бессмертной человеческой веры в чудо исцеления [4].

Тут можно задаться закономерным вопросом: почему нам так необходимо воскрешать всех наших предков? По мысли Фёдорова, каждый из нас существует здесь и сейчас только благодаря тем, кто способствовал нашему появлению на свет – благодаря родителям и далее – всем предкам. Иными словами, каждое новое поколение людей повинно в смерти предшествующего. «Мы живем не на чужой только счёт, – пишет Фёдоров, – не на счёт лишь слепой природы, а также и на счёт себе подобных, даже самых близких, заменяя, вытесняя их; и такое существование делает нас не

только недостойными, но и преступными» [5, с. 68]. С этой точки зрения, рождение и смерть коррелируют как причина и следствие, то есть появление на свет ребёнка неизбежно будет являться причиной смерти его родителей. Потому каждый новорождённый априори становится носителем всеобщей повинности, освобождение от которой возможно лишь путём возврата подаренной жизни своим предкам: «Оплаченный долг есть возвращение жизни своим родителям, т. е. долга своим кредиторам, и через то – свободы себе» [5, с. 69].

Из осознания подобной необходимости возвратно-поступательного движения от смерти к жизни вытекают и крайне интересные, на наш взгляд, воззрения философа на прогресс человеческого общества в целом. Современные (и не только) люди привыкли понимать под прогрессом некое развитие, эволюцию, движение вперед, обладающее по большей части позитивными чертами. Смена поколений для нас есть не что иное, как вполне естественная (хоть во многом и трагичная) природная закономерность. Биологический цикл человеческого организма не вечен, рано или поздно ресурсы заканчиваются и организм умирает. Это не воспринимается нами как нечто противоестественное, противоречащее самой природе человека. Однако Фёдоров в этом вопросе придерживается радикально иной точки зрения. По мнению мыслителя, само развитие человеческого общества является едва ли не главным условием, препятствующим воскрешению, его (воскрешения) прямой противоположностью. Биологически закономерная смена поколений есть не что иное, как моральная деградация нового поколения людей, поскольку, в этом случае, родители становятся всего лишь средством для обеспечения жизни своих детей. Сам Фёдоров в этом отношении писал: «Биологически – прогресс состоит в поглощении младшим старшего, в вытеснении сынами отцов;

психологически он – замена любви к отцам бездушным превозношением над ними, презрением к ним, это нравственное, или, вернее, самое безнравственное, вытеснение сынами отцов» [6, с. 270]. Иными словами, прогресс в понимании Фёдорова является своеобразным моральным и биологическим ядом, отравляющим и умертвляющим «отцов». Как следствие, истинной задачей «сынов» является воскрешение жертв этой общественной эволюции.

Рассуждая о понятии совершеннолетия, нельзя не сказать и о том, что Фёдоров понимал под несовершеннолетием. Помимо того периода человеческой жизни, который сам философ назвал «младенчествующим человечеством», проявлением незрелости является также восприятие воскрешения в трансцендентном его смысле, то есть в смысле религиозно-мистического воскресения, когда вместо активных действий, направленных на преодоление смерти, люди выбирают путь пассивного (но праведного) образа жизни и веры в обретение по её итогам духовного бессмертия. Такой подход к пониманию воскрешения, по мнению Фёдорова, в корне не верен. Истинное совершеннолетие означает понимание воскресения имманентно, то есть непосредственно как активного воскрешения мёртвых силами живых. Философ был убеждён в том, что для осуществления проекта воскрешения, этого «общего дела всех людей», всё человечество должно объединиться в едином осознанном действии имманентного воскрешения. Только так оно сможет преодолеть время, обрести бессмертие и предотвратить конец не только своей жизни, но и всей человеческой цивилизации [7].

Здесь снова можно провести параллели между фёдоровским пониманием совершеннолетия и несовершеннолетия и современным осознанным и неосознанным подходом людей к проблемам эпохи антропоцена. Кто, если не фёдоровское «младенчествующее че-

ловечество», в угоду своим потребностям растрчивает земные ресурсы, не слишком задумываясь об их рациональном потреблении и о наносимом вреде Природе? С этой точки зрения, идея русского мыслителя о всемирном объединении в рамках достижения общей цели, призванной обеспечить человечеству дальнейшее существование, перестаёт казаться фантастической утопией и обретает, скорее, значение необходимости. Ведь, если задуматься, цель фёдоровского проекта воскрешения и нынешних проектов по ликвидации пагубного антропогенного влияния на планету одна – спасение человечества от гибели. Только в первом случае смерть рассматривается как природная закономерность, а во втором она является, скорее, следствием деятельности самого человека.

Таким образом, можно сказать, что фёдоровский проект воскрешения мертвых – это проект спасения человека, как физического, так и духовного, в котором нет места не только смерти, но и даже страху перед ней. В этом смысле интересной кажется трактовка философом библейского понятия апокалипсиса. Фёдоров, несмотря на всю религиозность своего учения, не воспринимает апокалипсис как нечто предрешённое. Напротив, мыслитель трактует его как нечто, что может быть предотвращено активной волей человека – имманентным воскрешением. Иначе говоря, апокалипсис, в понимании Фёдорова, не есть нечто неизбежное, он являет собой лишь некое предупреждение, напоминающее человечеству о его истинном назначении. Предупреждение, которое без участия активной воли людей или при неправильном её применении может стать угрозой, а затем и неизбежным итогом.

В подобной трактовке Фёдоровым понятия апокалипсиса можно усмотреть определённые корреляции с понятием экзистенциальных рисков, введённым шведским философом Ником Бостромом в 2001 году [8]. Экзистенциальные риски – это критические ситуации, когда возникает потенциальная опасность

уничтожения всей разумной (и не только) жизни на планете. К таким ситуациям Бостром отнёс как природные катаклизмы, так и сильный искусственный интеллект, который при своём создании может оказаться враждебно настроенным в отношении человека. Иными словами, сейчас экзистенциальные риски – это всё те же предупреждения человечеству, напоминающие ему, на что стоит направлять свои усилия, а в какие процессы вмешиваться не следует. Это ли не современное воплощение идеи Фёдорова о нависшей над человечеством апокалиптической угрозе? В эпоху антропоцена библейский апокалипсис Фёдорова становится технологическим апокалипсисом Бострома.

Что же необходимо предпринять человечеству, чтобы избежать заката своей истории? Как уже было сказано выше, проект воскрешения Фёдорова – это проект спасения не только души, но и тела человека. Однако для успешного осуществления этого проекта необходимо развитие нескольких сопутствующих факторов. Во-первых, философ отмечает, что невозможно осуществить воскрешение предков, пока люди не обладают должным уровнем научных знаний. Именно из-за этого, с точки зрения мыслителя, у многих до сих пор присутствует ложное восприятие воскрешения как явления трансцендентного, а не имманентного. Активное имманентное воскрешение в качестве своего базиса будет иметь знание, а не веру. И поскольку воскрешение – это общее дело всех людей, следовательно, в идеальной утопии Фёдорова всё человечество, в конце концов, должно стать «учёным» и перейти от теории воскрешения к его активному осуществлению на практике [9].

Во-вторых, условием осуществления воскрешения является, по Фёдорову, концентрация жизни вблизи праха умерших предков, то есть на кладбищах. Отсюда и сам процесс активного воскрешения должен начинаться именно с кладбищ (что, несмотря на всю эксцентричность фёдоровского учения, надо

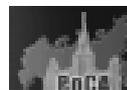
сказать, звучит довольно логично). Говоря о концентрации жизни вблизи мёртвых, мыслитель имеет в виду не только сосредоточение на кладбищах научной и технической областей человеческой деятельности, но жизни вообще, в том числе и религиозной. «Храмы вне кладбищ – это выражение угодливости к желающим забыть смерть, – пишет философ. – Вне кладбищ – связь всеобщего воскрешения с воскресением Христа вовсе незаметна» [10, с. 51]. Жизнь за пределами кладбища для Фёдорова есть не что иное, как отчуждение человека от его истинного пути – пути воскрешения предков, поскольку «смотреть на землю как на жилище, а не как на кладбище, – значит прилепиться к жене и забыть отцов, а всю землю обратить в комфортабельное обиталище, т. е. это значит – смотреть на неё как на земное, а не как на небесное тело» [10, с. 53]. С этой точки зрения, жизнь на кладбище есть средоточие силы в живых и обращение её на воскрешение мёртвых. Словом, кладбище у Фёдорова является той материальной отправной точкой, с которой начинается осуществление проекта материального воскрешения.

Эти условия можно также спроецировать на современную ситуацию. Во-первых, избрание науки в качестве ведущего фактора спасения человечества (у Фёдорова таковым является воскрешение мёртвых) есть не что иное, как здравый смысл и рациональный подход к решению проблемы. Наука способна с холодным статистическим расчётом проанализировать текущее положение дел и предоставить реальный план по активному исправлению ситуации. При этом, однако, наука, как уже было сказано выше, до сих пор в отдельных своих проявлениях не до конца обособилась от религиозно-мистических настроений, присущих людям испокон веков. Кроме того, нельзя отрицать и необходимую связь строгой, заключённой в определённые рамки науки и свободной философской мысли. Послед-

няя в силу своей всеобъемлемости способна расширить научные горизонты и, в отличие от научной фантастики, превратить самые невероятные, фантастические идеи во вполне реальные, реализуемые проекты. Философия, в этом смысле, выступает с позиции фёдоровского кладбища: именно с неё, с расположения на её базисе идей по преодолению глобального кризиса, вероятно, должно начаться решение проблем эпохи антропоцена.

Таким образом, мы видим, что всё фёдоровское учение насквозь пронизано антропоцентричными идеями. Особое значение здесь Фёдоров придает, как это ни странно, вертикальному положению человеческого тела. Он считает, что такое положение есть положение оборонительное, означающее, что человек рожден для активного противостояния и борьбы с силами Природы и, как следствие этого, для дальнейшего управления её стихиями. Человек не должен воспринимать Природу пассивно. По Фёдорову, это означает, что тогда человек не сопротивляется природному злу и, следовательно, происходит его отчуждение от главной жизненной цели – воскрешения предков [11, с. 84]. Человек – это не пассивный наблюдатель, но активный борец, везде и всюду вносящий целесообразность своей активной деятельностью. Лишь ему подвластно наделять стихийную, слепую Природу целесообразностью. Сама же Природа, по Фёдорову, является нецелесообразной и бессознательной.

В возможности регуляции и управления силами «слепой» Природы Фёдоров видит то самое великое дело человечества, которое в итоге и должно стать общим делом воскрешения (спасения). Кроме того, философ отмечает, что человеческая регуляция должна распространиться не только на Землю с её природными явлениями, но охватить всю Вселенную, ибо призвание человека в том, чтобы внести элементы сознания не только в земное существование, но в бытие в целом.

Таким образом, Природа из-за своей бессознательной стихийности, согласно фёдоровской мысли, представляет собой главный источник зла для людей, а, следовательно, является врагом, которого человек, в конечном итоге, должен преобразовать. Здесь же философ отмечает, что Природа – это временный враг для рода людского, и как только человек вносит в неё долю разума, то самое начало целесообразности, она становится его постоянным другом [1, с. 124]. С подобными взглядами русского мыслителя нельзя не согласиться, поскольку если стихия не подчиняется человеку, тогда человек подчиняется стихии. Чаши весов природного равновесия постоянно перевешивают друг друга. С точки зрения и Фёдорова, людям необходимо найти давно утерянный баланс, при котором в системе «Природа–человек» не будет повышаться уровень энтропии.

Однако здесь возникает закономерный вопрос: почему сознательность Природе придает именно человек? Почему Бог, коль скоро в фёдоровском учении велика роль религии, при сотворении мира не вносит в Природу разумность, предоставляя человеку, таким образом, завершить своё творение? Отвечая на этот вопрос, Фёдоров говорит, что Бог есть всемогущий царь, который, однако, творит мир не только для человека, но и через него [1, с. 131]. Именно поэтому Природе не свойственна осознанность и целесообразность до тех пор, пока человек не привнесёт их в неё. Иными словами, бессознательная, и потому враждебная для людей природная сила должна быть преобразована человеческими усилиями, а не посредством проявления божественного чуда.

И вот здесь особое внимание следует обратить на то, что Фёдоров, несмотря на его стремление «привить» Природе разумность, не призывает людей к её эгоистичной эксплуатации или к какому-либо корыстному отношению, истощающему и без того ограниченные природные силы. Нет, наоборот, как уже

было сказано выше, философ призывает нас к разумной регуляции природной стихии, к превращению бессознательной враждебности Природы в её сознательное дружелюбие, к созданию из неживого и смертного живого и бессмертного [7, с. 297].

Однако вернёмся к пассивности и активности человека в отношении Природы. Кроме того, что пассивное следование человека последней приводит того к отчуждению от цели всего его земного существования, оно также представляет собой, по Фёдорову, источник старости и смерти. Дело в том, что следование человека как разумного существа слепой, неразумной силе Природы есть не что иное, как его подчинение этой силе, а значит подчинение животным инстинктам, таким как, например, удовлетворение своих физиологических потребностей. Результатом такого подчинения становится борьба за существование, а непосредственным итогом этой борьбы – старость человека и, в конце концов, его смерть [1, с. 61].

С этой точки зрения, крайне интересной и парадоксальной, на наш взгляд, является мысль Фёдорова о связи регуляции природы с селом. Здесь же мы обнаруживаем и точку пересечения идеи регуляции с основной идеей философии русского мыслителя – с проектом воскрешения. Человеческое управление природой Фёдоров связывает не столько с селом, сколько с землёй и земледелием, ибо, как уже говорилось выше, для осуществления проекта воскрешения необходима тесная связь человека с землёй, с прахом умерших «отцов». Вот почему мыслитель, кроме всего прочего, являясь ещё и ярким представителем русского религиозного народничества [12, с. 48], связывает регуляцию природы не с капиталистическим городом и его промышленностью, а с крестьянским селом и землей.

Здесь стоит отметить, что противоречивость фёдоровской мысли заключается в том, что для него (впрочем, как

и для многих людей в России) религией сельского крестьянства является православное христианство, следовательно, по мысли философа, Россия есть страна христианская, ибо подавляющее большинство её населения – крестьяне. На самом же деле, христианство изначально являлось городской религией, а вот крестьяне и земледельцы всегда отличались своей приверженностью языческим обрядам и праздникам, даже после официального принятия ими христианской идеологии [13].

Фёдоров категорически отвергает совместимость христианской религии с городом. Он считает, что само развитие города, его промышленности и культуры является губительным для крестьянско-христианской религии, что, собственно говоря, не столь удивительно, если вспомнить фёдоровское отношение к прогрессу человеческого общества в целом. Город, в понимании русского мыслителя, представляет собой отвращение «сынов» от их долга, измену «отцам», в то время как село – есть то самое место, где сможет начаться это важное всеобщее дело «сынов человеческих». Вся гениальность и парадоксальность Фёдорова кроется в том, что от сельских крестьян, впоследствии, он потребует обретения ими научного знания, на основе которого затем возможно будет начать процесс воскрешения. Однако перед этим, разумеется, при помощи того же знания крестьяне и земледельцы должны будут научиться управлять природными процессами не только на Земле, но и во всей Вселенной [13, с. 54].

Таким образом, мы видим в фёдоровской идее регуляции природы продолжение темы прогресса человеческого общества. С точки зрения философа, городское развитие есть деградация социума, потеря связи людей с их предками, с землёй. Мыслитель категорически не принимал и отвергал привычный для нас позитивный взгляд на переход от села к городу, воспринимая это как шаг назад в развитии человечества и считая, что необходим обратный

переход к селу, то есть восстановление связи с предками [1, с. 76]. Не принимал он и возможность развития в городах каких-либо необходимых для осуществления его проекта воскрешения условий и настроений людей. Сама культура города, по мнению Фёдорова, была эгоистичной и корыстной и никак не могла быть способна на разумное отношение к Природе. А потому только от сельских земледельцев могла исходить активная природная регуляция, способная не нанести вред ни природе, ни человеку.

В определённом смысле с подобным объяснением необходимости обратного перехода от города к селу также можно согласиться. Сама структура города способствует отчуждению людей друг от друга. Городское пространство – это свободное пространство, попадая в которое человек оказывается один среди себе подобных: все прежние социальные связи либо обрываются, либо ослабевают [14]. Иными словами, город есть средоточие и развитие индивидуализма, что само по себе является прямой противоположностью главному условию спасения людей – их объединению во всеобщем деле.

С этой точки зрения, особый интерес представляет и фёдоровская идея о регуляции Природы посредством человеческой армии. Высказывая свою мысль о рационализации войны и армии, о превращении их в чистейшее добро, Фёдоров вновь проявляет себя как истинный утопист. Дело в том, что, согласно мысли философа, иррациональное природное зло существует и в человеке. При пассивном отношении людей к Природе, это зло берёт верх над разумностью человека и таким образом становится своего рода катализатором для возникновения межличностных, а затем и военных конфликтов людей. Получается, что война и армия являются собой продукт враждебного отношения людей друг к другу, возникшего в результате подчинения человека Природе и иррационализации его жизни. Отсюда задачей человечества является перенаправление созданной им военной

силы из силы взаимного истребления людей в силу, направленную на преобразование и дальнейшее управление природной стихией [1, с. 81-84]. Таким образом, Фёдоров создает почти утопичную модель использования разрушительной военной мощи человека на благо и людей, и Природы.

Таким образом, резюмируя всё выше сказанное, мы видим, что фёдоровский проект воскрешения мёртвых, несмотря на всю свою фантастичность и парадоксальность, в условиях антропоцена обретает новые смыслы и новую актуальность. Сегодня это уже не просто проект по совершенствованию человеческой жизни, но по спасению этой жизни как таковой от последствий длительного иррационального использования земных ресурсов. С этой точки зрения, фёдоровская идея рациональной регуляции природной стихии, а далее и всей Вселенной также является одной из ключевых проблемных точек современности.

Литература

1. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — Т. I. — 518 с.
2. Волков, А. В. Антропоцен, космоцен, робоцен / А. В. Волков. — М.: Независимое издательство «Ноократия», 2018. — 254 с. — С. 33-34.
3. Майков, В. В., Козлов, В. В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Российский трансперсональный проект / В. В. Майков, В. В. Козлов. — М.: Издательство Института психотерапии, 2007. — Том II. — 424 с. — С. 376.
4. Бабаева А.В., Шмелева Н.В. Современная православная антропология: некоторые концептуальные основания // Вестник Мининского университета. 2016 - №4 - URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/317/318> (дата обращения 10.06.2020).
5. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Общ. ред.: А. В. Гулыга; Вступ. статья, примеч. и сост. С. Г. Семеновой. — М.: Мысль, 1982. — 711 с.
6. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — Т. II. — 498 с.
7. Бердяев, Н. А. Собрание сочинений / Н. А. Бердяев; общ. ред. Н. А. Струве. Т. 3: Типы религиозной мысли в России; общ. ред. Н. А. Струве. — Париж: YMCA-Press, 1989. — 714 с.
8. Bostrom, N. (2001). Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios. *Journal of Evolution and Technology*, vol. 9.: 113–150.
9. Архипов, М. В. Социально-утопический космизм Н. Ф. Федорова [Электронный ресурс] // Россия: прошлое, настоящее будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 16-19 декабря 1996 г. / Отв. ред. М.С. Уваров. — СПб.: Издательство БГТУ, 1996. URL: http://www.liveinternet.ru/users/aramill_stells/post240651041/ (дата обращения: 01.05.2019).
10. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. — М.: Традиция, 1999. — Т. IV. — 688 с.
11. Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений. 8-10 декабря 1995. Вып.1 / Ред. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева, М. В. Скороходов. — М.: Наследие, 1996. - 272 с. — С. 84.
12. Ваней, Е. Некоторые аспекты русского космизма / Е. Ваней. - Новосибирск: Сова, 2007. - 188 с. — С. 48.
13. Семенова, С. Г. Николай Федорович Федоров: Жизнь и учение / С. Г. Семенова // Прометей: Историко-библиографический альманах серии "Жизнь замечательных людей". / Сост. А. Ефимов; Ред. С. Н. Семанов. - 2-е изд. - М.: Молодая гвардия, 1977. — Т.11.

14. Крашенинников, А. Право на город: Одиночество и слабые связи [Электронный ресурс] / А. Крашенинников // СТОЛ. – URL: <https://stol.guru/pulse/essays/right-to-the-city-2019-03-26> (дата обращения 16.04.2019)

The N. F. Fedorov's philosophy of salvation as a source of ideas for solving the problems of the Anthropocene era

Klyuev A.A., Suhanova E.V., Bakunov G.M.
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minina, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky

The article analyzes the ideas of the Russian cosmist philosopher N.F. Fedorov in the context of modern environmental and social problems. The scientific novelty of the research lies in the consideration of the ideas of the Russian cosmist philosopher N.F. Fedorov in the framework of defining the problems of the modern era of the Anthropocene and searching for their solutions. The analysis of the conceptual content of the philosophical research of the Russian philosopher is carried out, his ideas are considered through the prism of modern global problems. The problematic field of the modern global social and humanitarian agenda of the society of the Anthropocene epoch is formulated. As a result, it is proved that the ideas of this representative of Russian cosmism, which include the concepts of rational regulation - both natural forces and human activity - can be actualized within the framework of solving the problems facing humanity, which has entered the era of the Anthropocene.

Key words and phrases: N. F. Fedorov; Russian cosmism; anthropocene, ecology, regulation.

References

1. Fedorov, NF Collected works: In 4 vols. / Compilation, preparation of the text and comments by A. G. Gacheva and S. G. Semenova. - M.: Publishing group "Progress", 1995. - T. I. - 518 p.
2. Volkov, A. V. Anthropocene, cosmocene, robotcene / A. V. Volkov. - M.: Independent publishing house "Nookratia", 2018. - 254 p. - S. 33-34.
3. Maikov, VV, Kozlov, VV Transpersonal project: psychology, anthropology, spiritual traditions. Russian transpersonal project / V. V. Maikov, V. V. Kozlov. - M.: Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2007. - Volume II. - 424 p. - S. 376.
4. Babaeva A.V., Shmeleva N.V. Contemporary Orthodox Anthropology: Some Conceptual Foundations // Bulletin of the Minin University. 2016 - No. 4 - URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/317/318> (date of treatment 06/10/2020).
5. Fedorov, H. Ф. Works / Common. ed.: A. V. Gulyga; Entry, article, note. and comp. S. G. Semenova. - M.: Mysl, 1982. -- 711 p.
6. Fedorov, NF Collected works: In 4 vols. / Compilation, preparation of the text and comments by A. G. Gacheva and S. G. Semenova. - M.: Progress Publishing Group, 1995. - T. II. - 498 p.
7. Berdyaev, N. A. Collected works / N. A. Berdyaev; total ed. N.A. Struve. Vol. 3: Types of religious thought in Russia; total ed. N.A. Struve. - Paris: YMCA-Press, 1989. -- 714 p.
8. Bostrom, N. (2001). Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios. Journal of Evolution and Technology, vol. 9 : 113–150.
9. Arkhipov, MV Social-utopian cosmism of NF Fedorova [Electronic resource] // Russia: the past, the present future: Materials of the All-Russian scientific-practical conference, December 16-19, 1996 / Ed. ed. M.S. Uvarov. - SPb.: BSTU Publishing House, 1996. URL: http://www.liveinternet.ru/users/aramill_stells/post240651041/ (date of access: 05/01/2019).
10. Fedorov, NF Collected works: In 4 vols. / Compilation, preparation of the text and comments by A. G. Gacheva and S. G. Semenova. - M.: Tradition, 1999. -- T. IV. - 688 p.
11. Philosophy of immortality and resurrection: Based on the materials of the VII Fedorov readings. December 8-10, 1995. Issue 1 / Ed. S. G. Semenova, A. G. Gacheva, M. V. Skorokhodov. - M.: Heritage, 1996. -- 272 p. - S. 84.
12. Vanei, E. Some aspects of Russian cosmism / E. Vanei. - Novosibirsk: Sova, 2007. -- 188 p. - S. 48.
13. Semenova, S. G. Nikolai Fedorovich Fedorov: Life and Teaching / S. G. Semenova // Prometheus: Historical and bibliographic almanac of the series "Life of Remarkable People". / Comp. A. Efimov; Ed. S. N. Semanov. - 2nd ed. - M.: Young Guard, 1977. - T.11.
14. Krashenninikov, A. The right to the city: Loneliness and weak ties [Electronic resource] / A. Krashenninikov // TABLE. - URL: <https://stol.guru/pulse/essays/right-to-the-city-2019-03-26> (date of access 04.16.2019)

Специфические черты социальной детерминации в современном обществе

Колотухин Денис Владимирович
аспирант, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Deniskolotukhin@gmail.com

В предлагаемой работе выявляется специфика и характер социальной детерминации на современном этапе общественно-экономического развития. Для достижения указанной цели автором статьи анализируется развитие социально-экономической сферы в XX и XXI веках. Данная работа написана с опорой на произведения других авторов и включает материалы, которые используются в подобных исследованиях впервые. В статье выявляется значение условий материальной природной среды и характер ее воздействия на процесс общественного развития. Раскрывается роль экономической жизни человека как фактора детерминации. Продемонстрировано возрастание роли и значения сознательной активности человеческого социума как носителя предметно-практической деятельности. Обоснована мысль, согласно которой процесс взаимодействия современного общества с природной средой через посредство его сознательной экономической деятельности формирует комплексную систему причинно-следственных закономерностей, в которой действуют как объективные законы, так и субъективные детерминирующие факторы.

Ключевые слова: современное общество, социальный детерминизм, фактор развития, причинность, законы развития.

Практическая польза науки, как отмечал в одной из своих работ Бертран Рассел, зависит от ее способности предвидеть будущее. А само «могущество науки обязано открытию наукой причинных законов» [11, с. 326]. Исследование причин, порождающих на свет те или иные социальные явления, приобрело большое значение и для общественных наук. Вопрос о закономерностях общественного развития, о социально-исторических факторах, влияющих на жизнь человеческого общества, оказался в центре внимания мыслителей Нового времени и остается актуальным по сей день. В ответ на этот вопрос социально-философская мысль смогла предложить по меньшей мере три варианта его решения: идеалистический, материалистический и синтетический.

Прежде всего отметим, что по времени своего появления идеалистические интерпретации возникли раньше материалистических и на протяжении продолжительного срока занимали доминирующее положение, сохранив свое влияние и в более поздний период. В своих многочисленных вариантах идеалистические интерпретации обращались к различным нематериальным факторам, оказывающим детерминирующее воздействие на процесс исторического и социального развития. «Не читателям этой книги, – писал основоположник позитивной философии Огюст Конт, – я считал бы нужным доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, что весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях. Они хорошо знают еще и то, что великий политический и моральный кризис современного общества зависит в конце концов от ответственности анархии» [1, с. 21]. Философский идеализм получил наибольшее

развитие в классической немецкой философии. Ведущую роль разума в истории человечества и в сфере общественных отношений признавал И. Г. Фихте. Наиболее же законченное выражение подобный взгляд получил в трудах Гегеля, убежденного в том, что истинным субъектом всемирной истории является именно разум [2, с. 64]. «... Вся история представляет собой историю мысли. В той степени, в какой человеческие действия являются просто событиями, историк не способен осмыслить их; грубо говоря, он даже не может установить, что они произошли. Они познаваемы для него только как внешние выражения мыслей» [12, с. 115], – отмечал в своей работе «Идея истории» Р. Дж. Коллингвуд, комментируя учение Гегеля.

Признавая первичность материального (бытия) по отношению к идеальной (сознанию), материалистическая философия также предложила разные варианты решения данной проблемы. Стоявшие на этих позициях мыслители старались интерпретировать историю и процесс социального развития с позиций разных материальных факторов. Так, долгое время были сильны позиции географического детерминизма, зачатки которого прослеживались еще в античной мысли и получили свое развитие в более позднее время в трудах Мечникова, Монтескье, Гумилёва и целого ряда других авторов. Одна из первых попыток осмысления социальной реальности посредством обращения к экономическому фактору была принята арабским мыслителем Ибн-Хальдуном в его работе "Пролегомены", в которой отмечалась роль хозяйственной жизни: «Должно быть известно, что различия в состоянии людей являются результатом разных способов, которыми они поддерживают свою жизнь» [13, с. 161]. Философский материализм позволил Карлу Марксу сформулировать свое понимание процесса исторического развития с точки зрения экономического принципа. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс указывали: «Предпосылки, с которых мы начинаем,

– не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [3, с. 18]. По убеждению Маркса, способ материального производства обуславливает все социальные, политические, а также духовные процессы в жизни человеческого общества [4, с. 6-7].

Третьим подходом, претендующим на объяснение исторических и социальных процессов, явился так называемый синтетический подход, стремившийся разобраться во всем этом многообразии факторов. Синтетический подход выступал против расчленения социальной и исторической реальности на отдельные, составляющие ее элементы. Будучи одним из его сторонников, Г. В. Плеханов придерживался того взгляда, что «успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, *синтетическим взглядом на общественную жизнь*» [5, с. 242]. Целью данной работы станет рассмотрение того, насколько данный подход применим к описанию процесса становления и развития общества в современных социально-экономических условиях. Автором настоящей статьи будет исследована гипотеза, что специфика развития современного социума определяется влиянием целого ряда взаимосвязанных и обуславливающих друг друга детерминирующих факторов, каждый из которых играет в этом процессе свою роль.

Первым и главным фактором в жизни любого общества является окружающая естественная природная среда, материальный мир, который населяет человек и из которого он черпает ресурсы для своей жизни и своего развития. Роль, которую играет природный мир в жизни человеческого обще-

ства, невозможно переоценить. Как писала в своей книге Е. Черчилль: «Человек – порождение земной поверхности. Это означает, что он не просто дитя земли, прах ее пыли, а то, что земля была его матерью, кормила его, ставила перед ним задачи, направляла его мысли, сталкивала с трудностями, которые укрепляли его тело и обостряли его ум. Она ставила перед ним проблемы навигации и орошения, одновременно давая подсказки для их решения. Она вошла в его кости и ткани, в его разум и душу» [14, с. 1]. Детерминизм объективен и представляет собой отношение, свойственное окружающему человека материальному миру. «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, – писал Фридрих Энгельс, – это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собой, их обусловленность друг другом» [6, с. 544]. Природный детерминизм, также известный и как географический детерминизм, стремится понять человеческое общество и результаты его деятельности как порождение окружающей его природной среды. Уже древние авторы полагали, что религиозные взгляды, ментальные и физические характеристики населения, формы политической организации и общественный уклад человеческой жизни обуславливаются фактором воздействия природного мира. В то же самое время с позиций этого подхода оказалось трудно объяснить то, почему в одних и тех же климатических и географических условиях могут проживать общества с различным уровнем социально-экономического развития. С позиций данного подхода было невозможно понять, почему в современном мире есть богатые государства и народы, населяющие не самые богатые ресурсами природные зоны. Все это действительно трудно объяснить, если не учитывать, что влияние природы на процесс развития в немалой степени преломляется через экономическую активность самого челове-

ческого социума, обладающего способностью к практической, преобразующей деятельности.

Между собой и окружающим природным миром человеческое общество помещает материальное производство, которое опосредует большинство его контактов с природной средой. Специфика и характер воздействия последней на общественную жизнь изменяется вместе с изменением окружающих человеческий социум общественно-экономических условий. Природные факторы, имевшие решающее значение при прежних социально-экономических условиях, в новых условиях уже не играют такой роли, как раньше. А потому те общества, которые отличались высоким уровнем развития в прошлом, в более позднее время утрачивают свое лидерство. Если же говорить об особенностях детерминизма в современной социально-экономической ситуации, то здесь прежде всего следует отметить то, что на фоне развития хозяйственно-экономической жизни, роста технического и технологического потенциала современного общества с возрастающей силой начинает проявлять себя роль деятельности человека. Однако развитие экономической сферы (в первую очередь индустриального производства) требует потребления ресурсов материальной природной среды. И чем больше развито производство, чем больше численность того населения, потребности которого оно должно удовлетворять, тем больше ресурсов оно потребляет. В связи с изменением экономических условий большое значение для развития социума начинают приобретать такие факторы, которые в прежние времена не имели практически никакого значения для жизни менее развитых в экономическом и в технологическом отношениях обществ. Так, если для земледельческих народов главным фактором их развития являлось наличие полноводных рек и пригодных для возделывания земель, то в современных экономических условиях централь-

ное положение в жизни высокоразвитого общества занимают уже такие ресурсы, как нефть, газ, уголь и электроэнергия. Их значение для жизни человека многократно возрастает.

На этом фоне ресурсная проблема выходит на первый план во внутренней и внешней политике современных государств. Территории, обладающие самыми большими человеческими и природными ресурсами, становятся главными регионами столкновения политических интересов крупных стран. Как отмечал в своей работе Генри Киссинджер, без этих ресурсов «Америка – это лишь остров у берегов обширной территории Евразии» [15, с. 813]. В этой связи перед Соединенными Штатами Америки сама собой встает политическая задача по установлению контроля за данной территорией и ее материальными богатствами. В такой ситуации доходы, получаемые от добычи и продажи сырья, «позволяют агрессивным лидерам устранять политические ограничения, снижать внутреннюю ответственность и вести свои страны к войне». [16, с. 1]. Получается так, что, с одной стороны, развитие науки, техники и производства увеличило власть человека над природой, повысило его положение в жизни окружающего его мира, а с другой – поставило его в еще большую зависимость от условий окружающей естественной природной среды. В современном мире природа продолжает оказывать влияние на развитие экономической жизни, но и развитие последней оказывает воздействие на состояние природной среды. Согласимся с мнением Карла Маркса, отстаивавшего точку зрения, что «история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [3, с. 16]. Таким образом, рост значения человеческого (субъективного) фактора и его влияния на внешний материальный мир происходит на фоне сохранения значения объективных условий материальной природной среды.

Следующим фактором развития общественной жизни является экономика.

Говоря об экономических условиях, определяющих собой всю историю человечества, сторонники экономического детерминизма «подразумевают те способы, посредством которых члены данного общества производят необходимые им средства существования и обменивают их друг с другом (поскольку в обществе существует разделение труда)» [17, с. 58-59]. Экономика оказывает причинное, детерминирующее воздействие на общество, отражаясь на численности его населения, формируя его социально-классовую структуру, сказываясь на уровне и характере развития политической и духовной жизни. Экономические отношения и способ производства являются фундаментальной основой, над которой надстраиваются культурные, политические и иные социальные механизмы общества. Иными словами, не только естественная природная среда, но и характер экономической деятельности оказывается фактором, определяющим специфику социального детерминизма в человеческом обществе. Перспективы развития последнего зависят не только от наличия материальных богатств, но и от способности живущих в этих условиях людей пользоваться ими. Существует немало примеров бедных обществ, живущих в исключительно благоприятных условиях географической природной среды. Уровень экономического и технологического развития этих обществ не позволяет им воспользоваться своими преимуществами. Роль таких обществ в мировой экономике в основном состоит в том, чтобы служить поставщиками рабочей силы и дешевого сырья для экономически более развитых государств.

Говоря о связи между условиями естественной материальной природной среды, развитием экономики и численностью населения, необходимо отметить, что численность жителей на той или иной территории зависит от технологической способности человека пользоваться имеющимися в наличии ресурсами. Чем богаче природная среда, чем

совершеннее технологии возделывания земли, а также добычи и обработки ресурсов, тем больше количество людей, проживающих на данной территории. Рост производительных сил породил на свет рекордный рост населения на нашей планете, численность которого до начала индустриальной революции менялась крайне медленными темпами, а в XIX и XX столетиях неожиданно достигла шести миллиардов человек. Увеличение же численности населения планеты Земля привело к росту того воздействия (большей частью негативного), которое оказывает общество на окружающий его природный мир, и, в свою очередь, изменило характер и специфику взаимодействия в системе отношений между людьми и природой.

Глубокие сдвиги в хозяйственной жизни современного общества повлекли за собой заметные изменения и в его социальной структуре. Размышляя о развитии индустриального производства, еще Герберт Маркузе предсказывал то, что «полная автоматизация в сфере необходимости откроет измерение свободного времени, в котором произойдет самоопределение частного и общественного существования человека. Это станет историческим переходом к новой цивилизации» [18, с. 40]. Развитие производства, происходившее в условиях научно-технического прогресса, устраняло ручной труд и тем самым создавало предпосылки для роста нематериальной сферы экономической деятельности. Рост материального производства достигал величин, достаточных для того, чтобы современный социум оказался в состоянии содержать целую армию учителей, ученых, инженеров, государственных служащих, чиновников, врачей, офисных работников и т. д. Можно отчасти согласиться с мнением В. Я. Ельмеева, что данная задача решалась «превращением сэкономленного в материальном производстве труда и рабочего времени в другие виды деятельности, порождающие и удовлетворяющие новые потребности» [7, с. 137]. Однако следует отметить, что

экономия труда (рабочего времени) в сфере материального производства нередко сопровождалась более широким его применением в нематериальной сфере деятельности. Чем больше развито производство, тем меньше требуется рабочих, но тем больше требуется обслуживающих производство инженеров, наладчиков, программистов и т. д. Уместно говорить не столько об экономии труда (времени), сколько об изменении характера и специфики самой трудовой деятельности. Таким образом, экономика современного общества сформировала новую социальную структуру, которая наряду с рабочим классом и классом капиталистов включает в себя и большую массу специалистов, занятых различными видами непроизводительного труда.

Обращаясь к фактору сознательной деятельности, напомним, что в общем виде материалистический взгляд предполагал примат материального по отношению к духовному. «Согласно этой точке зрения, социальные изменения обуславливаются в первую очередь экономическим влиянием, а не идеями или ценностями, которых придерживаются люди» [19, с. 18]. Однако Карл Маркс неоднократно подчеркивал то, что социально-экономическую деятельность человека отличает сознательный и целенаправленный характер. Как справедливо заметил Селигмен, «если под материализмом мы имеем в виду отрицание силы духовных способностей в человечестве, то экономическая интерпретация истории в действительности не является материалистической» [17, с. 133].

Интенсификация процессов, протекающих в социально-экономической сфере, делает вмешательство человека в них необходимым. Прогнозирование, планирование и контроль развития экономики становятся важными факторами экономической деятельности, направляющими ход ее развития по благоприятному для человека сценарию. «В создавшихся условиях социальное предвидение, как никогда

прежде, становится властным велением времени» [8, с. 3]. Что касается планирования, то оно предполагает «институциональную координацию хозяйственной деятельности. При планировании государство и другие учреждения стремятся установить объем и характер конечного продукта посредством определения распределения факторов производства между альтернативными видами использования» [20, с. 120]. Методы социального планирования и прогнозирования находят широкое применение в экономической жизни всех более или менее развитых стран. Между развитием экономической и духовной (интеллектуальной) сферы формируется тесная связь, характеризующаяся отношением взаимного влияния и взаимной зависимости. Примером тому может служить наука, а в еще большей мере – образование. В новых социально-экономических условиях оно становится не только общедоступным, но и необходимым для каждого вовлеченного в систему экономических отношений индивида. «Повышение уровня развития экономики предполагает адекватную природной реальности специализацию индивидов. Институциональная среда, связанная в том числе со сферой образования, играет в этом процессе определяющую роль» [9]. Все государства мира, желающие обеспечить приемлемые темпы социально-экономического развития, должны поддерживать соответствующий своим запросам уровень развития науки и образования. Ведь объективные материальные (природные и технические) факторы только создают условия, необходимые для развития экономики. А то, насколько эти возможности будут воплощены в жизнь на практике, во многом зависит от субъективного фактора, то есть от самого человека. [10] Сегодня развитие духовной сферы человеческой цивилизации оказывает такое же влияние на состояние экономики, какое последняя оказывает на развитие первой.

Таким образом, в работе было показано, что, несмотря на революционные

изменения в экономической сфере, высокий уровень развития науки и технологий, современное общество не перестает и никогда не перестанет быть обществом добывающим, перерабатывающим и потребляющим ресурсы окружающего его мира. Сохраняя с ним связь, оно никогда не перестанет зависеть от материального природного мира и его законов. По мере развития науки, техники и производственных возможностей роль предметно-практической деятельности человека начинает проявлять себя с невиданной прежде силой. Но поскольку субъективный (человеческий) фактор действует и проявляет свои способности в окружающем его объективном материальном мире, где влияние естественных природных условий преломляется через экономическую деятельность человека, действующего осмысленно и целенаправленно, то конечный результат данной предметно-практической деятельности будет определяться как результат взаимодействия субъективного фактора с объективными условиями внешней материальной среды. Следовательно, гипотеза, выдвинутая в вводной части настоящей статьи, подтвердилась. Социальная (и историческая) реальность представляет собой единое целое, в котором отдельные, составляющие эту реальность, элементы тесно связаны и переплетены. Законы детерминации социальной и исторической действительности представляют собой сложную цепочку закономерностей и причинно-следственных связей. Перспективы же дальнейшего исследования настоящей проблематики находятся за рамками философского рассмотрения. Они будут состоять в глубоком научном анализе роли различных детерминирующих факторов (природы, экономики, науки) и процесса их взаимодействия в развитии социальной жизни.

Литература

1. Конт О. Курс положительной философии (Auguste Comte, – Cours de philosophie positive) в 6 томах. Т. 1. Э. К.

- Гартье и К, 1900. – Kont, O. Kurs polozhitel'noj filosofii (Auguste Comte, – Cours de philosophie positive) v 6 tomah. T. 1. E. K. Gart'e i K, 1900 (in Russian).
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. – Gegel', G. V. F. Lekcii po filosofii istorii. SPb.: Nauka, 2000 (in Russian).
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. – Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. T. 3. M.: Politizdat, 1955 (in Russian).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. – Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. T. 13. M.: Politizdat, 1959 (in Russian).
5. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 2. М., 1956. – Plekhanov, G. V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v pyati tomah. T. 2. M., 1956 (in Russian).
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. – Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. T. 20. M.: Politizdat, 1961 (in Russian).
7. Ельмеев В. Я. Социальная экономика труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – El'meev, V. Ya. Social'naya ekonomiya truda: obshchie osnovy politicheskoy ekonomii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007 (in Russian).
8. Араб-Оглы Э. А. Человек и техника в условиях научно-технической революции // В лабиринте пророчеств: социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Молодая гвардия, 1973. – Arab-Ogly, E. A. Chelovek i tekhnika v usloviyah nauchno-tekhnicheskoy revolyucii // V labirinte prorochestv: social'noe prognozirovanie i ideologicheskaya bor'ba. M.: Molodaya gvardiya, 1973 (in Russian).
9. Баннова Н. Э. Макромодель влияния сферы науки и образования на развитие экономики // Вестник ОГУ. № 4. 2003. С. 95–97. – Bannova, N. E. Makromodel' vliyaniya sfery nauki i obrazovaniya na razvitie ekonomiki // Vestnik OGU. № 4. 2003. S. 95–97 (in Russian).
10. Колотухин Д. В. Специфика географического детерминизма в современных социально-экономических условиях // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 2. 2020. с. 47-52. – Kolotukhin, D. V. Specifika geograficheskogo determinizma v sovremennyh social'no-ekonomicheskikh usloviyah // Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. № 2. 2020. S. 47-52 (in Russian).
11. Russell, B. Human knowledge: its scope and limits. London: George Allen and Unwin LTD, 1976.
12. Collingwood, R. G. The idea of history. Oxford: Clarendon press, 1951.
13. Ibn Khaldun. The Muqaddimah: an introduction to history / Translated from the Arabic by F., Rosenthal. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1967.
14. Churchill, E. Influences of geographic environment on the basis of Ratzel's system of anthropo-geography. New York: Henry Holt and company, 1911.
15. Kissinger, H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.
16. Colgan, J. D. Petro-aggression: When oil causes war. Cambridge University Press, 2013.
17. Seligman, E. R. A. The economic interpretation of history. N. Y.: Columbia University Press, 1907.
18. Marcuse, H. One-dimensional man; studies in the ideology of advanced industrial society. Boston: Beacon Press, 1964.
19. Giddens, A. Sociology. Sixth ed. Cambridge: Polity Press, 2009.
20. Macmillan dictionary of modern economics / Gen. editor Pearce, D. W. Third. ed. London; Basingstoke: Macmillan ref. books, 1986.

Specific features of social determination in modern society

Kolotukhin D.V.

Institute of philosophy of Saint Petersburg State University

The paper is concerned with the specificity and nature of social determination at the present stage of socio-economic development. To this goal, author of this paper analyses the development of the socio-economic sphere in the XX and XXI centuries. The paper is

based on the works of other authors and includes materials that are used in such studies for the first time. It is revealed the significance of the conditions of the material natural environment and the character of its impact on the process of social development. The role of economic life as a determining factor in the society's development is demonstrated. In this paper, it is shown the increasing role and significance of the conscious activity of human society as a carrier of objective and practical activity. The paper substantiates the core idea that the process of interaction between contemporary society and the natural environment through its conscious economic activity forms a complex system of cause and effect patterns in which both objective laws and subjective determining factors operate.

Key words: modern society, social determinism, development factor, causality, laws of development.

References

1. Comte O. Course of positive philosophy (Auguste Comte, - Cours de philosophie positive) in 6 volumes. T. 1. E.K. Gartier and K, 1900. - Kont, O. Kurs polozhitel'noj filosofii (Auguste Comte, - Cours de philosophie positive) v 6 tomah. T. 1. E. K. Gart'e i K, 1900 (in Russian).
2. Hegel GWF Lectures on the philosophy of history. SPb.: Nauka, 2000. - Gegel', G. V. F. Lekcii po filosofii istorii. SPb.: Nauka, 2000 (in Russian).
3. Marx K., Engels F. Works. T. 3.M.: Politizdat, 1955. - Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. T. 3. M.: Politizdat, 1955 (in Russian).
4. Marx K., Engels F. Works. T. 13.M.: Politizdat, 1959. - Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. T. 13. M.: Politizdat, 1959 (in Russian).
5. Plekhanov GV Selected philosophical works in five volumes. T. 2.M., 1956. - Plekhanov, G. V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v pyati tomah. T. 2.M., 1956 (in Russian).
6. Marx K., Engels F. Works. T. 20.M.: Politizdat, 1961. - Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. T. 20. M.: Politizdat, 1961 (in Russian).
7. Elmeev V. Ya. Social economy of labor: general foundations of political economy. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2007. - El'meev, V. Ya. Social'naya ekonomiya truda: obshchie osnovy politicheskoy ekonomii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007 (in Russian).
8. Arab-Ogly E. A. Man and technology in the conditions of the scientific and technological revolution // In the labyrinth of prophecies: social forecasting and ideological struggle. M.: Molodaya gvardiya, 1973. - Arab-Ogly, E. A. Chelovek i tekhnika v usloviyah nauchno-tekhniceskoy revolyucii // V labirinte prorochestv: social'noe prognozirovaniye i ideologicheskaya bor'ba. M.: Molodaya gvardiya, 1973 (in Russian).
9. Bannova N. E. Macromodel of the influence of the sphere of science and education on the development of the economy // Vestnik OSU. No. 4. 2003. P. 95–97. - Bannova, N. E. Makromodel 'vliyaniya sfery nauki i obrazovaniya na razvitiye ekonomiki // Vestnik OGU. No. 4. 2003. S. 95–97 (in Russian).
10. Kolotukhin DV Specificity of geographical determinism in modern socio-economic conditions // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. No. 2. 2020. p. 47-52. - Kolotukhin, D. V. Specifika geograficheskogo determinizma v sovremennykh social'no-ekonomicheskikh usloviyah // Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. No. 2. 2020. S. 47-52 (in Russian).
11. Russell, B. Human knowledge: its scope and limits. London: George Allen and Unwin LTD, 1976.
12. Collingwood, R. G. The idea of history. Oxford: Clarendon press, 1951.
13. Ibn Khaldun. The Muqaddimah: an introduction to history / Translated from the Arabic by F., Rosenthal. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1967.
14. Churchill, E. Influences of geographic environment on the basis of Ratzel's system of anthropo-geography. New York: Henry Holt and company, 1911.
15. Kissinger, H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.
16. Colgan, J. D. Petro-aggression: When oil causes war. Cambridge University Press, 2013.
17. Seligman, E. R. A. The economic interpretation of history. N. Y.: Columbia University Press, 1907.
18. Marcuse, H. One-dimensional man; studies in the ideology of advanced industrial society. Boston: Beacon Press, 1964.
19. Giddens, A. Sociology. Sixth ed. Cambridge: Polity Press, 2009.
20. Macmillan dictionary of modern economics / Gen. editor Pearce, D. W. Third. ed. London; Basingstoke: Macmillan ref. books, 1986.

Концептуальное осмысление феномена безопасности в западной философии

Кононов Сергей Викторович

слушатель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, kononov7744@yandex.ru

Статья посвящена анализу становления философии безопасности, центральным понятием которой является безопасность, по-разному понимаемая различными философскими направлениями. Задачей статьи является необходимость проанализировать процесс становления концепции безопасности в истории западной философии. Для реализации этой задачей использована методология сравнительного анализа, основанная на культурно-историческом подходе, связанном с процедурами анализа философских текстов по проблемам безопасности. Новизна исследования обеспечена представлением эволюции представлений о безопасности, которая расширяла свою структуру, и постепенно включая в себя не только сферу реальной, материальной, но и мыслимой, духовной безопасности. Как показывает автор, о явление безопасности долгое время было принято рассуждать только в рамках обоснования причин объединения населения в рамках государственных образований, однако под влиянием христианской идеологии, безопасность стал пониматься, как внутренне переживание человеком своего духовного состояния. Вместе с этим, как демонстрирует статья, актуализация понятия единства, произошедшая в рамках национальных государств Нового времени, привела к разработке понятий о национальной безопасности, расширение представлений о которой послужило началом формирования широкого круга представлений о экономической, культурной, юридической и личной безопасности.

Ключевые слова. Философия безопасности, концепции безопасности, государственная безопасность, национальная безопасность, экономическая безопасность, культурная безопасность, юридическая безопасность.

Введение. В условиях современного глобализирующегося мира одной из насущных проблем мирового развития является проблема безопасности. Осмысление сущности, факторов и закономерностей ее развития, а также методов и стратегий управления безопасностью становятся актуальными для исследования со стороны социальных наук и в частности, философии безопасности. Философия безопасности представляет наиболее адекватный инструмент для формирования наиболее обобщенного и сущностного знания о закономерностях устойчивого, стабильного функционирования и свойствах сложных социальных систем. В рамках философии безопасности понятие безопасности имело разные толкования, в наиболее широком виде объединяемые идеей о том, что с его помощью наиболее просто объяснить мотивы объединения в единое целое больших групп населения. Согласно ей, чувство безопасности представлялось основным мотивом образования народов и государств, что обусловлено необходимостью самосохранения в мире, полном угроз выживанию.

Степень исследованности темы. В философии явление и проблема безопасности анализируется широким кругом авторов, и упоминается античной философии Сократом, Платоном, Аристотелем, Эпикуром, в Средние века – Августином, в Новое время - Н. Макиавелли, Ф. Бэконом, Т. Гоббсом, Д. Локком, Ж. Ж.Руссо, Б. Спинозой, И. Кантом, И. Блюнчи, П. Манчини, Г. Еллинеком, Л. Дюги. В XIX в. о системе национальной и государственной национальности пишут Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Тренделенбург, И. Бахман, Н. Гартман, К. Клаузевиц, К. Маркс

сформировавшие представления о различных типах безопасности.

Задачей статьи является необходимость проанализировать процесс становления концепция безопасности в истории западной философии. Для реализации этой задачей использована методология сравнительного анализа, основанная на культурно-исторической подходе, связанном с процедурами анализа философских текстов по проблемам безопасности.

Новизна исследования обеспечена раскрытием эволюции представлений о безопасности, расширяющей свою структуру, и постепенно включающей в себя не только сферу реальной, материальной, но и мыслимой, духовной безопасности.

Результаты. Согласно проведенному анализу в рамках западной философии были разработаны различные толкования, объединяемые идеей о том, что с его помощью наиболее просто объяснить мотивы объединения в единое целое больших групп населения. Описываемое античными философами, которые давали философско-религиозные и философско-этические объяснения необходимости укрепления государственной власти, обеспечивающей безопасность методами физической защиты, чувство безопасности является ведущим мотивом образования народов и государств. Эпоха средних веков привнесла в понимание безопасности аспект, который заключался в переносе основного внимания на внутреннее переживание своего состояния человеком. В период Нового времени разрабатывается учения о ментальном измерении безопасности, которая приобрела национальный характер. Смещение интереса философии безопасности от акцентирования внимания на физической защите, к обсуждению экономических проблем произошло в XIX в., что дало начало теретическим разработкам сложной структуры безопасности, в которой, стало разделяться понимание защиты и сохранения, государства и локальной группы, материальных благ и

духовных интересов, реальной и мнимой опасности.

Обсуждение результатов. Философия включила в свой предмет проблему безопасности уже в античный период, когда давала ей философско-религиозные и философско-этические объяснения. В частности, Сократ, объясняя сущность безопасности, говорил, что она является побудительной причиной, заставляющей людей объединяться в общество. Зарождение цивилизации, согласно его мнению, было результатом стремления индивидуумов, а затем общества и государства обеспечить безопасное существование. О сущности безопасности рассуждал Платон, считавший, что ею является отсутствие опасности, избежать которую помогает объединение людей в единое целое [14]. Сообща люди способны оказывать помощь и спасать тех, кто нуждается в безопасности и подвергается нападкам зла. Платон доказывал, что подлинная безопасность обеспечивается только в рамках государства, обладающего таким инструментом, как армия, профессионально занимающаяся обеспечением безопасности. Таким образом, в философии Платона под этим понятием имелась в виду государственная безопасность, которое понималось предельно широко. Философ считал, что безопасностью является защита государства с помощью воинов, кроме этого он включал в это понятие беспечение населения государства системой социальных институтов, включая организацию воспитания, формирования морального состояния граждан, поддержания их уровня жизни за счет передачи материальных средств к существованию. Понятие о государственной безопасности, как основе общественного существования характерно и для Аристотеля, который полагал, что государство должно защищать своих граждан, обеспечивая им фактическую безопасность, что было условием общественного блага и справедливости. Эта же идея развивалась Эпикуром, утвер-

ждавшим, что безопасность для государства является высшей ценностью, по значимости, превосходящей все типы удовольствий и наслаждений. Безопасность была его идеалом и критерием максимального удовлетворения [10].

Достижением философии Древнего Рима было, установление различия представлений о государственной безопасности и безопасности человека. В частности, в произведениях Цицерона говорилось о наличии безопасности для каждого вида живых существ, стремящихся в первую очередь к защите самих себя, своей жизни, к приобретению всего, что кажется благим и избеганию всего, что представляется вредоносным. Поэтому безопасность, например у Л. Сенеки, понималась им уже не абстрактно, а с учетом конкретных условий [17].

Эпоха средних веков привнесла в понимание безопасности еще один новый аспект, который заключался в переносе основного внимания на внутреннее переживание своего состояния человеком, которое в частности фиксируется в текстах Августина. Как описывал в своем церковном словаре А. Робер, человек считал себя защищенным от любой опасности, благодаря состоянию своего духа [24]. Однако это понимание безопасности было исключительно церковным и широкого распространения не получило, также как и само понятие безопасности, практически не использовавшееся вплоть до XVII в. [4].

В наиболее приближенном к современному пониманию значению понятия безопасность философия обратилась в период Нового времени, когда Западная Европа вступила в период буржуазных революций и национального государственного строительства. Причиной было то, что национальные государства по новому оценивали практику своего бытия и смысл национальной идеи, основой чего было наличие у них самостоятельной экономики. Требования ее свободного развития стали причиной того, что новые государства стремились

к защите и расширению своих территорий. Вместе с этим началась эра колониальных захватов и подчинения себе других государств, что стало одним из важнейших факторов формирования условий напряженности современного мира. Противоречие между претензиями различных наций, претендующих на расширение своего влияния и своих экономических рынков, является причиной современной проблематики безопасности на уровне взаимоотношений между государствами и нациями [5].

Каждое из современных государственных образований имеет свою идеологию, выразителями которой являются национально-освободительные движения, в соответствии с идеями которых каждая нация объединяется национальным государством, несущим обязательства защищать народы, населяющие его территории от посягательств других государств. При этом каждый регион, исходя из своей специфики и культуры, востребует свое государственное образование, идеология и интересы которого по-разному выражаются и по-разному оцениваются в окружающем мире [25].

Одним из первых, новые условия описал и осмыслил Н. Макиавелли, вклад которого в развитие представлений о безопасности состоял в разработке учения об особом измерении его сущности и содержании, которое приобрело национальный характер. Макиавелли доказывал, что безопасность не существует сама по себе, а только во взаимодействии с культурой нации, без обращения к которой правитель приведет свой народ к трагедии. Кроме этого безопасность, согласно Н. Макиавелли, предполагает необходимость действовать в соответствии с волей нации, создающей государства [11].

Стремление согласовать волю нации к самоопределению и защите своих интересов с волей создаваемого этой нацией государства, фиксируется в философских концепциях, посвященных сущности государственной власти

таких представителей философии Нового времени, как Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.Ж.Руссо, Ш. Монтескье, Б. Спиноза [18] и др. мыслители XVII-XVIII вв. Их труды объединяют положения о том, что национальное государство должно иметь своей целью повышение благосостояния нации и обеспечение ее безопасности. Безопасность ассоциируется ими с состоянием самосознания общества, переживающего различные: физические и моральные трудности, однако сохраняющего спокойствие и самообладание, которое позволяет преодолеть все возможные политические, экономические, материальные испытания [6]. Основанием для этого спокойствия, по мнению Ф. Бэкона является союз управленческих усилий и культурных оснований народной жизни [1].

На общем фоне публикаций, в которых защита национальной безопасности понималась как организация оборонительных мероприятий, основанных на применении вооруженной силы, выделялась концепция И. Канта [8]. Он впервые обосновал необходимость организации такой системы безопасности, которая предполагала бы достижение мира, где отсутствуют вражда и войны. Ключевое значение для данной концепции имело утверждение о том, что безопасность представляет не состояние национальной устойчивости, а систему мер, предпринимаемых законодательством и исполнительной властью во имя достижения стабильного состояния государства и общества. Это состояние имело сложную структуру, включающую уровни «внешней» и «внутренней», государственной и гражданской безопасности. Им же была разработана система критериев безопасности, которая заключалась в проведении уровня безопасности государства и других стран [13].

Схожие идеи, рожденные в процессе осмысления принципов жизнедеятельности национальных государств, формировались в Соединенных Штатах Америки. Здесь о праве нации на безопасность, как священном атрибуте

жизни человека, говорилось в политических документах, таких как Декларация независимости и Декларация прав человека и гражданина. Впервые в мировой истории эти документы описывали реальность, в которой равные права на безопасность получали представители разных народов, сформировавших единую нацию, в которой нет различий между гражданами, в процессе строительства национального государства. Аналогичное понимание сущности нации, ее интересов и представлений о ее безопасности, родившихся в это время, существовало во Франции, где в результате Великой Французской революции формировалась французская нация. Она понималась также как и в Америке, в качестве объединения свободных граждан, чье происхождение не влияло на стремление быть гражданином Французского государства. Впоследствии это понимание нации, как единства представителей разных народов, и ее интересов, направленных на формирование и развитие национального государства приняло общеευропейские параметры [23].

Указанное явление получило название «принципа национальности» и доктринально было проработано в трудах И. Блюнчли и П. Манчини, смысл концепции которых сводился к обоснованию права каждой нации иметь свое национальное государство, защищающее права людей на независимость, собственность и безопасность. Понятие нации с этого времени надолго заняло центральное место в концепциях, которые уже не просто использовали его, а давали ему сущностное определение. В частности в концепции Г. Еллинека нация понималась, как объективно существующее явление. Согласно мнению этого автора, нацию образует группа людей, которые осознают себя как единство, основой которого является общая культура и историческое прошлое. Характерным для этого периода стало отношение к нации, как к социальному продукту, а не биологической сущности. Как писал о процессе

возникновения нации Л. Дюги [3], его характеризовала длительная и тяжелая борьба разных людей, целью которых было достижение национального единства, складывающегося на основе экономических и социальных связей.

«Принцип национальности» занимал одной из значимых мест в философской системе Г. Гегеля, который считал, что воплощение идеи абсолютного духа произошло в рамках системы взаимодействия «немецкой государственности и германской нации. Германский мир, по мнению Г. Гегеля, олицетворяет подлинное царство, в котором его народам гарантировано органичное бытие. При этом подлинная безопасность этого бытия обеспечивается государством, то есть монархией, олицетворяющей «земнобожественное существо», «шествие Бога в мире», которое без остатка поглощает личность, как одну из своих составляющих, не противопоставляющих себя общему целому [7]. В отличие от Канта, наиболее совершенством инструментом сохранения безопасности Гегель считал войну, так как доказывал, что мир между государствами в принципе не может быть возможен, а ведущее войны государство становится сильнее и совершеннее [2]. Такое государство устраняет внутренние противоречия, добивается единства нации. Впоследствии многие немецкие философы использовали его идеи о нации и государстве, которые вдохновляли таких авторов, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Тренделенбург, И. Бахман, Н. Гартман [21], на создание произведений, в которых «национальные идеи» напрямую соотносились с идеями о «сильной немецкой государственности». Наиболее яркое воплощение идей безопасности национального государства, вооруженного идеологией, обосновывающей необходимость завоевания территорий и рынков сбыта, произошло в работе К. Клаузевица, посвященной теории войны. В рамках своего повествования он обосновал ставший классическим подход к пониманию войны, как средства ведения политики,

направленной на защиту интересов государства военными методами, а также мира, как состояния, противоположного состоянию войны [9].

Смещение интереса философии безопасности от акцентирования внимания на войне, к обсуждению экономических проблем произошло в концепции К. Маркса, который принимая постулаты диалектического учения, в отличие от Г. Гегеля не считал, что государство представляет собой единство от индивидуального до правительственного уровня. К. Маркс делил общество на классы, противопоставляя буржуазию ту прослойку людей, которые были отчуждены от собственности. Именно их благополучие и безопасность были для него главной общественной ценностью. Защищая классовые интересы пролетариата, К. Маркс говорил, что источником угрозы для него является неравномерное распределение материальных благ, то есть собственности. Защиту этих интересов он видел в социальной революции и перераспределении средств производства, что переводило исследование безопасности в сферу экономики [12]. Вслед за ним все представители марксизма считали, что ведущим стимулом развития общества являются экономические предпосылки и хозяйственные отношения, которые определяют процессы формирования или разрушения любых социальных объединений. Это убеждение открыло новые перспективы в развитии философии безопасности. В частности большое внимание анализу экономической сферы, как основе безопасности, стали обращать такие направления западной философии, как валлийская и копенгагенская школы, в лице Б. Бузана, О. Вейвера и Дж. Вильде [20] утверждавших, что хозяйственная сфера считается одним из важнейших факторов формирования уклада и уровня жизни. Однако, по их мнению, изучение безопасности не может уделять внимание только экономическим факторам, оно должно касаться в первую очередь жизни каждого человека, который имеет свои собственные

интересы в экономической, социальной, гражданской и культурной сфере.

Таким образом, объектом философии безопасности стали люди и их отношения с окружающим обществом и государством, в рамках которых определяющим формированию идентичности людей стала широко понимаемая материальная и духовная культура, являющаяся основой культурной общности. Это открыло новые грани проблемы безопасности, которая теперь распространилась на исследования проблем сохранения культуры, когда большое внимание уделялось вопросам безопасности народных культур, подвергались уничтожению со стороны глобализации и поэтому нуждались в защите со стороны общественности. Значимым аспектом культурной безопасности было признано культурное наследие в виде традиций, обычаев, обрядов, которые необходимо было сохранять и защищать от влияния времени и вандализма [26]. Особенностью представлений о «культурной безопасности» стала фиксация того, что система применяемых ею мер теперь стала касаться юридической безопасности, в рамках которой рассматривались мероприятия по сохранению объектов культуры [19].

Предметом исследований в области культурной безопасности были понятия культурной целостности, культурной идентичности, культурного наследия, культурного кода, которые актуализировались в зависимости от контекста меняющего свои условия от уровня локальной группы до государственного уровня. Такая трактовка культурной безопасности, проведенная в работах Т. Адорно, П. Бурдьё, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Маклюэна, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера [22], предполагала пристальное внимание к вопросам выживания людей в рамках ограниченных региональных пространств, но также обращалась к проблеме выживания человечества в целом. В рамках проблематики культурной безопасности было выявлено направление, связанное с анали-

зом региональных пространств и являющихся локальными элементами составляющими нации. При этом исследования учитывали, что защита и сохранение культурной безопасности в системе взаимодействия локальной группы и государства должны учитывать интересы не только государства, или всего народа, но и локальной группы.

В это время системные описания мер безопасности приобрели более сложную структуру, в которой, стало разделяться понимание защиты и сохранения. Защита подразумевала под собой действие, направленное на установление барьера между субъектом безопасности и внешним миром. Под сохранением имелось в виду действие, направленное на консервацию его первоначального состояния. Это определение сохранило свою актуальность и сегодня, например, С. Форрест в своих трудах трактует культурную безопасность, как сохранение обществом характерных черт своей культуры, которое оказывается возможным в условиях реальных и мнимых угроз, сохранению традиционных: языка, культуры, религии, идентичности. Уравнивает сохранение культуры общества к безопасности А. Зайтек, для которой культурная безопасность является олицетворением способности общества к самосохранению, как при физических, так и мнимых угрозах [27].

Соотнесение понятий сохранения и защиты культурной безопасности показывает, что система безопасности в это время стала пониматься, как сложная структура, разделенная на уровни государства и локальной группы, каждый из которых отличался не только своими характеристиками, но и обладал своими интересами. Появилось представление о том, что интересы каждой группы или государства представляют собой такую же ценность, как и объективно существующие материальные блага. Это значительно усложнило уровневую структуру самого понятия «безопасности», в которой появились уровни защиты от реальной и мнимой опасности.

Впоследствии концепция культурной безопасности еще более расширяла поле своего применения, которое стало охватывать не только сферу культуры, но и распространилось до уровня национальной безопасности [16].

Таким образом, в процессе исторического развития концепций безопасности, ее понимание менялось от представления этого феномена в качестве физической защиты до ментального феномена, связанного с осознанием объектом безопасности своих социальных практикой. Как правило, исследователи указывали на вспомогательную сущность безопасности, которая могла принимать формы государственной, национальной, индивидуальной, культурной безопасности, обеспечение которой давало возможность свободного развития творческой деятельности человека. Согласно общему мнению, выраженному Б. Расселом, несмотря на фоновый характер, проблема обеспечения безопасности является ключевой для развития жизнедеятельности государств в условиях объективной действительности [15].

Вместе с этим, несмотря на предельно широкое расширение своего понятийного значения, безопасность в целом продолжала считаться стабильным состоянием устойчивого и системного равновесия социальных систем, в которых традиционные образцы культуры защищаются и сохраняются несмотря на воздействие новаций. Поэтому можно сделать вывод о том, что историческое развитие концептуального понимания феномена безопасности в классической науке, находилось под влиянием определения, указывавшего на безопасность, как состояние равновесности объекта, сохраняющееся, несмотря на влияние различных условий, и достигаемое с помощью определенных институционально-инструментальных мер, выступающих в качестве атрибута безопасности.

Вывод:

Философия безопасности представляет наиболее адекватный инструмент

для формирования сущностного знания о закономерностях стабильного функционирования сложных социальных систем. В рамках этой философии понятие безопасности имеет разные толкования, объединяемые идеей о том, что с его помощью наиболее просто объяснить мотивы объединения в единое целое больших групп населения. Согласно этой концепции, чувство безопасности является ведущим мотивом образования народов и государств, и служит обоснованием необходимости укрепления государственной власти, обеспечивающей безопасность методами физической защиты. Эпоха средних веков привнесла в понимание безопасности аспект, который заключался в переносе основного внимания на внутреннее переживание своего состояния человеком. В период Нового времени разрабатывается учение о ментальном измерении безопасности, которая приобрела национальный характер. «Принцип национальности» как ключевое понятие системы безопасности становится главной ценностью государственной политики. В это время происходит смещение интереса философии к осуждению экономических проблем, а сама безопасность, приобретает вид сложной структуры, в которой, стало разделяться понимание защиты и сохранения, государства и локальной группы, материальных благ и духовных интересов, реальной и мнимой опасности.

Литература

1. Бэкон Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 548-549.
2. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 439 с. С. 241.
3. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. М.: Гос. изд-во, 1919. 110 с.
4. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.

5. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69). С. 10-15.
6. Жуков А. В., Жукова А. А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1 (41). С. 54-58.
7. Жуков А. В., Жукова А. А., Власова К. Е. Возрождение национальной культуры и процессы миграции среди немцев в Забайкальском крае // Известия государственного университета. 2015. Т. 11. С. 87-96.
8. Кант И. К вечному миру // Соч. в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1963–1966. С. 266. 564 с.
9. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. С. 121. 861 с.
10. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 408-411.
11. Макиавелли Н. Государь. М.: Художественная литература. 1982. 68 с.
12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. М.: Изд. Полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41-174.
13. Мотрошилова Н.В. Концепция «вечного мира» и союза государств И. Канта: актуальное значение // Иммануил Кант: наследие и проект. М., 2007. С. 406–427.
14. Платон. Государство. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 548-549.
15. Рассел Б. Мудрость Запада: Ист. исслед. зап. философии в связи с обществ. и полит. обстоятельствами. М.: Республика, 1998. 476 с.
16. Романова А. П. Мармилова В. О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2. С. 84-94.
17. Сенека Луций Анней. О благодарениях // Римские стоики: Сенека. Эпиктет. Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 87
18. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избранные произведения. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1957. 249 с.
19. Albro R. Risk Assessment in Encounters between Culture and Security [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-and-security>, свободный (Дата обращения: 23.08.2020)
20. Buzan B., Waeaver O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. 239 p.
21. Hartmann N. German Philosophy in the Last Ten Years // Mind. 1949. Т. 58. С. 413-433.
22. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. Reprint 1980. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1980. S. 274-275.
23. Renan E. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Paris: Paris Calmann Lévy, 1883. 335 p.
24. Robert d'A. Initiation biblique: introduction a l'étude des Saintes Écritures. Paris: Société de Saint Jean L'Évangéliste, Desclée & cie. 1939. 834 p.
25. Zhukov A., Beryukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on The Construction of German Identity in Russian Polietnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 42. С. 104239.
26. Zhukov A.V., Zhukova A.A. Methodological features of study and development of «ethnic culture» images in China // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. Т. 11. № 5. С. 1321-1330.
27. Ziętek A. W. Cultural security. Lublin, Europe Publisher of the Maria Curie-Skłodowska University Lublin, 2013. 323 p.

**Conceptual interpretation of the security phenomenon in western philosophy
Kononov S.V.**

Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky

The article is devoted to the analysis of the formation of security philosophy, the central concept of which is security, which is understood in different ways by different philosophical directions. The aim of the article is to analyze the process of the formation of the concept of security in the history of Western philosophy. To implement this task, a comparative analysis methodology was used based on a cultural-historical approach associated with the procedures for analyzing philosophical texts on security issues. The novelty of the research is provided by the representation of the evolution of ideas about security, which expanded its structure, and gradually includes not only the sphere of real, material, but also imaginable, spiritual security. As the author shows, for a long time it was customary to talk about the phenomenon of security only within the framework of justifying the reasons for uniting the population within the framework of state formations, however, under the influence of Christian ideology, security began to be understood as a person's inner experience of his spiritual state. At the same time, as the article demonstrates, the actualization of the concept of unity, which took place within the framework of the national states of the modern era, led to the development of concepts of national security, the expansion of ideas about which served as the beginning of the formation of a wide range of ideas about economic, cultural, legal and personal security. Security began to be understood as a system of measures, representing a complex structure, within which the understanding of protection and preservation, the state and the local group, material goods and spiritual interests, real and imaginary danger began to be divided.

Keywords: Security philosophy, security concepts, state security, national security, economic security, cultural security, legal security.

References

1. Bacon F. Works. Moscow: Mysl', 1971. T. 2. S. 548-549.
2. Hegel G.V.F. Political works. M.: Nauka, 1978. 439 p. P. 241.
3. Dugi L. General transformations of civil law since the time of the Code of Napoleon. M.: State. publishing house, 1919. 110 p.
4. Zhukov AV Religiousness, subjectivism and construction of the concepts of a religious personality // Bulletin of the Chita State University. 2010. No. 2 (59). S. 129-136.
5. Zhukov AV Traditional folk religiosity and the problem of "dual faith" // Bulletin of the Chita State University. 2011. No. 2 (69). S. 10-15.
6. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Causes and factors of the emergence and spread of mythological images of China among the population of Transbaikalia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 3-1 (41). S. 54-58.
7. Zhukov A. V., Zhukova A. A., Vlasova K. E. Revival of national culture and migration processes among the Germans in the Trans-Baikal Territory // News of the State University. 2015. Vol. 11. P. 87-96.
8. Kant I. Towards the eternal peace // Works. in 6 volumes. 6. M.: Mysl, 1963-1966. S. 266. 564 p.
9. Clausewitz K. About the war. M.: Eksmo, 2007. S. 121. 861 p.
10. Laertsky D. About life, teachings and sayings of famous philosophers. M.: Mysl, 1986. S. 408-411.
11. Machiavelli N. Sovereign. M.: Fiction. 1982. 68 s.
12. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 // Marx K. Engels F. Soch. M.: Ed. Polit. Lit., 1974. T. 42. S. 41-174.
13. Motroshilova N.V. The concept of "eternal peace" and the union of states by I. Kant: actual significance // Immanuel Kant: heritage and project. M., 2007. S. 406-427.
14. Plato. State. Collected works: in 3 volumes. M.: Mysl, 1971. T. 1. S. 548-549.
15. Russell B. Wisdom of the West: East. issued. app. philosophy in relation to societies. and polit. circumstances. Moscow: Republic, 1998. 476 p.
16. Romanova A. P. Marmilova V. O. Cultural security as the most important factor of national security // Man. Community. Control. 2008. No. 2. S. 84-94.
17. Seneca Lucius Anney. On Benefits // Roman Stoics: Seneca. Epictetus. Marcus Aurelius. M.: Republic, 1995. S. 87
18. Spinoza B. Theological and political treatise // Selected works. M.: Publishing house = in polit. literature, 1957. 249 p.
19. Albro R. Risk Assessment in Encounters between Culture and Security [Electronic resource]. Access mode: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture->

- and security, free (Date accessed: 23.08.2020)
20. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.239 p.
 21. Hartmann N. German Philosophy in the Last Ten Years // Mind. 1949. T. 58. S. 413-433.
 22. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. Reprint 1980. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1980. S. 274-275.
 23. Renan E. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Paris: Paris Calmann Lévy, 1883.335 p.
 24. Robert d'A. Initiation biblique: introduction à l'étude des Saintes Écritures.Paris: Société de Saint Jean L'Évangéliste, Desclée & cie. 1939. 834 p.
 25. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on The Construction of German Identity in Russian Poliethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016.Vol. 9, No. 42, p. 104239.
 26. Zhukov A.V., Zhukova A.A. Methodological features of study and development of "ethnic culture" images in China // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016.Vol. 11.No. 5.P. 1321-1330.
 27. Ziętek A. W. Cultural security. Lublin, Europe Publisher of the Maria Curie-Skłodowska University Lublin, 2013.323 p.

Архетип женственности и целомудрия

Мочалов Евгений Владимирович
докт. филос. наук, профессор, завкафедрой философии, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет»,
mochalov_ev@mail.ru

Емелькина Ирина Владимировна
докт. филос. наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет»,
zagirina71@yandex.ru

Фурманова Валентина Павловна
докт. пед. наук, профессор кафедры немецкой филологии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет», vpfurman@mail.ru

Актуальность статьи определяется необходимостью изучения женского антропологического типа и его оснований в связи активным обсуждением темы женственности, которая является одной из духовных проблем нашего времени. Современная эмансипация ведет к серьезным переменам, поэтому архетип женственности требует изучения аспектов, уже долгое время существующих в христианстве. Авторы пытаются осмыслить предназначение, роль и место женщины в историческом, онтологическом и эсхатологическом контексте.

В любой женщине проявляется личность как духовная категория, которая стремится к само совершенствованию и самоочищению путем свободной и созидательной любви, позволяющей возвыситься над обыденной жизнью и раскрыть основу личности – самое глубокое «я».

Это попытка взглянуть на женственность не с точки зрения обязанностей женщины, её общественной пользы, а проникнуть в скрытые глубины, тайну женственности, способствующую осуществлению и целомудренному устройению внутреннего порядка женщины. Ответить на вопрос: как избежать бегства женщины от всякого рода женственности и её разрушения социальной средой.

Ключевые слова: архетип, метафизическое основание, женственность, духовное, целомудрие, харизма, аскетизм, образ, любовь, свобода, тайна женственности.

Сегодня женственность – одна из актуальнейших тем, поскольку современный мир, превознося мужское начало, восхваляет эмансипированность женщины – амазонки. Этим объясняется то, что не только общество становится «безбожным», но и состояние «современной души» женщины демонстрирует поглощенность ложными мифами, опасными заблуждениями, незнанием значения любви. Женщина в таком обществе оказывается лишенной женственности и своего основного предназначения – «охранять», «охранять» и нести мир... В результате она (женщина) находится в глубоком разладе с самой собой, стоит на распутье между феминизацией и мускулинизацией.

Дополнительным фактором, негативно воздействующим на женский антропологический тип является господство «культуры опошления», что также требует возвращения к архетипической структуре женственности, явленной в Пресвятой Богородице.

Женское начало русских православных женщин – скромность и чистота – это те качества, которые процветали в прежние времена среди христианок. Существует мнение, что оно вдохновлено иконами Божией Матери «Умиление».

Икона «Умиление» - это одна-единственная икона, находившаяся в келии Серафима Саровского. Он наряду с исповеданием Иисуса Христа, требовал особого исповедания Божией Матери [1, с. 290]. И не просто так знаменательные слова Пречистой Девы - «Этот нашего рода» -, символизирующие собой особый род устройства и предрасположенности к девственности души, распространялись на святых, старцев, преподобных, относящихся к особому роду Божией Матери, отличавшихся софийностью души, изливающейся из Источника Чистоты – Столпа Девства - Пресвятой Богородицы. Род, в котором

остается нечто от "перво-зданной красоты" - осколки раздробившегося перво-зданного мира, менее других тварей искажившие свой образ..., и первая среди них – Носительница и Средоточие райской чистоты – Приснодева Богородица» [1, с.291].

Лик Девы Марии на любой из икон задумчив, взгляд обращен вниз – Духоносная и Благодатная личность. Гармоничное совмещение этих двух составляющих в образе Богородицы, у которой была и внешняя и внутренняя красота, источавшая духовную мягкость, светившаяся благодатью, каждому из нас известна.

Если женщина упорядочена внутренне, чистота её прекрасной души красит и её внешний вид. Опыт мудрых людей свидетельствует о том, что матери, жившие до брака в целомудрии, умиротворены, несмотря на то, что обременены множеством хлопот. Что также говорит о взаимозависимости внешнего и внутреннего начал в человеке.

Задумчивый взгляд, тихая грусть в образе, улыбка утешения. Всё в ней символизирует победу над горечью боли и отчаянием. Красоту её лика можно сопоставить лишь с Софией, как красотой, наделенной святостью, чистотой и непорочностью. Вся она - возвышенное, чистое и святое материнство, утверждающая высоту духовного мира и красоту души, глубину внутреннего мира. Её Благодатный образ придает нам в жизни стоическое, бесспорное, целомудренное восприятие духовной личности, а тип становится той точкой отсчета, тем переживанием, с которым соотносится каждое впечатление. «Святость – это христианское религиозно-философское понятие, обозначающее явление в людях и предметах земной жизни Святого Духа. В идее святости выражен христианский идеал человеческого существования на земле» [2, с. 5]. Он способствует осознанию красоты духовного мира.

Созерцание этого образа преображает: посредством чувственных знаков он возводит к Прототипу, к тому, что

представляет икона как «точка энергетического излучения», а благодать, почивающая на иконе, освящает изображение. Под воздействием чувственного зрения возникает духовное впечатление, производящее внутреннее движение, побуждающее к созерцанию Божественного.

Архетип Богородицы - ведущий образ для женского начала, образ-путеводитель, вечно присутствующий через его воплощение, отпечаток, возможно, и бессознательный, в душе отдельных женщин. О бессознательности свидетельствует то, что даже маловерующие в минуты своих трудностей и горестей обращаются со словами молитвы или просьбами о духовной поддержке к Богородице, созерцанию её образа. Пресвятая Дева выявляет мысли о женском, их нормативные истины. Каждая, кто смотрит на неё, судит саму себя.

Богородица особая. П. Флоренский о ней говорит: «Она носительница чистоты, Явление Духа Святого, Начало духовной твари... Она сердце Иисусово», «носительница Софии» [1, с. 291], архетип онтологического целомудрия: Церковь именует Пресвятую Деву «очищением всего мира», «неопалимой купиной».

Пречистая Дева Мария – Мать Божия, Мать всех христиан, милостивая и любвеобильная Ходатаица и Заступница, утешающая скорбящих, исцеляющая недужных, укрепляющая малодушных. От мала до велика, живущих на земле имеют мать в лице Царицы Небесной: дорогую, святую, крепко любящую и нежно заботливую, трогательно пекущуюся о каждом с колыбели и до последнего дня жизни. Ее милость распространяется не только на людей безупречной жизни, но и на тех, кто погряз в своих грехах, на людей с нечистой совестью, беззаконных. Неспроста Церковь в своих молитвах и песнопениях обращается к Богоматери, уповая на Ее неизреченное милосердие и чело-веколюбие, давая этим самым пример нам, чтобы мы в своих скорбях, нуждах

всегда прибегали под покров всемошной и милосердной своей Небесной Матери и получали помощь.

Только чистые душой близки к Божественной святине, Богоматерь особенно благоволит к чистым душам. Господь еще через пророка Исаию говорил: Измойтесь, и чисти будите, отымите лукавства от душ ваших (Ис. 1, 16). Господь через Пророка повелевает каждому измывать скверны своего сердца и приобретать чистоту души (явление Божией Матери было не кому иному, а только невинной и чистой по душе девятилетней отроковице).

Сама Дева Мария с рождения отличалась беспримерным благочестием, целомудрием тела и духа, величайшей во всем скромностью: в одеянии, в обращении, во взорах, в речах. Благопристойно одевалась, украшая себя добрыми делами.

Была непохожа на других необыкновенным смирением: везде старалась быть последней, не требовала к Себе знаков почитания и похвал, жила в безвестности, снискивая Себе пропитание трудами рук Своих, выделялась и совершенной преданностью воле Отца Небесного. С великодушием принимая все, что воле Божией угодно было послать Ей в Ее жизни, с безропотной покорностью переносила все скорби и несчастья; мужественно, твердо выдержала ниспосланное Ей испытание.

«Харизма чистоты», материнское целомудрие противостоят поражениям и извращениям человеческой онтологии. Материнское целомудрие Пресвятой Девы выражает Божественное Человеколюбие. В предании образ девственности и онтологической чистоты сопоставляется с Пресвятой Девой. Пресвятая Дева на иконе Вознесения показывается как «сердце земной Церкви», как «чистота и Дух святости», «интуиция красоты», имманентно свойственные женскому началу, которые могут быть выражены через «чистую Благодать женской природы».

Богородица для каждой женщины – образ (архетип). В этом образе женщина видит себя, судит и творит саму себя в соответствии с ней, как основанием, отражающим, словно в чистом зеркале, образ женщины в его первородной красоте и неповрежденной целостности. Она позволяет увидеть потенциальную святость, возможную полноту нашей собственной личности. Каждой из нас она являет себя в единстве глубинной внутренней и внешней красоты. Она – воплощение идеала в устройении души и сердца женщины.

Поэтому по мере возрастания физического, духовного, перед любой из женщин стоит задача – настроить свою природу согласно первоначальной Божественной идее, – работать в направлении отказа от эгоизма, эгоцентризма, от страстного стремления к тому, что стало собственностью ее индивидуальности. Это то, что позволяет поддерживать единство и цельность женщины – духовной личности. Найти саму себя и опору для того, чтобы образовать себя как любящее существо через отношения, которые создаются посредством творческого акта любви. Принести радость окружающим нас, дарить атмосферу любви, способствуя тем самым развитию их духовной жизни.

Самоутверждение явилось коренным злом женской природы, а потребность поставить себя над близкими и ближними, стала возрастать и приобретать нетерпимые формы. В связи с этим усугубилась самозамкнутость индивидуумов, стали искажаться дары, данные женщине от природы, которые использовались во вред себе. Результатом стали – незрелость самосознания, проявляющаяся в виде гордыни, стремления к самовозрастанию, нежелания создавать семью, грубости, жесткости, авторитарности, агрессии. Следствие всего этого – современный мир, в котором преобладают разьединенность, противоположение, напряженность в отношениях, как между отдельными людьми, так и социальными группами и народами, так и женщиной и мужчиной.

Для того, чтобы в любой женщине, как в духовной личности, было все на своем месте, было благообразным, способствовало восстановлению того естества, которое прирождено нам от сотворения; любой из представительниц женского пола необходимо приближать себя к образу Богородицы. Образ Богородицы содействует не только восстановлению сил её души, самоустроению и блюдению себя, но и вхождению в то «царство небесное», которое внутри нас есть.

Это образ, благодаря которому спасется святая сущность человека через уподобление. Это не модель, а образ, направляющий к той реальной жизни, которая позволяет через это основание приобрести не только своеобразие, «самость», свободу, но и «надстроить» себя над этим основанием. Женщина, в зависимости от произволения и своих усилий, может раскрыть в себе её черты и образ Божий и уподобиться ей, совершенствуясь в добродетели. Созерцая в себе образ Божий и, стремясь к воспроизведению образа Богородицы, женщина может приобрести правильное представление о женственности. Это требует действий и волевых усилий со стороны женщины.

Особое значение здесь приобретает аскетизм как планомерное и сознательное укрепление в христианской добродетели с целью достижения религиозно-нравственного совершенствования. Идеальный облик и идеальная личность как образ Божий и проблеск вечного достоинства личности открывается в преображенной личности. Через самоуглубление достигается коренная добродетель – «цельность души», «целомудрие», «простота», позволяющая быть кроткой, незлобивой, чистой. В результате каждая из нас есть «подобие Её Образа» и потенциальный «отпечаток Премудрости», усматривая которую в себе, мы постигаем себя, изменяем себя и взираем, в соответствии с ней, на других.

Подобное видение других – это такое состояние существа, когда мы «постигаем другого» через свое существо, «прозреваем его глубины» и обнаруживаем ту его красоту, которая открывается нам благодаря чувству чистой любви, свету, показывающему нам другого человека. Воспринимаем в нем только прекрасное и удивительное, которое и делает его изумительным и неповторимым: красоту видит любящий.

Способности человеческого духа – разум, свобода, творчество – отражают образ и подобие Божие как целостность человека, как объективное основание, взывающее к подобию субъективному, личному. Сотворенность по образу ведет к существованию по образу. Не случайно отцы восточной церкви утверждали, что духовный человек – это сотворенный по образу Божьему человек, для которого естественна сверхъестественность. В тайне женщины также усматривается отпечаток Несказанного, носящего образ Божий. Поэтому женщина через создание своего существа, построение себя в земной жизни осуществляет своё особое отношение к людям, себе самой. Завершающим акцентом в творении её личности будет дар Благодати, благодаря которому она обретёт своё «я» в процессе самоперерастания, направленности к Божественному.

Недаром слово «потерянность» характеризует ту степень нравственного падения женщин, которая символизирует потерянность для человека самого себя, своей души и себя для других. Главной причиной подобного состояния является «не-познанность» и «не-устроенность» личности. Познавая себя, мы открываем самое наше глубокое «я» – основу личности и единственности – дар.

Частью природы женщины в нашем представлении всегда были: дар сочувствия, деликатности, великодушия, добросердечности, терпения, смирения, мудрости, доверия, преданности, послушания. Эти качества – основа женского

естества. В таком облике женщина становилась похожей на посланца Христа, реализующего миссию облегчения человеческих страданий и горестей.

Образ Богородицы постулирует восстановление первоначальной женственности как состояния целостности. Он символизирует собой процесс перехода ограниченного «я» в полное «я». Женщина в жизни достигает того, чем она является по своей сути (образа, архетипа) через проникновение к центру человеческой целостности – личному подсознательному, подавление в себе архаичного животного и устремленность к духовному. В процессе самоуглубления и «преображения» открывается её идеальный облик, идеальное выражение женственности в её первоначальном состоянии.

Это представление о так называемом узком и прямом пути в жизни (Мф 7:14, ср. Деян 2:8; 2 Петр 2:15), «пути мира» (Лк: 1:19), «пути Истины» (2 Петр. 2:2)... Это такой внутренний мир и духовная жизнь, которые символизируют собой духовную устроенность человека, его ориентированность на те нормы бытия, которые даны ему Истиной. Это состояние отличает личность крепостью духовной, простотой, цельностью, органическим единством, непосредственностью, открытостью. Среди которых первостепенные – простота, цельность и целомудрие.

Аскетика, обосновывая духовную жизнь, использует образ семи женщин – Веры, Воздержания, Простоты, Невинности, Скромности, Знания, Любви, поддерживающих башню, каждая последующая из которых является дочерью предыдущей.

Не случайно русские богословы XIX – XX вв. развивали тему личности в новом виде, рассуждая не о свойствах «природы» человека, а об образе личностного Бога. Т. Шпидлик отмечает, что «... заслуга русского богословия и философии XIX – XX вв. состоит в том, что они сумели осуществить такой подход, не впадая при этом в индивидуализм

и не сливаясь с мистическими и тоталитарными течениями [3, с. 9]. Нельзя не согласиться с его утверждением о том, что Христианство «...религия человеческой личности, религия персоналистическая и антропологическая. В ней человек впервые находит самого себя, находит приют и опору для того, что образует его несказанное существо...» [3, с.10].

Первенство в раскрытии своей природы принадлежит личности и связывает её с тайной Святой Троицы: Отец, Сын, Святой Дух осуществляют своё абсолютное единство в одной природе и образуют её.

Совершая творческие самобытные акты, возрастая, личность достигает единения. Превосходит саму себя, становится тем, что она есть - духовной категорией, связанной с Богом, отвечает на «призыв», обращенный к нам.

Любовь, свобода реализуются в процессе становления личности, в созидующих человеческих отношениях, универсализирующих её. Свобода - неотъемлемый элемент отношений, она созидает и преобразует их. Надо уметь всецело отдать себя любви, стать настоящему свободным, уподобиться Христу, стать «обоженным», постоянно совершенствоваться. Нравственный порядок предполагает постоянное обновление и творчество, способность раскрыть в себе божественный замысел, достичь религиозной полноты и всецелости. В этом выражается осуществление тайны соединения божественного и человеческого. Человек, совершенствуя себя в нравственном смысле, трансформирует общество и существование в целом.

Женщина, силой собственного участия раскрывает не только себя; своей любовью в действии она реализует все виды женственности, которые утаны в недрах её души. Любовь женщины есть загадка, также как и женщина есть тайна. Она не перестает удивлять всех вокруг свойствами своей души – оберегать, защищать, отдавать..., «рождать Бога в опустошенных душах», поскольку

каждая из представительниц женского пола в первую очередь мать и все виды женственности охвачены архетипом "Магна матер"» (лат.) [4, с.49]. Она, как и мужчина, создана по образу Божьему, но обладает материнским инстинктом. В контексте богословского содержания материнство Пресвятой Девы воспринимается как «образ Божественного Отцовства» и трактуется как «религиозная категория человеческой жизни» [4, с. 50].

Способность к любви Богом вложена в любого человека: ещё не научившись говорить, каждый из нас уже способен любить. Любовь связывает мужчину и женщину, детей и родителей, всех нас со Христом, а через него со всем «коллективно-бессознательным, универсальным опытом Церкви. Она не только способность, вложенная в каждого из нас, но и главная движущая сила, «идентификация».

Женщине (женской части души) свойственна специфическая чувствительность к чистой духовности в силу большей склонности к эмоциональному. В проявлении любви она является источником любви. Любовь оживляет женщину, выводит её из состояния потенциальности, наполняет дарами, Светом абсолютного ведения. Поэтому женщина в нашем представлении – воплощенная любовь, которая не покидает её даже в минуты отдыха и покоя, проявляется ко всем и в особенности к несчастным.

Именно она позволяет «носить немощи» слабым, «душу свою положить за други своя», «быть всем вся», а не себе угождать, заботиться о собственных нуждах и удобствах. Это не обычное состояние христианского делания, а возможный результат длительной и кропотливой работы женщины над своим внутренним миром, над победой своих эгоистических наклонностей в устремленности к возвышению истинного человека и служению другому. Оно обусловлено внутренней жизнью души, которая не может замыкаться сама в себе: творит

внешнюю атмосферу, порождает чувства и отношения само из себя и вокруг себя.

Основным свойством любви является активность. Про женщину можно сказать, что женственна та, у которой сердце милосердно. Сердце которой расширено, вмещает и воспламеняется любовью всех живых существ. Дума её очищена, потому что другого видит чистым и совершенным.

Милосердие и любовь – это её сильная сторона. Сторона, которую человеку показал первым Бог (Бог человеколюбец). Любовь, которая превосходит нас, изменяет и потрясает. Любовь, которая переходит эмпирические рамки, становится общением в духовном, мета-антропологическом плане. В этой преисполненности любовью вся тайна женственности и вся сила её. Евдокимов, цитирует Ницше, обращаясь к женщинам: «Ваша честь заключается в вашей любви: всегда любить горячее, чем вас любят, быть всегда первыми в любви...»[4, с.110].

Следовательно, образ Богородицы, открывает нам позитивную ценность целомудрия и женственности.

Внешний образ и описания свидетельствуют о наделённости её целомудренной духовной структурой, следовательно, стремление соответствовать её образу способствует внутреннему и внешнему преображению.

Образ Благодатный придает нам в жизни стоическое, бесспорное, целомудренное восприятие духовной личности, а её тип становится точкой отсчета.

Богородица для каждой женщины – образ (Архетип женственности). В этом образе женщина видит себя, творит, оценивает саму себя в соответствии с ней, как основанием. Она - воплощение идеала устройства души и сердца женщины. Стремясь к воспроизведению образа Богородицы, женщина может приобрести правильное представление о женственности, о значении любви, сути супружеского единства. Каждая женщина через уподобление «Её Образу»

становится «отпечатком Премудрости». Также как каждый верующий христианин является «носителем Христа», женщина несет в себе образ Богородицы. Её свобода и образ действий в образе действий Богородицы обретают возможность развернуться в своей полноте. Богородица способна восстановить целостность женского естества через образ (Архетип) подлинно женского существа.

Она своим образом способствует восстановлению первозданной природы женщины, её целостности. Образ Богородицы постулирует восстановление первоначальной женственности как состояния целостности. В процессе самоуглубления и «преображения» открывается её идеальный облик, выражение женственности в её первородном состоянии. Женщина через её образ преодолевает в себе «дурную женственность». Благодаря образу Богородицы образ жизни женщины приобретает свою меру, мерило, канон женственного существования.

Женщина, силой собственного участия, своей любовью в действии раскрывает не только себя, но и рядом находящихся с ней; в том числе все виды женственности. Для этого ей необходимо осуществить полный переворот в своём устремлении, метаморфозу второго рождения в женственности в современном мире.

Литература

1. Флоренский П. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2005- 633 с.
2. Перевезенцев С.В. Святорусское царство. История русской святости. – М.: Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел», 2018. - 360 с.
3. Шпидлик Т. Русская идея: новое видение человека. [Электронный ресурс] // Послание Президента России Федеральному Собранию – Режим доступаURL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/

497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения: 23.09.2019 г.).

4. Евдокимов П. Таинство любви. Тайна супружества в свете православного Предания. – М.: Лепта, 2008. – 336 с.

The archetype of femininity and chastity

Mochalov E.V., Emelkina I.V., Furmanova V.P.

Mordovian state University

The relevance of the article is determined by the need to study the female anthropological type and its foundations in connection with an active discussion of the topic of femininity, which is one of the spiritual problems of our time. Modern emancipation leads to serious changes, so the archetype of femininity requires the study of aspects that have long existed in Christianity. The authors try to understand the purpose, role and place of women in the historical, ontological and eschatological context.

In any woman, the personality manifests itself as a spiritual category that strives for self-improvement and self-purification through free and creative love, which allows you to rise above everyday life and reveal the basis of the personality – the deepest self.

This is an attempt to look at femininity not from the perspective of a woman's duties, its public use, and to penetrate into hidden depths, the mystery of womanhood, to promote and chaste arrangement of the internal structure of women. Answer the question: how to avoid the flight of women from all kinds of femininity and its destruction by the social environment.

Keywords: archetype, metaphysical Foundation, femininity, spiritual, chastity, charisma, asceticism, image, love, freedom, mystery of femininity.

References:

- 1.P. Florensky, the Pillar and ground of the truth: experience of Orthodox theodicy. - Moscow: AST, 2005-633 p.
- 2.Perevezentsev S. V. the Holy Russian Kingdom. History of Russian Holiness. - Moscow: Society for the development of Russian historical education "Double-headed eagle", 2018.- 360 p.
- 3.Spidlik So the Russian idea: a new vision of man. [Electronic resource] // Message of the President of Russia to the Federal Assembly-access mode URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed 23.09.2019).
4. Evdokimov, P. the Sacrament of love. The mystery of marriage in the light of Orthodox Tradition. - Moscow: Lepta, 2008. – 336 PP.

Конструктивистская интерпретация как теоретическая установка концепции инклюзии

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)", omuzika@gmail.com

Показывается, что в конструктивизме социальная реальность воссоздается именно социально, но истолковывается и интерпретируется исключительно индивидуально в русле индивидуального бытия человека. В этом конструктивная философия достаточно близка экзистенциализму. То есть, социальная реальность не существует отдельно от субъективной когнитивности и индивидуальной перцептивности. Поэтому знания о реальности формируются через теоретические конструкты, а не посредством обращения к фактам, явлениям, процессам действительности. Постулируется, что социальное пространство конструируется целерационально как синтез интерпретационных возможностей активного познающего субъекта и особенностей трансформирующегося общества. Субъект «входит» в социальную реальность, для которой характерна наполненность различными значениями и смыслами как продуктами целерациональной инновационной деятельности социальных субъектов, конструирующих и интерпретирующих собственное индивидуальное бытие. интерпретация является ключевым понятием в конструктивной философии. Рассматривается концепция интерпретации, основывающейся на отдельных системах теоретических конструктов, выступающих в качестве смыслообразующих единиц научного дискурса.

Ключевые слова: конструктивная философия, философия инклюзии, индивидуальное бытие, целерациональная деятельность, интерпретативные модели, «включающее» общество, ментальные образы, особые потребности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта "Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей", № 19-013-00117/20

В современной философской литературе ведется активный поиск адекватных теоретических оснований для формирования корректной теории инклюзии. Ключевой проблемой является построение интегральной концепции «включающего общества», в рамках которого реализуется системный анализ существования и функционирования специальных и локальных социальных групп. В этом направлении значимым является привлечение в научный дискурс основных идей и понятийного аппарата конструктивной философии. Особый исследовательский интерес в контексте конструктивизма связан с обращением к субъектам с ОП (особыми потребностями).

Конструктивизм постулирует, что социальная реальность воссоздается именно социально, но истолковывается и интерпретируется исключительно индивидуально в русле индивидуального бытия человека. В этом конструктивная философия достаточно близка экзистенциализму. То есть, социальная реальность не существует отдельно от субъективной когнитивности и индивидуальной перцептивности. Поэтому знания о реальности формируются через теоретические конструкты, а не посредством обращения к фактам, явлениям, процессам действительности. Отметим, что каждый субъект осуществляет целерациональную деятельность, руководствуясь интерпретацией теоретических конструкций. В этой связи познающий и рефлекслирующий субъект в рамках конструктивистской позиции – это приоритетно интерпретирующий субъект.

Социальное пространство конструируется целерационально и как синтез интерпретационных возможностей ак-

тивного познающего субъекта и особенностей трансформирующегося общества. Субъект «входит» в социальную реальность, для которой характерна наполненность различными значениями и смыслами как продуктами целерациональной инновационной деятельности социальных субъектов, конструирующих и интерпретирующих собственное индивидуальное бытие. Заметим, что социализация человека предполагает внесение в его жизнедеятельность общих универсальных концептов и смыслов, инициирующих процесс индивидуальной проективно-интерпретационной целерациональной деятельности субъекта, адаптированной к реалиям трансформирующегося общества. Что касается субъектов с ОП, то они в рамках такого процесса, во-первых находятся в границах перехода к «принимающему» обществу (как первого этапа общества «включающего»), во-вторых, интерпретируют и распрямечивают универсальные смыслы и ценности относительно специфики той социальной группы, в которой осуществляется их жизнедеятельность.

Постулируем, что интерпретация является ключевым понятием в конструктивной философии. При этом общее представление об интерпретации основывается на отдельных системах теоретических конструктов, выступающих в качестве смыслообразующих единиц научного дискурса. Подобной универсальной единицей в конструктивизме выступает интерпретативная модель, посредством которой происходит истолкование осмысления и понимания ментальных образов индивидуального человеческого опыта. Такие модели упорядочивают систему концептов понятий и категорий конструктивной философии.

Конструктивизм показывает, что социализация приоритетно происходит в процессе взаимодействия различных индивидов. Именно в таком процессе индивиды реализуют свои возможности и способности направленные на интер-

претационную деятельность. Для субъектов с ОП важно понять основные схемы взаимодействия в специальных социальных группах. Они будут отличаться от тех, с которыми они сталкивались в обычном открытом обществе. Акцент делается на осмыслении субъектов с ОП особенностей своего индивидуального бытия в русле специфики «включающего» общества. Индивидуальное бытие инициирует сугубо уникальные значения и смыслы, которые субъект с ОП придает не только собственным действиям внутри социальной группы, но и всему комплексу взаимодействий других субъектов. Как результат, субъекты с ОП вырабатывают собственные интерпретативные модели, приобщающие их к универсальным смыслам и ценностям социальной реальности.

Интерпретативные модели непосредственно определяют целерациональную деятельность и комплекс действий познающего субъекта. Такие модели формируют комплексы знаний и мнений, определяющих направленность действий человека. Использование интерпретативных моделей позволяет адекватно осмысливать и понимать события и ситуации в социальных группах (в специальных социальных группах субъектов с ОП), что создает широкие возможности в конструировании познавательного поля альтернативных вариантов реализации целерациональных действий познающего субъекта. Этот субъект с учетом собственных индивидуальных предпочтений выбирает из имеющихся альтернатив наиболее эффективный вид или комплекс действий, что нередко называют стратегией индивидуальной жизнедеятельности. Так как теоретические конструкты и интенции обычно направлены к сценариям будущего развития социума, то определение стратегии целерациональной деятельности связаны с социально-проективными представлениями субъекта относительно ближайшего будущего, что основывается на его собственном опыте и его осмыслении и

реконструкции с помощью интерпретативных моделей. Полученный опыт правомерно рассматривать как результат деятельности, как продукт индивидуальных действий субъекта. Именно в опыте проверяется корреляция теоретических конструкций с социальными прогнозами, касающимися социальной реальности. Как следствие, социальный субъект способен провести реконструкцию или модификацию интерпретативной модели в случаях, когда конечный результат его по каким-либо параметрам не устраивает.

Конструктивная философия особое внимание уделяет теоретическим аспектам социальной координации. Социальная координация представляет собой процесс, в рамках которого деятельностные субъекты осуществляют координацию своих локальных действий и взаимодействий путем использования и применения универсальных моделей интерпретации собственных действий и их организации. Координация весьма значима для субъектов с ОП в переходе их из «принимающего» общества в общество «включающее». Субъекты с ОП осуществляют корреляцию индивидуальных особенностей с набором стереотипов специальной социальной группы. Интерпретации таких особенностей позволяет предполагать их дальнейшую трансляцию в систему «включающего» общества. Действия субъектов с ОП направлены на наиболее «комфортное» вхождение в специальную социальную группу, они координированы с действиями других субъектов с ОП в процессе совместной жизнедеятельности. Социальная координация дает возможность субъектам с ОП приобщиться к ценностным стереотипам мира повседневности закрытого социума.

Обратим внимание на то, что механизмы социальной координации предполагают использование универсальных и локальных интерпретативных моделей. Универсальные модели касаются универсальных координаций индивидов в социальных группах с учетом

специфики их коммуникации. Локальные интерпретативные модели определяют социальную координацию относительно конкретных действий субъекта в контексте динамики различных уровней реальности. Подобные модели иногда называют организующе-интерпретативными, учитывая, что они регулируют социальную организацию локальных действий в жизнедеятельности социальной группы или общества в целом. Локальные интерпретативные модели характерны для подсознательного уровня субъективности индивида, они обеспечивают эффективность и соотнесенность действий различных субъектов.

Механизмы социальной координации достаточно сложны и многоплановы, во многом это связано с индивидуальными особенностями субъектов, разным интеллектуальным уровням. Поэтому восприятие интерпретативных моделей неодинаково. Более того, в подобном случае справедливо отметить, что нецелесообразно искать универсально-идентичные интерпретативные модели, характерные для всех индивидов социальной группы. В действительности в любом обществе люди, так или иначе, договариваются о координации своих действий, поэтому социальная координация приобретает оттенок социальной конвенциональности.

Литература

1. Музыка О.А. Социальная синергетика: методология, семантика, аксиология. Учебное пособие / О.А. Музыка. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮФУ 2010. 288 с.
2. Музыка О.А. Методологические аспекты исследования нелинейного процесса развития общества в "бифуркационном поле". Философия права. 2010. № 6 (43). С. 21-25.
3. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергетический подход). Власть. 2009. № 10. С. 79-82.
4. Музыка О.А. Линейная (классическая) и нелинейная (постнеклассическая) концепции социально-исторического

процесса: сравнительный анализ. Фундаментальные исследования. 2012. № 11-1. С. 192-196.

5. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе. Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.

6. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты. Международный журнал экспериментального образования- 2014. № 8-2. С. 42-46.

7. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации. Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-2. С. 36-39.

8. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта. Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-2. С. 40-43.

9. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития. Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

10. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека. Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

11. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-2. С. 315-318.

12. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

13. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в контексте динамических категорий. Философия права- 2015- № 1 (68)- С. 25-29.

14. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового со-

знания социального субъекта. Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 5730-5733.

15. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве. Фундаментальные исследования. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.

16. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке. Философия права- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.

17. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества. Социально-гуманитарный вестник Юга России- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45.

18. Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение. Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.

Constructivist interpretation as a theoretical setting of the concept of inclusion

Musika O.A.

Rostov State University of Economics

It is shown that in constructivism, social reality is recreated precisely socially, but is interpreted and interpreted exclusively individually in line with the individual being of a person. In this respect, constructive philosophy is quite close to existentialism. In other words, social reality does not exist separately from subjective cognition and individual perceptivity. Therefore, knowledge about reality is formed through theoretical constructs, and not by referring to facts, phenomena, and processes of reality. It is postulated that social space is constructed purposefully as a synthesis of interpretive capabilities of an active cognizing subject and features of a transforming society. The subject "enters" the social reality, which is characterized by the fullness of various meanings and meanings as products of purposeful innovative activity of social subjects, who construct and interpret their own individual

being. interpretation is a key concept in constructive philosophy. The article considers the concept of interpretation based on separate systems of theoretical constructs that act as semantic units of scientific discourse. Such a universal unit in constructivism is the interpretative model, through which the interpretation of understanding and understanding of mental images of individual human experience occurs. Such models organize the system of concepts of concepts and categories of constructive philosophy. The use of interpretive models to adequately interpret and understand events and situations in social groups (social groups of subjects with OP) that creates opportunities in the design field informative alternative embodiments of celebratory of action of the knowing subject.

Key words: constructive philosophy, philosophy of inclusion, individual being, goal-oriented activity, interpretive models, "inclusive " society, mental images, special needs.

References

1. Music O.A. Social synergetics: methodology, semantics, axiology. Textbook / O.A. Music. Rostov-on-Don. SFedU Publishing House 2010. 288 p.
2. Music O.A. Methodological aspects of the study of the nonlinear process of society development in the "bifurcation field". Philosophy of Law. 2010. No. 6 (43). S. 21-25.
3. Music O.A. Man and society during the crisis (synergistic approach). Power. 2009. No. 10. S. 79-82.
4. Music by O.A. Linear (classical) and nonlinear (post-non-classical) concepts of the socio-historical process: a comparative analysis. Basic research. 2012. No. 11-1. S. 192-196.
5. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse. Scientific thought of the Caucasus. 2006. No. 1. P. 24.
6. Popov V.V., Loitarenko M.V., Taranova V.A. Social contradictions and transition periods: philosophical and methodological aspects. International Journal of Experimental Education - 2014. № 8-2. S. 42-46.
7. Popov V.V., Music by O.A. Specificity of the interval concept of time: the experience of conceptualization. International Journal of Experimental Education. 2015. No. 3-2. S. 36-39.
8. Popov V.V., Music by O.A. The factor of temporality in the context of being a social subject. International Journal of Experimental Education. 2015. No. 3-2. S. 40-43.
9. Popov V.V., Music O.A., Maximov S.I. Alternative studies in the context of social development. Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 373-375.
10. Popov V.V., Music O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality. Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 419-421.
11. Popov V.V., Music O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations. International Journal of Applied and Basic Research. 2017. No. 3-2. S. 315-318.
12. Popov V.V., Music O.A., Timofeenko V.A. Social contradiction in the context of nonlinear processes. International Journal of Applied and Basic Research. 2017. No. 1-2. S. 361-364.
13. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the context of dynamic categories. Philosophy of Law - 2015- № 1 (68) - pp. 25-29.
14. Popov V.V., Agafonova T.P. Specificity of the temporality of the legal consciousness of a social subject. Basic research. 2015. No. 2. S. 5730-5733.
15. Popov V.V., Timofeenko V.A. Methodological features of the transit period in a catching up state. Basic research. 2015. No. 2-25. S. 5743-5747.
16. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science. Philosophy of Law - 2012- № 5 (54) - S. 86-90.
17. Popov V.V., Chalenko M.V. The specifics of the transitional states of modern Russian society. Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia - 2011- № 7-8 (15-16) - pp. 39-45.
18. Modern entrepreneurship: socio-economic dimension. Emelyanov S.G., Golik N.I., Novikova I.V., Chirkova M.B., Fedosov P.E., Zolotarev V.N., Popov V.V., Ovchinnikova T.I., Kloizner V.D., Devyatkin G.T., Vavulin D.A., Timoshenko O.A., Varlamova T.P., Lakhnova T.V., Mogilevskaya G.I., Lavrentyeva I.V., Velikaya E.G., Litvinova A.V., Semenov V.A., Isupova O.A. et al. Voronezh, 2003. Volume Book 3.

Феномен интерсубъективности в «принимающем» обществе

Попов Виталий Владимирович,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» - Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал), vitl_2002@list.ru

Рассматриваются феноменологические основания интерсубъективности в контексте становления субъективного опыта. Интерсубъективность возникает тогда, когда имеется наличная общность различных субъектов, представляющая синтез их индивидуальных характеристик с выходом на универсальные параметры социальной группы. Специфика интерсубъективности проявляется в ее последовательном становлении как синтез конструирования и самоконструирования рефлексивного «Я», выступающая в ипостасях духовного, материального и трансцендентального «Я». Отмечается, что интерсубъективность представляется как конструирование интенционального опыта в паре «Я – Другой», реализующегося в рамках «переживания» субъектом особенностей функционирования специальной социальной группы. Иной аспект интерсубъективности связан с «вживанием» индивида в социальное пространство коллективного бытия социальной группы. Показывается, что интерсубъективность в представлении интерпретации индивидуального бытия дает возможность определить основные пути «выхода» из открытого общества и «вхождения» в общество «принимающее». Приоритетом становится распрямление духовных основ повседневного мира «принимающего» общества.

Ключевые слова: феноменология, философия инклюзии, индивидуальное бытие, трансцендентальность, интерсубъективность, «принимающее» общество, ментальные образы, мир повседневности, особые потребности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей», № 19-013-00117/20

В современной научной социально-философской литературе активно исследуются различные аспекты социальной коммуникации. Концепция интерсубъективности относится к тем вопросам, которые разрабатываются как в контексте социальной коммуникации, так и имеют определенный статус самостоятельной философской проблемы, в систематической форме поднятой в рамках феноменологии. Нередко интерсубъективность относят к понятиям мира повседневности. Именно данный мир является значимым для исследования особенностей жизнедеятельности в специальных социальных группах. К таким группам относятся и индивиды с ОП, для которых интерсубъективность становится решающим фактором для «комфортного» вхождения в «принимающее» общество и в общество «включающее».

Феноменологические основания интерсубъективности связаны, прежде всего, с рассмотрением ее в контексте становления субъективного опыта. Интерсубъективность возникает тогда, когда имеется наличная общность различных субъектов, представляющая синтез их индивидуальных характеристик с выходом на универсальные параметры социальной группы. Для субъектов с ОП это означает процесс перехода от жизнедеятельности в открытом обществе к принимающему обществу. Для этого перехода характерна не только трансформация параметров индивидуального бытия субъектов с ОП, но и их социализация относительно общих параметров и правил функционирования «принимающего» общества, приобщения к основным его духовным стереотипам. Процесс «вживания» субъекта с ОП в «принимающее» общество наполняется

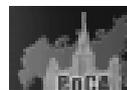
смыслами, значениями и ценностями мира повседневности этого общества.

Специфика intersубъективности проявляется в ее последовательном становлении как синтез конструирования и самоконструирования рефлексивного «Я», выступающая в ипостасях духовного, материального и трансцендентального «Я». Отметим, что intersубъективность представляется как конструирование интенционального опыта в паре «Я – Другой», реализующегося в рамках «переживания» субъектом особенностей функционирования специальной социальной группы. Иной аспект intersубъективности связан с «вживанием» индивида в социальное пространство коллективного бытия социальной группы. С позиции феноменологов истинная область проявления intersубъективности возможно только на пути конструирования «сверхчувственного Я». С помощью воображения «Другое Я» представляется и конструируется в соответствии с ментальными образами и чувственным опытом «Я». В этом контексте «вживание» становится особым видом интенционального «переживания». Субъекты с ОП достаточно сложно входят в повседневность «принимающего» общества, особенно это касается принятия стереотипов и правил поведения. Изначально установки субъектов с ОП несут естественный отпечаток общей духовной жизни человека в открытом обществе, для которой характерно относительно высокая степень свободы человека, ориентирующегося в «предельных ситуациях на законы и нормативную базу». В этом деятельностном поведенческом поле и проявляется в общем виде intersубъективность как коммуникатор и регулятор общественных отношений. В «принимающем» обществе субъект с ОП должен не только осознать ослабление действия законов и норм открытого общества, но и принять стереотип intersубъективности специальной социальной группы.

В «принимающем» обществе диалог в паре «Я-Другой» реализуется через

первоначальное осознание субъектом с ОП новых реалий своего индивидуального бытия. Субъект с ОП номинально отказывается от непосредственного восприятия действия социальных регуляторов открытого общества, так как его жизнедеятельность в специальной социальной группе уже опосредованно подчинена комплексу правил существования и функционирования «принимающего» общества в рамках общества открытого.

Представление intersубъективности как особой структуры сознания позволяет субъекту с ОП в рамках индивидуального опыта и ментальных образов представить аккумуляцию собственных императивов и ценностей, имевших значение в открытом обществе. Результат такой аккумуляции в «принимающем» обществе сопоставляется со стереотипами этого общества. Субъект с ОП в собственном сознании выходит за пределы опыта и с помощью воображения инициирует внутренний диалог «Я-Другой», ассоциируя индивидуальное бытие с нахождением одновременно в открытом обществе и обществе «принимающем». Intersубъективность в представлении интерпретации индивидуального бытия дает возможность определить основные пути «выхода» из открытого общества и «вхождения» в общество «принимающее». Приоритетом становится распределение духовных основ повседневного мира «принимающего» общества. Субъект с ОП во внутреннем диалоге «Я-Другой» воспринимает ценности специальной социальной группы, причем это восприятие осуществляется посредством предварительного «вживания» субъекта с ОП в духовный мир социальной группы. Такой процесс «вживания» характеризуется тем, что субъект с ОП сравнивает ценности открытого общества с ценностями «принимающего» общества, представляя, как такие ценности можно синтезировать. На практике такой синтез обычно приводит к трансформации ценностей и ценностных ориентаций,

присущих открытому обществу в ценностные стереотипы сферы intersubjectивности «принимающего» общества. В дальнейшем при переходе от «принимающего» общества к обществу «включающему» intersubjectивность приобретает новые особенности субъективного характера.

С позиции феноменологов воссоздание и конструирование intersubjectивности первоначально приводит к формированию трансцендентального социума как своеобразного сообщества гармонизирующего и оптимизирующего intersubjectивность во взаимодействии индивидов. Подобная теория трансцендентального социума является естественным следствием возведения в абсолют конструктивного аспекта целерациональной деятельности человеческого сознания и онтологизации интенциональности чувственного опыта. Именно в процессе диалогизации intersubjectивности правомерно рассуждать о конструируемой социальной реальности с выходом на локальные социальные сообщества в трансформации пары «Я-Другой» в пару «Я-Мы». В такой трансформации осуществляется переход от рассмотрения социума в целом к рассмотрению социальных групп. Основной характеристикой intersubjectивности становится общезначимость. Трансцендентальное понимание диалогового синтеза «Я-Другой» инициирует конструирование собственно социальной реальности, определяемой ментальными образами коммуникации в структуре человеческого сознания. Поэтому, если социальность и социальная реальность конструируется посредством intersubjectивности, то любая пара «Я-Мы» необходимо предполагает существование особого микросоциального мира. Такое понимание справедливо при анализе intersubjectивности внутри локальных или специальных социальных групп. При этом, учитывая естественное многообразие социальных реальностей или миров, следует утверждать их однотипность, так как феноменологическая позиция постулирует обусловленность

локальных социальных реальностей механизмами интенциональности, присущему человеческому сознанию.

Intersubjectивность относится к инструментальным феноменологическим категориям. Такая категория полезна при рассмотрении различных аспектов социальной коммуникации. Intersubjectивность инициирует исследовательский интерес к изучению диалоговых моментов целерациональности человеческой intersubjectивности. Конструирование intersubjectивности связано с индивидуальными и психологическими особенностями жизнедеятельности человека в конкретной социальной группе.

Литература

1. Музыка О.А. Социальная синергетика: методология, семантика, аксиология. Учебное пособие / О.А. Музыка. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮФУ 2010. 288 с.
2. Музыка О.А. Методологические аспекты исследования нелинейного процесса развития общества в "бифуркационном поле". Философия права. 2010. № 6 (43). С. 21-25.
3. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергический подход). Власть. 2009. № 10. С. 79-82.
4. Музыка О.А. Линейная (классическая) и нелинейная (постнеклассическая) концепции социально-исторического процесса: сравнительный анализ. Фундаментальные исследования. 2012. № 11-1. С. 192-196.
5. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе. Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.
6. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты. Международный журнал экспериментального образования- 2014. № 8-2. С. 42-46.
7. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени:

опыт концептуализации. Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-2. С. 36-39.

8. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта. Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-2. С. 40-43.

9. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития. Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

10. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека. Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

11. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-2. С. 315-318.

12. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

13. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в контексте динамических категорий. Философия права- 2015- № 1 (68)- С. 25-29.

14. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта. Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 5730-5733.

15. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве. Фундаментальные исследования. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.

16. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке. Философия права- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.

17. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества. Социально-

гуманитарный вестник Юга России- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45.

18. Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение. Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.

The phenomenon of intersubjectivity in the "host" society

Popov V.V.

Rostov State University of Economics

We consider the phenomenological foundations of intersubjectivity in the context of the formation of subjective experience. Intersubjectivity occurs when there is a real community of different subjects, which is a synthesis of their individual characteristics with access to the universal parameters of the social group. The specificity of intersubjectivity manifests itself in its successive formation as a synthesis of the construction and self-construction of the reflecting "I", acting in the hypostases of the spiritual, material and transcendental "I". It is noted that intersubjectivity is represented as the construction of an intentional experience in a pair of "I-Another", which is realized within the framework of the subject's "experience" of the functioning of a special social group. Another aspect of intersubjectivity is related to the "embedding" of the individual in the social space of the collective being of a social group. It is shown that intersubjectivity in the representation of the interpretation of individual existence makes it possible to determine the main ways to "exit" from an open society and "enter" into a "accepting" society. The priority is to spread the spiritual foundations of the everyday world of the "receiving" society. It is proved that from the position of phenomenologists, the reconstruction and construction of intersubjectivity initially leads to the formation of a transcendental society as a kind of community that harmonizes and optimizes intersubjectivity in the interaction of individuals. Such a theory of transcendental society is a natural consequence of the absolute construction of the constructive aspect of the purposeful

activity of human consciousness and the ontologization of the intentionality of sensory experience. The intersubjectivity refers to the instrumental phenomenological categories. This category is useful when considering various aspects of social communication

Key words: phenomenology, philosophy of inclusion, individual being, transcendence, intersubjectivity, "accepting" society, mental images, the world of everyday life, special needs.

References

1. Music O.A. Social synergetics: methodology, semantics, axiology. Textbook / O.A. Music. Rostov-on-Don. SFedU Publishing House 2010. 288 p.
2. Music O.A. Methodological aspects of the study of the nonlinear process of society development in the "bifurcation field". Philosophy of Law. 2010. No. 6 (43). S. 21-25.
3. Music O.A. Man and society during the crisis (synergistic approach). Power. 2009. No. 10. S. 79-82.
4. Music by O.A. Linear (classical) and nonlinear (post-non-classical) concepts of the socio-historical process: a comparative analysis. Basic research. 2012. No. 11-1. S. 192-196.
5. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse. Scientific thought of the Caucasus. 2006. No. 1. P. 24.
6. Popov V.V., Loitarenko M.V., Taranova V.A. Social contradictions and transition periods: philosophical and methodological aspects. International Journal of Experimental Education - 2014. № 8-2. S. 42-46.
7. Popov V.V., Music by O.A. Specificity of the interval concept of time: the experience of conceptualization. International Journal of Experimental Education. 2015. No. 3-2. S. 36-39.
8. Popov V.V., Music by O.A. The factor of temporality in the context of being a social subject. International Journal of Experimental Education. 2015. No. 3-2. S. 40-43.
9. Popov V.V., Music O.A., Maximov S.I. Alternative studies in the context of social development. Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 373-375.
10. Popov V.V., Music O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality. Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 419-421.
11. Popov V.V., Music O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations. International Journal of Applied and Basic Research. 2017. No. 3-2. S. 315-318.
12. Popov V.V., Music O.A., Timofeenko V.A. Social contradiction in the context of nonlinear processes. International Journal of Applied and Basic Research. 2017. No. 1-2. S. 361-364.
13. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the context of dynamic categories. Philosophy of Law - 2015- № 1 (68) - pp. 25-29.
14. Popov V.V., Agafonova T.P. Specificity of the temporality of the legal consciousness of a social subject. Basic research. 2015. No. 2. S. 5730-5733.
15. Popov V.V., Timofeenko V.A. Methodological features of the transit period in a catching up state. Basic research. 2015. No. 2-25. S. 5743-5747.
16. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science. Philosophy of Law - 2012- № 5 (54) - S. 86-90.
17. Popov V.V., Chalenko M.V. The specifics of the transitional states of modern Russian society. Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia - 2011- № 7-8 (15-16) - pp. 39-45.
18. Modern entrepreneurship: socio-economic dimension. Emelyanov S.G., Golik N.I., Novikova I.V., Chirkova M.B., Fedosov P.E., Zolotarev V.N., Popov V.V., Ovchinnikova T.I., Kloizner V.D., Devyatkin G.T., Vavulin D.A., Timoshenko O.A., Varlamova T.P., Lakhnova T.V., Mogilevskaya G.I., Lavrentyeva I.V., Velikaya E.G., Litvinova A.V., Semenov V.A., Isupova O.A. et al. Voronezh, 2003. Volume Book 3.

Table of Contents

THEORY AND METHODOLOGY

- Anosov S.S. Problematic areas of civic engagement in modern Russia 4
 Kravchenko A.I. Career Choice: Conceptual Frames and Empirical Trends 22

ECONOMIC SOCIOLOGY

- Malyshev M.A. Gender problem in Russia and ways to improve labor legislation 52
 Moskvitina N.V., Zagvozdina M.Yu. Improving state housing policy in the Irkutsk region 60
 Tian Xiaoyu. Sociocultural conflicts in the process of mergers and acquisitions of companies (on the example of Chinese and Russian transnational corporations) 74
 Filippova I.A. Research of the level of social tension in the labor sphere 83

EMPIRICAL STUDIES

- Ardashev R.G. Astrology in the life of Russians: features of consciousness 95
 Zubova O. G., Filipova A. G. Ideal and real holidays for Russian schoolchildren: the geography of children's travels based on essay materials 106
 Kim A.S., Emelyanov P.S. Conflict nature of social identity in the conditions of post-Soviet transit 119
 Petrosyan V.A. On the question of the experience of France in the social support of people with intellectual disabilities 126
 Polyushkevich O.A. Social and personal space of generations 132
 Sinelnikov A.B. Impact of demographic self-regulation on reproduction and migration of the population 149
 Khugaeva A.A., Gagloyev A.T. Political and ideological identification of modern youth: sociological analysis 165

SOCIOLOGY OF CULTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Wang Mo, Tsun Lin. Family structure and traditions of family relations in the People's Republic of China in a historical and social context 174
 Vasyagina T.N., Shkarubo S.N. Higher education as a factor in the real formation of a new quality of the economy and society in the era of "thinking machines" 181
 Malykh S.V. Formation of the reputation of a regional university (on the example of ISU) 191

- Kombaev A.V. Social structure and anomie in prisons: methods of social adaptation of convicts in penitentiary institutions 197
 Kuznetsova N.M. Organizational uncertainty as a factor in the perception of the organizational culture of the university 205
 Martynenko E.V., Seraya E.V. Contemporary art and its display on the social network VK 215
 Petrosyan V.A., Kholostova E.I. Social integration and social inclusion in the organization of accompanied accommodation for persons with disabilities 222
 Tian Xiaoyu. Age and length of service of employees as factors in the emergence of organizational conflicts 228
 Zhang Lei. Features of social stability management in Chinese society in the context of the 2019-nCoV coronavirus pandemic..... 234

THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

- Abdulaeva Z.E. Human progress as a problem of bioethics. On the role of philosophy 240
 Baranova L.M. Everyday life as a place of consumption 245
 Bogatyreva L.G. Ambivalence as a feature of the life path of a modern woman 251
 Vikhman V.V. The phenomenon of education in smart grids 256
 Klyuev A.A., Sukhanova E.V., Bakunov G.M. The philosophy of salvation N.F. Fedorov as a source of ideas for solving problems of the Anthropocene epoch 263
 Kolotukhin D.V. Specific features of social determination in modern society 272
 Kononov S.V. Conceptual comprehension of the phenomenon of security in Western philosophy 280
 Mochalov E.V., Emelkina I.V., Furmanova V.P. The Archetype of Femininity and Chastity 290
 Musika O.A. Constructivist interpretation as a theoretical setting for the concept of inclusion 297
 Popov V.V. The Phenomenon of Intersubjectivity in the "Host" Society ... 302

